

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ШУКУРОВ ГУЛНАЗАР ХОЛОВИЧ

**ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В СОВРЕМЕННОМ
ТАДЖИКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ:
СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ XX– XXI ВЕКОВ)**

**Специальность: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран
(таджикский язык) (филологические науки)**

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

**Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
ДЖУРАЕВА МУШАРРАФА РУСТАМОВНА**

Душанбе – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ.....	18
1.1. Характеристика формул речевого этикета	18
1.2. Изучение формул речевого этикета в таджикском языкознании.....	25
1.3. Изучение формул речевого этикета в русском и европейском языкознании.....	59
1.4. Функции формул речевого этикета.....	69
1.5. Факторы формирования формул речевого этикета.....	82
1.6. Формулы речевого этикета как единицы коммуникативной системы языка.....	96
1.7. Исторические источники формирования таджикских формул речевого этикета	110
Выводы по первой главе	119
ГЛАВА II. ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФОРМУЛ ТАДЖИКСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА	122
2.1. Эволюция формул таджикского речевого этикета	122
2.2. Жанровая классификация формул таджикского речевого этикета.....	150
2.2.1. Формулы обращения, приветствия и речевого контакта.....	155
2.2.2. Формулы комплимента, похвалы и ответной реакции.....	179
2.2.3. Формулы просьбы, поздравления, извинения и утешения.....	199
2.3. Вербальные и невербальные средства таджикского речевого этикета..	229
Выводы по второй главе.....	257
ГЛАВА III. СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛ ТАДЖИКСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА.....	262
3.1. Смысловые и стилистические особенности формул таджикского речевого этикета.....	262
3.2. Структурные особенности формул таджикского речевого этикета	298
3.2.1. Простые формулы речевого этикета.....	300
3.2.2. Сложные формулы речевого этикета.....	314
3.3. Национально-культурная специфика формул таджикского речевого этикета	327
Выводы по третьей главе	341
ВЫВОДЫ РЕКОМЕНДАЦИИ.....	344
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	351
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	370

СОКРАЩЕНИЯ

ПРЭ – правила речевого этикета

ВО – вербальное общение

НО – невербальное общение

ЖРЭ – жанры речевого этикета

ФРЭ – формулы речевого этикета

ПФРЭ – простые формулы речевого этикета

СФРЭ – сложные формулы речевого этикета

НК – национальная культур

ВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Развитие риторики, расширение возможностей языковой коммуникации и углубленное изучение языковых ресурсов создали благоприятные условия для исследования таджикского языка. В этих условиях особое значение приобретает изучение формул таджикского речевого этикета, которые сегодня рассматриваются как важная часть современной коммуникативной лингвистики. Анализ таких формул позволяет раскрыть особенности культуры речи, способы выражения уважения, вежливости, социальной дистанции и национально обусловленных норм общения.

В современном обществе речевое взаимодействие связано не только с передачей информации, но и с выбором уместных языковых средств. В таджикском языке эту функцию выполняют устойчивые формулы обращения, приветствия, благодарности, просьбы, поздравления, извинения и другие речевые модели. Их изучение важно для понимания того, как в языке сохраняются традиционные нормы общения и как они изменяются под влиянием социальных, культурных и исторических процессов.

Наряду с этим большое значение имеет уважение к индивидуальности каждого человека. Эффективное использование языковых и нравственных норм общения является важным условием духовного, культурного и социального развития общества.

Научные достижения последних лет создают широкие возможности для удовлетворения практических потребностей в изучении языка, развитии устной речи и совершенствовании коммуникативных навыков. Они способствуют повышению интереса к речевому общению, формированию содержательной и выразительной речи, а также служат важной основой для развития культуры общения и соблюдения норм речевого этикета. В условиях взаимодействия различных культур и развития национальной культуры, особенно в период духовных и социальных изменений, возрастает

необходимость правильного и уместного ведения коммуникации с учетом особенностей национального менталитета и культуры общения.

Основным средством формирования коммуникативного этикета выступают устойчивые формулы речевого этикета, включающие слова, словосочетания и предложения, используемые в различных ситуациях общения. Источником возникновения и развития этих формул является многовековой нравственный и культурный опыт таджикского народа. На протяжении истории нормы речевого этикета сохранялись, совершенствовались и передавались из поколения в поколение благодаря носителям языка, ученым и исследователям. Развиваясь вместе с национальной культурой, они отражают духовные ценности, традиции и особенности таджикского общества.

Формирование и развитие формул таджикского речевого этикета происходило на протяжении длительного исторического периода и было связано с общественными, культурными и историческими условиями каждого этапа развития общества. По сравнению с предшествующими эпохами в XX веке система таджикского речевого этикета заметно изменилась под влиянием социально-политических процессов. Эти изменения затронули прежде всего нормы речевого общения, устойчивые формулы обращения, приветствия, выражения уважения и другие модели коммуникации, многие из которых продолжают функционировать и в современной речи.

Наблюдения и анализ научных материалов показывают, что в начале XX века таджикский речевой этикет постепенно приобретал более светский характер. Это было связано с общественно-политическими преобразованиями того времени, под влиянием которых часть традиционных религиозно окрашенных формул утратила прежнюю активность в повседневном общении. Вместе с тем система речевого этикета не исчезла, а продолжила развиваться: появились новые формы общения, изменились

условия их употребления, а отдельные формулы получили новые семантические и стилистические оттенки.

В современной лингвистике особое внимание уделяется тому, как язык обслуживает разные ситуации общения и какие устойчивые средства используются для выражения уважения, вежливости, просьбы, приветствия, поздравления и других речевых действий. Таджикский язык обладает широкими возможностями для передачи таких значений, однако наиболее устойчиво и последовательно формулы речевого этикета представлены именно в современном литературном языке.

Наряду с литературной нормой в разговорной речи и таджикских диалектах также сохраняется значительный пласт этикетных выражений, активно употребляемых в повседневном общении. Их сопоставление с литературными формами позволяет точнее определить состав, семантику и сферу употребления формул речевого этикета. Поэтому изучение данной системы важно не только для описания культуры речи, но и для понимания процессов развития таджикского языка, его коммуникативных норм и устойчивых речевых моделей.

Развитие жанров таджикского речевого этикета и изменение устойчивых формул общения требуют более внимательного лингвистического описания. С этим связано обращение к теме настоящей диссертации. Материалом исследования стали прозаические произведения советского периода и эпохи независимости Таджикистана. Именно художественная проза позволяет проследить, как в живом речевом контексте употребляются формулы обращения, приветствия, просьбы, поздравления, извинения и другие этикетные модели, отражающие особенности таджикской речевой культуры.

В современной лингвистике все большее внимание уделяется вопросам использования языковых средств для сохранения, развития и совершенствования содержания и структуры формул речевого этикета. Особую роль в этом процессе играют произведения художественной

литературы, которые способствуют сохранению наиболее совершенных и выразительных образцов разговорной речи. Изучение текстов, богатых этикетными формулами и средствами речевого общения, является одной из актуальных задач таджикского языкознания, а их практическое использование имеет важное значение для духовного и культурного развития общества в эпоху независимости.

Наряду с этим одним из важных факторов развития таджикского коммуникативного этикета выступает глубокое изучение и широкое использование литературных произведений. Художественная литература не только отражает особенности национальной культуры общения, но и служит важным источником для научных исследований, направленных на изучение, сохранение и развитие формул речевого этикета.

Степень изученности темы. Анализ научных работ по коммуникативной лингвистике показывает, что речевой этикет рассматривался в разных аспектах: как часть культуры речи, как система норм речевого поведения, как средство установления и поддержания общения. При этом формулы речевого этикета в современном таджикском литературном языке, их семантика, структура и развитие пока не получили полного системного описания. В русской лингвистике вопросы речевого этикета и коммуникативного поведения освещены в трудах А. А. Акишиной, Н. И. Формановской, А. Вежбицкой, В. Е. Голдина, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова и других исследователей. В этих работах раскрываются особенности речевого этикета, принципы его функционирования, связь речевых формул с ситуацией общения, социальным статусом собеседников и нормами речевого поведения. Данные исследования имеют важное значение для теоретического осмысления формул таджикского речевого этикета.

Речевой этикет действует на основе определенных норм и правил, принятых в обществе. Эти нормы регулируют выбор речевых средств в разных условиях общения: в семье, коллективе, официальной среде, общественных мероприятиях и повседневной коммуникации. В зависимости

от ситуации говорящий выбирает соответствующие формулы обращения, приветствия, благодарности, просьбы, извинения, поздравления и другие устойчивые модели речи.

В системе речевого этикета различаются допустимые и недопустимые формы речевого поведения. Соблюдение этикетных норм помогает поддерживать уважительный характер общения, тогда как их нарушение нередко приводит к речевым конфликтам, грубости или коммуникативной неудаче. В научной литературе подчеркивается, что речевой этикет не сводится к готовым шаблонам: его употребление зависит от образования, мировоззрения, речевого опыта, социального положения и личных качеств участников общения.

В отечественной лингвистике вопросам речевого этикета, риторики и культуры речи уделял внимание Б. Камолиддинов. В своих работах он рассматривал особенности риторического этикета, нормы литературной речи, стилистические свойства языка средств массовой информации и вопросы культуры речевого употребления. Его наблюдения важны для понимания того, как нормы речевого поведения проявляются в таджикском языке и его функциональных разновидностях. Значительный интерес представляют также взгляды Курбон Ходжаева, изложенные в книге «Риторика». В этом труде рассматриваются вопросы риторики, культуры общения и речевого воздействия, а также подчеркивается значение правильного, уместного и выразительного употребления языковых средств в процессе коммуникации [Ш. 284, 3–5].

Несмотря на наличие работ по речевому этикету, культуре речи и коммуникативному поведению, формулы таджикского речевого этикета требуют дальнейшего специального изучения. Особенно важным остается описание их жанровой принадлежности, семантико-стилистических особенностей, структурных типов и изменений, происходивших в XX-XXI веках на материале таджикской художественной прозы.

Цель исследования. Целью исследования является выявление семантических, структурных и функциональных особенностей формул таджикского речевого этикета в произведениях художественной литературы XX-XXI веков, а также определение основных тенденций их развития в современном таджикском литературном языке.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть теоретические основы изучения речевого этикета и его формул в современном языкознании;
- определить факторы формирования и развития формул таджикского речевого этикета;
- охарактеризовать жанровую систему формул таджикского речевого этикета;
- проанализировать формулы обращения, приветствия, просьбы, поздравления, извинения, утешения и другие устойчивые речевые модели;
- выявить семантические и стилистические особенности формул таджикского речевого этикета в художественной прозе XX-XXI веков;
- определить структурные типы формул речевого этикета в современном таджикском литературном языке;
- рассмотреть простые и сложные формулы речевого этикета и особенности их употребления;
- показать роль художественной литературы как источника изучения формул таджикского речевого этикета;
- проанализировать связь формул речевого этикета с национальной культурой и нормами речевого поведения;
- выявить основные тенденции развития формул таджикского речевого этикета в современном литературном языке.

Объект исследования. Объектом исследования являются прозаические произведения таджикских писателей, опубликованные в XX-XXI веках.

Предмет исследования. Предметом исследования являются формулы речевого этикета, представленные словами, словосочетаниями и предложениями и функционирующие в различных жанрах речевого этикета.

Теоретические основы исследования. Теоретическую и методологическую основу диссертации составляют научные труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные теории и истории речевого этикета, в частности работы В.Г. Костомарова, А.А. Акишиной, Н.И. Формановской, Л.А. Введенского, А. Вежбицкой, В.Е. Голдина, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова и др.

Важное значение для исследования имеют также труды А.О. Стеблецовой, В.И. Бенедиктова, Б.А. Ларина, В.Г. Руделева, М.М. Бахтина, Т.А. Михелиной, И.А. Стернина, П. Тирсмы, Н. Фэйрклоу, В.В. Дементева, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, М.Ю. Рябовой, А.И. Бирюлиной, а также таджикских исследователей – М. Шукурова, Т. Зехни, М.Н. Косимовой, Б. Камолиддинова, Х. Маджидова, П. Джамшедова, Д. Ходжаева, Ш. Кабирова, С. Анвари, М. Джураевой, М. Нарзикул, М. Бобожоновой, М.М. Мирзоевой, Д. Хомидова, М. Саломова, Ф. Шарифовой, С. Низомовой, З. Мухторова, К. Турахасанова, М. Джумаева, Х. Дустова, Ф. Мирзойорова, Т.Г. Мухиддиновой и др.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляют теоретический, описательный, аналитический и интерпретационный методы, а также метод лингвистического анализа. Эти методы позволили изучить формулы таджикского речевого этикета в прозаических произведениях XX-XXI веков с учетом их семантики, структуры, функций и условий употребления.

Методологическая база исследования опирается на положения о двустороннем характере взаимодействия между участниками общения и роли

языка в этом процессе, на признание исторической обусловленности языковых процессов, а также на понимание системности языка как основного принципа организации его элементов. Данные положения служат основой для семантического-стилистического и структурного анализа формул таджикского речевого этикета.

Источники исследования. Источниками исследования послужили прозаические произведения художественной литературы XX-XXI веков, отобранные автором в период 2019–2023 годов. Собранный материал включает более 780 страниц машинописного текста и представляет собой разнообразные литературные источники.

В результате анализа данного материала было выявлено около 4500 примеров простых и сложных формул таджикского речевого этикета, представленных словами, словосочетаниями и предложениями, используемыми в различных коммуникативных ситуациях.

Научная новизна исследования. Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем впервые в современном таджикском языкознании формулы речевого этикета рассматриваются не как отдельные этикетные выражения, а как целостная система устойчивых коммуникативных единиц современного таджикского литературного языка, обладающих жанровой, семантической, стилистической и структурной организацией.

В работе предложен системный подход к изучению формул таджикского речевого этикета на материале художественной прозы XX-XXI веков. Доказано, что данные формулы функционируют не изолированно, а в составе определенных коммуникативных ситуаций и жанров речевого поведения, отражающих нормы вежливости, уважения, социальной дистанции, национальной культуры и речевого взаимодействия.

В диссертации впервые обоснована жанровая классификация формул таджикского речевого этикета, включающая формулы обращения, приветствия, просьбы, поздравления, извинения, утешения, комплимента,

похвалы, ответной реакции и другие речевые модели. Показано, что каждая из этих групп обладает собственными семантическими, стилистическими и коммуникативно-прагматическими особенностями.

Новым является также структурное описание формул речевого этикета. В работе выделены и охарактеризованы простые и сложные формулы, определены особенности их состава, синтаксической организации, степени устойчивости и условий употребления в художественном тексте.

На основе анализа прозаических произведений XX-XXI веков выявлены основные тенденции развития формул таджикского речевого этикета: сохранение традиционных этикетных моделей, выход отдельных единиц из активного употребления, появление новых формул, возрождение ряда исторически закрепленных выражений, а также изменение их семантической и стилистической окраски в современном литературном языке.

В диссертации доказано, что развитие формул таджикского речевого этикета обусловлено взаимодействием языковых и внеязыковых факторов. К языковым факторам относятся словообразовательные процессы, заимствования, семантическое обновление и стилистическая дифференциация; к внеязыковым — исторические условия, социальные изменения, национальные традиции, нормы культуры и речевого поведения.

Особую научную значимость имеет раскрытие связи формул речевого этикета с национально-культурной картиной мира таджикского народа. Показано, что формулы речевого этикета выражают не только речевые нормы, но и традиционные представления о возрасте, социальном статусе, уважении, родственных отношениях, общественной иерархии и допустимых формах общения.

В работе уточнена роль художественной прозы как источника изучения формул речевого этикета. Доказано, что художественный текст позволяет рассматривать данные формулы в живом речевом контексте, где

раскрываются их значение, функция, стилистическая окраска и связь с поведением персонажей.

Впервые в рамках данного исследования невербальные средства общения рассматриваются во взаимосвязи с речевыми формулами как элементы единой коммуникативной ситуации. Показано, что жесты, мимика, поза, интонационное поведение и другие невербальные средства помогают уточнить прагматическое значение формул речевого этикета и раскрыть отношение говорящего к собеседнику.

Историческая новизна исследования состоит в том, что формулы современного таджикского речевого этикета рассматриваются в связи с классической персидско-таджикской письменной традицией, включая такие произведения, как «Кобуснома» Унсурулмаоли Кайковуса и «Гулистон» Саади Ширази. Это позволило показать преемственность традиционных этикетных норм и их развитие в условиях современного таджикского литературного языка.

Таким образом, научная новизна исследования заключается в разработке целостного описания формул таджикского речевого этикета как особой системы устойчивых коммуникативных единиц, выявлении их жанровой классификации, семантико-стилистических и структурных типов, а также определении основных тенденций их развития в современном таджикском литературном языке.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Формулы таджикского речевого этикета представляют собой особую систему устойчивых коммуникативных единиц современного таджикского литературного языка. Они выражаются словами, словосочетаниями и предложениями, функционируют в различных ситуациях общения и служат средством выражения вежливости, уважения, социальной дистанции, речевой нормы и национально обусловленного коммуникативного поведения.

2. Жанровая система формул таджикского речевого этикета имеет внутреннюю организацию и включает формулы обращения, приветствия, просьбы, поздравления, извинения, утешения, комплимента, похвалы, ответной реакции и другие речевые модели. Каждая жанровая группа отличается собственными семантическими, стилистическими и коммуникативно-прагматическими признаками, которые определяют ее место в системе речевого этикета.
3. Формулы таджикского речевого этикета развиваются под воздействием взаимосвязанных языковых и внеязыковых факторов. К языковым факторам относятся словообразование, заимствование, семантическое обновление, структурное усложнение и стилистическая дифференциация; к внеязыковым – исторические условия, социальные изменения, национальные традиции, нормы культуры, возрастные и статусные отношения, а также особенности речевого поведения в таджикском обществе.
4. Художественная проза XX-XXI веков является важным источником изучения формул таджикского речевого этикета, поскольку в ней данные единицы представлены в конкретных речевых ситуациях и раскрывают особенности живого коммуникативного употребления. Анализ прозаических текстов позволяет выявить сохранение традиционных формул, выход отдельных единиц из активного употребления, появление новых речевых моделей и изменение семантико-стилистической окраски ряда выражений.
5. В современном таджикском литературном языке формулы речевого этикета обладают различной структурной организацией. Простые и сложные формулы различаются по составу, синтаксической форме, степени устойчивости, характеру связи компонентов и условиям употребления. Структурное разнообразие формул свидетельствует о развитости системы таджикского речевого этикета и ее способности обслуживать разные коммуникативные ситуации.

6. Семантико-стилистические особенности формул таджикского речевого этикета проявляются в способах выражения уважения, вежливости, одобрения, просьбы, сожаления, благодарности, поздравления и других коммуникативных значений. Выбор конкретной формулы зависит от речевой ситуации, статуса собеседников, степени близости между ними, возраста, социальной роли и эмоционально-оценочного содержания высказывания.
7. Формулы таджикского речевого этикета тесно связаны с национальной культурой и отражают традиционные представления таджикского народа о вежливости, уважении, возрасте, социальном положении, родственных отношениях, общественной иерархии и допустимых формах общения. В художественной прозе эти значения раскрываются не только через речевые формулы, но и через сопровождающие их невербальные средства, которые уточняют коммуникативную ситуацию, отношение говорящего к адресату и прагматический смысл высказывания.
8. Исторические источники и классическая персидско-таджикская письменная традиция оказали существенное влияние на формирование таджикских формул речевого этикета. Вместе с тем в современном таджикском литературном языке данные формулы не сохраняются в неизменном виде, а развиваются в соответствии с новыми социальными, культурными и коммуникативными условиями, что проявляется в обновлении их состава, значения, стилистической окраски и сфер употребления.

Теоретическое и практическое значение исследования.

Теоретическое значение исследования заключается в том, что на основе материалов художественной литературы XX-XXI веков впервые осуществляется комплексное изучение формул таджикского речевого этикета. Полученные научные результаты создают основу для дальнейшего теоретического осмысления проблемы, раскрывая особенности его

формирования и развития с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. Кроме того, исследование способствует уточнению классификации жанров речевого этикета и позволяет по-новому рассмотреть ряд дискуссионных вопросов современной лингвистики и коммуникативной теории.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в преподавании таджикского языка, лексикологии, стилистики и коммуникативной лингвистики, а также в курсах, связанных с семантикой и культурой речи. Выводы диссертации могут быть применены при разработке учебных программ и учебников по таджикскому языку, составлении словаря речевого этикета, а также при подготовке лекционных курсов и специальных семинаров по вопросам коммуникативной лингвистики и культуры речи.

Соответствие темы диссертации научному паспорту специальности. Тема диссертации соответствует научному паспорту специальности 5.9.6 Языки народов зарубежных стран, поскольку исследование направлено на изучение формул таджикского речевого этикета, их семантики, структуры, функционирования и тенденций развития в современном таджикском литературном языке на материале художественной прозы XX-XXI веков.

Личный вклад соискателя ученой степени. Личный вклад соискателя заключается в постановке цели и задач исследования, отборе и анализе языкового материала, выявлении формул таджикского речевого этикета в прозаических произведениях XX-XXI веков, их жанровой классификации, семантико-стилистическом и структурном описании. На основе исследованного материала определены основные тенденции развития формул речевого этикета в современном таджикском литературном языке. Основные положения и результаты исследования были представлены автором на республиканских и международных научных конференциях.

Основные результаты и их апробация. Основное содержание диссертационного исследования отражено в 1 книге, в том числе 1

монографии, и 20 научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан. В публикациях автора рассматриваются вопросы развития таджикского литературного языка, речевого этикета, формул речевого общения и их семантико-стилистических особенностей. Отдельные результаты исследования докладывались на республиканских и международных научных, научно-практических и научно-теоретических конференциях, где обсуждались проблемы таджикского речевого этикета, коммуникативного поведения, культуры речи и функционирования устойчивых речевых формул в современном таджикском литературном языке.

Диссертация была обсуждена на расширенном заседании кафедры современного таджикского литературного языка, стилистики и литературного редактирования, истории языка и типологии, таджикского языка и методики его преподавания факультета таджикской филологии Таджикского национального университета (протокол № 11 от 10. 06. 2026 г.) и рекомендована к защите.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников. Общий объем диссертации составляет 373 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1. Характеристика формул речевого этикета

Под речевым этикетом понимается совокупность правил, принципов и устойчивых форм общения, которые помогают человеку выстраивать речевое поведение в разных коммуникативных ситуациях. Владение этими нормами облегчает общение, помогает учитывать социальное положение собеседника, характер отношений между участниками речи и возможные условия взаимодействия. В этом смысле речевой этикет выступает не только как система правил поведения, но и как важная часть коммуникативной организации языка.

Формулы речевого этикета являются одним из основных средств выражения этих норм. Они зависят от языка, культуры, ситуации общения и личности адресата. В зависимости от возраста, социального статуса, степени близости и характера речевой ситуации говорящий выбирает соответствующие формы обращения, приветствия, благодарности, просьбы, извинения и другие устойчивые выражения. Вежливость, уважительность, умение слушать и соблюдать речевую дистанцию занимают важное место во всех языках и культурах, в том числе в таджикском языке.

Наряду с языковыми средствами в речевом этикете учитываются и невербальные элементы общения: выражение лица, жесты, положение собеседников, манера поведения во время разговора. Однако в центре лингвистического анализа находятся именно речевые формулы, поскольку они выражаются словами, словосочетаниями и предложениями и непосредственно связаны с системой языка.

В таджикском речевом этикете жесты играют важную роль как средство невербального общения. Во время разговора учитываются положение собеседников, выражение лица, громкость речи, манера обращения и общее поведение человека. Например, в таджикской культуре

не одобряются чрезмерно громкое приветствие, резкость в разговоре, критика знакомых и друзей в присутствии посторонних людей, а также обсуждение отсутствующего человека в неуместной форме. Такие нормы показывают, что речевой этикет включает как языковые формулы, так и сопровождающие их невербальные средства. В целом речевой этикет со своими правилами и принципами является средством регулирования отношений между людьми в обществе.

Исследования и научные достижения в области коммуникативной лингвистики создают благоприятные условия для изучения таджикского речевого этикета и привлекают внимание лингвистов к его теоретическим вопросам. В центре таких исследований находятся формулы речевого этикета, использование языковых средств в разговоре, соблюдение грамматических и синтаксических норм, а также уместный выбор слов и выражений в разных ситуациях общения. С развитием общества совершенствование культуры речи, соблюдение этикета и умелое использование лексических возможностей языка становятся важной социальной необходимостью. Именно поэтому изучение формул речевого этикета занимает заметное место в современной лингвистике.

В современных условиях речевое общение все теснее связано с межкультурными контактами, поэтому возрастает значение норм вежливости, уважения и уместного выбора языковых средств. Для таджикского общества речевой этикет имеет особую ценность, поскольку он связан с отношением к языку, национальной культуре и традиционным формам общения. Характеризуя положение таджикского языка в независимом обществе, Президент Эмомали Рахмон отмечает: «Для меня таджикский язык – это не только средство общения, но, прежде всего, это визитная карточка моей любимой нации, истинный дух наших предков и зеркало предшествующих поколений» [I. 315, 6]. В этом отношении изучение формул речевого этикета позволяет глубже раскрыть коммуникативные

возможности таджикского языка и его роль в регулировании речевого поведения.

В коммуникативной лингвистике речевой этикет рассматривается как важная часть языкового общения. В таджикском языкознании долгое время основное внимание уделялось семантическим, грамматическим и структурным аспектам языка, однако вопросы речевого этикета также постепенно вошли в круг научного изучения. Это создало основу для более подробного анализа формул речевого этикета, их структуры, значения и употребления в современном таджикском литературном языке.

В каждом направлении языкознания существуют свои термины и единицы анализа, без которых невозможно его полноценное изучение и преподавание. В течение длительного времени в центре внимания исследователей находились разные языковые единицы: слово, словосочетание, предложение, текст. Их изучение продолжается и сегодня, однако развитие коммуникативной лингвистики расширило круг научных объектов и усилило интерес к тем единицам, которые непосредственно участвуют в организации речевого общения.

Коммуникативная лингвистика как одно из развивающихся направлений современного языкознания рассматривает язык не только как систему знаков, но и как средство взаимодействия между людьми. В этом отношении особое значение приобретают устойчивые формулы общения, через которые устанавливается, поддерживается и завершается речевой контакт. Если в лексикологии основными единицами изучения выступают слова и словосочетания, то в исследовании речевого этикета важное место занимают формулы, представленные словами, словосочетаниями и предложениями.

Формулы речевого этикета используются в зависимости от ситуации общения, функции высказывания, социального положения собеседников и характера отношений между ними. Они сохраняют признаки языковых единиц, но в коммуникативной системе приобретают особые функции:

выражают приветствие, обращение, благодарность, просьбу, извинение, поздравление, уважение и другие значения. Поэтому при их изучении необходимо учитывать не только состав и структуру, но и условия употребления, семантику и роль в речевом поведении.

Важное место в речевом этикете занимают устойчивые формулы, которые создаются с помощью слов, словосочетаний и предложений и подчиняются правилам, регулирующим речь человека в процессе общения.

Речевой этикет представляет собой устойчивую систему речевого взаимодействия между людьми. Его нормы помогают выбирать тон общения с учетом возраста, социального положения, степени близости и конкретной ситуации. Нарушение этих норм или неуместное употребление речевых оборотов может привести к коммуникативным неудачам.

Языковая культура личности проявляется в умении выбирать адекватную форму выражения в зависимости от условий общения. Речевой этикет в этом смысле выступает как устойчивая семантико-коммуникативная система, формирующая основу вежливой речи и речевого поведения. На базе его жанров складываются различные формулы общения, связанные с традициями, нормами культуры и особенностями таджикской национальной речевой практики.

Для раскрытия вербальных и невербальных аспектов речевого этикета необходимо обратиться к факторам его формирования. Эти факторы связаны не только с внутренними законами языка, но и с условиями общения, культурной средой, социальными отношениями и традициями речевого поведения. Наибольшее внимание исследователей обычно привлекают функциональные и культурные факторы речевого этикета. Вместе с тем лингвистические и стилистические факторы также играют важную роль, поскольку именно они определяют выбор слов, устойчивых выражений, интонации и речевых формул в конкретной ситуации общения.

Речевой этикет определяется в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» как устойчивые образцы отношения или общения, установленные

обществом для установления контакта, разговора с собеседником, поддержания отношений в выбранном тоне, с учетом социальной роли и положения одного человека по отношению к другому, а также характера официальной или неофициальной ситуации. Такое понимание показывает, что речевой этикет включает не случайные выражения, а закреплённые в языке и культуре формы общения. Поэтому формулы речевого этикета следует рассматривать как важные языковые средства, через которые реализуются нормы вежливости, уважения и речевого поведения [I. 154, 413].

Анализ научной литературы показывает, что термин «речевой этикет» в советском языкознании впервые был использован в исследовании русского ученого В. Г. Костомарова в 1967 году [I. 127, 56–62]. В дальнейшем этот термин получил широкое освещение в трудах Н. И. Формановской, Л. А. Введенской, В. Е. Гольдина и других русских исследователей. В их работах были заложены важные теоретические основы изучения речевого этикета, его функций и устойчивых формул общения.

Вопросы речевого этикета затрагиваются и таджикскими исследователями. Необходимо отметить, что лингвистические аспекты речевого этикета наиболее обстоятельно рассматриваются в исследованиях М. Р. Джураевой: «Коммуникативно-прагматический анализ устойчивых формул общения в современных таджикских СМИ» [I. 89] и «Языковые способы и средства выражения уважительности и вежливости в таджикском литературном языке XVI века» [I. 88]. Эти исследования важны для понимания того, как в таджикском языке формируются и функционируют устойчивые средства выражения уважения, вежливости и речевого контакта.

В отечественной лингвистике вопросам риторического этикета, культуры речи и языка средств массовой информации уделял внимание профессор Б. Камолиддинов [1985, 1989, 2001, 2007, 2012]. В ряде своих исследований он освещает стилистические особенности языка СМИ и нормы речевого употребления. Курбон Ходжаев в книге «Риторика» рассматривает различные вопросы риторики на материале классической таджикской

литературы, показывая связь этикета и риторической традиции через научные обзоры и примеры из произведений персидско-таджикских писателей [I. 284, 3–5].

Риторика – это деятельность одного человека, а в речевом этикете активны оба участника, и происходит обмен мнениями. Кроме того, в речевом этикете существует ряд других требований, которые необходимо учитывать во время разговора.

В наше время изучение речевого этикета получило широкое распространение. Если обратиться к исследованиям последних лет, то можно увидеть, что проблема речевого этикета является одной из наиболее актуальных.

Профессор Худои Шариф говорит следующее о речевом этикете: «Значение *муховара* (беседа, разговор) – разговаривать друг с другом, вести беседу. Согласно этому термину, беседа – это знание положений слов и речи, тонкостей хадисов, которые рассказываются группам людей, украшенные афоризмами, притчами, стихами, историями и сказками. Некоторые также называют беседу искусством беседы, что означает живую речь» [I. 298, 261].

Историческое развитие таджикско-персидской культуры и языка свидетельствует о том, что наши предшествующие поколения уделяли серьезное внимание этому вопросу. При дворе бывших правителей активно действовали клубы высокого уровня, и в этих клубах собеседники беседовали и дискутировали совершенным красноречием в присутствии великих деятелей науки и литературы, в которых соблюдение речевого этикета было главным приоритетом.

Прежде чем рассматривать речевой этикет как объект лингвистического исследования, следует учитывать, что он изучается и в других науках: психологии, культурологии, этике, философии и др. Однако для языкознания речевой этикет важен прежде всего потому, что он связан с установлением отношений между говорящим и слушающим с помощью языка. Речь идет о вербальном общении, то есть об использовании языковых

средств в конкретной ситуации. Хотя в общении могут присутствовать и невербальные элементы – жесты, мимика, поза, дистанция между собеседниками, основная роль все же принадлежит языку и устойчивым формулам речевого этикета.

Для пояснения данного понятия следует отметить, что термин «речевой этикет» объединяет два смысловых компонента: речь и этикет. Первый связан с языком и его средствами, второй с культурой, нормами поведения и нравственными представлениями общества. Поэтому речевой этикет находится на пересечении языка и культуры. Это особенно важно при изучении формул речевого этикета, поскольку они одновременно являются языковыми единицами и носителями культурно закрепленных норм общения. В научной литературе отмечается: «В настоящее время специалисты рассматривают более 500 концепций, определяющих культуру в зависимости от того, какой ее аспект является предметом изучения» [I. 226, 35].

В современном мире сложно представить взаимоотношения между людьми без учета национальной культуры, поскольку именно культура выражает духовные ценности конкретного народа. В беседе трудно правильно понять мысли, намерения и поведение собеседника, не зная его культурной среды. Профессор Т. В. Ларина отмечает: «...культурные знания помогают лучше узнать партнера по общению, понять его мировоззрение, объяснить его поведение, а также научиться правильно вести себя в контексте чужой культуры в соответствии с принятыми там нормами и традициями, в соответствии с национальным стилем общения» [I. 146, 20].

Фактически изучение культуры является предметом отдельной научной дисциплины, однако в межличностных отношениях ее роль тесно связана с языком. Культура, как и язык, участвует в установлении контакта между людьми, а формулы речевого этикета выступают одним из наиболее заметных средств такого контакта. Через приветствия, обращения, благодарности, просьбы, извинения и другие устойчивые выражения в языке

проявляются нормы уважения, вежливости и национального речевого поведения.

Для выражения мыслей в речевом этикете важно соблюдать языковые нормы, прежде всего нормы литературного языка. Их нарушение затрудняет передачу мысли и может изменить смысл высказывания. Литературный язык дает говорящему более точные и устойчивые средства общения, поэтому именно на его основе формируются многие речевые формулы, используемые в официальной, повседневной и художественной речи.

Речевой этикет осуществляется преимущественно через литературный язык, однако это не означает, что он является неподвижной и шаблонной системой. В зависимости от ситуации общения, отношений между собеседниками, времени, места, уровня речевой культуры и социального опыта говорящих формулы речевого этикета могут изменяться, получать новые оттенки значения и употребляться в разных стилистических условиях. Поэтому их нельзя рассматривать только как готовые выражения: в реальной речи они живут, развиваются и приспособляются к новым коммуникативным потребностям.

Таким образом, речевой этикет опирается на язык и культуру, а его формулы выступают важными средствами организации общения. Они помогают установить контакт, выразить уважение, сохранить речевую дистанцию и передать отношение говорящего к собеседнику. Для их правильного понимания необходимо учитывать не только языковую форму, но и культурный контекст, ситуацию общения и нормы речевого поведения. Именно поэтому изучение формул речевого этикета остается важной задачей современной коммуникативной лингвистики и таджикского языкознания.

1.2. Изучение формул речевого этикета в таджикском языкознании

Изучение речевого этикета основывается на лингвистических и нелингвистических аспектах и связано как с вербальными, так и с невербальными формами общения. Этот процесс формируется в разных

лингвокультурных условиях и проявляется через различные жанры речевого этикета. В зависимости от ситуации общения меняются содержание, форма и способы употребления речевых формул. При этом учитывается роль языковых средств: лексических, морфологических, грамматических и стилистических единиц. Исследователи выделяют и классифицируют разные типы речевых жанров в зависимости от их содержания, коммуникативной функции и условий употребления.

Проблема речевого этикета в науке не является новой. Этот вопрос с древних времен привлекал внимание ученых и мыслителей. Научные материалы и сохранившееся письменное наследие на таджикско-персидском языке свидетельствуют о том, что соблюдение речевого этикета рассматривалось как важное условие установления отношений между людьми. В культуре народов иранского происхождения, особенно таджиков, нормы речевого поведения занимали заметное место и были связаны с общими представлениями о культуре, уважении и порядке общения.

Соблюдение речевого этикета было характерно не только для образованной среды и знати, но и для повседневной жизни народа. Научные и литературные произведения разных эпох позволяют проследить, как формировались представления о правильной речи, уважительном обращении и уместном слове. В исследованиях большинства ученых выделяются три периода становления и развития таджикско-персидского языка: древнеперсидский, среднеперсидский и новоперсидский. Материалы первых двух периодов сегодня доступны ограниченно, однако новоперсидский период сохранил значительный пласт письменных источников, важных для изучения речевого этикета.

Исторические поколения оставили богатое наследие, связанное с вопросами общения, речи и межличностных отношений. Многие мыслители и поэты писали о ценности слова, культуре речи и статусе говорящего. Наряду с этим существовали авторы, которые рассматривали речевой этикет с научно-теоретической и практической точки зрения, обращаясь к

поэтическим примерам, устойчивым выражениям и формулам общения. Историческая основа таких наблюдений достаточно древняя. По словам исследователей, «первые проявления его существовали в Греции, странах Запада и Востока до нашей эры» [I. 288, 4].

Исторические предпосылки ораторского искусства, возможно, еще более древние, но сохранившиеся до наших дней материалы содержат сведения о добродетелях речи и речевом этикете. Действительно, красота человеческой речи – это украшение, от которого зависят честь и статус человека. «Красота речи – высшее явление благородной жизни человека. Когда– то «человек» считался благороднейшим из существ благодаря своей способности говорить, и, определяя его преимущества перед другими живыми существами, он ограничивался ролью оратора. Хотя человек, как существо обладает и другими преимуществами, его истинная добродетель познается в силе и умении говорить» [I. 288, 4].

Таджикские ученые в своих исследованиях обращали внимание на соотношение понятий *калом* «речь» и *сухан* (слово, речь). Мухаммад ал-Газоли, Шахобуддини Сухраварди и Фахриддини Рози относятся к числу выдающихся представителей науки о речи. В их трудах разграничение «калом» и «сухан» связано с различием между языком как системой средств и речью как их употреблением в конкретной ситуации. Если «сухан» соотносится со словарным запасом, нормами употребления, грамматикой, стилем и способом выражения мысли, то «калом» ближе к живому использованию языка. Поэтому при изучении речевого этикета важно учитывать связь между речью, литературной нормой и правилами общения.

В каком бы положении или жизненной ситуации ни находился человек, он должен знать правила речевого этикета, поскольку умение говорить уместно, мягко и уважительно всегда рассматривалось как одно из достоинств личности.

Изучение речевого этикета таджикскими исследователями имеет давнюю традицию. Худои Шариф показывает, что в таджикско-персидской

культуре рассматривались не только вопросы ораторского искусства, но и более широкие проблемы культуры речи и речевого поведения. Он так объясняет речевой этикет: «Прежде всего, условие речевого этикета – говорить правду, ложь – тьма веры. Человек не должен выдавать себя за лжеца, чтобы, когда он скажет правду, ему не поверили» [I. 298, 236].

Культура таджикской речи с древних времен связывалась с мягкостью, вежливостью и сдержанностью. Ученые и мыслители подчеркивали, что во время разговора не следует говорить холодно, равнодушно или высокомерно. Скромный и уважительный тон, напротив, помогает установить доверительный контакт с собеседником и сохранить нормы речевого этикета.

Другая важная проблема связана с пустословием, которое может вредить человеку и становиться причиной конфликтов. Невежливо отвечать на слова собеседника или отвергать его мнение, не поняв его мысли. Чтобы говорить уместно и убедительно, необходимо опираться на опыт ученых и мыслителей, хорошо знавших правила ораторского искусства, построения речи и культуры общения.

Согласно источникам, наши предки собирались в махафилах, на собраниях, в мечетях и чайных домах, где беседовали друг с другом, читали и обсуждали труды известных ученых и писателей. Такая традиция существовала и при дворах прежних правителей. Хусейн Вайзи Кашифи в книге «Ахлок Мухсини» пишет: «Правилом Персидского царства было то, что вы никогда не разговаривали с ними без их совета и руководства, и вы не принимали ни одного решения без консультации с ними. И поскольку они построили свое царство на справедливости и правде, их царство просуществовало четыре с половиной тысячи лет. И покойный султан Санджар, да помилует его Аллах, посадил на трон вместе с собой мудрого Омара Хайяма. И халифы Аббасидов, хотя сами были учеными, основывали все свои решения и соглашения на словах людей знания и воздержания» [I. 288, 258]. Этот пример показывает, что культура речи и уважительное отношение к слову издавна рассматривались как важное условие

общественного и нравственного порядка. Поэтому для формирования хорошей речи необходимо обращаться к опыту предков и их письменному наследию.

Исследования последних лет показывают, что коммуникация осуществляется на разных уровнях и зависит от социального положения, возраста, статуса и роли участников общения. Однако манера речи во многом определяется самим говорящим, его речевой культурой и умением выбирать уместные формы выражения. Если человек не владеет этими нормами, в процессе общения могут возникать трудности. В связи с этим показателен следующий пример: «Нельзя говорить перед нищим речь, подобающую царю, и в трубе не играют историю, подобающую наказанию. Говорить глупости также не входит в манеры оратора, и также нехорошо хвастаться собой юмором и сатирой, ибо говорят, что сатира – прелюдия к злу и злу» [I. 288, 259].

Манеры разговора складывались с древнейших времен и были связаны с представлением о человеке как существе, обладающем речью и разумом. Статус и внутренний облик человека во многом раскрываются через его речь. Поэтому разговор должен быть чистым, доброжелательным и уместным. В нем не должны преобладать грубые, бранные или оскорбительные выражения, нарушающие нормы речевого этикета.

В речевом этикете цель говорящего должна быть ясной, поскольку речь без определенной цели затрудняет понимание слушателя. Следует говорить точно, спокойно и содержательно. Если сообщаемая информация не несет смысла, повторяет уже известное или произносится только ради пустого разговора, она не выполняет своей коммуникативной функции. Этикет речи таков: «Бессодержательная и некультурная речь называется глупцом, а говорящий ее – тщеславным, умным и пустословом» [I. 288, 265]. Эти положения важны и для изучения формул речевого этикета, поскольку устойчивые выражения общения должны быть не только правильными по форме, но и уместными по смыслу, ситуации и отношению к собеседнику.

Исследование Худои Шарифа, основанное на трудах предшествующих авторов, содержит ценные сведения о культуре разговора и ораторском искусстве. Ученый рассматривает речевой этикет в связи с такими вопросами, как условия разговора, личность собеседника, настроение и цель речи, диалог, связность высказывания, вступление, сообщение и распределение материала, повествование о событиях, доказательство мысли, завершение речи и заключение. Эти наблюдения имеют важное значение для изучения речевого этикета и его формул в таджикской научной традиции.

Речевой этикет представляет собой развивающуюся систему, находящуюся под влиянием разных факторов. Они определяют цель и интенцию речи, выбор языковых единиц и способы установления контакта между адресантом и адресатом. В речи выделяются три мотива: «Во-первых, убеждение, которое состоит в том, чтобы убедить слушателя, в личности говорящего и его речи. Во-вторых, привлечь слушателя к своей речи и вызвать у него чувство принятия и доверия. В-третьих, пробудить мысли и ум слушателя и попытаться проникнуться в нему» [I. 288, 266].

Среди таджикских лингвистов профессор Б. Камолиддинов рассматривает вопросы речевого этикета наряду с проблемами норм таджикского литературного языка, особенно на материале языка таджикских СМИ. В его исследованиях культура речи связывается с нормами литературного языка, ясностью, точностью и выразительностью слова. Поскольку литературный язык регулирует устную и письменную речь, речевой этикет не может рассматриваться отдельно от норм правильного и уместного употребления языковых средств. Связь между литературным языком и живой народной речью сохранялась на протяжении длительного времени и получила отражение в произведениях таджикской прозы и поэзии.

В исследованиях Б. Камолиддинова о культуре речи и требованиях к красивой, правильной и достойной речи содержатся важные научные наблюдения. Ученый описывает и обосновывает речевой этикет через нормы литературного языка, культуру произношения, точность словоупотребления

и уместность выражения мысли. Он выделяет такие качества таджикской речи, как правильность, выразительность, логичность, содержательность, а также обращает внимание на семантические и стилистические возможности таджикского языка в речевом этикете [I. 110].

В речевом этикете качество речи имеет особое значение: если речь говорящего не является точной, ясной и безошибочной, передаваемая информация может дойти до слушателя в искаженном виде. По мнению Б. Камолиддинова, «в стилистике речь называется добротной, если она не имеет изъянов в манере выражения (соотношении звуков, словесном ударении, интонации), в употреблении слов, образных выражений, значении и семантических оттенках, в словообразованиях и словосочетаниях, в использовании грамматических и лексических элементов (словоформ, грамматических приемов, фразеологии и построения предложения)» [I. 110, 27].

Вежливая речь должна быть ясной, разборчивой и соответствовать ситуации общения и положению слушателя. Красивое произношение, правильная интонация и точный выбор речевых формул способствуют ясности передаваемой информации и помогают сохранить уважительный характер общения.

Социальные изменения оказали влияние на таджикский язык и, соответственно, на речевой этикет. В процессе общения наблюдаются случаи неправильного произношения звуков, их повторения или замены. В официальной коммуникации употребление просторечных и сленговых слов может снижать культуру речи и нарушать нормы речевого этикета. Еще одной проблемой является чрезмерное и неуместное использование заимствований, вошедших в язык вместе с развитием общества. При отсутствии стилистической уместности такие единицы могут ослаблять выразительность речи и затруднять естественное функционирование традиционных формул общения.

Литературный таджикский язык всегда находился под влиянием экстралингвистических факторов, что отражается и в таджикском речевом этикете. Для того чтобы речь была правильной и эффективной, необходимо следить за ее звуковой стороной и хорошо знать фонетические нормы таджикского языка. При несоблюдении установленных норм нарушается не только качество речи, но и сама коммуникация между участниками общения. Например, употребление некорректных, грубых или не соответствующих литературной норме слов и выражений может нарушать речевой этикет, особенно в официальной ситуации.

По мнению профессора Б. Камолиддинова, «В глаголах баромадан – буромадан (подниматься), фаромадан – фуromoмадан (спускаться) нормой литературного языка признается также второй вариант» [Ш. 110, 28]. Если в официальном общении используются диалектные или ненормативные формы без учета ситуации, это может снижать культуру речи и нарушать правила речевого этикета. Вместе с тем сами диалектные формы не следует рассматривать как ошибочные вне контекста: их уместность зависит от сферы общения, адресата и речевой ситуации.

Еще одним важным условием качественной речи является правильный учет звуковых явлений таджикского языка: изменения, выпадения, замены и сочетания звуков. Если эти явления не соблюдаются в соответствии с нормами литературного языка, речь теряет ясность, а речевой этикет выходит за пределы принятой нормы. Особенно в устной речи важно говорить спокойно, ясно и целенаправленно, правильно употреблять слова, выражения и устойчивые формулы общения. Собеседник должен понимать не только содержание высказывания, но и отношение говорящего.

Чтобы речь была правильной и осмысленной, необходимо учитывать не только произношение отдельных звуков, но и их связь между собой, интонацию, темп речи и способ выражения мысли. Заимствования следует употреблять по назначению, избегая их чрезмерного и необоснованного использования в общении. Таджикский речевой этикет совершенствуется

благодаря точности, уместности, выразительности и культуре письменной и устной речи.

В таджикском языкознании изучение культуры речи, особенно в исследованиях профессора Б. Камолиддинова, связано с проблемами качества речи и ее стиля. В центре внимания ученого находятся нормы правильной, ясной и выразительной речи, а также причины речевых ошибок и способы их устранения. Как в письменной, так и в устной речи Б. Камолиддинов обращает внимание на словарный состав, грамматические правила и стилистическую уместность языковых средств. Он подчеркивает, что для красивого, правильного и точного выражения мысли говорящий должен обладать богатым словарным запасом и хорошо понимать значение слов и выражений. Рассматривая семантические оттенки слов, употребляемых в письменной и устной речи, он связывает правильность речевого употребления с соблюдением норм произношения, словоупотребления, грамматики и стиля. Ученый отмечает: «Хотя все состоит из звуков», чистая речь тоже имеет свое место, и недопустимо употреблять слово, которое употребляется редко, каким бы красочным оно ни было» [I. 110, 36].

Речевой этикет представляет собой непрерывный процесс взаимодействия между говорящим и слушающим, направленный на установление и поддержание контакта. В исследованиях по персидско-таджикскому языку он изучался в разных аспектах: через культуру речи, риторику, нормы общения, устойчивые выражения и формулы речевого поведения. Особое значение имеют труды М. Р. Джураевой, в которых речевой этикет рассматривается на материале средств массовой информации. Ее исследования показывают, что без обращения к научным и литературным трудам таджикских ученых и мыслителей прошлых столетий трудно определить основные направления формирования и развития речевого этикета, а также раскрыть его лингвистические и экстралингвистические стороны.

М. Р. Джураева, опираясь на произведения классиков, обосновывает наличие теоретико-методологических представлений о речевой этикете в культурном наследии таджикского народа. В частности, она приводит сведения о книге Мухаммада Омули «Нафоис-ул-фунун фи ароис-ул-уюн» и отмечает, что она состоит из четырех частей, четвертая из которых называется «Дар илими муховарат» [I. 89, 22]. Далее автор упоминает имена персидских и таджикских писателей и ученых, в произведениях которых встречаются размышления о речевой этикете, культуре общения и правилах ведения беседы. В последние годы сфера исследований таджикских ученых в области коммуникативного этикета заметно расширилась; наряду с научными работами появились также учебные и научно-методические пособия.

Е. К. Одинаев в книге «Современный этикет общения» [I. 190] рассматривает этикет общения с эстетической точки зрения. Автор анализирует и обобщает различные вопросы этикета общения, представляя научную и методическую информацию. Его исследование охватывает не только специфику таджикского этикета общения, но и формы этикета в ряде стран мира. В основе работы лежит анализ и сопоставление правил общения в разных культурах. Вместе с тем исследование Е. К. Одинаева в большей степени обращено к этическим аспектам этикета общения, поэтому для настоящей работы оно важно прежде всего, как источник общих представлений о нормах поведения и культуре общения.

Согласно Е. К. Одинаеву, этикет общения является неотъемлемой частью культуры человека и представляет собой совокупность законов и правил, выработанных народом на основе многовекового опыта. Этикет общения выступает средством регулирования взаимоотношений между людьми. По мнению исследователя, «...этикет общения различается по форме и содержанию в зависимости от исторических эпох – Древнего мира, Средневековья, Нового времени и новейшего – XX-XXI веков, в зависимости от социально-политического строя общества» [I. 190]. Данное положение

важно и для изучения формул речевого этикета, поскольку устойчивые формы обращения, приветствия, благодарности, просьбы и других речевых действий также меняются в зависимости от времени, социальной среды и условий общения.

Исследование этикета общения на материале художественного произведения проводили также Курбон Восеъ и Зубайдулло Зубайдов. В книге «Этикет общения в «Искандарнома»» они на примере романа «Искандарнома», созданного Эраджем Афшором на основе древних легенд и сказаний, показывают существование и значимость этикета общения в культуре персоязычных народов. В работе рассматриваются разные стороны этикета общения и его роль в формировании нравственной культуры иранских народов. Наряду с вербальными средствами авторы обращаются и к невербальным элементам, что подтверждает давнюю традицию невербального поведения в данной культурной среде. Исследователи отмечают наличие в произведении таких невербальных элементов этикета общения, как «вхождение в облик каландаров», «преображение лица» и использование жеста Гульбадшахом [I. 142, 22]. Для настоящего исследования эти наблюдения важны тем, что они показывают связь речевых формул с ситуацией общения, поведением персонажа и культурным контекстом художественного текста.

Исследование речевого этикета с точки зрения коммуникативной лингвистики было проведено Т. Х. Мухиддиновой. В своей работе она сопоставила различные жанры этикета общения в английском и таджикском языках. Во введении к книге Т. Х. Мухиддинова пишет: «Человек, обладающий здравым смыслом, но необразованный, лишенный науки и культуры, не будет обладать манерами и проницательностью, которых требуют современное общество, человеческие отношения и общение. Манеры, хорошее поведение и речь считаются продуктом разума и мудрости, способом совершения действий; человек, лишенный разума и мудрости, не способен на разумные и достойные мысли и идеи» [I. 179, 3].

В исследовании Т. Х. Мухиддиновой проанализированы 16 ситуаций общения в сопоставительном аспекте на материале таджикского и английского языков. В основу классификации положены жанры речевого этикета, сгруппированные по тематике общения. Вместе с тем отдельные коммуникативные формулы, приведенные в ее работе, требуют дополнительного уточнения с точки зрения таджикского речевого этикета, поскольку при переводе с английского языка не всегда учитываются семантико-стилистические различия между языками. Например, в жанре обращения к незнакомому человеку приводятся такие соответствия: *Рафиқ!* «Comrade!», *Бародар* «Citizen!», «Sir!», *Хоҳар!* «Madam!», «Miss!» [I. 179, 7].

В английском языке указанные формы обращения имеют свои значения и сферы употребления, однако в таджикском речевом этикете они не всегда совпадают с приведенными переводами. Так, *Madam!* и *Miss!* не передаются прямым соответствием *хоҳар* «сестра», а *Citizen!* и *Sir!* не всегда могут быть переведены как *бародар* «брат». При анализе таких форм необходимо учитывать не только буквальное значение, но и стиль, ситуацию общения, возраст, социальное положение и степень официальности. В ряде случаев *Madam!* и *Miss!* ближе к таджикскому обращению *хонум* «госпожа, леди».

В таджикском речевом этикете обращения *хоҳар* «сестра» и *бародар* «брат» действительно употребляются как формы вежливого и уважительного обращения. Однако их использование зависит от конкретной ситуации. Например, при официальном обращении к женщине – сотруднику правоохранительных органов – обычно используются имя, фамилия или звание. В бытовом или полуофициальном общении к молодой женщине могут обратиться словом *духтар* «дочь, девушка», а к женщине старшего возраста – словом *хоҳар* «сестра». Эти различия показывают, что формулы обращения в таджикском языке имеют свои устойчивые закономерности, которые необходимо учитывать при их описании, переводе и сопоставительном анализе.

Далее Т. Х. Мухиддинова приводит коммуникативные формулы *рафиқ сандуқдор* и *рафиқ мусофир* [I. 179, 10]. Подобные сочетания не являются типичными для таджикского речевого этикета и требуют осторожного комментария. Их анализ показывает, что при сопоставлении английских и таджикских формул общения важно учитывать не только лексическое соответствие, но и реальную речевую практику, стилистическую уместность и национальные нормы обращения.

Изучение речевого этикета на основе произведений предшествующих поколений до сих пор не получило системного характера. Это связано с двумя причинами. Во-первых, круг трудов, в которых затрагиваются вопросы речевого этикета на таджикско-персидском языке, достаточно широк. Во-вторых, многие дошедшие до нас произведения написаны арабской графикой, что затрудняет их использование для исследователей и читателей, не владеющих этим письмом. В связи с этим в дальнейшем важно шире вводить данные источники в научный оборот, в том числе через исследования на русском и других языках, чтобы богатое наследие таджикско-персидской речевой культуры стало доступнее для более широкого научного сообщества.

В настоящем исследовании учитываются научные и художественные произведения таджикских классиков. Несмотря на то что предшествующие поколения создали значительное количество трудов, связанных с практикой речевого этикета, его теоретико-методологические аспекты специально рассматривались лишь в отдельных работах. В исследованиях многих таджикских лингвистов чаще приводятся сведения о теоретических подходах западных и русских ученых, тогда как собственное таджикско-персидское наследие в этой области еще требует более внимательного изучения.

Нашими предшественниками были созданы не только художественные произведения, в которых отражены нормы речевого поведения, но и методические труды, раскрывающие практические и теоретические стороны речевого этикета. Однако в литературоведческих и лингвистических

исследованиях многие из этих источников рассматривались прежде всего, как художественные памятники, тогда как их научная сторона, связанная с культурой речи, формулами общения и правилами ведения беседы, нередко оставалась в тени.

В произведениях персидских и таджикских классиков содержится немало сведений об этикете говорения и слушания, выборе уместного слова, тоне речи и поведении собеседников в разных ситуациях общения. Эти материалы показывают, что речевой этикет в таджикско-персидской традиции формировался не случайно, а под влиянием исторической обстановки, мировоззрения, религиозных представлений, обычаев, фольклора и условий жизни народа. Поэтому обращение к письменному наследию предшествующих поколений позволяет глубже понять языковые и внеязыковые основы формирования формул речевого этикета в таджикском языке и определить их место в системе современной коммуникативной лингвистики.

В этой связи необходимо обратиться и к наследию выдающихся персоязычных научных и литературных деятелей, в том числе таджикских авторов. Это наследие отличается содержательностью и широтой охвата. Несмотря на то что имена многих представителей научной и литературной традиции хорошо известны, их труды до сих пор изучены не в полной мере. Между тем в этих работах рассматривались вопросы ораторского искусства, культуры речи, норм общения и речевого этикета как в теоретическом, так и в практическом плане.

Развитие речевого этикета в культуре персоязычных народов также нуждается в более тщательном изучении. Исторические источники и дошедшее до нас письменное наследие показывают, что предшествующие поколения оставили оригинальные произведения в разных прозаических жанрах, прямо или косвенно связанные с правилами речи и общения. Многие из этих книг являются не только литературными памятниками, но и своеобразными руководствами по речевому поведению. В них соблюдение

этикета во время разговора рассматривается как важное условие образованности, уважения к собеседнику и правильного употребления слова.

По мнению Мисбохиддина Нарзикула, в эпистолярном жанре соблюдение этикета общения занимало особое место, а научное и литературное наследие персоязычных народов в этой области отличается большим объемом и богатством. Он отмечает: «...но ни в одном из существующих и доступных исследований современных литературоведов тема письма, его специфика как особого литературного жанра, искусство письма, его внутренние законы, традиции и новации, этикет общения в письмах... не были рассмотрены, как в литературе других народов (в том числе и в русской литературе)» [I. 180, 4]. Это наблюдение важно и для изучения формул речевого этикета, поскольку письмо, как и устное общение, имеет свои устойчивые формы обращения, приветствия, пожелания, просьбы и завершения речи.

Речевой этикет отражен в произведениях классиков литературы в разных формах и жанрах. На основе доступных исследований отечественных и зарубежных ученых трудно точно определить количество научных и литературных трудов, связанных с данной темой. Однако имеющийся материал позволяет условно разделить дошедшее до нас наследие на две группы. Первую группу составляют научно-теоретические труды, в которых вопросы речевого этикета рассматриваются непосредственно. Ко второй группе относятся литературные произведения разных жанров: рассказы, сказки, легенды и другие тексты, созданные в различные исторические периоды. Вместе с тем следует отметить, что в литературоведении и лингвистике персоязычных народов уже имеются работы, где представлены ценные наблюдения о стиле речи, манере говорения, речевом поведении и формулах общения.

Имеющиеся труды на таджикско-персидском языке свидетельствуют о том, что развитие речевого этикета происходило в тесной связи с развитием языка, хотя часть источников по разным причинам не дошла до нас. После

распространения письменности особое значение речевой этикет приобрел в эпистолярном жанре. Написание писем требовало соблюдения определенных норм обращения, приветствия, изложения просьбы, выражения уважения и завершения текста. Поэтому эпистолярная традиция может рассматриваться как один из важных источников изучения формул речевого этикета. По словам М. Нарзикула, «Важнейшими источниками, которые могут быть использованы в этом контексте, являются: труды Джохиза, рассуждения Рогиба Исфакони (X век), Наср-уд-дулар Абусайид Мансур ибн Хусайн Абекатиб (ум. 1145) [I. 180, 4]». К числу таких источников относится и труд Мухаммада ибн Умара Родуени «Тарджумон-уль-балога», написанный в конце XI – начале XII века.

Формирование речевого этикета было связано не только с развитием языка и письменной культуры, но и с общественными отношениями, системой управления и нормами поведения. В разные исторические периоды общество нуждалось в правилах, регулирующих речь, обращение к собеседнику, выражение уважения и допустимые формы поведения. Без таких норм невозможно устойчивое общение между людьми. В этом отношении речевой этикет выступал не только как часть культуры речи, но и как средство поддержания доверия, уважения и порядка в обществе.

Эта мысль находит отражение и в философской традиции. В диалоге «Федон» говорится: «Иногда человек, без всякого выбора или произвольно, доверяет кому-то, считая его правдивым, искренним и заслуживающим доверия, а через некоторое время обнаруживает, что он лжец и обманщик. Когда это повторяется много раз, и он постоянно оказывается обманутым теми, кого считал своими лучшими и самыми искренними друзьями, он устаёт от них, возненавидит всех людей и считает, что никто не может быть честным и искренним» [I. 232, 53]. Данный пример показывает, что с древних времен вопросы правдивости, доверия и нравственной ответственности связывались с речью и поведением человека. Поэтому нормы речевого этикета формировались как средство

предупреждения грубости, неуместной речи, лжи и нарушения уважительного общения.

Как известно, первые правила поведения и этикета общения возникали вместе с формированием человеческого общества. Их главной задачей было создание условий для устойчивого и мирного общения между членами общества. С развитием общества и переходом от одного исторического этапа к другому появлялись новые, более сложные правила и нормы поведения. Одновременно формировались разные социальные группы: богатые, бедные, купцы, ремесленники и др. Каждая из них имела свою моральную среду, свои формы общения, а со временем и собственные слова, выражения и речевые формулы. Иногда такие выражения становились малопонятными для представителей другой социальной группы.

По мнению исследователей, истоки нравственных учений находятся на Востоке: «Под влиянием восточной философской мысли, и независимо от нее, в западных странах в Средние века, в Новое и Новейшее время нравственные учения и представления об этикете общения получили широкое развитие» [I. 214, 21]. Исследователи отмечают, что в XVII веке, во времена правления Людовика XIV (1638–1715), был разработан придворный этикет, служивший обязательным порядком поведения при дворе. Подобные требования существовали и в других европейских государствах. Вместе с тем вопрос о первичности тех или иных форм этикета остается спорным и требует обращения к историческим источникам народов Востока, в том числе к таджикско-персидскому письменному наследию.

Одним из таджикско-персидских классиков является Рузбех, известный также как Ибн Мукаффа. В книге «Адаб-ул-акбар ва адаб-ул-асгар» он пишет о речевом этикете и соблюдении правил речи: «Речь мудрого человека, какой бы короткой она ни была, является великим этикетом» [I. 232, 114]. Язык и стиль этого автора, безусловно, отличаются от современного языка, однако основная мысль остается понятной: краткость, уместность и содержательность речи рассматриваются как важные признаки речевой

культуры. Эта идея сохраняет значение и для изучения формул речевого этикета, поскольку устойчивые выражения общения должны быть не только правильными, но и точными, краткими и соответствующими ситуации.

Рузбех также обращает внимание на культуру слушания как важную часть речевого этикета. Его мысль можно передать следующим образом: *Нек сухан гуфтанро биемӯз, он сон ки нек сухан гуфтанро меомӯзӣ* – «Учись хорошо слушать так же, как учишься хорошо говорить». Правильное слушание предполагает, что собеседнику дают возможность закончить мысль, не перебивают его, внимательно следят за речью и стараются понять ее содержание [I. 232, 114]. Тем самым в классической традиции речевой этикет понимается не только как умение говорить, но и как умение слушать, поддерживать контакт и сохранять уважение к собеседнику.

В речевом этикете подчеркивается, что перебивать собеседника не следует, поскольку это нарушает ход общения, причиняет неудобство говорящему и может привести к коммуникативной неудаче. Рузбех также обращает внимание на это правило, однако рассматривает его не механически, а с учетом ситуации. Если собеседник говорит уместно, спокойно и вежливо, его речь не следует прерывать. Если же он произносит что-то неправильное, грубое или неприятное для окружающих, говорящий может осторожно остановить его, не нарушая при этом уважительного тона общения. Он пишет: «Что касается того, что вы говорите своему другу, вы должны осознавать вещи, которые подрывают основательность и правильность речи вашего друга, лишают ее остроты, лишают ее красоты и затрудняют ее восприятие, например, спешка, чтобы догнать его, и прерывание речи друга прежде, чем он закончит свою» [I. 232, 111]. Это положение важно для понимания формул речевого этикета, поскольку они должны не только выражать мысль, но и поддерживать уважительный порядок общения.

Другим мыслителем прошлого является Ибн Мискавейх, который, помимо создания значительных научных трудов, высказывает интересные

суждения о речевом этикете. В книге «Тахзиб-ул-ахлок» («Нравственное воспитание») он рассматривает разные стороны нравственности, представленные в виде отдельных рассуждений. Ибн Мискавейх считает, что речевой этикет предполагает правдивость в общении, отказ от лжи и от клятвы без необходимости. Он пишет: «Каждый должен взять за правило не лгать и не клясться ни правдиво, ни ложно, ибо это вредно для людей, несмотря на необходимость в некоторых случаях» [I. 232, 139].

Абули ибни Сино (980–1037), известный в Европе как Авиценна, также высказывал важные мысли о правилах ведения разговора. Он рассматривал этику как область, связанную не только с знанием, но и с практикой поведения. По его мнению, нравственность и воспитанность человека могут развиваться через учебу, опыт и постоянное упражнение в правильном поведении. В этом отношении его взгляды близки к пониманию речевого этикета как системы навыков, которые формируются в процессе общения и закрепляются в устойчивых речевых формах.

По мнению Абули ибни Сино, в нравственном становлении человека важную роль играют его окружение, учителя и товарищи. Как отмечается в научной литературе, «самосовершенствование, по мнению Абули ибни Сино, – это процесс развития в себе нравственных качеств, которые состоят из четырех элементов добродетели: благочестия, мужества, мудрости, пропорционально психологическим силам вождения, гнева, признания и справедливости» [I. 190, 22–23]. Ибни Сино связывает нравственное развитие человека с мудростью, воспитанием и практикой правильного поведения. В этом контексте речевой этикет также может рассматриваться как часть нравственной культуры, поскольку он требует сдержанности, уважения к собеседнику и умения выбирать уместные слова. Свои размышления о нравственности, правилах поведения и отдельных сторонах общения Ибни Сино изложил в книге «Тадбири Манзил», которая относится к числу научно-дидактических и этических трудов.

Особое место в истории таджикско-персидской литературы и культуры речи занимает «Кобуснома» Унсурулмаоли Кайковуса. Этот труд охватывает различные стороны человеческого поведения, воспитания, общения и речевой культуры. В нем содержатся практические наставления, связанные с выбором слова, манерой речи, уважением к собеседнику и соблюдением этикета в разных жизненных ситуациях. Поэтому «Кобуснома» можно рассматривать как один из важных источников для изучения исторических основ речевого этикета и формул общения.

Современные исследователи в области русского и европейского языкознания чаще обращаются к трудам, написанным на русском и европейских языках. Однако анализ научного наследия предшествующих поколений показывает, что вопросы речевого этикета, культуры речи и межличностного общения довольно рано получили отражение и в таджикско-персидской научной традиции. Эти источники позволяют глубже понять, как формировались представления о правильной речи, уважительном обращении и нормах речевого поведения. Поэтому обращение к данному наследию важно для изучения формул таджикского речевого этикета в историческом и современном аспектах.

«Кобуснома» относится к числу тех произведений, в которых содержится не только литературный, но и научно-теоретический материал. В этом сочинении Унсурулмаоли Кайковус рассматривает нормы общения в зависимости от ситуации речи и поведения, а также показывает, как следует вести себя и соблюдать речевой этикет в разных жизненных обстоятельствах. Для настоящего исследования этот труд важен тем, что в нем отражены устойчивые представления о правильной речи, уместном слове и допустимых формах общения.

В седьмой главе «О добре и зле в речи» Кайковус объясняет, как следует говорить и общаться с другими людьми. Он, в частности, пишет: «О, мой сын! Будь красноречивым, но не будь лжецом, и не прославляйся ложью, а будь известен как правдолюб, чтобы, если тебя заставят солгать, тебе

поверили и то, что ты скажешь, приняли за правду» [I. 232, 154]. С точки зрения речевой организации текст начинается с обращения к адресату, что уже показывает важность адресатности в этикетной речи. Используемые слова и выражения в основном понятны и близки таджикской речевой традиции. Правдивость речи Кайковус считает одним из главных условий речевого этикета, а ложь рассматривает как нарушение нормы общения.

Кайковус делит речь на четыре вида, и такая классификация имеет важное значение для понимания этикетных норм. Она основана на личном опыте, наблюдении и практическом понимании речевого поведения. Он пишет: «О сын! Есть четыре вида речи: первая не подлежит ни знанию и ни произнесению; другую необходимо и знать, и говорить; третья, подлежит говорению, но знать необязательно; четвертая, необходимо знать, но не говорить; но не говорение и не знание – это речь, которая вредит религии» [I. 232, 154]. Эта классификация направлена на то, чтобы человек умел различать, что следует говорить, что лучше оставить несказанным и какие слова могут причинить вред собеседнику или самому говорящему. В этом смысле мысль Кайковуса связана не только с нравственным воспитанием, но и с правилами выбора речевой формулы в конкретной ситуации общения.

Далее Кайковус поясняет предложенное деление: «...И то, что должно быть сказано и известно, – это слово, обладающее религиозной и мирской добродетелью, полезное как в мире ином, так и в этом, и говорящему приносит пользу произнесение и слушание его. И то, что должно быть известно, но не сказано, – это то, что вина знатного человека и вина твоего друга могут стать известны, или по причине рассуждения, или из мирских дел, что незаконно, и если ты скажешь это, то навлечешь на себя гнев знатного человека, или причинишь вред другу, или же могут возникнуть страх, раздор и смятение. Итак, это утверждение, независимо от того, предполагается ли оно для сведения или нет, и предполагается ли, что оно будет сказано или нет, является утверждением, о котором нет упоминания в Книге Аллаха Всемогущего, в повествованиях Посланника (мир ему и

благословение Аллаха) и в книгах знания, и ученые разделились и имеют различные толкования» [I. 232, 155]. Приведенный фрагмент показывает, что в классической традиции речевой этикет понимался как умение оценивать не только форму речи, но и последствия сказанного. Для изучения формул речевого этикета это особенно важно, поскольку любая устойчивая формула общения связана с адресатом, ситуацией, целью высказывания и допустимостью речевого действия.

В «Кобусноме» Унсурулмаоли Кайковус классифицирует нормы речевого этикета задолго до их специального описания в западной научной традиции. Его положения и сегодня сохраняют значение для понимания речевой культуры и норм общения у иранских народов. В этом труде представлены устойчивые представления о правильной речи, правдивости, уместности слова и допустимых формах речевого поведения. Поэтому «Кобуснома» может рассматриваться как важный источник для изучения исторических основ формул речевого этикета в классической персидско-таджикской традиции.

Основные мысли Кайковуса в главе «О добре и зле в речи» можно передать следующим образом: *Сухангӯ бош, вале сухани дурӯғ мағӯ* «будь красноречив, но не лги»; *ҳамеша кӯшиш кун, ки ба ростгӯйӣ маъруф бошӣ* «всегда стремись к тому, чтобы тебя знали как правдивого человека». Далее он делит речь на четыре вида: *сухан чаҳор навъ аст* «речь бывает четырех видов»; *на донистанӣ ва на гуфтанӣ* «слова, которые не следует ни знать, ни произносить»; *ҳам донистанӣ ва ҳам гуфтанӣ* «слова, которые следует и знать, и произносить»; *донистанӣ, вале нагуфтанӣ* «слова, которые нужно знать, но не следует произносить»; *гуфтанӣ ва надонистанӣ* «слова, которые можно произносить, но знать их необязательно».

Такая классификация показывает, что для Кайковуса речевой этикет связан не только с красноречием, но и с нравственной ответственностью говорящего. Слово должно быть правдивым, уместным и полезным; в противном случае оно может нарушить уважительный порядок общения и

причинить вред собеседнику или самому говорящему. Для исследования формул речевого этикета эта мысль важна тем, что каждая формула оценивается не только по форме, но и по ситуации употребления, адресату и последствиям речевого действия.

В завершение главы Кайковус поясняет условия употребления выделенных им видов речи и показывает, почему их соблюдение важно в процессе общения. Его рассуждение можно передать следующим образом: *сухани нодонистанӣ ва ногуфтанӣ ба дини инсон зарар дорад* «слова, которые не следует ни знать, ни произносить, вредят человеку»; *сухани гуфтанӣ ва ҳам донистанӣ ба дину дуне муфид аст* «слова, которые нужно и знать, и произносить, полезны для духовной и мирской жизни»; *сухани донистанӣ ва ногуфтанӣ айб бошад, ки аз гуфтану шунидани он манфиате нест* «слова, которые можно знать, но не следует произносить, не приносят пользы ни говорящему, ни слушателю»; *сухани гуфтанӣ ва надонистанӣ суханест, ки дар китоби Худои азза ва чалла ва аҳодиси набавӣ омадааст, ки тафсири он назди уламо ихтилоф дорад* «слова, которые можно произносить, но смысл которых требует осторожного толкования, связаны с текстами Книги Всевышнего Аллаха и хадисами Пророка, по поводу которых среди ученых существуют разные мнения».

Эти положения показывают, что для Кайковуса речь имеет не только коммуникативное, но и нравственное значение. Говорящий должен понимать, какие слова уместны, какие требуют осторожности, а какие лучше не произносить вовсе. Такой подход сохраняет значение и для современного изучения формул речевого этикета: устойчивые речевые выражения оцениваются не только по языковой форме, но и по ситуации общения, цели высказывания, адресату и возможным последствиям сказанного. Несоблюдение этих норм может привести к разногласиям, нарушению речевой дистанции и коммуникативной неудаче.

На сегодняшний день правила речевого этикета, изложенные Кайковусом, еще не получили достаточного системного изучения в

таджикском языкознании. Между тем его наблюдения имеют важное значение для понимания исторических основ формул речевого общения. Кайковус подчеркивает, что речь должна приносить пользу людям, поскольку именно такое слово укрепляет положение человека в обществе и делает его уважаемым в отношениях с окружающими. Он пишет: «Если хочешь быть любимым в чьем-то сердце и не вызывать ненависти, говори в пользу народа» [I. 232, 158].

К числу известных мыслителей прошлого относится также Ходжа Насириддин Туси, автор многочисленных трудов, в том числе книги «Ахлоки Носирӣ» («Этика Носири»). В этой книге есть отдельная глава, посвященная речевому этикету. В ней Туси пишет: «Не следует много говорить и перебивать чужую речь своей. И если кто-то рассказывает историю или хадис, хорошо известный другому, ему не стоит заявлять о своем знании, пока тот не закончит говорить. И если группа людей задает ему вопрос, и он находится среди них, он не должен соревноваться с ними. И если кто-то занят ответом, и он может дать лучший ответ, пусть проявляет терпение, пока человек не закончит говорить, а затем пусть отвечает так, чтобы никого не обидеть. И пусть не прерывает разговор, который происходит между двумя людьми в его присутствии» [I. 232, 181].

Следовательно, в классической таджикско-персидской традиции речевой этикет понимался как умение говорить вовремя, не нарушать речь другого человека, соблюдать меру и учитывать состояние собеседника. Для изучения формул речевого этикета это особенно важно, поскольку каждая формула общения должна быть уместной не только по содержанию, но и по ситуации ее произнесения.

Продолжая рассуждение о речевом этикете, Ходжа Насириддин Туси подробно описывает правила поведения говорящего и слушающего в беседе. По его мнению, человек не должен подслушивать чужой разговор и вмешиваться в него без приглашения; не должен говорить насмешливо со старшими; его голос не должен быть ни слишком громким, ни слишком

тихим. Если мысль сложна или неясна, ее следует объяснять понятными примерами. При этом не рекомендуется употреблять редкие, непонятные и малоизвестные слова.

Особое внимание Туси уделяет умению слушать. Он подчеркивает, что не следует отвечать до завершения речи собеседника, произносить неподготовленную мысль или говорить без необходимости. В речи не должно быть хвастовства, грубости, непристойных выражений, оскорблений, сплетен, клеветы и лжи. В каждом собрании человек должен говорить так, как принято в данной среде, учитывать возраст, положение и состояние собеседника, избегать споров с людьми, которые не готовы к разумному разговору, и не говорить с теми, кто не способен понять смысл сказанного.

Туси также отмечает, что во время речи не следует чрезмерно жестикулировать руками или глазами, если этого не требует сама ситуация. Слушание, по его мнению, должно занимать более важное место, чем говорение. Эти положения показывают, что в классической традиции речевой этикет понимался как сочетание правильного слова, уместного тона, сдержанного поведения и уважительного отношения к собеседнику. Для исследования формул речевого этикета это особенно важно: устойчивые речевые формы не существуют отдельно от ситуации общения, поведения говорящего и реакции слушателя.

Эта мысль о первенстве слушания перед говорением подтверждается и притчей, которую приводит Туси. Мудреца спросили: «Почему ты слушаешь больше, чем говоришь?» Он ответил: «Потому что мне даны два уха и один язык, то есть ты слышишь вдвое больше, чем говоришь» [I. 232, 182]. Этот пример усиливает основную мысль Туси: речевой этикет предполагает не только умение правильно говорить, но и способность внимательно слушать собеседника, не перебивать его и понимать смысл сказанного.

Насириддин Туси рассматривает речевой этикет не только теоретически, но и через конкретные примеры речевого поведения. В отличие от многих авторов, он подробно описывает требования к

говорящему и слушающему, связывая нравственность речи с нормами поведения в обществе.

В обобщенном виде взгляды Насириддина Туси позволяют выделить несколько правил речевого поведения, связанных с правдивостью, сдержанностью, умением слушать и учитывать положение собеседника. К числу основных правил речевого поведения, выделяемых Насириддином Туси, относятся запрет на ложь, недопустимость перебивания собеседника, необходимость отвечать только после завершения чужой речи и только тогда, когда вопрос действительно обращен к говорящему. Он подчеркивает, что не следует вмешиваться в разговор двух людей, подслушивать тайную беседу, говорить со старшими насмешливо или употреблять непонятные слова.

Особое внимание Туси уделяет уместности речи. Человек не должен произносить неподготовленную мысль, использовать грубые, непристойные или оскорбительные выражения, спорить без необходимости и говорить не по правилам того собрания, в котором он находится. В общении со старшими, людьми высокого положения и собеседниками разного возраста говорящий должен соблюдать меру, уважительный тон и осторожность. Нежелательными признаются сплетни, клевета, резкие слова и разговор с теми, кто не способен понять смысл сказанного.

Главный вывод Туси сводится к тому, что слушание должно преобладать над говорением. Человек, умеющий больше слушать и меньше говорить, лучше сохраняет речевую сдержанность, избегает ошибок и поддерживает уважительный характер общения. Эти правила важны для изучения формул речевого этикета, поскольку каждая формула должна соответствовать не только языковой норме, но и ситуации, адресату, статусу собеседника и общему порядку общения.

Известный ученый и поэт Саъдии Шерози, автор знаменитого произведения «Гулистон» («Цветник»), занимает особое место в истории персидско-таджикской литературы и культуры речи. В этой книге есть

отдельная глава «Об этикете разговора», где вопросы речевого этикета представлены в двух аспектах: во-первых, как теоретико-назидательные сведения; во-вторых, как практические примеры речевого поведения в ситуациях двустороннего общения говорящего и слушающего.

В «Гулистане» Саъдии Шерози говорит о месте и времени речи, осторожности в словах, пользе и вреде сказанного. Эти мысли отражены в ряде наставлений: «Не делись с другом о своих тайнах, потому что ты не знаешь, станет ли он врагом» [I. 232, 136]; «Не делись ни с кем секретом, который хочешь сохранить, даже если это близкий друг. Ибо этот друг тоже может иметь близких друзей, и так непрерывно» [I. 232, 137]; «Говори между двумя врагами так, чтобы, если они станут друзьями, тебе не было стыдно» [I. 232, 137]; «Пока никто не критикует говорящего, его слова не считаются благими» [I. 232, 137]. Эти положения показывают, что речевой этикет у Саъдии связан не только с красотой слова, но и с ответственностью говорящего за последствия речи.

Помимо «Гулистана», Саъдии Шерози оставил и другие труды, идеи которых имеют значение для коммуникативной лингвистики и изучения речевого этикета. В главе «Об этикете разговора» его основные положения можно передать следующим образом: не следует открывать другу свои тайны, поскольку дружба не всегда сохраняется до конца и друг может стать врагом; не следует доверять тайну каждому, потому что у каждого человека есть свои близкие люди; между двумя людьми нужно говорить так, чтобы после раскрытия сказанного не было стыдно; слова говорящего не могут быть исправлены, пока они не подвергнуты разумной критике.

Эти наставления важны для настоящего раздела потому, что в них прослеживаются ранние представления о формулах речевого поведения, выборе уместного слова и нормах общения, которые позднее стали предметом изучения в таджикском языкознании.

Другим персидско-таджикским ученым является Убайди Зокони, автор книги «Ахлоқ-ул-ашроф» («Нравы аристократы»). Уже само название книги

указывает на ее связь с нормами поведения и речи представителей образованной и социальной элиты. Несмотря на давность создания, этот труд сохраняет значение как научно-назидательный источник. В нем рассматриваются вопросы нравственности, практической мудрости и речевого поведения, связанные с представлениями о достоинстве человека и культуре общения.

В книге Убайди Зокони приводит рассуждение о добродетелях, которые в классической традиции связывались с мудростью, мужеством, целомудрием и справедливостью. Он пишет:

Ба ҳар мазҳаб, ки бошӣ, бош некукору бахшанда,

Ки куфри некхӯӣ беҳ зи ислому бадахлоқӣ [I. 232, 221].

[Какой бы религии ты ни был, будь добрым и великодушным,

Ибо добродушное неверие лучше ислама с дурным нравом].

Эта мысль показывает, что для автора нравственность человека проявляется не только в убеждениях, но и в поведении, в том числе в речи. Далее Убайди Зокони делит нравственные качества на несколько групп, связывая их с мудростью, храбростью, целомудрием и справедливостью. В этом контексте особое место занимает контроль над речью: человек должен удерживать язык от непристойных слов, сплетен и осуждения других людей. Он приводит показательный пример: «Один мудрец услышал, как его сын обсуждает кого-то. Он сказал: «Сынок! Что с тобой, что изъян, который не желаешь видеть в их внешности, ты желаешь своему собственному языку?»» [I. 232, 228].

Данный пример прямо связан с речевым этикетом: осуждение другого человека, сплетня и неуместное слово рассматриваются как нарушение нравственной и речевой нормы. Для изучения формул речевого этикета это важно потому, что устойчивые формы общения всегда связаны не только с языковой формой, но и с допустимостью речевого действия, уважением к собеседнику и культурой публичного слова.

Положения Убайди Зокони о речевом поведении сохраняют значение и в современном понимании речевого этикета. В частности, он подчеркивает необходимость беречь слух от сплетен, а язык от непристойной речи. Иными словами, человек не должен распространять слухи, сквернословить и произносить слова, унижающие другого человека. В этом же ряду находится наставление мудреца своему сыну: не следует говорить о тех недостатках и пороках других людей, которые сам человек не хотел бы видеть в отношении себя. Такая мысль прямо связана с нормами речевого этикета, поскольку осуждение, сплетня и грубое слово нарушают уважительный характер общения.

Другим средневековым персидско-таджикским ученым был Хусайн Воизи Кошифи. Помимо многочисленных научных, литературных и религиозных трудов, он написал книгу «Футувватномаи султонӣ» («Книга о благородстве»), которая занимает особое место в истории этики, культуры речи и ораторского искусства. В этой книге есть глава «Дар одоби сухан» («Об этикете речи»), где Кошифи, как и другие мыслители прошлого, объясняет значение речи, место говорящего, нормы этикета и правила поведения во время разговора.

Кошифи пишет: «Знай, что честь человека – в речи, и тот, кто не соблюдает этикет речи, будет лишен этой чести. Ведь речь должна быть вознаграждена (правильными словами), а молчание лучше ее». Эту мысль он подкрепляет словами Саъдии Шерози:

*Баҳоим хамӯшанд гӯе башар,
Забон баста беҳтар, ки гӯе ба шар.*

[Животные молчат, словно люди,
Лучше молчать, чем говорить во зло].

Далее Кошифи выделяет правила речи, которые должен соблюдать человек, стремящийся к нравственной и речевой зрелости. Первое из них связано с уместностью слова: речь должна соответствовать положению

собеседника, ситуации и характеру общения. Эту мысль он выражает через поэтическую формулу:

Бо ери нав аз гами куҳан бояд гуфт,

Бо ӯ ба забони ӯ сухан бояд гуфт.

[С новым другом следует говорить о старых печалях?

С ним нужно говорить на его языке].

Для исследования формул речевого этикета эти положения важны тем, что они подчеркивают зависимость речевой формы от адресата, ситуации и цели общения. У Кошифи речевой этикет проявляется не только в запретах на грубость и сплетни, но и в умении выбрать нужное слово, нужный тон и понятную собеседнику форму выражения.

Далее Кошифи называет и другие правила речи: говорить вежливо, а не грубо; обращаться к собеседнику с открытым лицом и доброжелательным выражением, а не угрюмо и сердито; говорить в меру, чтобы не утомлять слушателя; произносить только такие слова, которые приносят пользу; избегать пустой речи, поскольку, по его словам, слова великих подобны семенам: если семена гнилые и пустые, они не прорастут ни на одной земле и не принесут пользы [I. 232, 254]. В этих положениях особенно ясно проявляется мысль Кошифи о том, что речевой этикет связан не только с правильностью речи, но и с ее пользой, мерой, тоном и воздействием на слушателя.

Хусайн Воизи Кошифи сам был известным оратором, хорошо понимал тонкости публичной речи и уделял особое внимание соблюдению речевого этикета. Его рассуждения опираются на слова и опыт мыслителей прошлого, однако он систематизирует их применительно к разным условиям общения. В частности, Кошифи различает речевой этикет знатных людей и речевой этикет простых людей. Такая классификация связана с социальным статусом собеседников и показывает, что выбор речевой формы зависит от положения говорящего и адресата.

В этикете ведения беседы Кошифи выделяет несколько правил: говорить так, чтобы речь соответствовала статусу собеседника; выражаться вежливо и искренне, а не резко и сурово; сохранять открытость и доброжелательность во время разговора; не говорить слишком много, чтобы не наскучить собеседнику; произносить слова, имеющие смысл и пользу. Эти правила близки к современному пониманию формул речевого этикета, поскольку они требуют учитывать адресата, ситуацию общения, тон высказывания и цель речи.

В общении между простыми людьми Кошифи также устанавливает ряд норм: не говорить без необходимости и до того, как тебя спросят; не повышать голос; не смотреть по сторонам во время разговора; не говорить предвзято, с сарказмом, грубо или резко; не произносить необдуманных слов, о которых потом можно пожалеть; не перебивать собеседника; не говорить слишком много, поскольку чрезмерная речь воспринимается как признак речевой несдержанности [I. 232, 255].

Таким образом, в рассуждениях Кошифи речевой этикет выступает как система норм, регулирующих слово, тон, поведение и отношение к собеседнику. Для настоящего исследования эти положения важны тем, что они показывают раннее осмысление формул речевого общения: говорящий должен выбирать не случайные выражения, а такие речевые формы, которые соответствуют ситуации, статусу адресата и нравственной цели общения.

В книге «Футувватномаи султонӣ» есть глава «Дар одоби салом кардан» («Об этикете приветствия»), которая имеет прямое отношение к изучению формул речевого этикета. Приветствие является одной из начальных форм общения между говорящим и слушающим. В культуре ираноязычных народов, особенно таджиков, правила приветствия занимают важное место, поскольку через них устанавливается первый речевой контакт, выражаются уважение, доброжелательность и признание собеседника.

Хусайн Воизи Кошифи подробно определяет случаи, в которых следует произносить приветствие. Он отмечает, что здороваться необходимо при

встрече с братом по вере, в пути, при подходе к дому знакомого человека, при входе в собрание, при уходе из места, где находятся люди, при посещении могилы, а также при входе в дом к домочадцам [I. 232, 262]. Такое описание показывает, что приветствие в классической традиции рассматривалось не как случайная форма речи, а как устойчивая формула, связанная с определенной ситуацией общения.

Наряду с этим Кошифи указывает и случаи, когда приветствие произносить не следует. Он пишет: «Если спросят, в каких местах не следует произносить приветствия? Скажите: в шести местах. Во-первых, в ванной. Во-вторых, с тем, кто занят справлением нужды. В-третьих, с тем, кто читает Коран. В-четвертых, с тем, кто молится. В-пятых, с чужими женщинами. Если кто-то поприветствует вас в этих местах, не отвечайте, чтобы не совершить грех» [I. 232, 263]. Эти ограничения показывают, что формула приветствия зависит не только от намерения говорящего, но и от места, времени, состояния адресата и культурно-религиозной нормы.

Кошифи также описывает правила самого приветствия. По его мнению, приветствие должно быть полным и произноситься словами, а не только жестом. Всадник приветствует пешехода, младший старшего, меньшинство большинство; при этом приветствие должно сопровождаться открытым лицом и доброжелательным выражением. В качестве речевых формул он приводит *Ассалому алайкум* и *Салому алайкум*, а при обращении к группе *Ассалому алайкум* [I. 232, 263]. Эти наблюдения важны для настоящего исследования, поскольку они показывают, что формулы приветствия имеют устойчивую структуру, собственные условия употребления и тесную связь с нормами таджикской речевой культуры.

Речевой этикет не является односторонним процессом, поэтому важны не только формулы приветствия, но и правила ответа на них. Хусайн Воизи Кошифи подробно говорит об этом: «Если они спросят, каковы правила ответа? Скажите: их семь». К числу таких правил он относит ответ с открытым лицом и доброжелательным выражением, ответ словами, а не

только жестом, а также такую громкость ответа, чтобы приветствующий мог его услышать: *панҷум, агар гурӯҳе истода бошад, як нафар ҷавоби салом диҳад басанда аст* «пятое: если стоит группа людей, достаточно, чтобы один человек ответил на приветствие». Далее Кошифи подчеркивает: *шашум, ҷавоби салом бо лафз диҳанд, на ба ишорат* «шестое: на приветствие следует отвечать словами, а не жестом»; *ҳафтум, бояд ки чунон ҷавоб диҳад, ки саломдиҳанда шунавад* «седьмое: отвечать нужно так, чтобы приветствующий услышал ответ» [I. 232, 263].

Помимо места и способов приветствия, Кошифи определяет также достоинство приветствия. Он пишет: «Если спросят, в чем достоинство приветствия, скажи: в том, чтобы дарить приветствие и быстро отвечать на них» [I. 232, 263]. Эти положения показывают, что формула приветствия в классической традиции понималась как двустороннее речевое действие: она требует не только произнесения, но и обязательного, уместного и слышимого ответа.

Исследователи коммуникативной лингвистики обычно выделяют два вида коммуникации: вербальную, осуществляемую с помощью языка и языковых средств, и невербальную, связанную с жестами, мимикой, взглядом, положением тела и другими неязыковыми средствами. В обоих случаях этикет играет важную роль, однако для настоящего исследования основное значение имеют именно речевые формулы, а невербальные средства рассматриваются как сопровождающий компонент общения. В приведенных выше материалах персидско-таджикской научной и литературной традиции уже прослеживаются ранние представления о вербальном речевом этикете, формулах приветствия, ответе на приветствие и условиях их уместного употребления.

Изучение невербальной коммуникации показывает, что общение между людьми не ограничивается словами. Невербальные средства имеют древнюю основу и помогают передавать отношение, чувства и психологическое состояние говорящего. В научной литературе невербальная коммуникация

определяется как «совокупность неязыковых средств, символов и знаков, которые используются для передачи информации и сообщений в процессе общения» [I. 226, 152]. Для анализа формул речевого этикета это важно потому, что в реальном общении слово часто сопровождается жестом, взглядом, выражением лица и общим поведением собеседников.

В трудах предшествующих авторов речевой этикет рассматривается не только через слово, но и через поведение, жест, выражение лица, дистанцию и общий облик человека в общении. Рузбех (Ибн Мукаффа) в «Адаб-ул-акбар ва адаб-ул-асгар» пишет: «Носите перед людьми две одежды, которые мудрец не имеет иного выбора, и без которых нет смысла и понятия жизни и чести. Одна из них – одежда отчужденности и дистанции от людей, которую вам следует носить перед людьми, чтобы они не противостояли вам, если только не считают вас строгим человеком, готовым к самоотречению». Далее он говорит о «другой одежде добродушия и любви к окружающим», которую человек должен проявлять в отношениях с людьми [I. 232, 104]. В данном случае образ «одежды» можно понимать как внешнее выражение внутренней меры поведения: человек должен уметь сохранять достоинство, дистанцию и одновременно доброжелательность в общении.

Таким образом, материалы, рассмотренные в разделе 1.2, показывают, что в таджикско-персидской научной и литературной традиции вопросы речевого этикета имели глубокие исторические основания. В трудах Рузбеха, Кайковуса, Насириддина Туси, Саъдии Шерози, Убайди Зокони, Хусайна Воизи Кошифи и других авторов нашли отражение представления о правильной речи, уместном слове, культуре слушания, приветствии, ответе на приветствие, запрете на грубость, ложь, сплетни и неуместное высказывание.

Для настоящего исследования особенно важно то, что в этих источниках уже прослеживаются ранние представления о формулах речевого этикета. Они связаны с обращением, приветствием, ответом, просьбой, наставлением, запретом, благодарностью и другими устойчивыми речевыми

действиями. Эти формулы не существуют отдельно от ситуации общения: их выбор зависит от адресата, возраста, социального положения, места разговора, цели речи и нравственной ответственности говорящего.

Следовательно, наследие предшествующих поколений представляет собой важную основу для изучения формул таджикского речевого этикета в современном языкознании. Оно позволяет увидеть, как исторически формировались нормы речевого поведения, как слово связывалось с культурой и нравственностью и почему формулы общения занимают особое место в системе таджикской речевой традиции.

1.3. Изучение формул речевого этикета в русском и европейском языкознании

Изучение формул речевого этикета в русской и европейской лингвистике сформировалось как самостоятельное направление научного анализа. К настоящему времени по данной проблеме опубликовано значительное количество работ, посвященных устойчивым формулам общения, нормам речевого поведения, коммуникативным ситуациям и национально-культурным особенностям речевого этикета.

В 1960-х годах В. Г. Костомаров провел ряд исследований, посвященных речевому этикету, нормам литературного языка и функционированию устойчивых формул общения. Его работы считаются одним из первых этапов специального изучения речевого этикета в советской лингвистике. Именно с этим направлением связывается активное употребление термина «речевой этикет» в отечественной науке. На основе его научных идей А. А. Акишина, Н. И. Формановская и другие исследователи начали изучать русский речевой этикет, в том числе в сопоставлении с другими языками. В дальнейшем это направление получило широкое развитие и сохраняет научную значимость до настоящего времени.

В работах различных исследователей речевой этикет и формулы речевого общения интерпретируются по-разному, однако общее внимание

уделяется их роли в организации межличностной коммуникации. Н. И. Формановская определяет речевой этикет как «правила человеческих взаимоотношений между собой, выраженные в речи» [I. 269, 36]. Данное определение представляет интерес для настоящего исследования, поскольку подчеркивает языковую природу этикета и его реализацию через конкретные речевые средства и устойчивые формулы общения.

В российской лингвистике за последние десятилетия многие исследователи обращались к проблемам речевого этикета. Каждый из них рассматривает данное явление в соответствии с объектом, целью и задачами своего исследования. Вместе с тем общей чертой большинства работ является внимание к языковым единицам, посредством которых устанавливается и поддерживается речевой контакт между участниками общения. Центральное место в исследованиях занимают вопросы функционирования формул речевого этикета, их выбора в зависимости от ситуации общения, адресата, социальной роли говорящего и национально-культурных особенностей коммуникации.

Л. А. Введенская под речевым этикетом понимает «выработанные правила речевого поведения, систему формул общения» [I. 51, 276]. Данное положение особенно важно для темы настоящей диссертации, поскольку речевой этикет рассматривается не только как совокупность норм поведения, но и как система устойчивых формул, используемых в различных коммуникативных ситуациях. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» также подчеркивается, что речевой этикет представляет собой систему устойчивых формул общения, созданных обществом для установления речевого контакта между собеседниками, поддержания общения в соответствующем тоне, с учетом социальной роли, ролевой позиции и характера официальной или неофициальной ситуации [I. 154, 413].

Речевой этикет регулирует нормы речевого поведения в обществе и проявляется прежде всего через устойчивые речевые формулы. А. А. Акишина и Н. И. Формановская рассматривают его как систему правил

речевого поведения, обеспечивающих двустороннюю связь между собеседниками. Эти правила принимаются носителями языка и могут варьироваться в зависимости от возраста, социальной принадлежности, характера отношений между участниками общения и конкретной коммуникативной ситуации.

В русской лингвистике Н. И. Формановская определяет речевой этикет как «микросистему специфических национальных вербальных единиц, принятых и установленных обществом для установления контакта между собеседниками, поддержания общения в соответствующем тоне в соответствии с правилами речевого поведения» [I. 275, 2]. В другом определении речевой этикет понимается как «правила, регулирующие речь в ситуациях установления, поддержания и прекращения контакта между участниками коммуникации, определяемые их статусом, ролью и личными отношениями в формальной и неформальной среде социальной и национальной коммуникации» [I. 271, 177]. Оба определения важны для настоящего исследования, поскольку в них подчеркивается связь речевого этикета с устойчивыми формулами общения, ситуацией речи, статусом собеседников и характером коммуникативного контакта.

Изучение речевого этикета в русской лингвистике во многом развивалось под влиянием научной школы Н. И. Формановской. В. Е. Голдин, анализируя речевой этикет, отмечает: «Способы речи, стиль, разрешение или запрет говорить одно и не говорить другое, выбор языковых средств как признак принадлежности человека к среде – все это отражается в повседневных явлениях нашей речи» [I. 71, 16]. Это положение показывает, что речевой этикет связан не только с готовыми выражениями, но и с выбором допустимых языковых средств в конкретной социальной среде.

В русской лингвистике интерес к речевому этикету был связан с задачами описания норм общения, культуры речи и функционирования языка в обществе. Особенно активно это направление развивалось в советский период, когда исследователи обращались к вербальной и невербальной

коммуникации, сопоставлению языков и культур, а также к национальным особенностям речевого поведения. В дальнейшем изучение речевого этикета стало связано с прагматикой, лингвопрагматикой и когнитивной лингвистикой. Так, исследования Е. Новак, А. Г. Бердникаковой и О. А. Агарковой затрагивали вопросы прагматического описания речевого общения и теоретического осмысления жанров речевого этикета [I. 32, 22]. Для настоящей работы эти подходы важны тем, что они позволяют рассматривать формулы речевого этикета как единицы, зависящие от ситуации, адресата, цели высказывания и культурной нормы.

Изучение формул речевого этикета российскими и европейскими лингвистами продолжается и постепенно охватывает все более широкий круг тем. Исследования проводятся не только на материале прозы и языка средств массовой информации, но и на основе драматургических текстов. Так, А. А. Соловьева анализирует пьесы и рассматривает жанр совета в разных типах повседневной беседы: педагогической, медицинской, рекламной и др. [I. 246]. Наряду с этим развиваются сопоставительные исследования речевого этикета, в которых русский язык сравнивается с другими европейскими и азиатскими языками. Л. С. Безменова на англоязычном материале исследует функциональные, семантические и прагматические особенности речи в связи с жанром похвалы [I. 28].

Сравнительное изучение отдельных жанров речевого этикета в разных языках мира открывает важное направление в коммуникативной лингвистике. В этом отношении интерес представляют работы Т. В. Абрамовой, Р. В. Серебряковой и А. О. Стеблецовой. В исследовании Т. В. Абрамовой рассматриваются особенности диалога в жанре просьбы [I. 5]; Р. В. Серебрякова анализирует национальные особенности выразительных форм похвалы и восхищения [I. 237]; А. О. Стеблецова изучает национальные особенности речевого этикета на материале деловых текстов [I. 248]. Значительная часть подобных исследований основана на литературных, художественных, публицистических и деловых материалах

XIX-XX веков, что позволяет проследить функционирование формул речевого этикета в разных типах текста и коммуникативных ситуациях.

Среди российских исследователей особое место занимает Н. И. Формановская, в работах которой подробно раскрыты особенности русского речевого этикета. Она анализирует его функции, факторы формирования, условия употребления и устойчивые формулы общения, оставив значительное научное наследие в данной области.

Одной из важных проблем, находящихся в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов, является изучение речевых жанров, их форм, типологии и структуры. Для настоящего исследования этот вопрос важен потому, что формулы речевого этикета функционируют внутри определенных жанров общения: обращения, приветствия, просьбы, благодарности, извинения, поздравления, комплимента и других речевых моделей. Сам термин «жанр» в лингвистическом описании речевого общения во многом связан с работами М. М. Бахтина, на идеи которого опирается и настоящее исследование.

М. М. Бахтин писал о многообразии речевых жанров: «Богатство и разнообразие речевых жанров для различных видов человеческой деятельности безграничны, поскольку в каждой сфере деятельности существует целый репертуар самобытных и развивающихся речевых жанров в зависимости от степени развития и сложности этой сферы» [I. 26, 250]. Это положение важно для анализа формул речевого этикета, поскольку каждая коммуникативная ситуация имеет свои устойчивые формы выражения, свою структуру и свои условия употребления.

Лингвисты отмечают, что речевые жанры можно классифицировать по тематике, функции, сфере употребления, стилю выражения и коммуникативной цели. Формулы речевого этикета существуют как в устной, так и в письменной форме; они различаются по объему, структуре, степени устойчивости и условиям восприятия. Поэтому для их описания важно

учитывать не только тему высказывания, но и форму выражения, адресата, ситуацию общения и речевую задачу.

Вопрос классификации речевых жанров остается актуальной научной проблемой, поскольку в современной лингвистике до сих пор нет единого подхода к их систематизации. М. М. Бахтин подчеркивал: «Определенного наименования речевых жанров пока не существует, и даже принцип такой классификации до сих пор неясен» [I. 26, 273]. Поэтому он обращал внимание прежде всего на многообразие речевых жанров и делил их на первичные, или простые, и вторичные, или сложные.

Для настоящего исследования особенно значимы первичные речевые жанры, поскольку именно к ним относятся многие формулы речевого этикета: обращение, приветствие, просьба, благодарность, извинение, поздравление и другие устойчивые формы общения. Вторичные жанры, такие как роман, рассказ, повесть и другие сложные литературные формы, важны прежде всего, как материал, в котором эти формулы функционируют и раскрываются в конкретных речевых ситуациях.

Классификация жанров речевого этикета остается непрерывным процессом в отечественной и зарубежной лингвистике. В проведенных исследованиях речевые жанры классифицировались по-разному, в зависимости от цели и материала анализа. Несмотря на достигнутые результаты, ряд вопросов по-прежнему остается дискуссионным. Современные исследователи предлагают разные основания для классификации речевых жанров. Так, Е. А. Земская обращает внимание на традиционную и более простую классификацию, основанную на количестве участников коммуникативного процесса: два участника – диалог, более двух участников – полилог и т. д. [I. 99, 42].

Содержательное многообразие жанров речевого этикета не позволяет классифицировать их только по одному или двум признакам. Для более точного описания необходимо учитывать характер общения, его вид, количество участников, социальные и личностные особенности

собеседников, тему и цель высказывания. Поэтому жанры речевого этикета могут рассматриваться с разных сторон: по ситуации общения, по коммуникативной задаче, по составу участников, по форме выражения и по степени устойчивости речевых формул.

В мировой лингвистике дискуссия о классификации речевых жанров продолжается. Исследователи подходят к этому вопросу с разных позиций, и единого критерия классификации пока не выработано. Е. А. Земская считает, что для дальнейшего описания речевых жанров необходимо развивать уже существующие признаки и опираться на широкий фактический материал.

Другой исследователь, Т. В. Шемелова, в качестве основного критерия классификации выбирает коммуникативную цель. Она рассматривает ее как главный признак формирования речевых жанров и выделяет информационные, оценочные, перформативные и императивные жанры [I. 305, 88–98].

Н. Д. Арутюнова классифицирует речевые жанры с учетом целевых факторов, рассматривая прежде всего типы диалога. Она выделяет несколько параметров диалогического общения: информационный диалог; поучительный диалог; обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины; диалог, направленный на установление или регулирование межгосударственных и личных отношений; а также жанры «бесполезных речей», среди которых называются эмоциональные, художественные и интеллектуальные формы общения [I. 18, 5].

Автор данной классификации указывает на разнообразие жанров в зависимости от цели общения, готовности собеседников к ответной реакции, ситуации, состояния участников речи, характера и условий диалога. В. В. Дементьев классифицирует речевые жанры, исходя из противопоставления двух общих полюсов общения – фатического и информативного, различение которых было предложено Т. Г. Винокур [I. 58, 108–109].

В коммуникативной лингвистике фатическое общение понимается как вступление в контакт ради самого контакта, тогда как информативное

общение направлено на передачу определенной информации. По мнению В. В. Дементьева, информативные речевые жанры изучены более подробно, чем фатические. При этом он выделяет несколько типов фатических жанров: прямое ухудшение межличностных отношений, например, клевета, обвинение, конфликт; прямое улучшение отношений, например, признание, похвала, искренний разговор; косвенное ухудшение отношений, выраженное через сарказм, насмешку или резкое обращение; косвенное улучшение отношений, проявляющееся в шутке, привязанности, любовном признании; а также жанры пустой болтовни, которые не меняют отношения между собеседниками [I. 87, 38].

Для изучения формул речевого этикета данная классификация важна тем, что она показывает разные коммуникативные функции устойчивых речевых форм: одни из них поддерживают контакт и улучшают отношения, другие, напротив, могут нарушать речевую гармонию и приводить к коммуникативному напряжению.

Классификация и группировка речевых жанров разрабатывались не только российскими, но и европейскими лингвистами. Так, чешский исследователь К. Кожевникова предложила классификацию текстов с учетом степени жанровой регламентации. Она выделяет три группы: тексты, содержание которых строится по обязательным информационным моделям, например, инструкции, рецепты, театральные афиши; тексты, организованные по обычной информационной модели, например, газетные сообщения о текущих событиях или отклики на произведения искусства; тексты со свободной структурой, содержание которых не подчиняется строгим жанровым требованиям, например, частная переписка [I. 122, 49–67].

В исследованиях других ученых также разрабатывались формальные критерии классификации речевых жанров. В частности, С. Гайда, предложивший одну из развернутых систематизаций речевых жанров, выделяет несколько подходов к их описанию. Во-первых, он разграничивает простые и сложные жанры: простые соотносятся с отдельными речевыми

актами, тогда как сложные представляют собой последовательность вербальных действий, каждое из которых имеет свою функцию и место в коммуникативной деятельности. Во-вторых, исследователь различает первичные и вторичные жанры. Первичные жанры связаны с непосредственной ситуацией общения, а вторичные возникают в условиях более сложной культурной коммуникации и производны от первичных; к ним относятся, например, письмо и дневник. В-третьих, С. Гаيدا выделяет тематические жанры и в этом ряду называет жанры речевого этикета: благодарность, приветствие, прощание, пожелание [I. 63, 110–111].

Для настоящего исследования эти классификации важны тем, что они позволяют рассматривать формулы речевого этикета не изолированно, а в системе речевых жанров. Формулы приветствия, благодарности, прощания, пожелания и другие устойчивые выражения имеют собственную структуру, ситуацию употребления и коммуникативную функцию. Поэтому обращение к работам отечественных и зарубежных исследователей помогает точнее определить место формул речевого этикета в общей системе речевой коммуникации.

О. Б. Сиротинина при классификации жанров повседневного общения обращает внимание на критерий подготовленности и неподготовленности речи [I. 233, 26–31]. В зависимости от степени речевого оформления для слушателя жанры могут быть разговорными и риторическими. Исследователь также подчеркивает необходимость различать информационные и фатические жанры.

Подробная классификация жанров повседневного общения представлена в работах М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [I. 117, 103–126]. По мнению исследователей, «типология жанров в конкретной коммуникативной среде должна основываться на типологии ситуации» [I. 117, 111]. Это положение важно для анализа формул речевого этикета, поскольку их выбор всегда зависит от конкретной ситуации общения.

В современной лингвистике речевые жанры классифицируются также с учетом сфер социальной жизни. Такой подход представлен, например, в работах Дж. Гиббонса и В. Бхатии [I. 45, 1–7]. В целом исследователи учитывают тип взаимодействия, функцию жанра, его структуру, содержание, сферу употребления и цель общения.

Таким образом, рассмотрение работ русских и европейских исследователей показывает, что формулы речевого этикета изучаются в связи с речевыми жанрами, коммуникативной ситуацией, социальной ролью собеседников, целью общения и национально-культурными нормами. В научной традиции выделяются разные основания классификации: информативные и фатические жанры, подготовленная и неподготовленная речь, первичные и вторичные жанры, а также жанры, определяемые сферой социальной коммуникации. Это подтверждает, что формулы приветствия, обращения, просьбы, благодарности, извинения, поздравления и другие устойчивые выражения нельзя рассматривать вне ситуации их употребления.

Теоретические подходы российских и европейских исследователей имеют важное значение для изучения формул таджикского речевого этикета. Вместе с тем таджикский материал требует самостоятельного анализа с учетом его исторического развития, национально-культурной специфики, жанрового состава и особенностей функционирования в художественной прозе XX-XXI веков. Именно это определяет дальнейшую логику исследования и переход к анализу таджикских формул речевого этикета в последующих главах.

1.4. Функции формул речевого этикета

Язык как основное средство общения регулирует различные стороны общественной жизни и служит важнейшим инструментом формирования мировоззрения, передачи информации, сохранения культурного опыта и организации межличностного взаимодействия. Посредством языка устанавливаются и поддерживаются отношения между людьми,

формируются нормы поведения и реализуются различные коммуникативные задачи. Вместе с тем среди ученых до сих пор отсутствует единое мнение относительно количества и содержания функций языка как социального феномена. В зависимости от научного направления и исследовательских задач предлагаются различные подходы к их определению и классификации. В таджикском языкознании данная проблема пока не получила специального и всестороннего освещения, хотя в последние годы интерес к ней постепенно возрастает.

Если коммуникативная функция языка в целом не вызывает серьезных разногласий и традиционно рассматривается как его основное назначение, то функции формул речевого этикета требуют более детального анализа. Формулы речевого этикета выполняют не только роль средства общения, но и обеспечивают установление, поддержание и регулирование межличностных отношений, отражая национально-культурные нормы речевого поведения. Поэтому для выявления и уточнения их функций необходимо учитывать результаты исследований отечественных и зарубежных лингвистов.

Одним из исследователей, обратившихся к данной проблеме, является А. Г. Балакай. В своих работах он выделяет следующие основные функции речевого этикета: коммуникативную, обеспечивающую процесс общения; логико-познавательную, или когнитивную, связанную с формированием индивидуального и общественного сознания; а также кумулятивную, направленную на сохранение и передачу социального опыта от поколения к поколению [I. 23, 55].

Для определения функций речевого этикета необходимо учитывать и функции языка, поскольку язык как средство вербального общения выполняет не только коммуникативную, но и познавательную, информативную, эмоциональную, контактоустанавливающую и кумулятивную функции. Познавательная функция связана с деятельностью человеческого сознания: через язык человек получает и осмысливает

значительную часть информации о внешнем мире. Кумулятивная функция выражается в сохранении социального опыта, знаний и культурных представлений, которые передаются от поколения к поколению. Конструктивная функция проявляется в формировании мысли: с помощью языковых средств мысль получает словесную форму и становится понятной как для говорящего, так и для слушателя. Эмоциональная функция помогает передать внутреннее состояние человека, где особую роль играют интонация, тон речи и выбор слов.

Особое значение для речевого этикета имеет контактоустанавливающая функция языка. Иногда общение не несет большой новой информации, но выполняет другую важную задачу: создает условия для дальнейшего доверительного и уважительного взаимодействия. Именно в таких ситуациях особенно заметна роль формул речевого этикета. Приветствие, обращение, благодарность, извинение, пожелание, просьба и прощание помогают начать, поддержать или завершить общение, сохранить доброжелательный тон и обозначить отношение говорящего к собеседнику.

Как уже отмечалось выше, речевой этикет имеет собственные функции, однако перед их рассмотрением необходимо учитывать и принципы его формирования. Поведение человека во многом связано с универсальными нравственными правилами, которые в разных культурах получают свое выражение через нормы общения. Речевой этикет в этом отношении не является исключением. Известный нравственный принцип Иммануила Канта «поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой» [I. 253, 70] близок по смыслу к тем представлениям о вежливости, уважении и мере в слове, которые встречаются и в трудах персидских и таджикских мыслителей.

Суть этого принципа связана с вежливостью и уважительным отношением к собеседнику. Поэтому говорящий должен выбирать формулы речевого этикета с учетом ситуации, статуса адресата, степени знакомства с ним и цели общения. К основным требованиям речевого этикета относятся

последовательность, точность, краткость и правильность речи. Чем яснее и конкретнее выражена мысль, тем легче она воспринимается слушателем. Эту идею точно передает мысль Мавлоно Джалолиддина Балхи: «Когда речь затягивается, цель забывается» [I. 253, 79]. Вежливый человек говорит с людьми спокойно, искренне и доброжелательно, не нарушая меры и уважительного тона общения.

Исследователи данного направления отмечают, что одним из главных принципов речевого этикета и условий эффективного взаимодействия является вежливость. Она выступает не только нормой поведения, но и важным средством организации общения. Несмотря на влияние разных социальных, культурных и речевых факторов, коммуникация строится по определенным принципам, среди которых особое место занимает уместное использование формул речевого этикета. Такие формулы помогают выразить уважение, доброжелательность, сочувствие, благодарность, одобрение и другие значения, необходимые для поддержания полноценного контакта между собеседниками.

Дружелюбное отношение к собеседнику проявляется не только в прямых формулах вежливости, но и в оценочных высказываниях, через которые говорящий выражает уважение, восхищение или доброе отношение к человеку. Например,

– *Худо медонад, ки дар сад соли дигар ба ин пайкару шаклу шамоил, ба ин дилҳову гурда чавонмарде пайдо мешавад е не?*

– *Паҳ, аҷаб нангу гуруре дошт... Ҷонаш барои ҳар як тоҷик месӯхт.*

– *Дасткушоди бемисл буд. Чор сум меефт, раҳ ба раҳ шиками ятимақони оворагардро сер мекард...*

[– Бог знает, появится ли через сто лет молодой человек с такой фигурой, телосложением и темпераментом, с таким сердцем и такой отвагой или нет?

– Ах, какое у него было чувство достоинства и гордости... Его душа болела за каждого таджика.

– Он был человеком несравненной щедрости. Даже если находил немного денег, по дороге кормил бездомных сирот...] [Ш. 1, 190].

В данном фрагменте речевой этикет проявляется через положительную оценку человека, подчеркивание его достоинства, щедрости и заботы о других. Такие высказывания выполняют этикетную функцию, поскольку формируют уважительный тон общения и передают доброжелательное отношение говорящего.

Этикетная функция речевых формул проявляется и в ситуациях уважительного обращения, просьбы, смягчения возможного конфликта и выражения личного отношения к собеседнику. Например, *Ба маълумотон мерасонам, ки дар ҳамаи мактабҳои ноҳия ҳамагӣ се муаллим факултети математикаи Университети давлатии Тоҷикистонро хатм кардааст. – Хеле сарфарозам, муаллим, – аз ҷоям хестам ба эҳтироми ӯ. – Хоҳиш дорам аз мо наранҷед, муодиларо ҳал кунед... Намешавад, мефаҳмед е не? Ин қадар маҳмадоно шудаед, ман ҳайрони туву Сафарали, Раҳмон...* [Хочу сообщить вам, что во всех школах района только трое учителей окончили математический факультет Таджикского государственного университета. – Я очень горжусь вами, учитель, – я встал со своего места в знак уважения к нему. – Прошу вас, не обижайтесь на нас, решите уравнение... – Нельзя, понимаете или нет? Вы стали такими всезнайками, я поражаюсь тебе, Сафарали, Рахмону...» [Ш. 33, 247].

В данном примере формулы *Хеле сарфарозам, муаллим* «я очень горжусь вами, учитель», *ба эҳтироми ӯ* «в знак уважения к нему», *Хоҳиш дорам аз мо наранҷед* «прошу вас, не обижайтесь на нас» выполняют функцию уважительного обращения и смягчения просьбы. При этом ответ собеседника показывает нарушение этикетного тона: резкое обращение и слово *маҳмадоно* «всезнайки» создают напряжение в общении.

В другом фрагменте речевой этикет связан с выражением доверия, искренности и эмоциональной близости между собеседниками:

– *Хайр дигар дар дил армон намонд, – ором, як андоза боифтихор гуфт Сафол, – Зебо буд. Дӯстаи доштам, мефаҳмӣ? Дӯстаи доштам!*

– *Ошиқ шудӣ? – бо эҳтирос пурсид Фил.*

– *Напурс, – Сафол оҳ кашид.*

– *Ў ҳам туро дӯст дошт?*

– *Намедонам... Муносибаташ гарм, самимӣ буд...*

[– Ну, в моем сердце больше не осталось сожалений, – спокойно, с некоторой гордостью сказал Сафол. – Она была прекрасна. Я любил ее, понимаешь? Любил!

– Ты влюбился? – с волнением спросил Фил.

– Не спрашивай, – вздохнул Сафол.

– Она тоже тебя любила?

– Не знаю... Ее отношение было теплым, искренним...] [Ш. 1, 194].

Здесь этикетная функция проявляется не через официальные формулы, а через доверительный тон, мягкую вопросно-ответную форму и эмоциональную сдержанность. Такие примеры показывают, что функции формул речевого этикета зависят не только от готовых выражений, но и от ситуации общения, интонации, отношений между собеседниками и характера речевого поведения.

По мнению Н. И. Формановской, вежливость и этикет в правилах общения выражают близкие значения, поскольку вежливость проявляется практически во всех коммуникативных ситуациях. Она имеет разные смысловые оттенки: может подчеркивать официальность общения, выражать уважение, стремление быть приятным и полезным для собеседника [И. 276, 13].

В. Неверов сравнивает категорию вежливости в общении с барометром: «Это как расстояние между машинами, движущимися в ряд. Если оно слишком велико, нужно увеличить скорость (легче сказать), а если слишком мало, нужно затормозить. Главное – избежать столкновения» [И. 184, 96]. Это сравнение точно передает одну из важных функций речевого этикета: он

помогает регулировать дистанцию между собеседниками и предотвращать коммуникативное столкновение.

Вежливость обычно рассматривается как нравственная категория. Вместе с тем в современной научной литературе она все чаще изучается как средство установления и поддержания контакта между участниками общения. В этом процессе особую роль играют языковые средства, прежде всего формулы речевого этикета, которые помогают выражать уважение, доброжелательность, признание достоинства собеседника и готовность к взаимодействию. В этом смысле формулы вежливости составляют важную основу культурного и межкультурного общения.

Главная сущность вежливости связана с устойчивыми нравственными ценностями: уважением к старшим, признанием человеческого достоинства, доброжелательным отношением к людям и соблюдением меры в слове. Одной из задач речевого этикета является предупреждение грубости, резкости и неуместного поведения в общении. Это достигается через выбор правильного тона, уместной речевой формулы и соответствующей ситуации манеры разговора.

Для определения функций речевого этикета важно учитывать ситуацию, в которой происходит беседа. Особенно при установлении контакта необходимо соблюдать правила начала разговора, учитывать манеру речи, позу, положение и внешний вид собеседников. Ситуация речевого этикета включает установление контакта, обращение, поддержание общения и его завершение. Конфуций говорил: «Хороший человек совершает три ошибки в общении: начинать говорить, когда еще не пришло время – это нетерпение; молчать, когда пришло время – это сокрытие секрета; говорить, не глядя в лицо собеседнику – это безразличие» [I. 214, 22].

В каждой из этих ситуаций говорящий должен соблюдать правила речевого этикета и использовать соответствующие формулы общения. Формулы обращения, приветствия, просьбы, благодарности, извинения и завершения разговора помогают сделать речь более точной, уместной и

воздействующей на собеседника. Среди функций речевого этикета особенно важной является контактоустанавливающая функция, поскольку именно она позволяет начать общение, поддержать его в нужном тоне и избежать нарушения речевой гармонии. При этом данная функция не существует изолированно: она тесно связана с регулятивной, эмоциональной, оценочной и культурно-социальными функциями формул речевого этикета.

Выразительная функция языка в лингвистическом словаре определяется как «средство выражения чувств и эмоций человека, его внутреннего состояния» [I. 94, 465]. Благодаря этой функции в общении передается не только информация, но и эмоциональное состояние говорящего: радость, тревога, сочувствие, уважение, недовольство и другие оттенки внутреннего отношения. В формулах речевого этикета выразительная функция проявляется особенно заметно, поскольку через приветствие, благодарность, извинение, поздравление, утешение или просьбу говорящий передает не только содержание высказывания, но и свое отношение к собеседнику.

Другие функции языка и речевого этикета также взаимосвязаны и дополняют друг друга. Конструктивная функция связана с участием языка в формировании мысли и ее словесном оформлении. Коммуникативная функция обеспечивает сам процесс общения, а экспрессивная помогает передать эмоциональный тон высказывания. Кумулятивная, или накопительная, функция создает условия для сохранения и передачи социального, культурного и речевого опыта. В этом отношении формулы речевого этикета имеют особое значение: они сохраняют устойчивые нормы приветствия, обращения, благодарности, пожелания, извинения и других речевых действий, передавая их от поколения к поколению.

С развитием общества кумулятивная функция языка расширялась, поскольку появлялись новые способы сохранения и передачи информации. Например, благодаря словарям, письменным памятникам и художественным текстам многие речевые нормы сохранялись на протяжении длительного

времени и передавались следующим поколениям. В научной литературе отмечается: «Эти четыре функции: коммуникативная, экспрессивная, конструктивная и аккумулятивная – рассматриваются как различные аспекты проявления сущности языка» [I. 271, 18].

Н. И. Формановская рассматривает язык как средство коммуникации и одновременно как средство формирования и выражения мысли. Она пишет: «На основе речевого этикета как микросистемы языковых единиц вытекает фундаментальная функция языка: функция коммуникации (коммуникативная) и функция восприятия и отражения мира и выражения мыслей. На основе коммуникативной функции формируется особая функция речевого этикета» [I. 271, 19]. Это положение важно для настоящего исследования, поскольку формулы речевого этикета выступают не отдельными случайными выражениями, а устойчивыми языковыми средствами, через которые реализуются коммуникативная, выразительная, регулятивная и культурно-социальная функции общения.

Речевой этикет формируется с учетом функций языка в процессе общения. В беседе информация передается не только словами и устойчивыми выражениями, но и жестами, мимикой, интонацией и другими невербальными средствами. Поэтому функции речевого этикета проявляются в зависимости от ситуации общения, отношений между собеседниками и цели высказывания.

Исходя из коммуникативной функции языка, Н. И. Формановская выделяет четыре специальные функции речевого этикета: установление контакта, регулирование общения, эмоционально-модальную функцию и внимание к собеседнику. По мнению исследователя, анализ этих функций позволяет понять, какую роль речевой этикет выполняет в коммуникации и как он действует в общем контексте общения между собеседниками [I. 271, 34].

Главной задачей речевого этикета является установление контакта с собеседником. Эту функцию поддерживают разные формулы речевого

этикета: обращение, приветствие, знакомство, прощание и другие устойчивые речевые модели. Если такие формулы используются неуместно или нарушаются правила их употребления, контакт между собеседниками может не состояться или приобрести напряженный характер.

Между функциями языка и функциями речевого этикета есть различие. Функции языка шире: они проявляются в любом речевом контексте. Функции речевого этикета уже по своему объему и активизируются прежде всего в тех ситуациях, где важно установить, поддержать или завершить общение, выразить уважение, смягчить просьбу, обозначить социальную дистанцию или отношение к собеседнику.

В речевом этикете особенно тесно связаны коммуникативная и регулятивная функции. Они проявляются в выборе конкретной формулы при установлении контакта и помогают определить характер отношений между говорящим и слушающим. Так, в общении старшего и младшего, руководителя и сотрудника, учителя и ученика используются разные формулы обращения, приветствия, просьбы и благодарности. Именно через них регулируется тон общения и сохраняется принятая в обществе речевая дистанция.

Изучение таджикского речевого этикета показывает, что эмоционально-выразительная функция проявляется не во всех формулах одинаково. В одних случаях она выражена слабо и подчинена задаче установления контакта, в других становится главным средством передачи отношения говорящего к собеседнику или ситуации. Эту функцию можно наблюдать в формулах радости, одобрения, удивления, возмущения, упрека, сочувствия и других эмоционально окрашенных высказываниях. Например, – *Гап нест! Аз шиносой хеле шодам! Аз дидани шумо хурсанд шудам!*
[– Нет проблем! Очень рад знакомству! Рад вас видеть!]

В данном случае формулы *Аз шиносой хеле шодам* «очень рад знакомству» и *Аз дидани шумо хурсанд шудам* «рад вас видеть» выполняют не только контактоустанавливающую, но и эмоционально-выразительную

функцию: говорящий показывает доброжелательность и положительное отношение к собеседнику.

Эмоциональная окраска может проявляться и в резких оценочных высказываниях, когда речевой этикет нарушается или переходит в конфликтную форму общения:

– *Медонист, ки дарҳол аз ӯ гумонбар мешаванд. Мудом ҳамин тавр.*

– *Сагро сӯзан додаанд!*

– *Ин кори кадом барҷолаънат?*

– *Аз кӣ мешуд? Сагираи сур– дия.*

– *Кадом бадзот чашми бузи маро кӯр кард?*

– *Эҳ– ҳа! Шамшоди сур чашми булбулро ба нишон мегирад. Алов вай, алов!*

– *Оби ҷӯи маро кӣ гардондааст?* [Ш. 33, 290]

[Он знал, что его сразу заподозрят. Всегда так.

– Собаке дали иглу!

– Чье это проклятое дело?

– Кто еще мог это сделать? Эта рыжая Сагира.

– Какой негодяй ослепил глаз моей козы?

– Эх– ха! Рыжая Шамшод целится в глаз соловья. Огонь она, огонь!

– Кто отвел воду из моего арыка?]

В этом примере эмоционально-выразительная функция связана с раздражением, обвинением и резкой оценкой. Такие высказывания показывают обратную сторону речевого этикета: нарушение уважительного тона усиливает конфликт и меняет характер общения.

В другом примере эмоциональная напряженность выражается через упрек и просьбу:

– *Ана ба гӯишҳот шунидӣ? Очат дурӯзгӯ, беимон будааст! – фигон мекашид бибӣ. – Агар мард бошӣ, як бор нагзакак эмаш бикун, ки дилам тар шавад...?*

[– Вот, своими ушами услышала? Оказывается, твоя мать лгунья,

неверующая! – кричала бабушка. – Если ты мужчина, прочитай ему как

следует молитву хотя бы раз, чтобы мое сердце успокоилось...» [Ш. 1, 138].

Здесь эмоционально-выразительная функция проявляется через резкую оценку, повышенный тон и просьбу, связанную с внутренним состоянием говорящего. Такие примеры показывают, что функции формул речевого этикета нельзя рассматривать только как нейтральные правила общения: они передают отношение, эмоцию и степень напряженности между участниками речи.

Репрезентативная функция речевого этикета связана с сообщением фактов и описанием ситуации. В отличие от контактоустанавливающей и эмоционально-выразительной функций, она больше направлена на предмет речи, чем на отношения между собеседниками. Однако и в этом случае выбор речевой формулы зависит от адресата, тона общения и ситуации.

Апеллятивная функция имеет более прямое отношение к речевому этикету, поскольку связана с обращением к собеседнику, просьбой, побуждением, мольбой, молитвой и другими формами воздействия на адресата. В таджикской речевой традиции эта функция особенно заметна в формулах обращения, просьбы, благопожелания и молитвенных выражениях, где слово направлено не только на передачу смысла, но и на достижение определенного речевого эффекта. Например,

– *Шинед. Омин... – гӯен Хайринисо даст ба дуо бардошт. – Туӣ болои туӣ шаваду домоду келин донаҳои бобаракат шаванд. – Хайринисо омин карда, аз ҷой бархост ва боз дастҳоро ба сандуқи дил гузошта, хуш омадед гӯен таъзим намуд...* [Ш. 21, 57].

[– Садитесь. Аминь... – сказала Хайринисо и подняла руки для молитвы. – Пусть свадьба следует за свадьбой, а жених и невеста будут благословенными. – Хайринисо произнесла «аминь», встала, снова положила руки на грудь и, сказав «добро пожаловать», поклонилась...]

В этом фрагменте формулы *Омин, туӣ болои туӣ шавад, хуш омадед* выполняют функцию благопожелания, приветствия и поддержания уважительного контакта. Эта же функция проявляется в формулах благодарности, утешения и доброго пожелания:

– *Лекин, отунчон, хуб дарди диламро сабук кардед, ҳамеша сиҳат– саломат бошед* асло *рӯи камиро набинед, хайрият, ки шумо будед, набошад дилам аз гусса торс мекафид...* [II. 28, 96].

[– Но, дорогая, вы хорошо облегчили мою душевную боль, будьте всегда здоровы и благополучны, никогда не знайте нужды. Хорошо, что вы были рядом, иначе мое сердце разорвалось бы от горя...]

Здесь формулы *ҳамеша сиҳат– саломат бошед* «будьте всегда здоровы», *асло рӯи камиро набинед* «никогда не знайте нужды» выражают благодарность, признательность и пожелание добра собеседнику. В жанрах просьбы, совета и приглашения апеллятивная функция проявляется особенно явно, поскольку говорящий обращается к собеседнику с побуждением к действию: – *Хайрон нашавед, муаллим. Боз хоҳиш мекунам бо усули нав муодиларо ҳал намоед, – такрор кард Сафаралӣ, бо ҳамон хунсардии пешина...* [II. 12, 247]. [– Не удивляйтесь, учитель. Еще раз прошу вас решить уравнение новым способом, – повторил Сафарали с прежним спокойствием...]

Формула *хоҳиш мекунам* «прошу» смягчает побуждение и делает просьбу более уважительной. Поэтому апеллятивная функция в речевом этикете связана не только с обращением к адресату, но и с выбором формы, которая не нарушает уважительного тона общения.

Этическая, или моральная, функция речевого этикета проявляется в тех случаях, когда формулы общения поддерживают принятые нормы поведения, уважения и доброжелательности. Она особенно заметна в устойчивых правилах общения внутри семьи, общины, социальной или этнической группы. М. В. Остроухова отмечает: «В русском языке сохранились устойчивые формулы речевого этикета при приеме гостей дома. В деревне же сохранились и до сих пор используются правила приема гостей, слова и фразы, которые гости и хозяин дома должны говорить друг другу при встрече» [I. 194, 27].

Культурная функция формул речевого этикета связана с тем, что они передают не только коммуникативное намерение говорящего, но и нормы национальной культуры. Формулы приветствия, обращения, благодарности, просьбы, благопожелания, извинения и прощания сохраняют представления о вежливости, уважении, социальной дистанции, возрасте, статусе и допустимом тоне общения. М. В. Остроухова рассматривает культурную функцию в двух направлениях: по горизонтали – как отражение нравственных показателей человека в разных культурных средах, и по вертикали – как проявление различий между социальными уровнями [И. 194, 27].

С культурной функцией тесно связана эстетическая функция речевого этикета. Она проявляется в выборе красивой, уместной и выразительной формы общения. Эстетика речевого этикета основана на многообразии устойчивых формул, которые исторически сохранялись, стилистически обогащались и закреплялись в речевой практике. В разных ситуациях на первый план может выходить та или иная функция: контактоустанавливающая, регулятивная, эмоционально-выразительная, апеллятивная, этическая, культурная или эстетическая.

Одной из важных задач речевого этикета является удержание общения в пределах меры. Речь идет о выборе правильного тона, формы обращения и способа выражения мысли. Чем точнее говорящий учитывает ситуацию, адресата и характер отношений, тем естественнее и уважительнее звучит его речь.

Таким образом, функции формул речевого этикета тесно связаны между собой. Они помогают установить контакт, поддержать общение, выразить отношение к собеседнику, смягчить просьбу, передать благодарность, пожелание, сочувствие или уважение. Для правильного употребления этих формул важны коммуникативная ситуация, официальный или неофициальный характер общения, социальный статус, возраст, пол,

степень знакомства, национальные ценности и речевая культура участников общения.

Изучение функций формул таджикского речевого этикета показывает, что они не являются случайными языковыми выражениями. Они регулируют общение, сохраняют культурную память, передают нравственные нормы и помогают избежать речевых конфликтов. Поэтому дальнейший анализ таджикского речевого этикета невозможен без учета факторов его формирования и развития.

1.5. Факторы формирования формул речевого этикета

Речевой этикет формируется с учетом темы разговора, мировоззрения собеседников и условий общения. Разговор как коммуникативный процесс не может быть случайным: он всегда регулируется определенными нормами и зависит от факторов, влияющих на выбор речевых средств между говорящим и слушающим. К числу таких факторов относятся социальный статус, профессия, национальная принадлежность, религиозные представления, возраст, пол и индивидуальные особенности характера. Именно они во многом определяют, какие формулы речевого этикета выбираются в той или иной ситуации общения.

Изучение различных жанров речевого этикета, их языковых признаков и условий употребления требует отдельного рассмотрения факторов, влияющих на формирование этикетных формул. В последние годы в лингвистике все больше внимания уделяется индивидуальным характеристикам участников общения, прежде всего возрасту и полу, поскольку эти признаки заметно отражаются в выборе языковых средств. С конца 1960–х годов исследователи обращаются к разным аспектам речевого этикета, включая особенности речевого поведения мужчин и женщин.

Прежде всего следует учитывать, что в речевом общении участвуют представители разных полов – женщины и мужчины, и их речевое поведение может различаться в зависимости от ситуации, социального положения и

характера отношений между собеседниками. Внимание исследователей привлекали социальная позиция, а также особенности восприятия и понимания разговора женщинами и мужчинами. В исследовании, посвященном жанру комплимента, И. В. Сальников рассматривает его с лингвокультурной точки зрения и отмечает, что в британской и американской языковой культуре комплименты имеют коммуникативный, лингвопрагматический и лингвокультурный аспекты. По его наблюдениям, мужчины и женщины чаще делают комплименты при общении с представителями противоположного пола. Когда мужчина говорит о женщине, комплимент нередко имеет более поверхностный характер; женщина же чаще оценивает особенности характера и личности мужчины, с которым вступает в общение. Большинство комплиментов, адресованных мужчинам, направлено на имущество или внешность собеседника, а не на его достижения и профессиональные качества [I. 227, 82].

Следует отметить, что выводы каждого исследователя во многом зависят от менталитета конкретного народа и его культурных ценностей. В культуре общения народов Востока, особенно персоязычных, прямые личные характеристики и комплименты употребляются с известной осторожностью. Комплимент в основном проявляется в двух формах: в непосредственном личном общении и в высказываниях о человеке в его отсутствие. Первый случай в таджикской культуре не всегда воспринимается однозначно, поскольку прямой личный комплимент может быть истолкован как лесть. Второй тип, то есть похвала в отсутствие адресата, также широко представлен в культуре таджикского народа и употребляется достаточно активно. В отдельных случаях такая похвала может доходить до преувеличения.

Кроме того, в речевой культуре существует особый тип ласкового, эмоционально близкого комплимента между женщинами и мужчинами. В таджикской традиции и в этой сфере действуют определенные нормы: стыдливость, скромность и чувство собственного достоинства ограничивают

чрезмерную открытость такого выражения. Эти моральные границы помогают сохранить принятые нормы таджикского этикета и не нарушить представления об уместности речи. Например,

– *Аз... азиз... азизам! Шумо... шумо зинда... Сад... шукр!*

[– До... дорогая... моя дорогая! Вы... вы живы... Сто раз благодарение!]

– *Ман... ман фидои шумо! Ҳамроҳхон! – гӯен растаро ба сараш бардошта Насимҷон фаред кард. – Азизи ман! Ҷони ман! Истед! Чаши кушоед!*

[– Я... я готов пожертвовать собой ради вас! Хамроххон! – закричал Насимджон, подняв голос. – Моя дорогая! Душа моя! Остановитесь! Откройте глаза!] [П. 31, 114];

– *Бале, Ойими Шоҳи сарсахт менолид ба вай, бо таваллою зорӣ арзи матлаб мекард, аз ишқи худ, аз муҳаббати худ қиссаҳо мегуфт: ман гуноҳ надорам, ман бадбахт, ман шӯрбахт, ман рӯзнадида – ба рӯз расида будам мегуфт: ба ғайр аз ҳамин кор дигар чорае надоштам: ман қурбони Насимҷон шудам, ман фидои ишқи пок шудам, ман ба мақсад расидам, мегуфт...*

[Да, Ойими Шох горько плакала перед ним, умоляла и рассказывала о своей любви, о своем чувстве: «Я невиновна, я несчастная, я обездоленная, я не видевшая светлого дня, – говорила она, – у меня не было другого выхода: я стала жертвой Насимджона, я пожертвовала собой ради чистой любви, я достигла своей цели», – говорила она...] [П. 31, 159];

– *Медонӣ, Ойиша, ту як вақтҳо маро аз олами ваҳшат ва ҳайвоният ба олами ишқу шеъроят оварда будӣ! Дар едат ҳаст, ман садқаю қурбони ту будам; ту ери меҳрубон, ери вафодор ва дилдори ман будӣ? Шабҳо дар оғӯшам қиссаи ишқу муҳаббат мехондӣ; рӯзҳо дар едам соатҳои дароз мешуморидӣ?! Канӣ, он рӯзҳо ба кучо рафтанд? Ту чӣ шудӣ? Ба чӣ ҳол афтодӣ?*

[– Знаешь, Ойиша, когда– то ты вывела меня из мира страха и грубости в мир любви и поэзии! Помнишь, я был готов стать твоей жертвой; ты была моей доброй подругой, верной спутницей и возлюбленной? По ночам в моих объятиях ты рассказывала истории о любви; днем в разлуке со мной считала

долгие часы?! Где теперь те дни? Что с тобой стало? До какого состояния ты дошла?] [Ш. 31, 473].

Речевой этикет имеет национальный характер и является частью национальной культуры. Его вербальные и невербальные проявления формируются под влиянием обычаев, традиций, религиозных представлений и ритуалов разных народов. Каждая культура вырабатывает собственные способы выражения уважения, вежливости, почтения и социальной дистанции. Поэтому не все формы речевого и поведенческого этикета, принятые в одной культуре, одинаково воспринимаются в другой. И. Эренбург, обращая внимание на различия культурных норм, отмечает: «Жители Вены целуют руку дамы при знакомстве. Англичанин, возмущенный несчастьем своего оппонента, пишет ему: «Уважаемый господин, вы мошенник», без обращения «Уважаемый господин» он не может начать письмо. Христиане, входя в церковь, снимают шляпы, а еврей, входя в синагогу, покрывает голову» [И. 317, 27].

Подобные особенности характерны и для таджикской культуры общения. В таджикском обществе вежливость, уважительное отношение к собеседнику и соблюдение речевой меры издавна занимают важное место. Это проявляется как в словесных формулах, так и в сопровождающих их жестах. При встрече таджики обычно пожимают друг другу руки или прикладывают руку к сердцу, после чего произносят приветственные формулы. При появлении старшего, уважаемого или более высокого по положению человека принято вставать, выражать почтение и уступать место. При прощании также может использоваться жест прикладывания руки к сердцу, который сопровождает речевую формулу и усиливает ее уважительный смысл. Подобные невербальные действия частично встречаются и у других народов, однако в таджикской культуре они имеют устойчивую этикетную окраску. Например,

Дар сурате ки дигар чойнӯишҳо ва аҳли кӯчаву бозор ҳама ба по хеста даст ба пеш гирифта ба муқтадиртарин мансабдори аморат таъзим

мекарданду аз тарси навкару ясовулҳои яроқдору чӯбдори ӯ касе маҷоли як қадам пеш рафта надишт, Восеъ рост рафта сари роҳи ҳокимро гирифт.

[В то время как другие посетители чайханы и люди с улицы и базара вставали, складывали руки перед собой и кланялись самому влиятельному чиновнику эмирата, а из страха перед его вооруженными слугами и стражниками с палками никто не решался сделать ни шагу вперед, Восеъ прямо подошел и преградил путь правителю] [II. 25, 145].

В непосредственном общении речевой этикет проявляет национальную специфику и одновременно отражает поведение, обычаи и ритуальные нормы конкретного общества. В человеческом общении существуют разные ситуации взаимодействия, каждая из которых предполагает определенный порядок речевого поведения. Начало разговора, приветствие, прощание, выражение уважения, состояние покоя или торжественности подчиняются нормам речевого этикета [I. 103, 201]. Е. Н. Зарецкая отмечает существование особой системы ритуалов, которые задают человеку определенные формы поведения в конкретных обстоятельствах. Ритуалы представляют собой традиционные модели поведения, сопровождающие важнейшие моменты жизни на разных социальных уровнях: в семье, общине и государстве.

В непосредственном общении речевой этикет проявляется через национальные особенности поведения, устойчивые формулы общения, обычаи и традиции. Каждая жизненная ситуация задает определенный порядок речевого взаимодействия: начало разговора, приветствие, приглашение к столу, выражение благодарности, поддержка собеседника, поздравление или прощание требуют выбора соответствующих формул. Поэтому формулы речевого этикета нельзя рассматривать вне ситуации общения: их значение раскрывается только в связи с участниками разговора, целью высказывания и культурной нормой. Например, – *Бо ин баҳона хеш мешавем. Бовар намекунед? Ҳоло мебинед... Соате, ки Зарамоҳ, – бо шакарханд мефаҳмонад Сафар, – бо ду дасти адаб беҳтарин хӯроку*

шаробҳои осетиниро болои дастархон гузошту «марҳамат, меҳмонҳои азиз, нӯши ҷон шавад» гуфт, сад офарин мегӯед, – аз хушҳолӣ хун дар раги рухсорҳояш ҷӯшидаву чеҳраашро арғувонитар карда, бо шавқу сурур мегуфт Сафар ва пас аз каме хомӯшӣ ҳам бо ҳазлу ҳам ҷиддӣ меафзуд. – Аз роҳи кори хайр баровардани одам пешаи шайтон аст... Шумо дӯсти ман, ки бошед, миена маҳкам бандед, дасту остин бар занеду ерӣ диҳед... Гап ҳамин: Зара азони ман аст. Мо аҳд бастаем... [Ш. 1, 179]. [– Благодаря этому мы породнимся. Не верите? Вот увидите... Когда Зарамох, – с улыбкой объяснял Сафар, – с уважением поставит на дастархан лучшие осетинские блюда и напитки и скажет: «Милости просим, дорогие гости, приятного аппетита», вы сто раз похвалите ее, – от радости кровь прилила к его лицу, и он с воодушевлением продолжал говорить. После короткого молчания, уже полушутя– полусерьезно, он добавил: – Сбивать человека с доброго пути – дело дьявола... Раз вы мои друзья, поддержите меня, засучите рукава и помогите... Словом, Зара моя. Мы дали друг другу слово...]

В данном примере формулы *марҳамат, меҳмонҳои азиз, нӯши ҷон шавад* «милости просим, дорогие гости, приятного аппетита» связаны с ситуацией гостеприимства. Они выражают уважение к гостям, доброжелательность и готовность принять человека в круг близкого общения. Здесь речевой этикет формируется под влиянием обычая угощения, статуса гостя и эмоционального настроения говорящего.

– Раҳмат, Раҳмонҷон, кори хайр кардед. Аз ташинагию гармои офтоб сахт хаста шуда будам. Хайрият, хастагиам гузашт. Аз сахар бо азобе ду пешдоман пахта чиндам. Дигарҳо чор пешдоманро пур карданд.

– Ҳеҷ гап не, каме дам гирем, баъд мехезем. Пахта бисер, як зӯр занем, ду–се пешдомани дигар пур мешавад ... [Ш. 16, 249].

[– Спасибо, Рахмонджон, вы сделали доброе дело. Я сильно устала от жажды и солнечной жары. К счастью, усталость прошла. С утра с большим трудом набрала два передника хлопка. Другие наполнили четыре передника.

– Ничего страшного, немного отдохнем, потом встанем. Хлопка много, если хорошенько постараемся, еще два– три передника наполним...]

Во втором примере формула *Раҳмат, Раҳмонҷон, кори хайр кардед* «Спасибо, Рахмонджон, вы сделали доброе дело» выражает благодарность и положительную оценку поступка собеседника. Обращение *Раҳмонҷон* усиливает мягкость и эмоциональную близость речи. Ответная реплика *Ҳеҷ гап не* «Ничего страшного» выполняет функцию успокоения и поддержки. Таким образом, речевой этикет здесь связан с ситуацией взаимопомощи, трудового общения и доброжелательного отношения между собеседниками.

Речевой этикет формируется на основе целого ряда факторов. С учетом мнений исследователей и анализа художественного материала факторы, влияющие на формирование формул речевого этикета, можно классифицировать следующим образом:

1. Социальный статус. Одним из важных факторов формирования формул речевого этикета является социальный статус участников общения. Он включает не только положение человека в обществе, но и возраст, пол, семейную роль, степень близости между собеседниками и характер самой ситуации. Поэтому речевой этикет не может формироваться без учета того, кто говорит, кому говорит и в каких условиях происходит общение.

В процессе общения гендерный фактор также влияет на выбор речевых формул и манеру поведения. Речевое поведение мужчин и женщин может различаться в зависимости от культурной среды, традиций и норм, принятых в обществе. В таджикском этикете существуют определенные правила, связанные с общением мужчин и женщин. В восточной культуре женская речь традиционно соотносится со сдержанностью, мягкостью и осторожностью, особенно в общении с мужчинами. Такой тип общения имеет не только национальную, но и религиозно-нравственную основу. В ряде ситуаций соблюдаются и невербальные нормы: например, при знакомстве или встрече мужчина обычно не пожимает руку женщине, если между ними нет достаточной степени знакомства или принятых условий

общения. Следовательно, социальный статус, пол, возраст и характер отношений между собеседниками выступают важными факторами выбора формул речевого этикета. Например,

– *Тобонбӣ, бие, оби баҳрро тамошо бикун! – Гулбегим хост ўро ҳам ба тамошои атроф банд кунад.*

– *Камтар одат кунад, сонӣ меравад, – аз ҷониби ў ҷавоб дод Ато.*

Маълум, ки завҷааш ҳанӯз тарсе дошт.

– *Ба ту, Атоҷон, ташаккур, ки маро даъват кардӣ, – ба ў миннатдорӣ баен кард Гулбегим. – Дар ҳамин ҷо зиндагӣ кунему баҳрро набинем– а!*

[– *Тобонби, пойдём, посмотри на море! – Гулбегим хотела отвлечь ее видом окрестностей.*

– *Пусть немного привыкнет, потом пойдет, – ответил за нее Ато.*

Было ясно, что его жена все еще испытывала страх.

– *Спасибо тебе, Атоҷон, что пригласил меня, – поблагодарила его Гулбегим.*

– *Жить здесь и не увидеть моря!*] [Ш. 17, 32].

В данном примере речевой этикет проявляется через благодарственную формулу *Ба ту, Атоҷон, ташаккур* «Спасибо тебе, Атоҷон». Обращение *Атоҷон* придает высказыванию мягкий, уважительно-дружеский оттенок, а сама формула благодарности показывает доброжелательное отношение говорящей к собеседнику. При этом ситуация общения строится с учетом семейных и личных отношений между участниками разговора.

Дар хона маро интизор шуда менишастаанд. Баробари аз дарвоза даромаданам, Гуландомро дидам. Барои шӯхӣ ду даст ба пеш гирифта, ба ў салом додам. Вай маро оғӯш карда, сарамро ба сари синааш сахт ҷафс намуд ва сонӣ рӯйи худро ба фарқи сари ман гузошта гуфт:

– *Уқочонакам, аз худат ҳушер бош, тез– тез хат нависта исто...*

Гуландом!.. Хоҳари меҳрубонам! Ту маро бубахи, ман то он лаҳза туро душмани худ медонистам, ба қадри ғамхориҳои ту намерасидам. Меҳри пинҳони туро намедонистам. Ман он рӯз ва баъди он низ то хеле вақт дарду аламҳои туро намефаҳмидам.

[– Дома меня ждали. Как только я вошел во двор, я увидел Гуландом. В шутку я сложил обе руки перед собой и поздоровался с ней. Она обняла меня, крепко прижала мою голову к груди, а затем, коснувшись лицом моей головы, сказала:

– Мой дорогой братишка, береги себя, пиши почаще...

Гуландом!.. Моя добрая сестра! Прости меня, до того момента я считал тебя своим врагом, не ценил твоей заботы. Я не знал о твоей скрытой любви. В тот день и еще долго после этого я не понимал твоей боли и страданий] П.17, 156].

Во втором примере формула *Уқочонакам* «мой дорогой братишка» выражает родственную близость, заботу и эмоциональную привязанность. Здесь социальный статус раскрывается не как официальное положение, а как семейная роль: старшая сестра обращается к младшему брату с ласковой формой, которая одновременно передает тревогу, любовь и наставление. Невербальные действия, такие как объятие, прикосновение, прижатие к груди, усиливают значение речевой формулы и показывают, что в таджикском речевом этикете слово и жест часто действуют вместе.

2. Профессия. Положение участников общения определяется не только полом, возрастом или социальным статусом, но и профессиональной принадлежностью. Профессия человека выступает одним из факторов, влияющих на выбор формул речевого этикета. Люди одной профессиональной среды обычно быстрее понимают цели, задачи и речевые намерения друг друга, поскольку владеют общими нормами общения, профессиональной лексикой и принятыми формами поведения. Профессиональная среда формирует не только специальные знания, но и определенную этику общения: уважительное обращение, умение соблюдать дистанцию, корректность высказывания, точность речи и ответственность за сказанное.

Владение речевым этикетом во многом зависит также от уровня образования, жизненного опыта и коммуникативной культуры человека.

Если говорящий недостаточно знаком с нормами официального или профессионального общения, он может не всегда точно выбирать нужные формулы, тон и способ обращения к собеседнику. Поэтому профессия и профессиональная этика являются важными условиями формирования и развития формул речевого этикета. Например,

Мо аз назди профессор хурсанд шуда баромадем.

– *Бие, туро муборакбод кунам, – гуфт муаллима ва дар мобайни зинапоя истода, маро бўсид, – дар университет хонда, олима шавӣ, маро фаромӯш накун!*

– *Не, наход ман некиҳои шуморо фаромӯш кунам, – гуфтам ба муаллима.*

– *Агар ҳаминро донӣ, одам мешавӣ, – шӯхиомез хандид муаллима ва аз бағали ман гирифта, «бие, акнун бозор меравем, харбуза мехарем!» гуфт.*

[Мы вышли от профессора радостными.

– Давай я тебя поздравлю, – сказала учительница и, остановившись посреди лестницы, поцеловала меня. – Учись в университете, стань ученой, не забывай меня!

– Нет, разве я забуду вашу доброту? – сказала я учительнице.

– Если ты это понимаешь, станешь настоящим человеком, – шутливо рассмеялась учительница, взяла меня под руку и сказала: – Пойдем теперь на базар, купим дыни!] [Ш.19, 165].

В данном примере профессиональная принадлежность персонажей проявляется через слова *профессор* «профессор» и *муаллима* «учительница». Формула поздравления *Бие, туро муборакбод кунам* «Давай я тебя поздравлю» выражает радость, поддержку и наставническое отношение. Реплика *дар университет хонда, олима шавӣ* «учись в университете, стань ученой» показывает связь речевого этикета с образовательной средой и профессиональными ожиданиями. Здесь формулы общения строятся на уважении к учителю, благодарности ученицы и доброжелательной поддержке со стороны старшего наставника.

– *Салом, бобо! – Саидбек овоз баровард.*

Мўйсафед хараширо боздоиш ва андаке тоб хўрда, саломии ўро алек гирифт.

– *Хаел кардум гунгӣ...*

– *Шукр, забонам гўе, – хандид Саидбек таънаи мўйсафедро писандида.*

– *Дурустӣ, сиҳатӣ? Писари кӣ мешӣ? Нашинохтамаат!*

– *Ман аз ин ҷоҳо не, бобӣ, ай Норакум, – ба ҳавои сухани мўйсафед ҷавоб дод Саидбек.*

– *Меҳмон бошӣ, тоқа дар сари кўҳ чӣ кор мекунӣ?*

– *Занги дилоро барорум гуфтум.*

– *Мардаки бузбалаӣ, дар дилут чӣ занге дорӣ? Иқа замгин машав, мисоли ана ун маълим беҳи умратро табар мезанӣ!*

– *Чӣ, касе аз дуне гузаштааст?*

– *Ҳо-о, бачам дар ун қишлоқ як муаллими беқарор буд, Худо раҳматуш кунад, ба чиҳил нарасида аз дуне чашиш пўшид. Тезтар рафта гўраширо кобум, ки баъди пешин мебиеран.*

[– Здравствуйте, дедушка! – окликнул Саидбек.

Старик остановил осла, слегка повернулся и ответил на его приветствие.

– Я уж подумал, что ты немой...

– Слава Богу, язык у меня есть, – рассмеялся Саидбек, приняв шутливый упрек старика.

– Здоров ли ты? Чей ты сын? Не узнаю тебя!

– Я не здешний, дедушка, я из Норака, – ответил Саидбек в тон старику.

– Если ты гость, что делаешь один на горе?

– Хотел немного развеяться.

– Такой здоровый мужчина, а что у тебя за тоска на сердце? Не грусти так, а то, как тот учитель, подрубишь корень своей жизни!

– Что, кто-то умер?

– Да, сынок, в той деревне был один беспокойный учитель, да помилует его Бог. Не дожив до сорока, ушел из жизни. Пойду быстрее выкопаю ему могилу, после полудня его привезут] [II. 19, 20].

Во втором примере профессиональный признак выражен через лексику *муаллим* «учитель». Образ учителя включен в разговор как социально значимая фигура: о нем говорят с сочувствием и уважением, используя формулу *Худо раҳматуш кунад* «да помилует его Бог». В диалоге также представлены этикетные обращения *бобо* «дедушка», *бобӣ* «дедушка», *бачам* «сыннок», которые показывают возрастную дистанцию, уважение к старшему и доброжелательный характер общения. Таким образом, профессия здесь связана не только с занятием человека, но и с его местом в общественном восприятии.

3. Национальность. Формулы речевого этикета тесно связаны с национальной культурой народа. Образ жизни, традиции и ценностные представления разных народов неодинаковы, поэтому в процессе общения необходимо учитывать национально-культурные особенности собеседника. Таджикский народ на протяжении веков сохранял свои традиции, нормы поведения и формы речевого общения, многие из которых продолжают функционировать и в современном языке. Именно поэтому национальные ценности оказывают заметное влияние на выбор формул приветствия, благодарности, пожелания, обращения и других этикетных выражений. Если в общении игнорируются принятые культурные нормы и правила речевого поведения, взаимопонимание между собеседниками может быть нарушено.

4. Религия и религиозные направления. Религия и религиозные представления. Одним из факторов, влияющих на формирование формул речевого этикета, являются религиозные представления общества. На протяжении своей истории таджикский народ соприкасался с различными религиозными традициями, однако особенно заметное влияние на систему общения оказала исламская культура. Многие формулы приветствия, пожелания, благодарности, благословения и соболезнования связаны именно с религиозными представлениями и продолжают активно использоваться в современной речи.

По наблюдению таджикского исследователя Абдулхая Махмадаминова, исламская традиция уделяет большое внимание культуре приветствия. Автор приводит ряд правил, регулирующих употребление приветственных формул: приветствовать следует как знакомых, так и незнакомых людей; приветствие должно предшествовать разговору; вошедший в дом обязан поприветствовать присутствующих; при расставании также рекомендуется использовать формулу приветствия; особое значение придается приветствию больных, путников и других участников общения [I. 2, 24–25].

Подобные нормы способствовали закреплению в таджикской речевой практике устойчивых формул приветствия и благопожелания. Поэтому религиозные представления следует рассматривать не только как часть духовной культуры народа, но и как один из источников формирования и развития формул речевого этикета.

5. Возраст. Одним из важных факторов формирования формул речевого этикета является возраст участников общения. Хотя нормы речевого поведения складываются под влиянием общей культуры и нравственных представлений народа, возраст заметно влияет на выбор языковых средств и характер общения. Это влияние проявляется в двух направлениях: во-первых, в отношениях между старшими и младшими по возрасту; во-вторых, в общении между людьми независимо от возраста.

В таджикской культуре уважительное отношение к старшим является устойчивой нормой поведения и находит отражение в речевом этикете. При встрече младшие по возрасту обычно первыми приветствуют старших, используют уважительные формы обращения и соблюдают принятые нормы вежливости. Уважение может выражаться не только словами, но и сопровождающими жестами: младшие встают при появлении старшего человека, уступают место, оказывают знаки почтения. Такие нормы глубоко укоренены в традиционной культуре таджикского народа и сохраняются в современной коммуникативной практике.

Возраст влияет на выбор формул приветствия, обращения, благодарности, пожелания и других этикетных выражений. Именно поэтому возраст собеседников следует рассматривать как один из значимых факторов формирования и употребления формул речевого этикета.

6. Характер. Характер человека также влияет на выбор формул речевого этикета. В психологии характер обычно понимается как совокупность устойчивых индивидуальных качеств, которые раскрываются в поведении человека, его отношении к людям и реакции на разные жизненные обстоятельства. Эти качества не остаются вне речи: спокойный, сдержанный, доброжелательный или, напротив, резкий и вспыльчивый человек по-разному выбирает тон общения, форму обращения, способ приветствия, благодарности, просьбы или извинения.

В речевом этикете характер важен потому, что он помогает понять, как человек строит отношения с собеседником. Если говорящий не учитывает особенности характера другого человека, общение может стать напряженным, а выбранные речевые формулы – неуместными. Поэтому характер следует рассматривать как один из личностных факторов, влияющих на употребление формул речевого этикета.

Наряду с перечисленными факторами особое место занимает вежливость. Она относится к тем нравственным ценностям, которые признаются разными народами, религиями и культурными традициями. В народном понимании вежливость связана с уважением к старшим, признанием человеческого достоинства, доброжелательным отношением к окружающим и умением соблюдать меру в слове. В научной литературе вежливость все чаще рассматривается и с прагматической стороны: как средство установления и поддержания социальных связей между участниками общения при помощи языка.

Для формул речевого этикета вежливость имеет особое значение. Она определяет выбор мягкой формы обращения, уважительного приветствия, корректной просьбы, благодарности, извинения, пожелания и других

устойчивых выражений. Вежливость помогает избежать грубости, речевой резкости и неуместного поведения, а при отсутствии готовой формулы подсказывает говорящему наиболее приемлемый способ общения.

1.6 Формулы речевого этикета как единицы коммуникативной системы языка

Речевой этикет выполняет разные функции и требует лингвистического анализа, поскольку он существует не только как нравственная норма, но и как часть языковой системы. Как отмечается в научной литературе, «именно через язык мы пришли к пониманию того, что таджики обладают богатой историей, образцовой традицией государственности, культуры, нравственности и уважения» [И. 37, 7]. На первый взгляд речевой этикет может показаться только вопросом морали и поведения, относящимся к сфере этики. Однако в реальном общении он выражается через конкретные языковые средства: слова, словосочетания, предложения, грамматические формы и устойчивые речевые модели. Без этих средств нормы этикета не могут стать частью общения. Поэтому формулы речевого этикета следует рассматривать как особые единицы коммуникативной системы языка.

Перед обращением к работам зарубежных исследователей важно кратко остановиться на трудах таджикских ученых. Наследие таджикско-персидского языка еще не полностью изучено, особенно в связи с формулами речевого этикета, средствами выражения уважения и устойчивыми моделями общения. Б. Бободжонова, рассматривая одну из важных сторон речевого общения, обращает внимание на исторические формы выражения уважения в таджикском языке. По ее мнению, отдельные элементы уважительного обращения и средства его выражения существовали в таджикском языке с древних времен. В связи с этим она упоминает работы таких таджикских исследователей, как А. А. Бухоризода, С. Дж. Арзуманов, Б. Сиеев, Н. Масуми [И. 37, 12–14].

В таджикском языкознании особое место занимает исследование М. Р. Джураевой, которая подробно рассмотрела средства выражения уважения, скромности и почтительности в таджикско-персидском языке. Ее работа важна для настоящей темы, поскольку категория уважения напрямую связана с формулами речевого этикета. В научной литературе подчеркивается, что основное значение диссертации М. Р. Джураевой состоит в обосновании существования категории уважения в таджикском языке. Это положение раскрыто на материале произведения Зайниддина Восифи «Бадоеъ-ул-вакоеъ». Выводы исследовательницы позволяют точнее понять, как возможности таджикского языка используются для выражения уважения в речевом общении [I. 37, 23].

В русском языкознании средства выражения уважения и разные стороны речевого этикета изучены достаточно широко. Научные источники и многочисленные исследования позволяют рассматривать речевой этикет в связи с культурой речи, коммуникативным поведением, прагматикой общения и устойчивыми речевыми формулами. В таджикском языкознании эта область также получила определенное освещение, однако формулы речевого этикета современного таджикского литературного языка, их семантика, структура и развитие все еще нуждаются в более полном описании.

Обращение к научным работам известных российских исследователей показывает, что речевой этикет уже имеет прочную теоретическую базу. Большое значение для настоящей работы имеют труды В. Т. Костомарова, Н. И. Формановской, Т. В. Лариной и других ученых, в которых речевой этикет рассматривается как часть культуры общения и как система языковых средств, регулирующих отношения между людьми. Н. И. Формановская, подчеркивая важность бережного отношения к слову, пишет: «Пора поговорить об экологии отношений, потому что иногда мы обращаемся друг к другу небрежно, грубо, непонятно, а иногда почти серьезно раним друг друга словами, иногда даже не осознавая этого...» [I. 276, 3]. Эта мысль

особенно важна для изучения формул речевого этикета, поскольку именно через устойчивые речевые формы человек выражает уважение, внимание, доброжелательность или, наоборот, нарушает норму общения.

Лингвистическая сторона речевого этикета, особенно средства выражения уважения в беседе, давно изучается в мировой науке. Исследователи учитывают характер народа, психологию общения, географическую среду, религиозные представления, обычаи и традиции. Речевой этикет чаще всего раскрывается в устном или письменном взаимодействии двух людей. Независимо от темы разговора, общение между говорящим и слушающим строится на определенных нравственных и этикетных нормах. В языке эти нормы закрепляются в формулах обращения, приветствия, благодарности, просьбы, пожелания, извинения и других устойчивых выражениях.

В текстах речевого этикета используются разные части речи, однако особое место занимают именные единицы. Существительное необходимо для названия предметов, лиц, явлений и фактов, но в речевом общении особенно важны те существительные, которые обозначают человека, его статус, родственные отношения, профессию, звание, возраст или социальную роль. Именно такие слова часто становятся частью формул речевого этикета и помогают говорящему выбрать нужный тон общения. В традиционных лингвистических исследованиях существительное изучалось с разных сторон, однако в диалогической речи важны не только его грамматические признаки, но и смысловая нагрузка, уместность употребления, связь с национальной культурой и нормами уважительного общения.

Таджикский язык на протяжении многих лет изучался в связи с персидским и дари, и существительные в нем получили достаточно широкое описание. Вместе с тем практическая роль существительных в выражении вежливости и уважения в разговорной речи еще не раскрыта в полной мере. Существительные, обозначающие титулы, звания, степени, фамилии, прозвища и псевдонимы, подробно представлены в диссертационном

исследовании Б. Бободжоновой. К таким единицам относятся: *Офаридгор, пайгамбар, аллома, домулло, устод, омӯзгор, муаллим, мударрис, ҳазрат, мавлоно, мавлавӣ, имом, мулло, шайх, хоҷа, номзади илм, дотсент, доктори илм, профессор, академик, арбоби илм, арбоби санъат, ходими шоиста, Қаҳрамони Тоҷикистон* «Творец, пророк, ученый, домулло, наставник, учитель, преподаватель, мударрис, хазрат, мавлоно, мавлави, имам, мулла, шейх, ходжа, кандидат наук, доцент, доктор наук, профессор, академик, деятель науки, деятель искусства, заслуженный деятель, Герой Таджикистана» [I. 37, 27]. В исследованиях, посвященных существительному, такие единицы чаще всего рассматриваются как самостоятельные слова, тогда как их участие в формулах речевого этикета и в выражении уважительного отношения требует отдельного анализа.

Социальные изменения заметно повлияли на таджикский речевой этикет. В художественных произведениях последних лет чаще встречаются существительные *хоҷӣ, ҳазрат, раис, устод, бузургвор, донишманд* и другие единицы, связанные с уважительным обращением, почтением и признанием социального или духовного авторитета человека. В определенный период часть этих слов употреблялась менее активно, однако позднее многие из них вновь вошли в речевую практику. Возвращение таких существительных показывает, что система формул речевого этикета в таджикском языке не остается неподвижной: она меняется вместе с обществом, восстанавливает прежние формы и одновременно приспособливает их к современным условиям общения. Например,

1. *Ниезро ҷег зада амр кард, ки фавран ба шаҳр фарояд ва Ҳоҷӣ Яъкуби мударрисро ефта, агар хоб бошад, бедор карда, дар наздаш ҳозир созад* [II. 25, 313].

[Он позвал Ниеза и приказал ему немедленно спуститься в город, найти *Ҳоҷӣ Яъкуба*– мударриса и, если тот спит, разбудить его и привести к нему].

В этом предложении слово *Ҳоҷӣ* входит в состав уважительного названия лица. Оно не только указывает на религиозный статус человека, совершившего хадж, но и придает обращению оттенок почтения.

2. – *Банда Мулло Сафари котиб ва наққошам, – бархоста ду дасти адаб ба пеш гирифта гуфт Мулло Сафар. – Банда дербоз муштоқи дидори файзбор ва шарафосори ҳазратам будам, шукр ки имрӯз ба карами раббонӣ ва инояти субҳонӣ ба дидорашон мушарраф шудам* [II. 25, 208].

[– Ваш слуга Мулло Сафар, писарь и художник, – сказал Мулло Сафар, вставая и сложив руки перед собой в знак почтения. – Ваш слуга давно желал увидеть милостивого и достопочтенного *ҳазрат*; благодарю Бога, что сегодня по Его милости мне выпала честь встретиться с Вами].

Здесь уважительный характер речи создается сразу несколькими средствами: самоуничижительной формой *банда* «ваш слуга», почтительным названием *ҳазрат*, религиозно окрашенными выражениями *карами раббонӣ* «Божья милость» и *инояти субҳонӣ* «высшая милость», а также невербальным жестом *ду дасти адаб ба пеш гирифта* «сложив руки перед собой в знак почтения». Такая речь подчеркивает социальную дистанцию между собеседниками и высокий статус адресата.

3. *Тағоиям дар хатаи аввало аз падару модараш узри бисере мехост ва баъд навишта буд, ки он ҳаваси «чаҳонгардӣ»– и ӯ аз беақлии ҷавонӣ буду акнун вай ба худ омадааст ва дигар ба хӯрдани нони мусофирӣ тобу тоқатаи намонда, ҳаракат дорад, ки дар мобайни як– ду моҳи наздик боз ба ҳавлӣ баргардаду ба дидори падари бузургвор, волидаи аз ҷон азизтар ва хоҳари мушфиқаш расад* [II. 20, 335].

[В своем письме мой дядя сначала просил прощения у родителей, а затем писал, что его прежнее желание «странствовать по миру» было юношеской глупостью. Теперь он образумился, больше не мог терпеть жизнь на чужбине и собирался в течение одного-двух месяцев вернуться домой, чтобы увидеть своего достопочтенного отца, мать, которая дороже жизни, и заботливую сестру].

В данном фрагменте сочетание *надари бузургвор* «достопочтенный отец» относится к формулам уважительного называния близкого человека. Слово *бузургвор* усиливает почтительный тон письма и передает сыновнее уважение.

4. *Вақте ки наздиктар ошно шуданд ва Мерган додари устодаш Ҷамолхон будани муаллимчаро фаҳмид, меҳраш дучандон афзуд. Мерган нисбат ба шахсият ва фаъолияти устодаш эҳтироми бузурге дошт* [Ш. 29, 431].

[Когда они познакомились ближе и Мерган узнал, что молодой учитель был братом его наставника Джамолхона, его расположение к нему стало еще сильнее. Мерган глубоко уважал личность и деятельность своего учителя].

В этом примере слова *устод* «наставник» и *муаллимча* «молодой учитель» связаны с образовательной и воспитательной сферой. *Устод* сохраняет высокий уважительный смысл и указывает не только на профессию, но и на нравственный авторитет человека.

Анализ художественного материала показывает, что в последние годы в таджикском языке активнее употребляются существительные, связанные с национальными традициями, религиозными представлениями и этическими нормами. Это особенно заметно при сопоставлении с речевым этикетом советского времени. В советский период широкое распространение имели обращения *рафиқ* и *рафиқон* «товарищ», «товарищи», которые служили нейтральной и уважительной формой обращения к собеседнику. Эти слова сохраняются в таджикском языке и сегодня, однако их стиль, частотность и ситуации употребления изменились. На смену единой официальной модели постепенно пришло более разнообразное использование формул обращения, в которых снова стали активны слова с религиозным, традиционным, профессиональным и почетным значением. Например,
Анвар бо ин мазмун боз чанде дигар сухан гуфту баъд ҷабинаширо андаке кушода ба радиоприемник нигарист ва гапширо дигар кард.

– Рафиқон, хешу табор! Ин радиоприемник, ки имрӯз роҳбарияти вилоят ва район ба ман лоиқ диданд, аз меҳнати ҳалоли шумо аст.

[Анвар еще несколько мгновений говорил в таком же ключе, затем слегка приняв невозмутимый вид, посмотрел на радиоприемник и сменил тему.

– Товарищи, родственники! Этот радиоприемник, которым сегодня областное и районное руководство удостоили меня, – результат вашего честного труда] [Ш.19, 397].

Исследования последних лет показывают, что под влиянием языковых и внеязыковых факторов лексический слой таджикского языка заметно изменился. После 1990-х годов XX века Республика Таджикистан пережила период социальных потрясений, военных конфликтов и нестабильности. Эти события отразились не только на словарном составе языка, но и на нормах речевого поведения, формах обращения и способах выражения уважения. Поэтому изменения затронули и таджикский речевой этикет.

Особенно заметно это на примере существительных, которые входят в состав формул обращения и уважительного названия. В разговорной речи такие слова не всегда сохраняют положительный смысл. Под влиянием социальных обстоятельств отдельные существительные, прежде служившие нейтральным или уважительным названием лица, могут получать иной оттенок. Так, заимствованное слово *командир*, известное в таджикском языке еще с советского времени, особенно широко распространилось в годы гражданской войны в Таджикистане. В этот период оно стало обозначать не только лицо, занимающее командную должность, но и человека, связанного с силой, властью и страхом. Поэтому в ряде контекстов слово *командир* перестало восприниматься как нейтральное или уважительное обращение и получило отрицательную окраску. В его смысловом изменении отразились социальные потрясения и перемены в нравственной оценке носителей языка.

Другой показательный пример слово *раис* «председатель». Оно встречается и в классических произведениях, а в советское время получило широкое распространение, особенно в сочетании *раиси колхоз* «председатель

колхоза». В разные исторические периоды это слово не всегда имело одинаковый оттенок. В обычном представлении *раис* – это человек, занимающий руководящее положение, пользующийся уважением и отвечающий за общественное дело. Поэтому слово часто употреблялось как форма уважительного называния. Однако в последние годы в некоторых ситуациях оно может звучать иронически или даже с оттенком недовольства. Это связано с тем, что не каждый человек, занимающий руководящую должность, воспринимается обществом как достойный носитель этой роли. Когда поведение отдельных руководителей вызывает критику, само слово *раис* в определенных контекстах начинает терять прежнюю уважительную окраску. В результате им могут называть как действительно авторитетного человека, так и того, к кому относятся с сомнением или скрытой иронией. Например,

Субҳи дигар Носеҳ ҷабинаш кушодаву бечин, суханҳояш нарму ширин ба сари кор ҳозир шуд. Ба назар чунин мерасид, ки болу пар баровардааст. Ў, як дасташ ба ҷайб, бо ҳаракатҳои сабуку шинам ботантана эълон кард:

– Бачаҳо, ба ҳама раҳматнома менависам! Бовар кунед.

– Яқбора меҳрубон шудӣ, раис. Тинҷист? – луқма партофт яке.

– Аз ман наноled, бачаҳо. Ҳамеша меҳрубон будам– ку, – ханда ба лаб гуфт ӯ ва дастонаширо ба миен ниҳода, бо савлат афзуд. – Нагз кор кардем [На следующее утро Носеҳ появился на работе, с открытым и невозмутимым лицом, его слова были нежными и добрыми. Казалось, у него выросли крылья. Засунув одну руку в карман, легкими и элегантными движениями он торжественно объявил:

– Ребята, я пишу всем благодарственное письмо! Поверьте мне.

– А с чего ты вдруг такой добрый стал, раис. Правда? – один из них бросил реплику.

– Не придирайтесь ко мне, ребята. Я же всегда был добрым, – сказал он с улыбкой и, поставив руки на пояс, властно добавил: – Мы хорошо поработали] [II. 34, 155].

Еще одно слово, широко употребляемое сегодня в письменной и устной речи, – *ҳоҷӣ* «ходжи». Это слово арабского происхождения занимает особое место в таджикском языке. Обычно оно используется для уважительного названия человека, совершившего хадж, то есть посетившего Мекку и выполнившего один из столпов ислама. В традиционном представлении таджиков *ҳоҷӣ* – это богобоязненный, благочестивый человек, заслуживающий уважения. Поэтому обращение к человеку словом *ҳоҷӣ* в разговоре связано с признанием его религиозного статуса и выражением почтения.

В современной речи это слово иногда употребляется слишком широко, без учета его исходного значения и этикетной функции. В таких случаях *ҳоҷӣ* может обращаться не к человеку, действительно имеющему соответствующий религиозный статус, а к любому собеседнику. Такое расширение употребления ослабляет уважительный смысл слова и может нарушать точность речевого этикета. Подобные изменения показывают, что существительные, входящие в состав формул обращения и уважительного названия, продолжают менять свои значения в живой речевой практике.

Наряду с существительными и прилагательными важное место в выражении уважения, скромности и почтительности занимают местоимения. Как отмечает Б. Бободжонова, «поскольку уважение – это категория, относящаяся к личности, оно в основном выражается через личные местоимения» [I. 37, 46]. В разговорной речи местоимения активно участвуют в организации общения и помогают определить степень близости, уважения или официальности между собеседниками.

При обращении к незнакомому человеку в таджикском языке особенно важны личные местоимения *ту* и *Шумо* «ты» и «Вы». В научной литературе существуют разные мнения об их употреблении, однако большинство исследователей признает особую роль местоимения *Шумо* в выражении уважения. Б. Бободжонова подчеркивает, что местоимение *Шумо*, как и *мо*,

имеет два значения: форму второго лица множественного числа и форму второго лица единственного числа, выражающую уважение [I. 37, 47].

На наш взгляд, местоимение *Шумо* «Вы» в таджикском языке действительно служит одним из устойчивых средств выражения уважения. Оно занимает заметное место как в устной речи, так и в художественных текстах, включая классическую и современную литературу. При этом семантические и стилистические особенности местоимений *ту* и *Шумо* в классических произведениях требуют отдельного специального изучения. Для примера можно обратиться к известным строкам Хофиза Шерози:

Эй фуруғи моҳи хусн аз рӯйи рахшони Шумо,

Обруи хубӣ аз чоҳи занаҳдони Шумо [I. 290, 12].

Перевод: О, сияние луны красоты - от Вашего лучезарного лица,

Слава самой красоты - от ямочки на Вашем подбородке.

Перевод: Душа моя, стоящая на краю уст, жаждет встречи с тобой;

Вернуться ей назад или уйти – все зависит от Вашей воли.

В приведенных строках Хофиз использует обе формы обращения: *ту* и *Шумо*. В первом бейте обращение строится только на форме *Шумо*, что придает речи высокий, почтительный и возвышенный тон. Во втором случае рядом оказываются *ту* и *Шумо*: первая форма передает близость и эмоциональную направленность обращения, вторая сохраняет оттенок уважения и подчеркивает значимость адресата. Такое сочетание показывает, что в поэтической речи выбор местоимения зависит не только от грамматического лица, но и от стиля, эмоционального состояния говорящего и характера отношения к адресату.

В разговорной речи и в отдельных диалектных зонах местоимения *ту* и *Шумо* могут употребляться по-разному. Вокруг их правильного и уместного выбора нередко возникают бытовые споры, однако не все такие оценки имеют научное основание. В современном таджикском литературном языке обращение на *Шумо* обычно связывается с уважением к старшему, человеку

более высокого статуса или малознакомому собеседнику. Обращение на *ту* в таких ситуациях может восприниматься как нарушение речевой дистанции.

В то же время в некоторых регионах персоязычного ареала форма *ту* употребляется шире и не всегда несет оттенок неуважения. Это объясняется историей языка, местными речевыми традициями, характером общения и принятыми в конкретной среде нормами вежливости. Поэтому употребление местоимений *ту* и *Шумо* следует рассматривать с учетом не только грамматики, но и речевой ситуации, возраста, социального положения, степени близости, психологического состояния собеседников и культурной нормы. Именно в таком широком контексте эти местоимения становятся важной частью формул речевого этикета и помогают выразить уважение, близость, дистанцию или официальность общения. Например,

– *Меҳмон, аз шумо як чизро пурсам, малол намебиеяд– мӣ? Барака ебед. Шумо чандсола?*

Ин хел бошад, медонед. Дар Хуҷанди шумо Саидҷӯлоқи нонвою Ашӯрбои кабоби танӯрипаз, Тӯхтабои мастоваю Мири ошпаз буданд. Ҳамонҳо ҳоли ҳам саломат– мӣ?

[– *Гость, позвольте мне спросить у Вас кое– о чем? Да благословит Вас Бог. Сколько Вам лет?*

Если так, Вы знаете. В Худжанде жили Саид– хромой – пекарь, Ашурбой – приготовитель кебабов, Тухтабой – приготовитель супов и Мир – приготовитель плова. Все ли они живы– здоровы?] [II. 21, 12].

Ман устои ҳунарманд, софдил, илму хунардӯсти худро шод намудам.

– *Агар хоҳед, ҳар рӯз дар вақти таъйин кардаатон омада, ба шумо дарс медиҳам, – башорат додам ба ӯ. – Тӯғрӣ аз хондану навиштан сар мекунеду тез босавод мешавед. Ягон ду моҳ меҳонед халос.*

[*Я осчастливил своего мастера– ремесленника, честного человека, любящего науку и искусство.*

– Если хочешь, я буду приходить каждый день в назначенное тобой время и давать тебе уроки, – сказал я ему. – Ты сразу же начнешь читать и писать и быстро станешь грамотным. Ты будешь учиться два месяца] [II.21, 30].

Н. И. Формановская отмечает: «Обращение на *Вы* выражает более высокую степень уважения к собеседнику, чем обращение на *ты*. Выбор той или иной формулы обращения зависит от ряда условий» [I. 276, 16]. Исследовательница связывает выбор местоимений *ты* и *Вы* со степенью знакомства между собеседниками, формальностью или неформальностью общения, а также с характером взаимоотношений [I. 276, 16–17]. Эти наблюдения важны и для таджикского языка, поскольку местоимения *ту* и *Шумо* также входят в систему формул речевого этикета и помогают определить дистанцию, уважение и степень близости между участниками общения.

Шахбоз Кабиров, рассматривая местоимения как средство выражения уважения, пишет: «На основании данных исследователей и источников можно сказать, что тенденция к использованию местоимений *мы* и *вы* для выражения уважения и смиренности формировалась после IX–X веков и возникла на основе формальных и угодливых (а не уважительных и искренних) отношений между государственными чиновниками» [I. 107, 53].

При анализе употребления местоимений *Шумо* и *ту* необходимо учитывать не только грамматическую сторону, но и социальные, стилистические, психологические, географические и культурные особенности общения. В таджикском литературном языке, разговорной речи и диалектах употребление этих местоимений имеет свои различия. Поэтому при научной оценке их функционирования важно обращать внимание прежде всего на конкретную речевую ситуацию.

Выбор между *ту* и *Шумо* в семейном и бытовом общении зависит от характера отношений между собеседниками, семейной среды, местных традиций и степени близости. Наряду с этим значительную роль играют возраст, социальное положение и официальный или неофициальный характер

общения. В большинстве случаев при обращении к старшему по возрасту, человеку высокого статуса или представителю другой этнической группы предпочтение отдается местоимению *Шумо*, которое воспринимается как форма уважительного обращения. Например,

– *Ба шумо дурӯзу ба Худо рост, мулло. Ман ба ҷои курта чанд сол боз ана ин хел гиребонҳоро ба гарданам овехта мегардам. – ӯ нешгирро аз сандуқи дил гирифт ва як гиребони аз курта боқимондаро, ки ба гарданаи овехта буд, нишон дод* [II. 21, 53].

[– Перед Богом говорю правду, мулло. Вместо рубахи я уже несколько лет ношу на шее вот такие воротники, – сказал он, убрав передник с груди и показывая оставшийся воротник от рубахи, висевший у него на шее].

В этом примере уважительный характер общения создается сочетанием местоимения *Шумо* и обращения *мулло*. Оба средства помогают сохранить дистанцию и подчеркивают почтительное отношение говорящего к собеседнику.

На употребление местоимений влияет и диалектное разнообразие таджикского языка. Это естественно для любого языка, поскольку местные речевые традиции по-разному сохраняют нормы общения. Однако независимо от диалектных различий вежливость и уважение остаются важной частью речевого этикета. При этом значение имеют не только местоимения, но и формы глаголов, используемых в разговоре. Как отмечается в научной литературе, «с точки зрения этикета и король, и нищий, и свой, и чужой описываются одинаково, грамматическая форма уважения используется редко» [I. 37, 16].

Еще одна проблема связана с письменной речью, особенно с языком официальных заявлений и обращений. В последние годы в таджикской документации стали часто встречаться конструкции такого типа: *Аз Шумо бо камоли эҳтиром хоҳиш менамоем, ки бо сабабҳои оилавӣ ба ман барои гузаштан аз шуъбаи рӯзона ба шуъбаи ғоибона иҷозат медодед* [С глубоким почтением прошу Вас разрешить мне перейти с очного отделения на заочное

в связи с семейными обстоятельствами]. Многие считают такую форму правильной, поскольку в официальном обращении говорящий старается избегать прямого повелительного глагола *ичозат диҳед* «разрешите» и заменяет его более мягкой формой *ичозат медодед* «если бы разрешили». В этом стремлении есть понятная этикетная логика: заявитель не должен звучать так, будто он отдает распоряжение руководителю. Однако в официальном тексте важно учитывать не только вежливость, но и точность грамматической формы.

С этой точки зрения приведенное заявление можно оформить иначе: *Аз Шумо бо камоли эҳтиром хоҳиш менамоям, ки бо сабабҳои оилавӣ ба ман барои гузаштан аз шуъбаи рӯзона ба шуъбаи ғоибона иҷозат диҳед* [С глубоким почтением прошу Вас разрешить мне перейти с очного отделения на заочное в связи с семейными обстоятельствами]. В таком варианте этикет сохраняется за счет формулы *Аз Шумо бо камоли эҳтиром хоҳиш менамоям* [с глубоким почтением прошу Вас], а глагольная форма *ичозат диҳед* «разрешите» остается грамматически точной и уместной для официального обращения. Кроме того, форма второго лица множественного числа сама по себе выражает уважение к адресату, особенно если речь идет о старшем по положению человеке или руководителе.

Итак, формулы речевого этикета в современном таджикском литературном языке нельзя сводить только к отдельным словам вежливости. Они строятся на взаимодействии лексики, местоимений, глагольных форм, устойчивых обращений и культурных норм общения. Существительные типа *хоҷӣ, ҳазрат, раис, устод, бузургвор*, местоимения *ту* и *Шумо*, а также глагольные формы официальной просьбы показывают, что речевой этикет действует внутри самой языковой системы. Его развитие зависит от социальных перемен, литературной нормы, диалектной среды, официального стиля и живой речевой практики.

В современном таджикском языке этикетные формулы развиваются неравномерно. Одни слова и выражения сохраняют традиционный

уважительный смысл, другие расширяют сферу употребления, третьи получают иронический, сниженный или противоположный оттенок. Поэтому неправильный выбор языковой единицы, неуместное употребление формы обращения или смешение разговорной и официальной нормы могут нарушить речевую дистанцию и ослабить коммуникативный эффект. Именно это делает формулы речевого этикета важным объектом лингвистического анализа: через них видны семантика, структура и реальные тенденции развития современного таджикского литературного языка.

1.7. Исторические источники формирования таджикских формул речевого этикета

Первые нормы поведения и общения были простыми и складывались вместе с развитием человеческого общества. Человек постепенно осознавал свое место среди других людей, свое положение в семье, общине и более широком социальном круге. Из этих отношений выростали правила поведения, нравственные представления и первые формы речевого общения. В строгом смысле это еще не был речевой этикет как развитая система, но именно такие нормы подготовили основу для появления устойчивых форм приветствия, обращения, благопожелания, благодарности и других этикетных выражений.

В таджикской культурной традиции вопросам нравственности, уважения и правильного слова всегда придавалось большое значение. Таджики принадлежат к иранскому культурно-языковому миру, а персоязычная традиция охватывает широкий исторический и географический ареал. Поэтому исторические истоки таджикских формул речевого этикета следует рассматривать не изолированно, а в связи с общим развитием иранской, персидско-таджикской письменной и устной культуры.

На протяжении истории нравственные ценности часто выражались именно через слово. Наряду с поступком, жестом и ритуалом язык служил главным средством установления отношений между людьми. В письменном

наследии предков сохранился богатый материал, связанный с культурой речи, уважительным обращением, наставлением, благопожеланием и нормами достойного поведения. Этот материал еще не изучен полностью, хотя он имеет прямое значение для понимания исторических основ таджикских формул речевого этикета.

Одним из ранних источников, важных для истории таджикского речевого этикета, являются зороастрийские учения и книга «Авесто». Известная формула «благие мысли, благие слова, благие дела» показывает тесную связь нравственности, слова и поступка. Для темы речевого этикета особенно важно второе звено этой триады – «благие слова», поскольку оно подчеркивает ценность правильной, доброй и нравственно ответственной речи. Здесь слово воспринимается не как простое средство сообщения, а как часть нравственного поведения человека.

С. Анвари в книге «Место языка в персидско-таджикских произведениях» отмечает: «...тема языка, речи и общения еще с древних времен, во времена жизни Заратуштры Спитамона считалась существенной проблемой культуры арийского народа, и он, то есть Заратуштра, говорил с людьми своим пламенной и священной речью и передавал откровение Бога человечеству» [I. 15, 23]. Эта мысль позволяет увидеть, что уже в древней традиции речь связывалась с нравственным воздействием, наставлением и духовной ответственностью. Именно такая связь слова и нравственной нормы стала одной из основ последующего развития таджикских формул речевого этикета.

Учение зороастризма опиралось на нравственность и выразительную силу слова, то есть на умение ясно, тонко и убедительно доносить до людей мысли и наставления. Это стало одной из причин его широкого распространения. Идеи зороастризма до сих пор привлекают внимание исследователей Востока и Запада. Нуриддин Шахобиддинов в монографии «Ницше и исторический зороастризм» рассматривает зороастрийское учение в связи с философской мыслью Ницше и подчеркивает древность иранской

нравственной культуры. Он пишет: «До сих пор учение Заратуштры известно как нравственное учение, а он сам – как первый назидатель, но неоднозначная судьба Авесты выражает также и другие аспекты» [I. 300, 55]. Исследователь показывает зороастрийское учение как широкую и многогранную систему, в которой нравственные, религиозные и мировоззренческие идеи тесно связаны между собой.

Иранские ученые IX-X веков называли «Авесто» учением «Чахонофар»– и Бундахишн «миротворца Бундахишна» и рассматривали его как важный духовный источник, связанный с древними представлениями о жизни человека. В зороастрийском учении большое место занимали правила чистоты, порядок повседневной жизни, молитвенная практика, представления о добре, нравственности и ответственности человека. Заратуштра выделял качества и заповеди, основанные на доброте и чистоте. В этом отношении зороастрийская традиция важна и для истории таджикского речевого этикета, поскольку она связывает нравственный облик человека с его словом, речью и отношением к другим людям.

«Авесто» представляет собой крупный свод религиозных, нравственных и культурных представлений, в центре которых находится идея добра. Для истории речевого этикета особенно важно то, что в этой книге высоко оценивается добрая, красивая и воздействующая речь. В «Авесто» говорится: «...я языком своим направлю заблудших на наилучший путь» [I. 6, 10]. Эта мысль показывает, что слово в древней традиции воспринималось как средство нравственного наставления и исправления человека. Согласно зороастрийскому учению, доброй речью можно направить людей к добрым поступкам и достойному поведению.

Главная идея зороастрийской нравственной системы связана с добрыми мыслями, добрыми словами и добрыми делами. В «Авесто» также говорится: «Я восхваляю юношу, который добродушен, хорошо говорит, добродетелен и...» [I, 6, 113]. Здесь умение хорошо говорить поставлено рядом с нравственными качествами человека. Поэтому «Авесто» можно

рассматривать как один из ранних источников, в котором заложены представления о ценности доброго слова, уважительной речи и нравственного общения. Эти представления позднее стали важной основой для формирования таджикских формул речевого этикета.

После распространения ислама в иранском культурном мире заметно изменились духовная жизнь, нормы поведения и формы речевого общения. Исследователи не раз отмечали, что иранские народы не только восприняли исламскую культуру, но и внесли значительный вклад в ее развитие. Для истории таджикского речевого этикета особенно важно то, что исламская традиция закрепила высокий статус доброго слова, уважительного обращения, наставления, благопожелания и сдержанной речи. Поэтому Священный Коран и пророческие хадисы можно считать одним из главных источников формирования таджикских формул речевого этикета. Отражение слова Божьего и хадисов Пророка Мухаммада (мир ему) позднее заметно проявилось и в произведениях, созданных на таджикском языке.

Священный Коран содержит множество нравственных наставлений, связанных с речью и поведением человека. В аяте 63 суры «Ал-Фуркан» говорится о рабах Милостивого, которые ходят по земле смиренно и, когда к ним обращаются невежественные люди, отвечают мирными словами [I. 143, 365].

Для речевого этикета здесь важна сама норма ответа: даже в трудной ситуации человек должен сохранять достоинство, не отвечать грубостью и выбирать спокойное, достойное слово.

Коран и пророческие хадисы оказали глубокое влияние на таджикскую культуру общения. С ними связаны многие формулы приветствия, благопожелания, благодарности, соболезнования, извинения и наставления, которые сохраняются в современном таджикском литературном языке. Поэтому исламские источники важны не только для истории нравственных представлений, но и для понимания семантики, структуры и дальнейшего развития таджикских формул речевого этикета.

Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха), говоря о хороших манерах, подчеркивал значение речи: «Да помилует Аллах того, кто исправляет свой язык» [I. 203, 15]. Эта мысль близка к самой природе речевого этикета: нравственность человека раскрывается не только в поступках, но и в том, как он говорит с другими людьми.

Третьим важным источником формирования таджикских формул речевого этикета являются поэтические и прозаические произведения классических персидско-таджикских писателей. Этот пласт письменного наследия еще не изучен полностью с точки зрения речевого этикета, хотя именно в нем широко представлены обращения, наставления, похвала, порицание, благопожелания, советы и другие речевые формы, связанные с культурой общения. В настоящей работе произведения классиков привлекаются как материал, позволяющий проследить исторические основы таджикских формул речевого этикета.

Вопросы речевого этикета и уместности высказывания широко представлены и в «Шахнаме» Фирдавси. В этом памятнике слово нередко связано с честью, властью, мудростью, верностью и ответственностью человека перед обществом. Согласно ряду источников, одной из причин падения державы, последним правителем которой был шах Хусрави Парвиз, стали нарушение норм достойного поведения, отход от нравственных правил предков и утрата политической проницательности. В поэме Низоми Ганджави «Хусрав и Ширин» эта мысль получает художественное выражение:

Дар оташ мондаи ин ҳаст нох(в)аиш,

Мусалмон шав, мусаллам гард аз оташ.

[Кто остается в огне неверия и заблуждения,
пусть примет ислам и спасется от огня].

Ба дасти қосиде ҷалду сабукхез,

Фиристод он васиқат сӯйи Парвез.

[С быстрым и расторопным гонцом
он отправил это послание Парвизу].

*Чу қосид арза кард он номаи нав,
Бичӯшид аз сиесат хуни Хусрав.*

[Когда гонец передал это новое письмо,
в Хусраве от гнева и властной гордости вскипела кровь].

*Ба ҳар ҳарфе, к– аз он манишӯр бархонд,
Чу афъюнхӯрдае махшур дармонд.*

[С каждой строкой этого послания
он все больше цепенел, словно человек, одурманенный опиумом].

*Хате дид аз саводи ҳайбатангез
Навишта «Аз Муҳаммад сӯйи Парвез».*

[И увидел в устрашающе уверенном письме строки:
«От Мухаммада – к Парвизу»].

*Дарид он номаи гарданишиканро,
На нома, балки номи хештанро.*

«Он разорвал то сокрушающее гордыню письмо –

но разорвал не письмо, а собственное имя и честь] [Ш. 21, 391– 392]

После такого отношения к посланию и нарушения норм дипломатического и этикетного общения держава Хусрава Парвиза, согласно художественной интерпретации Низоми, постепенно приходит к упадку. Поэт связывает судьбу правителя не только с политическими событиями, но и с его гордостью, высокомерием и неспособностью принять достойное слово и наставление. Низоми продолжает:

*Сарирашро сипеҳр аз зер бардоиш,
Писар дар куштанаи шамшер бардоиш.
Пуле бар Даҷла з– оҳан буд баста,
Даромад селу он пул шуд шикаста [Ш. 21, 392].*

[Небо выбило трон из-под его ног,
И даже сын поднял на него меч.

Над Тигром был воздвигнут железный мост,
Но пришел поток – и этот мост был разрушен].

В этих строках падение власти показано как следствие нравственного и политического кризиса. Для Низоми важна не только сама историческая судьба Хусрава Парвиза, но и мысль о том, что высокомерие, нарушение нравственной меры и неуважение к слову ведут к разрушению власти и порядка. Насколько точно этот эпизод соответствует историческим событиям, остается предметом отдельного обсуждения, однако для истории культуры речи он представляет несомненный интерес.

Средневековое таджикское общество развивалось в условиях исламской правовой и культурной системы, но при этом сохраняло многие элементы более древних традиций. Нравственные отношения таджикского народа с древних времен строились на сложной системе социальных связей, обычаев, верований и представлений о достойном поведении. Все это влияло и на культуру общения.

Средневековый исламский Восток включал разные государства и социальные группы, между которыми существовали не только политические, но и нравственные различия. Они отражались в поведении людей, в культуре речи и в формах общения. Ермухаммад Ниези, рассматривая вопросы этики отношений на исламском Востоке, пишет: «Одна группа была бедной, необразованной и обладала низкими моральными качествами, тогда как другая группа была знатной, богатой и придерживалась высоких нравственных принципов. Главной причиной такого разделения был экономический фактор, который оказывал серьезное влияние на нравственность» [I. 187, 392].

Это показывает, что речевой этикет и формы общения зависели не только от религиозных или культурных норм, но и от социального положения человека, уровня образования, среды и образа жизни. Несмотря на высокую оценку красивой и уважительной речи в классической традиции,

в разные исторические периоды существовали и условия, ослаблявшие нравственные нормы общения и культуру речевого поведения.

Династия Саманидов сыграла важную роль в развитии таджикской культуры, нравственных представлений и норм общественного поведения. В этот период речевой этикет формировался на пересечении исламских норм и местных культурных традиций. Общественная жизнь регулировалась религиозными и нравственными правилами: осуждались притеснение людей, воровство, употребление запретной пищи, прелюбодеяние, азартные игры и другие поступки, нарушавшие принятый порядок. Эти нормы влияли не только на поведение человека, но и на формы общения, на выбор слов, обращений и способов выражения уважения.

В семейной среде также существовал устойчивый порядок отношений. Главой семьи обычно считался мужчина, прежде всего отец, за которым признавалось право решающего слова. Уважение к старшим было обязательной частью поведения и речи. Оно выражалось в почтительном обращении, назывании старших по имени, статусу или родственной роли, а также в соблюдении речевой дистанции. В научной литературе отмечается: «В восточной культуре уровень неравенства статусов выше, чем у русских, где мы наблюдаем большее разнообразие местоимений второго лица единственного числа, большее уважение к старшим, обращение к ним по статусу и соблюдение иерархии» [И. 187, 48].

С укреплением феодальных отношений усиливалось различие между социальными группами. Это различие отражалось и в нормах поведения, и в речевом этикете. Речь представителей правящей среды отличалась большей регламентированностью: важную роль играли титулы, формы почтительного обращения, устойчивые формулы уважения и выражения подчиненности. Вместе с тем социальное неравенство влияло на общую нравственную атмосферу общества. Ермухаммад Ниезй пишет: «Во всех этих странах (исламский Восток – Ш.Г.) были богатые люди, у которых было все

необходимое для жизни, а другая группа бедных была не более чем игрушкой в их руках и использовалась как им заблагорассудится» [I. 187, 53].

Наряду с этим культурные ценности таджикского народа в средние века получили широкое отражение в религиозном и литературном наследии. Классические персидско-таджикские писатели по-разному обращались к теме социальной справедливости, нравственного поведения, достойной речи и уважительного отношения к человеку. Эти произведения важны для истории таджикских формул речевого этикета, поскольку в них сохранились образцы обращения, наставления, похвалы, порицания, благопожелания и других речевых форм, связанных с культурой общения.

Исторический материал показывает, что нормы нравственного поведения и культура речи развивались в тесной связи. На разных этапах истории нарушение речевой меры, неуважение к слову, грубость или высокомерие в общении могли осложнять отношения между людьми, социальными группами и государствами. Поэтому речевой этикет нельзя рассматривать как внешнюю форму вежливости. Он связан с устойчивыми представлениями народа о достоинстве человека, уважении, добром слове и допустимых границах общения.

Исторические источники формирования таджикских формул речевого этикета охватывают разные пласты культуры: зороастрийские нравственные представления, исламские нормы общения, Коран и хадисы, а также богатое персидско-таджикское литературное наследие. В каждом из этих источников слово занимает особое место. Оно наставляет, примиряет, выражает почтение, укрепляет социальную связь или, напротив, при неправильном употреблении разрушает доверие и порядок общения. Именно поэтому формулы приветствия, обращения, благопожелания, благодарности, извинения и наставления имеют не только языковую, но и культурно-нравственную основу.

В этом отношении важны слова академика М. Шукурова: «...развитие языка, культуры и духовности тесно взаимосвязаны, и оба, подобно зеркалу,

отражают состояние друг друга, состояние индивида и нации» [I. 174, 26]. Под духовностью здесь можно понимать не отвлеченное понятие, а живую систему нравственных ценностей, поведения, отношения к человеку и культуры речевого общения. Для таджикского речевого этикета это особенно существенно: язык не только передает мысль, но и показывает меру воспитанности, уважения и внутренней культуры говорящего.

Следовательно, исторические источники таджикских формул речевого этикета позволяют увидеть, как в языке закреплялись нормы доброго слова, уважительного обращения и достойного поведения. Эти нормы продолжают жить в современном таджикском литературном языке, меняя форму и сферу употребления, но сохраняя главную основу – связь слова с нравственностью, культурой и человеческим достоинством.

Выводы по первой главе

В первой главе были рассмотрены теоретические основы изучения формул речевого этикета в современном языкознании. Анализ научной литературы показывает, что речевой этикет давно изучается в русской, европейской и таджикской лингвистике, однако формулы таджикского речевого этикета в современном литературном языке еще нуждаются в более целостном описании. Особенно важным остается их рассмотрение с точки зрения семантики, структуры, функций и исторического развития.

Формулы речевого этикета представляют собой не случайные выражения вежливости, а устойчивые языковые единицы, через которые регулируется общение между людьми. Они помогают установить контакт, выразить уважение, благодарность, просьбу, извинение, пожелание, сочувствие, одобрение или речевую дистанцию. Поэтому речевой этикет нельзя сводить только к морали или правилам поведения. Он живет в языке и выражается через слова, словосочетания, предложения, местоимения, глагольные формы, обращения и другие средства таджикского литературного языка.

Изучение научных трудов показывает, что теоретическая база исследования речевого этикета во многом сложилась в работах русских и европейских лингвистов. Вместе с тем таджикская научная и литературная традиция имеет собственные глубокие основания для изучения этой темы. В трудах таджикских исследователей, а также в классическом персидско-таджикском наследии содержатся важные наблюдения о культуре речи, уважительном обращении, силе слова, нравственной ответственности говорящего и уместности высказывания. Особую ценность имеют работы, связанные с категорией уважения, средствами выражения почтительности, нормами общения и историей речевого поведения.

В главе показано, что формирование таджикских формул речевого этикета связано с разными факторами. На выбор этикетной формулы влияют социальный статус, возраст, профессия, национальная принадлежность, религиозные представления, характер собеседников, семейная и общественная среда, официальность или неофициальность общения. Эти факторы определяют, какую форму обращения, приветствия, благодарности, просьбы или пожелания выбирает говорящий и как эта форма воспринимается адресатом.

Отдельное значение имеет связь речевого этикета с таджикским литературным языком. Развитие языка меняет и систему этикетных формул. Одни слова и выражения сохраняют прежний уважительный смысл, другие возвращаются в активное употребление, третьи получают новые, иногда иронические или сниженные оттенки. Такие единицы, как *ҳочӣ*, *ҳазрат*, *раис*, *устод*, *бузургвор*, *муаллим*, а также местоимения *ту* и *Шумо*, показывают, что речевой этикет тесно связан с лексикой, грамматикой, социальной нормой и живой речевой практикой.

Исторические источники формирования таджикских формул речевого этикета охватывают зороастрийские нравственные представления, исламские нормы общения, Коран и хадисы, а также богатое персидско-таджикское литературное наследие. В этих источниках слово рассматривается как

средство наставления, примирения, уважения и нравственного воздействия. Поэтому историческое развитие таджикского речевого этикета связано не только с изменением языковых форм, но и с представлениями народа о достоинстве человека, добром слове, культуре общения и правильном поведении.

Таким образом, первая глава подтверждает, что формулы речевого этикета в современном таджикском литературном языке имеют прочную теоретическую, историческую и культурную основу. Их изучение важно для понимания того, как в таджикском языке выражаются уважение, вежливость, социальная дистанция, нравственная оценка и национальная культура общения. Именно поэтому дальнейший анализ жанров, семантики, структуры и тенденций развития таджикских формул речевого этикета требует опоры как на современную лингвистическую теорию, так и на собственную таджикскую языковую и культурную традицию.

ГЛАВА II. ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФОРМУЛ ТАДЖИКСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

2.1. Эволюция формул таджикского речевого этикета

Формулы таджикского речевого этикета складывались в тесной связи с историческим развитием общества, нормами общения, социальной иерархией, религиозно-нравственными представлениями и жанровыми формами повседневной коммуникации. Их становление нельзя рассматривать как линейный процесс: в разные периоды одни формулы сохраняли устойчивость, другие изменяли сферу употребления, третьи постепенно выходили из активной речи или переосмыслились под влиянием новых коммуникативных условий.

В современной таджикской лингвистике речевой этикет еще не получил полного и системного описания. Имеющиеся исследования затрагивают отдельные стороны проблемы, однако не всегда позволяют проследить, как именно формировались и развивались устойчивые этикетные формулы в разных жанрах общения. Между тем для понимания этой системы важно учитывать не только современный литературный язык, но и живую разговорную речь, а также диалектный материал, в котором часто сохраняются более ранние формы речевого поведения.

Этикетные формулы функционируют как в устной, так и в письменной коммуникации. В каждой из этих сфер их выбор зависит от ситуации общения, возраста и статуса собеседников, степени близости между ними, темы высказывания и культурных норм. Поэтому одна и та же коммуникативная задача может получать разные языковые выражения: официальные, нейтральные, разговорные, уважительные, эмоционально окрашенные или традиционно-обрядовые.

Эволюция таджикского речевого этикета особенно отчетливо проявляется в его жанровых разновидностях. К ним относятся обращение, приветствие, приглашение, просьба, благодарность, извинение, пожелание, поздравление, прощание и другие формы речевого поведения. Каждый из

этих жанров имеет собственный набор устойчивых формул, которые обеспечивают нормативность, узнаваемость и предсказуемость общения.

При анализе таких жанров важно учитывать не только их лексико-семантический состав, но и прагматические параметры: кто обращается, к кому обращается, в какой ситуации произносится формула, какую цель она выполняет и какое место занимает в структуре общения. В этом отношении формулы речевого этикета выступают не просто готовыми языковыми единицами, а устойчивыми средствами организации социального взаимодействия.

Коммуникативные формулы речевого этикета могут быть классифицированы с учетом их функционально-позиционного употребления: формулы, используемые в начале общения, формулы, функционирующие в процессе речевого взаимодействия, и формулы, характерные для завершения коммуникативного акта. Такая последовательность отражает общую жанровую организацию речевого этикета: общение обычно начинается с приветствия и завершается прощанием, что подтверждается материалом не только таджикского, но и других языков мира.

Данная проблема до настоящего времени не получила широкого и системного освещения в таджикской лингвистике. В частности, общее количество устойчивых формул таджикского речевого этикета не было определено ни на материале отдельных художественных произведений, ни на основе анализа устного народного творчества. Поэтому изучение жанровых разновидностей и устойчивых формул таджикского речевого этикета требует более углубленного научного рассмотрения.

Опираясь на имеющиеся научные данные, а также на корпус прозаических произведений таджикской литературы XX-XXI веков, можно в определенной степени реконструировать процесс эволюции таджикского речевого этикета в указанный исторический период. Хотя данная проблема не может считаться окончательно решенной, анализ обширного текстового материала на таджикском (персидском) языке позволяет проследить

динамику развития этикетных формул и выявить их жанрово-коммуникативные особенности.

Таджикский речевой этикет развивался в тесной взаимосвязи с общественными процессами. Его глубинные исторические истоки остаются недостаточно изученными, однако анализ прозаических произведений XX-XXI веков свидетельствует о наличии устойчивых коммуникативных формул, сложившихся как в народной языковой практике, так и в художественной литературе. Значительную роль в их закреплении и распространении сыграли писатели, через произведения которых многие формы речевого поведения получили устойчивое литературное выражение.

Исследование текстов данного периода показывает, что общественные трансформации непосредственно влияли на язык и речевое поведение носителей. В результате менялись не только отдельные формулы, но и способы их употребления в разных жанрах общения. Вместе с тем, несмотря на изменчивость исторических условий, в таджикском речевом этикете сохранялись базовые национально-культурные ценности, связанные с уважением, почтительностью, доброжелательностью и нормативностью общения.

Поэтому при анализе эволюции таджикского речевого этикета необходимо учитывать социально-политические, экономические и культурные условия развития общества, особенно в начале XX века. Анализ прозаических источников позволяет заключить, что уже к концу XIX века содержание таджикского этикета заметно отличалось от предшествующих эпох. Эти изменения были обусловлены значительными социальными и политическими преобразованиями, повлиявшими на нормы поведения, этические установки и коммуникативные практики.

В частности, в этот период наблюдается обновление системы формул речевого этикета: часть традиционных выражений постепенно выходит из активного употребления, уступая место новым речевым моделям. Усиление советской общественно-политической системы также повлияло на

трансформацию этикетного общения: некоторые архаичные формулы утратили прежнюю значимость, а их функции стали передаваться другими коммуникативными средствами.

Анализ письменных источников на таджикском языке показывает, что на протяжении длительного времени в системе таджикского речевого этикета сохранялись устойчивые формулы, активно употреблявшиеся как в народно-разговорной среде, так и в официально-деловой коммуникации. В художественной прозе эти формулы особенно заметны в диалогах, где они передают не только содержание реплики, но и характер отношений между собеседниками. Например,

– Саломат бош, чӯра! – гуфт Карим. – Ман бояд ба хонаи Насимҷон амакат равам. Ту Асоро надидӣ?

– Не, надидем, – гуфт Мирак, – лекин ман албатта ба хонаашон рафта маслиҳат мекунам. [Ш. 31, 322]

– Эй напурс! Рӯзгор, ки ба сарат афтод, баъд медонӣ!

– Ба сари ман рӯзгор аз ту пештар афтодагӣ, чӯра! Лекин ман ин қадар ҷон намекоҳонам; зиндагӣ як навъе карда мегузарад. Хайр, гап ҳамин ки ман ба хондан меравам ва туро ҳам бо худам мебарам. [Ш. 31, 323]

– Э, бале! – гуфт корвонбошӣ. – Писари кӣ мешавӣ?

– Писари Авазмерган! [Ш. 31, 352]

– Ҳеч гап не, натарсед! – гуфт Асо. – Ман ба Латиф боварӣ дорам. [Ш. 31, 324]

[«– Будь здоров, дружище! – сказал Карим. – Мне нужно пойти к дому твоего дяди Насимджона. Ты не видел Асо?

– Нет, не видели, – сказал Мирак, – но я обязательно зайду к ним домой и посоветуюсь. [Ш. 31, 322]

– Эх, не спрашивай! Когда жизнь свалится тебе на голову, тогда поймешь!

– На мою голову жизнь свалилась раньше, чем на твою, дружище! Но я так сильно не унываю; жизнь все равно как–нибудь проходит. Ладно, дело в том, что я еду учиться и тебя тоже беру с собой. [Ш. 31, 323]

– А, да! – сказал караванбаши. – Чей ты сын?

– Сын Авазмергана! [П. 31, 352]

– Ничего, не бойтесь! – сказал Асо. – Я доверяю Латифу] [П. 31, 324]

Приведенные примеры из художественной прозы показывают, как устойчивые формулы таджикского речевого этикета функционируют в живой речевой ситуации. В диалогах персонажей употребляются формулы благопожелания и поддержания контакта (*Саломат бош, чӯра!*), обращения (*чӯра*), эмоционально-экспрессивные реплики (*Эй напурс!*, *Э, бале!*), а также формулы успокоения и поддержки (*Хеҷ гап не, натарсед!*). Эти единицы выполняют не только коммуникативную, но и социально-прагматическую функцию: они показывают степень близости собеседников, эмоциональное состояние говорящего и характер самой речевой ситуации.

Анализ данных фрагментов подтверждает, что формулы речевого этикета чаще всего раскрываются в диалогической форме. Именно в диалоге видна их жанровая природа: одни формулы помогают установить контакт, другие поддерживают ход общения, третьи выражают реакцию, согласие, поддержку или эмоциональную оценку. Тем самым этикетные формулы участвуют в организации речевого взаимодействия и одновременно отражают тенденции развития таджикской коммуникативной культуры.

Результаты анализа показывают, что в художественной прозе XX-XXI веков устойчивые формулы таджикского речевого этикета широко представлены прежде всего в диалогической речи персонажей. Они функционируют в разных жанровых ситуациях общения: при установлении контакта, обращении к собеседнику, выражении эмоциональной реакции, поддержке, согласии, успокоении и завершении речевого взаимодействия. Их употребление позволяет проследить динамику развития таджикского речевого этикета: одни формулы сохраняют традиционную коммуникативную функцию, другие меняют сферу употребления, а часть выражений постепенно уступает место новым речевым моделям. В этом отношении художественная проза выступает важным источником для

изучения эволюции этикетных формул и выявления тех тенденций, которые определяют их развитие в современном таджикском языке.

Анализ художественной прозы XX-XXI веков показывает, что формулы таджикского речевого этикета различаются не только по коммуникативной функции и сфере употребления, но и по своему лексическому составу, происхождению и степени устойчивости. В процессе развития таджикского речевого этикета часть формул сохраняла традиционную основу, тогда как другие подвергались обновлению под влиянием общественно-культурных изменений и особенностей художественной речи. С учетом этих признаков формулы речевого этикета можно условно разделить на несколько групп.

1. Формулы, сформированные на основе исконной таджикской лексики.

Устойчивые формулы речевого этикета, построенные на основе исконной таджикской лексики, широко представлены в прозаических произведениях советского периода и эпохи независимости. Эта группа тесно связана с живой народно-разговорной речью: многие такие формулы вошли в художественную литературу из повседневной коммуникативной практики, а затем получили в тексте определенную стилистическую обработку. Писатели использовали их с учетом темы произведения, характера персонажей, речевой ситуации и общей художественной задачи.

Существенная особенность данной группы состоит в ее внутренней подвижности. Наряду с традиционными формулами здесь наблюдается обновление речевого материала: одни выражения сохраняют прежнюю коммуникативную функцию, другие подвергаются лексико-грамматической или фонетической модификации, сохраняя при этом основное значение. В отдельных случаях формулы получают индивидуально-авторскую окраску,

однако остаются узнаваемыми для носителя языка благодаря своей связи с народной речевой практикой.

Лексический состав этой группы отличается высокой частотностью и общеупотребительностью. К ней относятся такие единицы, как *офарин* «молодец», *хуб* «хорошо», *хуш* «приятно», *бародар* «брат» и другие слова, которые используются в разных жанровых ситуациях общения: при приветствии, одобрении, поддержке, выражении согласия, почтительности или эмоциональной реакции. Приведенные ниже примеры показывают функционирование таких формул в художественном тексте:

– *Худо ниғаҳ дорад! – гуфт Қамбар. – Шуморо мешикастагиҳо кайҳо шикаста шуданд, пора– пора гаштанд.*

[– Пусть Бог хранит! – сказал Камбар. – Те, кто хотел сломить вас, сами давно сломлены и разбиты] [П. 31, 118–119]

– *Тавба кардам, тавба кардам Худое! – гуфт мардак ба чавоби занаш сухане наефта. – Ин чӣ рӯз буд– а!*

[– Раскаиваюсь, раскаиваюсь, Боже! – сказал мужчина, не находя слов в ответ жене. – Что это был за день!] [П. 31, 90]

– *Бисер нағз, – гуфт ба таври қиддӣ Асо. – Фирӯза ҳам рӯзҳои аввали инқилоб дар посбонии дарвозаи шаҳр бо ман ҳамроҳ буд, хеле ерӣ меод.*

[– Очень хорошо, – серьезно сказал Асо. – Фируза тоже в первые дни революции была со мной на охране городских ворот, очень помогала] [П. 31, 40]

– *Офарин! – гуфта монд Фирӯза, вале ҳушаи ба шавҳараи банд буд, ки чаро вай нохост телефон карду нохост ба ин ҷо омаданӣ шуд, Насимҷон гуфтагӣ барин, дар ин ҷо найранги душман набошад?*

[– Молодец! – сказала Фируза, но мысли ее были заняты мужем: почему он неожиданно позвонил и неожиданно решил прийти сюда? Не скрывается ли здесь, как говорил Насимджон, вражеская хитрость?] [П. 31, 37]

– *Нағз кардед! – гуфта монд раиси чека.*

[– Правильно сделали! – сказал начальник ЧК] [П. 31, 11]

– Хуш омадед! – гуфт вай ба рӯ ба рӯи ӯ нишаста. – Саломатии шумо, умедворам, хуб аст!

[– Добро пожаловать! – сказал он, садясь напротив него. – Надеюсь, ваше здоровье хорошее] [II. 31, 91]

– Шумо сода будед, бародар! – гуфт Қоришкамба ба сартарош, – агар ман ба ертиши мурдаҳое, ки ба чанозаи онҳо маро хабар мекунад, қаноат карда мегаштам, пас пули мӯй– сарро аз куҷо ефта ба шумо медодам.

[– Вы были простым человеком, брат! – сказал Коришкамба цирюльнику. – Если бы я довольствовался только наследством тех покойников, на чьи похороны меня зовут, откуда бы я взял деньги, чтобы заплатить вам за стрижку?] [I.4, 179]

Таким образом, первая группа формул речевого этикета показывает прочную связь литературного языка с народно-разговорной речью. Эти формулы сохраняют традиционные нормы общения и одновременно обнаруживают способность к обновлению в художественном тексте. Через них прослеживается одна из важных тенденций развития таджикского речевого этикета: устойчивые народные выражения не исчезают, а продолжают функционировать в новых жанровых и историко-культурных условиях.

2. Формулы, сформированные на основе сочетания арабских заимствований и исконной таджикской лексики.

Вторая группа включает устойчивые формулы речевого этикета, образованные на основе взаимодействия арабских заимствований и исконной таджикской лексики. Вхождение арабских слов в таджикский язык было длительным историческим процессом и заметно повлияло на его лексический состав. Многие арабские элементы со временем прочно закрепились в языке, утратили ощущение чужеродности и вошли в состав устойчивых коммуникативных формул.

Формирование этой группы связано с социально-культурной историей таджикского общества. В современном языке многие арабские по происхождению слова настолько органично включены в речевую практику, что их уже трудно отделить от исконной таджикской лексики в обычном употреблении. Длительное функционирование таких единиц привело к их семантической адаптации и стилистическому выравниванию, благодаря чему они активно используются как в повседневной, так и в литературно обработанной речи.

Особенность данной группы состоит в сочетании разных по происхождению компонентов в составе одной этикетной формулы. Такие формулы не нарушают норм литературного языка, а, напротив, расширяют его выразительные возможности. Они передают уважение, пожелание добра, согласие, приглашение, поддержку, призыв к справедливости и другие коммуникативные смыслы, важные для таджикской речевой культуры. Приведенные ниже примеры показывают употребление таких формул в художественной прозе:

– Не, лозим нест, саломат бошед! Ман ҳозир ба бонк рафта чой менӯшам, – гуфт Қоришкамба ва ба оҳанги шӯҳӣ илова намуд: – ба чойе, ки аз болои пули тоқияҳои ман муҳайе мешуда бошад, на дандони шумо мегӯтад ва на дандони ман.

[– Нет, не нужно, будьте здоровы! Я сейчас пойду в банк и выпью чаю, – сказал Коришкамба и шутливо добавил: – в чае, приготовленном на деньги от моих тюбетеек, не утонут ни ваши зубы, ни мои] [I.4, 187]

– Хуб шудааст, хотирчамъ бошед! – гуфт Қамбар ва хоҷаи худро то ба ҳавли дарун гусел карда баргаиш.

[– Все хорошо, будьте спокойны! – сказал Камбар и, проводив своего хозяина во внутренний двор, вернулся] [I. 31, 119]

– Марҳамат, марҳамат! – гуфт вай ба Низомиддин. – Хуш омадед! Биеед, чашмамон ба роҳи шумо буд.

- [– Пожалуйста, пожалуйста! – сказал он Низомиддину. – Добро пожаловать! Проходите, мы ждали вас] [I. 31, 57]
- *Магар ҳама омаданд? – пурсид Низомиддин вохӯрӣ карда истода.*
- *Бале, – гуфт Ғуломҷонмахсум, – ҳама омадагӣ...*
- *Домодхоҷа?*
- *Домодхоҷа ҳам.*
- *Ман бевақт мондам– дия...*
- *Боке нест, марҳамат!*
- Онҳо ба хона даромаданд.*
- [– Неужели все пришли? – спросил Низомиддин, здороваясь.
- Да, – сказал Гуломдҷонмахсум, – все пришли...
- Домодходжа?
- И Домодходжа тоже.
- Я, кажется, опоздал...
- Ничего страшного, проходите!
- Они вошли в дом] [I. 31, 57]
- *Барака ебед, – гӯен мӯйсафеди биникамон баромада рафт.*
- [– Да будет вам благословение, – сказал старик с опущенной головой и вышел] [I. 4, 245]
- *Рафиқон, бародарони арҷманд! – гуфт ва баъд як дараҷа хомӯш монд.*
- [– Товарищи, уважаемые братья! – сказал он и затем на некоторое время замолчал] [I. 31, 12]
- *Инсоф кунед, додар! – гуфт Қоришиқамба ба ман нигоҳ карда, – охир масолеҳе, ки ба ҳар кадоми онҳо сарф шудааст, аз чор танга зиедтар меистад, ба болои ин музди дӯхт ҳам ҳаст...*
- [– Будьте справедливы, братец! – сказал Коришиқамба, посмотрев на меня, – ведь материал, потраченный на каждую из них, стоит больше четырех танга, к тому же есть еще плата за шитье...] [I. 4, 187]

Таким образом, вторая группа формул речевого этикета отражает длительное взаимодействие исконной таджикской лексики с арабскими

заимствованиями. Эти единицы показывают, что развитие таджикского речевого этикета происходило не путем простого замещения одних формул другими, а через постепенную адаптацию, закрепление и переосмысление разнородных языковых элементов в устойчивых жанровых ситуациях общения.

3. Формулы, состоящие преимущественно из заимствованной арабской лексики.

Третью группу составляют устойчивые формулы речевого этикета, сформированные преимущественно на основе арабских заимствований. Как уже отмечалось, проникновение арабской лексики в таджикский литературный язык, его диалекты и функциональные стили было связано с длительными социально-историческими процессами. В результате многие арабские элементы глубоко укоренились в лексической системе языка и стали частью устойчивых этикетных формул.

Формулы данного типа имеют особую семантику и стилистическую окраску. Они активно употреблялись в повседневной коммуникации, особенно в дореволюционный период и в начале XX века. В художественной прозе соответствующего времени такие единицы передают уважение, обращение к лицу с более высоким социальным или религиозным статусом, благопожелание, отклик на зов, одобрение или молитвенное пожелание. К числу наиболее распространенных формул этого типа относятся *тақсир*, *боракаллоҳ*, *лаббай*, *домулло*, *илоҳӣ* и др. Примеры из художественной прозы показывают, что такие формулы были естественной частью речевого поведения персонажей:

– *Хуб, тақсир! Акнун равед ҳам мешавад, бемор камтар истироҳат кунад; ман ҳам имрӯз бор мебандам, – гӯен дасти худро пеш гирифта аз табиб узр хост.*

[– Хорошо, таксир! Теперь можете идти, пусть больной немного отдохнет; я сегодня тоже собираю вещи, – сказал он и, сложив руки перед собой, извинился перед лекарем] [I. 3. 99]

Яке аз паноҳандагони он дукон:

– *Боракалло, шер! Тир нахӯрда худро мурда гумон кардӣ? – гуфта Шохмирзоро масхара дошт.*

[Один из укывшихся в той лавке сказал: – Боракалло, лев! Не будучи раненым, ты уже счел себя мертвым? – и стал насмехаться над Шохмирзо] [I. 3, 109]

Дар ин вақт овози пойи Ибод баромад.

– *Ибод! – гуфта арбоб вайро чез зад.*

– *Лаббай!*

– *То ин вақти шаб дар кучо будӣ...*

[В это время слышались шаги Ибода.

– Ибод! – позвал его арбоб.

– Слушаюсь!

– Где ты был до этого времени ночи?..] [II. 3, 155]

– *Офарин, домулло! – гуфт бой бо хурсандӣ. – Ман шунида будам, ки гичдувониҳо дар роҳи ошноӣ худро ба куштан ҳам медиҳанд. Дар ҳақиқат рост будааст...*

[– Молодец, домулло! – радостно сказал богач. – Я слышал, что гичдуванцы ради дружбы готовы даже отдать жизнь. Оказывается, это правда...] [II. 4, 231–232]

– *Илоҳӣ ба муродатон расонад! – гуфт туркманзан. Дигарон омин гуфтанд ва ҳама аз ҷо бархоста берун баромаданд.*

[– Пусть Бог исполнит ваше желание! – сказала туркменка. Остальные сказали «аминь», и все поднялись со своих мест и вышли] [II. 31, 48]

Начиная с 40–50– х годов XX века употребление подобных формул заметно сокращается. Это связано с изменением общественного строя, секуляризацией официальной коммуникации и обновлением языковой

нормы. Многие формулы, ранее широко употреблявшиеся в традиционной речевой среде, постепенно утратили прежнюю продуктивность или сохранились только в отдельных жанровых ситуациях, в художественной речи, в речи старшего поколения либо в стилизованных контекстах.

Таким образом, третья группа формул отражает один из важных этапов эволюции таджикского речевого этикета. Арабские по происхождению единицы долгое время выполняли значимые коммуникативные функции, однако в XX веке их употребление стало постепенно ограничиваться. Это показывает, что развитие этикетных формул связано не только с внутренними языковыми изменениями, но и с более широкими социально-культурными процессами.

4. Формулы, сформированные на основе сочетания заимствованной русской (и европейской) и исконной таджикской лексики.

Четвертая группа включает устойчивые формулы речевого этикета, возникшие в результате взаимодействия таджикского языка с русским и, шире, европейскими языками. Активное формирование этой группы связано прежде всего с XX веком, когда усилились языковые контакты, изменились общественные отношения и в таджикскую речевую практику вошли новые слова, обращения и коммуникативные модели.

Отдельные русские и европейские заимствования проникали в таджикский язык и раньше, однако именно в советский период они стали заметнее использоваться в составе устойчивых речевых формул. В художественной прозе этого времени подобные единицы отражают не только языковое влияние, но и новые социальные реалии: изменение форм обращения, появление идеологически маркированной лексики, расширение официальной и общественно-политической коммуникации.

Характерной особенностью данной группы является соединение исконных таджикских компонентов с заимствованными словами. В ряде случаев такие слова подвергаются фонетической и морфологической

адаптации в соответствии с нормами таджикской речи. К числу подобных форм относятся, например, *молодес* от русского «молодец», *товариш* от «товарищ» и др. Примеры из художественной прозы показывают, как эти формулы входят в диалогическую речь персонажей:

– *Саломат бош, бародар Иван! – гуфт Шохмирзо, – хабарҳои хуш расондӣ, майнаи моро яла кардӣ.*

[– Будь здоров, брат Иван! – сказал Шохмирзо. – Ты принес хорошие вести, успокоил нашу голову] [Ш. 3, 116]

Сиесидони содаи мо дигар худдорӣ карда натавонист ва аз ҷойи худ барҷаста:

– *Молодес, зинда бош Ленин! – гуфта фиристод ва ба Иван нигоҳ карда:*

– *Товариш, лаънатӣ Крински чӣ шуд? – гуфта пурсид.*

[Наш простодушный политик уже не смог сдержаться и, вскочив со своего места, воскликнул:

– Молодец, да здоровствует Ленин!

Затем, посмотрев на Ивана, спросил:

– Товарищ, что стало с проклятым Керенским?] [Ш. 3, 115]

В приведенных фрагментах видно, что традиционная таджикская формула доброжелательного обращения *Саломат бош* сочетается с именем русского персонажа и словом *бародар* «брат». Такое соединение отражает новую коммуникативную среду, в которой прежние этикетные модели начинают обслуживать изменившиеся социальные отношения. Адаптированные формы *молодес* и *товариш* также показывают, как русские слова входят в таджикскую речь и начинают выполнять прагматические функции одобрения, обращения и установления контакта.

Причины появления и распространения русско-европейских элементов в таджикском речевом этикете связаны с социально-политическими преобразованиями начала XX века. На первом этапе такие заимствования употреблялись ограниченно, однако со временем их присутствие в языке усилилось. Как отмечает М. Шукуров, уже в 50–60-е годы XX века этот

процесс стал более заметным и привел к расширению русско-европейского слоя в лексическом составе таджикского языка.

Эта тенденция проявляется и в художественной прозе, где заимствованная лексика постепенно входит в диалогическую речь и используется для обозначения новых реалий, профессий, общественных понятий и форм социального общения. Приведем примеры:

Марки ноорому улфатпазир аз рӯи одат ҳангоми таом ҳам хомӯш наменишаст. Санбӯсаро хоида– хоида гап мезад.

– *Дар шаҳри Сидней, – гуфт ӯ, – як капиталисти зӯр ҳаст.*

[Беспокойный и общительный Марк по привычке даже во время еды не сидел молча. Пережевывая самбусу, он говорил:

– В городе Сиднее, – сказал он, – есть один крупный капиталист.] [Ш. 2, 149]

– *Капиталист писараширо чаро ба ин пойгаи хатарнок роҳ додааст?*

– *Ганатро бин– а! Ҷро худи капиталист ба ин мусобиқа фиристода буд.*

– *Барои чӣ? – ҳайрон шуда нурсидам.*

[– Почему капиталист позволил своему сыну участвовать в этой опасной гонке?

– Послушай, что ты говоришь! Его сам капиталист отправил на это состязание.

– Зачем? – удивленно спросил я] [Ш. 2, 149]

– *Ба кучо?*

– *Ба қазираи Бермуд, ба Америка.*

– *Чӣ хел рафтаст?*

– *Бо киштибоне пешакӣ аҳд доштааст.*

– *Аз ин нағмаҳо мақсадаш чӣ будааст?*

– *Қарор додааст, ки аз баҳри ҳамаи он боигарию беҳудагардиҳо барояд, ҳаёти мустақилона сар кунад, уҳдабаро будани худро дар амал нишон диҳад.*

[– Куда?

– На Бермудский остров, в Америку.

– Как он туда поехал?

– Заранее договорился с одним лодочником.
– Какова была цель всех этих его выходов?
– Он решил отказаться от всего этого богатства и пустой жизни, начать самостоятельную жизнь и на деле показать, что он способен справляться сам] [Ш. 2, 151]

– *Кадом кайҳоннавардро мегӯӣ? Наход ӯ Нил Армстронг бошад?*

– *Не! – гуфт ӯ хандида, – Номи вай... Марк Пулвер.*

– *Ту ҳамон писари хурдии миллионер?*

– *Бале, ман! – гуфт Марк аз ҷой бархоста.*

[– О каком космонавте ты говоришь? Неужели это Нил Армстронг?

– Нет! – сказал он, смеясь. – Его зовут... Марк Пулвер.

– Ты тот самый младший сын миллионера?

– Да, это я! – сказал Марк, поднявшись с места] [Ш. 3, 151]

– *Роҳи хушбахтию беҳбудии меҳнаткашон ин нест, – эътироз кардам ман ба Марк.*

– *Пас, ба фикри ту, он кадом роҳ аст? – пурсид ӯ.*

– *Революция! – гуфтам ман. – Танҳо революцияи иҷтимоию сиесӣ метавонад мазлумонро озоду соҳибҳуқуқ кунад.*

[– Это не путь к счастью и благополучию трудящихся, – возразил я Марку.

– Тогда, по-твоему, какой это путь? – спросил он.

– Революция! – сказал я. – Только социально-политическая революция может освободить угнетенных и дать им права] [Ш. 2, 152]

Введение русских и европейских заимствований в таджикскую речь происходило постепенно и повлияло на содержание, структуру и стилистический облик отдельных коммуникативных формул. Эти единицы особенно заметны в текстах, связанных с новой общественно-политической лексикой, изменением форм обращения и расширением тематического поля художественного диалога. Вместе с тем проведенный анализ показывает, что даже в этот период формулы, основанные на исконной таджикской лексике,

сохраняли доминирующее положение по частотности и функциональной значимости.

Несмотря на серьезные социально-исторические изменения, исконные формулы не утратили продуктивности и продолжали активно функционировать в разных коммуникативных условиях. Это подтверждает их глубокую укорененность в системе таджикского речевого этикета. Ср.:

– Вой, мураме, шумо кӣ? Шумо кӣ? Худаиш чӣ гап? – мегуфт хола.

[– Ой, умру я, кто вы? Кто вы? Что вообще случилось? – говорила тетушка] [Ш. 31, 99]

– Худо накунад! – гуфт муллои хоксор. – Раҳматӣ бандаи худочӯй, мусулмони комил буд, албатта дар дақиқаҳои охири умр одамони худӣ дар атрофаи бошанд беҳтар– дия.

[– Не дай Бог! – сказал скромный мулла. – Покойный был богобоязненным человеком, истинным мусульманином; конечно, в последние минуты жизни лучше, чтобы рядом с ним были свои люди] [Ш. 31, 16]

– Хӯш, хӯш, чӣ шуд? Чӣ гап? – гуфт Фирӯза, ки медонист Ҳамроҳон албатта бо Насимҷон ҷанг карда омадагӣ. – Боз Насимҷон ранҷонд?

[– Ну, ну, что случилось? В чем дело? – сказала Фируза, зная, что Хамрохон, конечно, пришла после ссоры с Насимджоном. – Опять Насимджон обидел?] [Ш. 31, 23]

Таким образом, четвертая группа формул речевого этикета отражает новый этап в развитии таджикской коммуникативной практики. Русские и европейские заимствования вошли в речевой этикет под влиянием исторических, социальных и культурных факторов, однако не вытеснили исконные таджикские формулы. Напротив, их сосуществование показывает двойную направленность эволюции таджикского речевого этикета: открытость к новым языковым влияниям и сохранение устойчивой национально-речевой основы.

Процесс эволюции таджикского речевого этикета имеет длительный и сложный характер. Формулы, включающие арабские заимствования,

сформировались под влиянием исторических и культурных факторов. Точные хронологические рамки начала этого процесса остаются дискуссионными. Обычно активное проникновение арабской лексики связывают с периодом арабского завоевания, однако отдельные языковые контакты могли начаться и раньше, в условиях торгового и культурного взаимодействия между разными народами.

Развитие речевого этикета не всегда совпадало с общим ходом развития таджикского языка. Оно зависело от конкретной исторической ситуации, социальной среды, формы общения и культурных норм. Поэтому влияние арабского языка на формулы речевого этикета было неодинаковым: одни единицы прочно закрепились в повседневной речи, другие сохранились преимущественно в религиозно-нравственном, книжном или стилизованном употреблении.

Несмотря на исторические изменения, таджикский народ сохранил самобытность своей языковой и культурной традиции, включая систему морально-этических норм, обычаев и устойчивых форм речевого поведения. Именно поэтому базовые формулы речевого этикета не исчезли, а продолжили функционировать, изменяя сферу употребления и стилистическую окраску.

Эволюция таджикского речевого этикета прежде всего проявляется в изменении устойчивых коммуникативных формул. На этот процесс влияли как языковые, так и внеязыковые факторы: изменение общественного строя, расширение письменной коммуникации, развитие художественной прозы, обновление норм литературного языка и изменение речевой практики носителей. В современном таджикском языке этикетные формулы продолжают развиваться на уровне состава, значения, структуры и условий употребления.

Прозаические произведения начала XX века, написанные на таджикском языке, несмотря на новые общественные и художественные тенденции, сохраняют заметную связь с классической персидско-таджикской

литературной традицией. Поэтому писатели активно использовали и переосмыслили формулы, унаследованные от предшествующих эпох. Особенно это касается формул, основанных на арабской лексике, которые долгое время занимали важное место в системе персидско-таджикского речевого этикета. Одной из таких формул является *боракаллоҳ* – формула одобрения, похвалы, восхищения, благопожелания.

Ў дар назари онҳо кори қаҳрамононае карда буд, ки «худи бий– додхоҳ»-ро нотарсона дар миени кӯча боздошта бо вай саволу ҷавоб кард.

– *Боракаллоҳ!.. Едат ба хайр, дохунда!.. Одами гурдадор будай!..* [Ш. 25, 145]

[В их глазах он совершил геройский поступок: бесстрашно остановил посреди улицы самого бия–додхоха и вступил с ним в разговор.

– Боракаллоҳ!.. Добрая тебе память, дохунда!.. Смелым человеком ты оказался!..]

Боркашӣ, гилкорӣ, аспбонӣ ҳам аз дастам меояд.

– *Боракаллоҳ, – таҳсин кард як мӯйсафед. – Одами баорият будай. Ҳамин хел дилатро бақувват дорӣ, иншоаллоҳ, хор намешавӣ!..* [Ш. 25, 180]

[– Я умею и грузы носить, и глину месить, и за лошадьми ухаживать.

– Боракаллоҳ, – похвалил один старик. – Человеком с достоинством ты оказался. Если и дальше будешь держаться так твердо, иншоаллоҳ, не пропадешь!..]

Таким образом, анализ показывает, что эволюция таджикского речевого этикета представляет собой сложный процесс, в котором взаимодействуют языковая традиция, исторические изменения и живая коммуникативная практика. Формулы арабского происхождения в этом процессе занимают особое место: они сохраняют связь с классической персидско-таджикской культурой, но в разные периоды меняют частотность, сферу употребления и стилистическую функцию.

Приведенные примеры с формулой *Боракаллах* показывают ее устойчивое место в системе таджикского речевого этикета. В художественном тексте эта формула чаще всего передает одобрение,

похвалу, доброжелательную оценку поступка или качеств собеседника: «*Боракаллах!.. Помни меня, дорогой мой!.. Ты человек великой храбрости!..*» [II. 25, 145]; «*Боракаллах, – похвалил седовласый. – Ты человек великой храбрости. У тебя сильное сердце, и, с Божьей помощью, тебя не унижат!..*» [там же. С. 180].

Анализ прозаических произведений показывает, что период независимости стал новым этапом в развитии таджикского языка и культуры речи. В это время заметно оживились традиционные формулы речевого этикета, а вместе с ними усилилась роль исконной таджикской и религиозно окрашенной лексики. Если в советский период в этикетные формулы активно входили русские и европейские заимствования, то в годы независимости усилилось стремление опереться на собственные языковые средства. При этом обновление не означает простого возвращения к старым формам: многие выражения получают новые оттенки и употребляются в современных речевых ситуациях.

В современных текстах встречаются формулы, где соединяются традиционные и религиозные элементы. Так, выражение *Худо ҳофиз ва раҳмату баракотуху* объединяет привычную формулу прощания *Худо ҳофиз* «да хранит Бог» с религиозно окрашенным пожеланием милости и благословения. Подобные формулы показывают, что речевой этикет современного периода развивается не только за счет новых слов, но и за счет переосмысления уже известных выражений. Например,

Боқӣ Худо ҳофиз ва раҳмату баракотуху.

Мири Саҳӣ ин ҳама музахрафотро хонд, чизе нагуфт [II. 14, 433].

[В остальном – да хранит Бог, милость Ему и благословение.

Мири Саҳӣ прочитал все эти пустые слова и ничего не сказал] [II. 14, 433].

– *Чамани ҷон, ин тур миен баста, азми кучо дорӣ мегӯм? – аз хамгаит сар задани холаи Чаманороро дида, ба сухан оғозид кампири Марям.*

– *Ҳай, дар номат бимирам! Мешад, ки бишиниву бо ман як пиела чой бинӯшӣ.*

– *Намешад, хола! Ту, ки гам надорӣ, чӣ парво дорӣ* [II. 14, 467].

[– Чамани чон, куда это ты так собралась? – увидев, как из-за поворота появилась тетя Чаманоро, начала говорить старуха Марьям.

– Ой, пусть я умру за твое имя! Может, присядешь и выпьешь со мной чашку чая?

– Не получится, тетя! У тебя– то забот нет, что тебе переживать] [П. 14, 467].

– *Ман ҳам ҳамин тур ҳадс задам, аммо Шераки Хол нишони охирзамонро дидааст* [П. 14, 464].

[– Я тоже так подумал, но Шераки Хол увидел знак конца света] [П. 14, 464].

В этих примерах заметны разные стороны речевого этикета современного периода: религиозно окрашенная формула прощания, ласковое обращение *Чамани чон*, эмоциональная формула *дар номат бимирам* «пусть я умру за твое имя», а также разговорные выражения, передающие близость, тревогу или оценку ситуации. Они показывают, что в период независимости традиционные формулы не исчезают, а продолжают жить в новой речевой среде.

Следовательно, в современном таджикском литературном языке сохраняются старые формулы речевого этикета, но рядом с ними появляются обновленные формы и новые сочетания. Этот процесс связан с изменением общественной жизни, возвращением религиозно-культурной лексики, развитием художественной речи и расширением бытового общения. Поэтому формулы речевого этикета периода независимости следует рассматривать как живой слой языка, в котором соединяются традиция, современность и национальная речевая культура.

Развитие таджикских формул речевого этикета имеет свои особенности. До начала XX века в системе речевого общения особенно активно использовались религиозные элементы, прежде всего слова *Худо* «Бог» и *Аллоҳ* «Аллах». На их основе сформировался целый ряд устойчивых формул, широко употреблявшихся в разговорной речи: *астағфируллоҳ*, *ярҳамукаллоҳ*, *боракаллоҳ*, *е Аллоҳ*, *Худое*, *эй Худое*, *Худо раҳмат кунад* и другие. Эти выражения выполняли разные коммуникативные функции:

передавали удивление, похвалу, благодарность, просьбу, благопожелание, сочувствие или эмоциональную оценку ситуации.

Для развития таджикского речевого этикета особенно характерно сочетание исконных таджикских и религиозно-арабских элементов. До настоящего времени в живой речи сохраняются арабские заимствования, ставшие частью устойчивых этикетных формул: *иншоаллоҳ*, *боракаллоҳ*, *мошоаллоҳ* и др. Наряду с ними активно функционируют выражения, построенные на исконной таджикской основе: *Худо хоҳад* «если Бог пожелает», *паноҳат ба Худо* «да хранит тебя Бог», *Худо ниғаҳбон* «да будет Бог хранителем» и другие. Их употребление показывает, что современные формулы речевого этикета сохраняют связь как с религиозной, так и с национальной языковой традицией. Например,

– *Муҳлатам ба охир расид, додар! Имрӯз е фардо, Худо хоҳад, мебароям аз ин дӯзах...*

– *Наход?*

– *Меравам назди бачаҳо... Як мақсад дорам: осуда зистан...* [Ш. 1, 154].

[– Мое время подошло к концу, брат! Сегодня или завтра, если Бог пожелает, я выберусь из этого ада...

– Правда?

– *Пойду к детям... У меня одна цель – жить спокойно...*]

В этом примере формула *Худо хоҳад* «если Бог пожелает» используется как традиционное выражение надежды и внутренней уверенности. Другой пример,

– *Лозим не, амак. Пул дорам.*

– *Бигир, не нагӯ. Хафа мешавам. Ту, охир, мехонӣ!*

– *Ориф пулро гирифт.*

– *Хайр, паноҳат ба Худо...* [Ш. 32, 329].

[– Не нужно, дядя. У меня есть деньги.

– Возьми, не отказывайся. Я обижусь. Ты ведь учишься!

Ориф взял деньги.

– Ну, да хранит тебя Бог...]

Здесь формула *паноҳат ба Худо* выражает доброжелательное прощание и благопожелание собеседнику.

Устойчивые формулы таджикского речевого этикета можно различать и по степени употребительности. К наиболее распространенным относятся выражения арабского происхождения: *боракаллоҳ, астағфируллоҳ, чаноб, ноиб, бародар* и др. Например,

Бек ба мулозимаи чизе гуфта буд, ки мулозим ба наздики Восеъ омада:

– *Боракаллоҳ, ту дарвоқеъ марди диловар будай, – гуфт, – чаноби бек гуноҳи туро бахшиданд, ту акнун озодӣ!..* [Ш. 25, 297].

[Бек что-то сказал своему слуге, и тот, подойдя к Восеъ, произнес:

– Боракаллоҳ, ты действительно оказался храбрым человеком. Господин бек простил твою вину, теперь ты свободен!..]

В этом случае формула *боракаллоҳ* передает одобрение и похвалу, а слово *чаноб* подчеркивает уважительное отношение к человеку высокого положения.

Кушбегӣ аз ин саволи ногаҳонӣ ҳайрон монд.

– *Худо хоҳад, дар сари чиллаи зимистон ҳафтоду ҳаштро пур мекунам, – ҷавоб дод ӯ* [Ш. 25, 220].

[Кушбеги удивился этому неожиданному вопросу.

– Если Бог пожелает, в самый разгар зимы мне исполнится семьдесят восемь, – ответил он].

Формула *Худо хоҳад* и здесь сохраняет значение надежды и уважительного отношения к будущему.

Формулы *боракаллоҳ* и другие приведенные формулы употреблялись на протяжении всей истории формирования таджикского речевого этикета и продолжают активно использоваться в современном языке. Их устойчивость связана с длительным влиянием арабского языка на религиозную, культурную и бытовую жизнь таджиков.

Вторая группа включает формулы, которые употребляются реже и встречаются главным образом в отдельных речевых ситуациях. К ним относятся выражения, связанные с сообщением доброй вести, похвалой, подтверждением правильности сказанного или оценкой действий собеседника. Например,

...баъд аз узот кардани Одина, ҳеҷ фурсат нагузаронида ба пеши арбоб Камол рафт ва гуфт:

– Муждагонӣ бидеҳ, ки Одина омад, акнун вақти он аст, ки ҳаққи худро аз ин гурезно ситонӣ, лекин ҳар вақт ки ҳаққи худро гирифтӣ, ҳаққи маро фаромӯш макун ва аз давлатат бо зану бачагон як дег ҷӯш кунем [Ш. 3, 81].

[...после освобождения Одины он, не теряя времени, отправился к арбобу Камолу и сказал:

– Дай награду за добрую весть: Одина пришел. Теперь самое время взыскать с этого беглеца свой долг. Но когда получишь свое, не забудь и мою долю, чтобы и мы с женой и детьми сварили котел еды за счет твоей удачи].

В этом фрагменте формула *Муждагонӣ бидеҳ* связана с традицией сообщения радостной вести и ожиданием вознаграждения за нее. Она не относится к наиболее частотным формулам современного общения, но важна как часть старого этикетного и бытового речевого поведения.

– Хуб дарефтед! – гуфт Шоҳмирзо. – Аз рӯйи қавли худи бемор маълум мешавад, ки чанд рӯз пеш аз ин дар Андиҷон як табиб ба ӯ доруи исҳол хӯронида будааст [Ш. 3, 106].

[– Вы правильно поняли! – сказал Шоҳмирзо. – По словам самого больного, выясняется, что за несколько дней до этого в Андижане один лекарь дал ему слабительное].

Формула *Хуб дарефтед* «Вы правильно поняли» передает одобрение мысли собеседника и подтверждает точность его вывода. Такие выражения поддерживают ход разговора и помогают сохранить доброжелательный тон общения.

Эти примеры показывают, что развитие таджикских формул речевого этикета связано не только с наиболее устойчивыми религиозными выражениями, но и с менее частотными речевыми моделями, сохранившимися в художественной прозе. Одни формулы продолжают активно употребляться в современной речи, другие остаются в текстах как след прежней коммуникативной культуры. В целом эволюция таджикского речевого этикета показывает сочетание арабских заимствований, исконных таджикских средств и устойчивых разговорных форм, которые менялись вместе с обществом, но сохраняли связь с национальной культурой общения.

Использование устойчивых коммуникативных формул в таджикском речевом этикете помогает говорящему выразить мысль, отношение к собеседнику и нужный тон общения. В таджикской художественной прозе встречаются разные формулы вежливой речи: благодарность за приглашение, предварительное извинение, просьба, пожелание, предложение помощи и другие выражения, закреплённые в живом речевом употреблении. Например, – *Маълум, ки завчааш ҳанӯз тарсе дошт.*

– *Ба ту, Атоҷон, ташаккур, ки маро даъват кардӣ, – ба ӯ миннатдорӣ баен кард Гулбегим. – Дар ҳамин ҷо зиндагӣ кунему баҳрро набинем – а!* [Ш. 19, 32].

[Было видно, что его жена все еще боялась.]

– Спасибо тебе, Атоҷон, что пригласил меня, – поблагодарила его Гулбегим.

– Жить здесь и не увидеть моря!] [Ш. 19, 32].

В этой реплике формула *Ба ту, Атоҷон, ташаккур* передает благодарность и одновременно сохраняет мягкий, личный тон общения. Обращение *Атоҷон* усиливает доброжелательность высказывания. Следующий пример,

Албатта, ин гумони маро ба дил сахт нигаред, агар галат мекунам, қаблан маъзарат мехоҳам, аммо лаҳзае ба ҷойи ман худро гузореду нигаред...! [Ш. 8, 231].

[Конечно, не принимайте мое предположение близко к сердцу; если я ошибаюсь, заранее прошу прощения, но на мгновение поставьте себя на мое место и посмотрите...] [II. 8, 231].

Формула *қаблан маъзарат меҳоҳам* «заранее прошу прощения» смягчает последующее высказывание и помогает говорящему сохранить уважительный тон даже тогда, когда он высказывает сомнение или возможное несогласие.

Речевой этикет охватывает все слои общества и поддерживает вежливую форму общения между людьми. Его основой являются взаимное уважение, уместный выбор слов и соблюдение речевой меры. В таджикской культуре уважение к собеседнику проявляется не только в устойчивых формулах, но и в обычных бытовых ситуациях. Например, если в транспорт входит пожилой человек, молодой человек обычно уступает ему место и сопровождает действие словами: *марҳамат, шинед* «пожалуйста, садитесь». В ответ пожилой человек может поблагодарить его или произнести благопожелание: *Худо баракат диҳад* «да благословит Бог». В другой ситуации, когда в машине едут два человека, старшему обычно предлагают переднее место; он может принять предложение или вежливо отказаться: *раҳмат, ман ҳамин ҷо мешинам* «спасибо, я сяду здесь». Такие формулы показывают, что речевой этикет действует не только в художественном тексте, но и в повседневной речи.

Социальные изменения и развитие языка повлияли на состав таджикских формул речевого этикета. Лексика языка обновлялась, вместе с ней менялись формы обращения, благодарности, извинения, пожелания и другие речевые модели. В этом процессе заметна роль писателей: они не только передавали уже существующие формулы общения, но и вводили в художественный текст новые речевые сочетания, отражающие живую речь своего времени.

В традиционной таджикской культуре общения большое значение придается скромности, уважению и сдержанности в речи. Даже занимая

высокое положение, собеседник нередко стремится подчеркнуть уважительное отношение к партнеру по диалогу, избегая чрезмерного подчеркивания собственного статуса. Вежливость и уважение считаются обязательными нормами общения и сохраняются даже в напряженных или конфликтных ситуациях.

В таджикском речевом этикете можно условно выделить два основных типа общения. Первый связан с проявлением уважения и воспитанности в повседневной коммуникации. Второй определяется социальными и ролевыми отношениями между участниками общения – возрастом, полом, семейным положением и общественным статусом собеседников. Именно эти факторы во многом влияют на выбор форм обращения, приветствия, просьбы, благодарности и других этикетных формул.

В современной лингвистике понятия «речевая культура» и «этикет общения» трактуются по-разному, однако большинство исследователей сходятся в том, что владение литературным языком является важным условием культурного и официального общения. Соблюдение норм речевой культуры показывает уровень языковой подготовки человека, его воспитание, коммуникативные навыки и отношение к собеседнику.

Особое место в таджикском речевом этикете занимает национальная культура. Многие устойчивые формулы общения тесно связаны с традиционными представлениями народа о вежливости, уважении, достоинстве и правильном поведении. Поэтому формулы речевого этикета выполняют не только коммуникативную, но и культурную функцию, сохраняя элементы национальной традиции в живой речи.

Таджикский речевой этикет имеет глубокие исторические корни и формировался на протяжении длительного времени. Для общения в таджикской среде характерны осторожность в начале разговора, уважительная дистанция и стремление сначала понять собеседника, его возраст, положение и характер общения. В ряде случаев люди не сразу переходят к открытой беседе и предпочитают сдержанно говорить о личной

жизни или семейных обстоятельствах. Более доверительное общение обычно возникает постепенно, по мере укрепления знакомства и взаимного уважения.

В таджикской культурной традиции высоко ценятся благодарность, терпение и сдержанность в речи. По этой причине в повседневном общении нередко избегают чрезмерных жалоб на жизненные трудности и стараются сохранять уважительный и спокойный тон разговора даже в сложных обстоятельствах.

Развитие таджикского речевого этикета представляет собой непрерывный процесс, связанный с изменением языка, культуры и условий общения. Для его более точного описания необходимо рассматривать не только общие нормы поведения, но и жанры речевого этикета, а также устойчивые формулы, через которые эти нормы закрепляются в речи.

Н. И. Формановская определяет речевой этикет как «устойчивые национальные и социальные стереотипы общения, позволяющие выбирать формулы обращения «ты» и «твой», соответствующие приветствия и прощания, извинения и благодарности, поздравления и пожелания различного рода, проявления уважительных отношений и доброжелательности к собеседнику» [Ш. 275, 4]. Это определение важно для настоящего исследования, поскольку в нем речевой этикет понимается как система готовых, культурно закреплённых формул общения.

Выбор конкретной формулы зависит от социального положения говорящего и слушающего, официальности или неофициальности ситуации, личного отношения между собеседниками, их возраста, пола и степени знакомства. Поэтому одна и та же мысль в таджикской речи может выражаться по-разному: через нейтральную, уважительную, ласковую, официальную или религиозно окрашенную формулу.

Знание таджикского речевого этикета помогает правильно устанавливать контакт с носителями таджикского и других персоязычных культур. Даже хорошее владение языком не всегда достаточно для

успешного общения, если говорящий не учитывает национальные нормы вежливости, уважения, сдержанности и речевой дистанции. В таджикской культуре эти нормы имеют особое значение, поэтому формулы речевого этикета служат не только средством общения, но и показателем воспитанности, культурной принадлежности и уважения к собеседнику.

Современное состояние таджикского речевого этикета показывает как устойчивость традиционных норм, так и заметные изменения в их употреблении. Молодежная речь, городская среда, массовая культура, влияние других языков и новые формы общения меняют привычные способы обращения, приветствия, благодарности, извинения и похвалы. Эти изменения не всегда можно оценивать только отрицательно: часть новых форм входит в живую речь естественно, однако неуместное употребление заимствованных слов, резкий тон или игнорирование возрастной и социальной дистанции действительно могут нарушать нормы таджикского этикетного общения.

Особое место в таджикской культуре речи занимают формулы обращения и похвалы. Обращение помогает установить контакт, обозначить отношение к собеседнику, его возраст, статус, степень близости или уважения. Похвала и комплимент требуют особой речевой меры: чрезмерная любезность, неискренность или явная лесть могут восприниматься отрицательно, поскольку в таджикской традиции высоко ценятся сдержанность, достоинство и естественность слова.

Итак, таджикский речевой этикет сохраняет связь с национальной культурой, религиозно-нравственными представлениями и живой речевой практикой. Его формулы не остаются неподвижными: одни продолжают активно употребляться, другие меняют оттенок, третьи уходят в редкое или книжное употребление. При этом главная основа остается прежней: уважение к собеседнику, скромность, речевая мера и умение выбирать слово в соответствии с ситуацией общения.

2.2. Жанровая классификация формул таджикского речевого этикета

Таджикский речевой этикет развивался на основе разных жанров общения, которые менялись под влиянием языковых и внеязыковых факторов. В таджикском языкознании одной из первых к классификации жанровых особенностей речевого этикета обратилась М. Джураева. В своей диссертации она выделила и рассмотрела более шести жанров таджикского речевого этикета, а на материале языка средств массовой информации привела 32 широко употребляемые формулы общения на таджикском языке [89]. Работа М. Джураевой имеет важное значение как один из первых опытов классификации и описания жанров таджикского речевого этикета.

Вместе с тем таджикский речевой этикет нельзя понимать как раз и навсегда закрепленную систему. Его жанры и формулы зависят от темы разговора, ситуации, текста, контекста и отношений между участниками общения. Поэтому при описании данной системы важно различать два уровня: жанры речевого этикета и сами формулы, которые внутри этих жанров могут быть простыми или сложными. Жанровая классификация таджикских формул речевого этикета пока не получила полного описания, за исключением отдельных работ, уже упомянутых выше. В настоящем исследовании жанры таджикского речевого этикета рассматриваются с учетом их функций, языкового состава и условий употребления в художественной прозе.

С. Е. Туликова относит к жанрам речевого этикета знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, пожелание, согласие, отказ, вежливое обращение, сочувствие, поздравление и беседу [Ш. 261, 104]. Такая классификация важна как общая теоретическая опора, однако жанры речевого этикета не остаются неизменными. Они развиваются вместе с обществом, речевой практикой и потребностями общения. В разные периоды меняются не только сами жанры, но и формулы, через которые выражаются приветствие, благодарность, просьба, извинение, похвала, утешение и другие речевые действия.

В период независимости Республики Таджикистан таджикский речевой этикет заметно изменился как в устной, так и в письменной речи. Социальные перемены, обновление литературного языка, возвращение отдельных традиционных и религиозно окрашенных выражений, а также влияние современной городской речи обогатили состав этикетных формул. В художественной прозе эти процессы особенно хорошо видны, поскольку литературный текст сохраняет разные типы живого общения: бытовое, семейное, официальное, дружеское, конфликтное, уважительное и ритуальное.

Для анализа жанров таджикского речевого этикета важны и теоретические положения М. М. Бахтина о речевых жанрах. Ученый показал, что человеческое общение строится не из отдельных случайных высказываний, а из устойчивых жанровых форм, связанных с конкретными сферами жизни [Ш. 26, 250–296]. Эта мысль особенно важна для изучения формул речевого этикета: каждая формула существует внутри определенного жанра и получает свой смысл только в конкретной ситуации общения. Поэтому при рассмотрении таджикского речевого этикета на материале художественной прозы необходимо учитывать как общую теорию речевых жанров, так и особенности таджикской речевой культуры.

Жанры речевого этикета изучаются с учетом двух сторон: жизненной ситуации и социальной среды, в которой происходит общение. М. М. Бахтин писал: «Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, являются поясом передачи от истории общества к истории языка» [Ш. 26, 256]. Эта мысль важна для описания формул речевого этикета, поскольку каждая такая формула связана не только с языком, но и с конкретной исторической и социальной обстановкой. Через жанры приветствия, обращения, благодарности, извинения, пожелания или прощания можно увидеть, как менялись нормы общения и какие формы речи закреплялись в культуре.

История жанров речевого этикета помогает лучше понять их современное состояние. В других языках этот вопрос начал изучаться

раньше: исследователи рассматривали причины развития жанров, социальные условия их изменения, связь с устной и письменной речью. Эти работы важны и для анализа таджикского материала, поскольку позволяют точнее описать, как формулы таджикского речевого этикета складывались, менялись и сохранялись в разных типах текстов.

Эволюция жанров речевого этикета в мировой лингвистике рассматривалась в работах разных исследователей. Т. А. Милехина изучала особенности социального диалога и показала его зависимость от социальных факторов [II. 170, 131–151]. Историческое прошлое и современное состояние социального диалога анализировал В. В. Дементьев [I. 86, 157–177]. П. Тирсма исследовал развитие этикетного диалога в английском обществе на материале юридических документов [I. 257, 247]. Эти исследования показывают, что жанры речевого этикета меняются вместе с обществом, но при этом сохраняют устойчивые формы, необходимые для общения.

Развитие жанров связано и с их взаимным влиянием. Н. А. Николина выделяет несколько типов взаимодействия между жанрами, которые «играют важную и конструктивную роль в построении текстов и их интерпретации» [I. 188, 83]. Для речевого этикета это особенно важно: в одном тексте или диалоге могут соединяться обращение, просьба, благодарность, извинение, пожелание и оценка. Поэтому формулы речевого этикета редко существуют изолированно; чаще они входят в более широкий речевой контекст и поддерживают общий ход общения.

В зарубежной науке также отмечается существование текстов, которые объединяют черты нескольких жанров [II. 63, 203]. С социологической точки зрения межжанровое влияние рассматривал Н. Фэрклоу. По его мнению, в периоды быстрых социальных изменений возникает напряжение между стремлением к устойчивости и стремлением к обновлению [II. 266, 66]. Эта мысль хорошо соотносится с развитием таджикских формул речевого этикета: часть формул сохраняет традиционный вид, другая часть меняется

под влиянием новых социальных условий, городской речи, официального стиля и межкультурных контактов.

Социальные изменения способствуют появлению новых жанров речевого этикета и обновлению уже существующих. Вместе с изменением общества меняются и оттенки общения: одни речевые формы сохраняются, другие получают новую сферу употребления, третьи постепенно уходят из активной речи. Поэтому изучение межжанровых связей имеет большое значение для коммуникативной лингвистики и теории речевых жанров. Не все жанры речевого этикета легко отделить друг от друга: обращение может соединяться с просьбой, благодарность – с пожеланием, извинение – с объяснением, похвала – с поддержкой или утешением. Именно поэтому их классификация требует внимательного анализа речевой ситуации, состава формулы и ее функции в общении.

Жанры речевого этикета связаны и с речевым опытом человека. Первые слова, обращения, приветствия, благодарности и просьбы ребенок усваивает через общение со взрослыми. Позднее этот запас расширяется, и вместе с ним меняется способность пользоваться разными формулами речевого этикета. Человек учится не только говорить, но и выбирать нужную форму в зависимости от возраста собеседника, степени близости, ситуации, настроения и цели разговора.

Возраст здесь имеет особое значение. В детстве человек еще не владеет всеми жанрами речевого этикета, потому что многие речевые модели не сформированы в его сознании. Ребенок, например, не может утешать или успокаивать другого человека так, как это делает взрослый: для этого нужен жизненный опыт, эмоциональная зрелость и владение соответствующими речевыми формулами. Со временем круг таких формул расширяется, речь становится гибче, а общение – более осозанным. В этом и состоит естественное развитие речевого этикета: он меняется вместе с человеком, его опытом и социальной средой. Эту проблему в русской лингвистике рассматривал М. М. Бахтин [II. 26, 250- 296].

Жанровые особенности речевого этикета и их изменение в разных социальных группах изучались многими исследователями. О. В. Кошеева, анализируя речь детей дошкольного возраста, приходит к выводу, что «в речи детей дошкольного возраста приоритет отдается первым жанрам повседневной коммуникации, ориентированным на индивида, овладение которыми столь же произвольно, как и овладение родным языком» [Ш. 129, 173–180]. Это наблюдение важно и для описания таджикских формул речевого этикета, поскольку показывает: жанры общения усваиваются постепенно, через живую речь, семейную среду и повседневные ситуации.

По мере взросления ребенка расширяется его речевой опыт. Он постепенно овладевает новыми формами обращения, приветствия, просьбы, благодарности, извинения, утешения и оценки. Вместе с развитием мышления, жизненного опыта и языковых навыков меняется и его коммуникативный репертуар: человек учится задавать вопросы, отвечать, выражать согласие или несогласие, поддерживать собеседника, соблюдать речевую дистанцию и выбирать нужную формулу в зависимости от ситуации.

Жанры речевого этикета развиваются не только под влиянием возраста. На них воздействуют социальная среда, уровень образования, семейное воспитание, культурные нормы, характер общения и состояние литературного языка. Поэтому таджикские формулы речевого этикета необходимо рассматривать не как разрозненные выражения, а как систему, в которой каждый жанр имеет свою функцию, языковую форму и сферу употребления.

Изучение таджикских формул речевого этикета остается сравнительно новым направлением коммуникативной лингвистики. Отдельные аспекты этой темы уже рассматривались в отечественной и зарубежной науке, однако жанровая классификация формул таджикского речевого этикета еще требует специального описания. Опираясь на художественный материал, а также на теоретические положения российских и европейских исследователей, в

настоящей работе жанры таджикского речевого этикета классифицируются следующим образом:

2.2.1. Формулы обращения, приветствия и речевого контакта

Формулы обращения, приветствия и краткого речевого контакта занимают одно из центральных мест в жанровой системе таджикского речевого этикета. Именно с них обычно начинается общение; через них говорящий обозначает отношение к собеседнику, учитывает его возраст, социальное положение, степень близости, официальность ситуации и принятые в обществе нормы уважения. Поэтому обращение и приветствие нельзя рассматривать как простые вступительные реплики. В таджикской речевой культуре они задают тон всего разговора и нередко заранее определяют его характер: доверительный, официальный, почтительный, фамильярный, напряженный или примирительный.

Жанр обращения в таджикском речевом этикете выполняет прежде всего контактную функцию. Он привлекает внимание адресата, выделяет его из круга других участников общения и открывает возможность дальнейшего диалога. При этом обращение может быть прямым или косвенным, устным или письменным, официальным или бытовым. Оно выражается отдельным словом, словосочетанием, устойчивой формулой, иногда целой фразой, где вместе действуют лексика, грамматика, интонация и культурная норма.

В русской и европейской лингвистике жанр обращения изучался достаточно широко. Разные стороны письменного и устного обращения рассматривались в работах М. В. Влатской, В. В. Лунева, А. А. Расенчука, М. Ю. Рябовой, А. И. Бирюлиной и других исследователей. В таджикском языкознании одним из первых специальных исследований в этой области стала работа М. Джураевой, где жанр обращения изучался на материале языка средств массовой информации. Для настоящей работы этот материал важен как теоретическая основа, однако художественная проза позволяет

увидеть более широкий круг живых формул обращения, приветствия и речевого контакта.

Формулы обращения в таджикском языке развивались неравномерно. На одних этапах преобладали религиозные и сословно-иерархические формы, на других – административные и советские, позднее вновь усилились традиционные, родственные, профессиональные и национально окрашенные обращения. Эти изменения связаны с историей общества, с переменами в политической системе, с развитием литературного языка и с изменением представлений о вежливости. На это указывал академик Мухаммаджон Шакурӣ Бухорой, отмечая, что таджикский язык в начале XX века менялся под воздействием социально-политических событий [I. 174]. Эти изменения затронули не только общий словарный состав, но и формулы речевого этикета, особенно обращения.

В произведениях Садриддина Айни и писателей начала XX века хорошо видно, как в одной речевой среде сосуществуют старые и новые формы обращения. В ранней прозе сохраняются слова, унаследованные от классического таджикского языка и связанной с ним религиозно-социальной культуры: домулло, таксир, чаноб, ноиб, шариатпанох, эшон, қозикалон. Эти обращения не только называют лицо, но и указывают на место человека в социальной иерархии. Они передают уважение, подчиненность, просьбу, зависимость от власти или признание духовного статуса адресата. Например, *Ба ман наздик шуда ба ман қадре қанду чой дода: – Домулло, дар ҳаққи Одинаи ман дуо кунед ва дуои шумо дар ҳаққи вай, албатта, қабул аст, – гуфт* [I. 3, 80].

[Подойдя ко мне ближе и дав мне немного сахара и чая, он сказал: «Домулло, помолитесь за моего Одину; ваша молитва за нее, конечно, будет принята»].

В этом эпизоде обращение домулло употреблено в ситуации просьбы. Говорящий обращается к человеку, которому приписывает религиозный и моральный авторитет, поэтому само обращение уже содержит ожидание помощи. Оно смягчает просьбу и показывает доверие к духовной силе

адресата. В такой позиции слово *домулло* не является простым названием лица; оно становится этикетной формулой, через которую говорящий выражает почтение и надежду. Следующий пример,

Чорасе андешида фаврї худро дар миена андохту ноибї қозиро имое карда ба гӯшае бурд ва гуфт: – Чаноби ноиб! Як тӯб чит ҳаққи ҳалоли шумост, гайр аз ин, як чуфт кафшу як рӯймоли фарангї ҳам аз Одина гирифта ба шумо медиҳам, коре кунед, ки Одина аз дасти арбоб Камол раҳой ебад [I. 3, 83].

[Он быстро вмешался, жестом отвел помощника казия в сторону и сказал: «Господин ноиб! Один тюк ситца – ваше законное право; кроме того, я возьму у Одины пару туфель и один фарангский платок и отдам вам. Сделайте что-нибудь, чтобы Одина вырвался из рук арбоба Камола»].

Формула *чаноби ноиб* строится по модели уважительного называния должностного лица. Здесь обращение *чаноб* усиливает официальный тон обращения, а *ноиб* указывает на административно-судебный статус адресата. Подобные формулы характерны для речевой среды, где социальная дистанция выражалась прямо и подчеркнута. В них уважение часто соединялось с зависимостью говорящего от власти адресата.

В текстах начала XX века часто встречаются также обращения *таксир* и *чаноби шариятпаноҳ*. Они особенно показательны для судебных, религиозных и административных ситуаций, где говорящий должен был подчеркивать подчиненное положение перед лицом власти. Например, *Ноиб васиқаеро, ки дар даст дошт, аз назар гузаронида ба муурофиачиен нигоҳ карда пурсид: – Шодмон валади Юсуф кист? – Ман, тақсир! – Шодмон ҷавоб дод. – Ту се сол аз ин пеш аз арбоб Рӯзӣ як ҳазор танга қарз гирифта будӣ, рост аст? – Рост аст, тақсир! [II. 3, 295– 296].*

[Ноиб, просмотрев документ, который держал в руках, посмотрел на участников разбирательства и спросил: «Кто такой Шодмон, сын Юсуфа?» – «Я, тақсир!» – ответил Шодмон. «Три года назад ты взял у арбоба Рӯзӣ тысячу танга в долг, верно?» – «Верно, тақсир!»]

Ҳозир ин гунаҳгорро дар аспхонаи арбоб ҳабс карда монед, бегоҳӣ ба ноибхона бурда, фардо хат навишта, ўро ба ихтиери ҷаноби шариатпаноҳ эшони қозикалон мефиристонем! [II. 3, 298].

[Сейчас держите этого виновного в конюшне арбоба, вечером отведите его в ноибхона, а завтра мы напишем письмо и отправим его в распоряжение господина защитника шариата – эшона– қозикалона].

Мулозим ба қозикалон таъзим карду маҳзарро аз дасти ў гирифта: – Хўш, тақсир! – гуфт ва мурофиачиенро ба хестан ишорат кард. Баъд аз он ки ҳамагӣ аз суфаи баланди айвондор поин фуромаданд, мулозим ба мурофиачиен нигоҳ карда: – Ҷанҷол то рӯзи шанбе мавқуф монд, ба шумо ду рӯзи дигар муҳлат дода мешавад [II. 3, 251].

[Служитель поклонился қозикалону, взял из его рук протокол и сказал: «Хорошо, тақсир!» Затем он жестом велел участникам разбирательства встать. Когда все спустились с высокой айванной суфы, служитель посмотрел на них и сказал: «Спор отложен до субботы; вам дается еще два дня срока»].

В этих примерах обращение *тақсир* повторяется как устойчивая формула почтительного ответа. Оно не добавляет новой информации о предмете разговора, но поддерживает принятую иерархию общения. Для судебной ситуации это особенно важно: ответчик подтверждает не только факт, но и свое подчиненное положение перед представителем власти. Формула ҷаноби шариатпаноҳ эшони қозикалон еще более сложна: в ней соединены религиозная, судебная и почетная семантика. Такие обращения характерны для эпохи, когда язык официального общения был тесно связан с религиозно-правовой культурой.

В старом городском пространстве уважительное название могло входить и в топонимическую или бытовую речь. Так, в прозе встречается сочетание *Ҳоча Муҳаммади Паррон*. К примеру,

Бо ҳамин мақсад аз растаи кафшфурӯшӣ гузашта, ба тоқи Ҳоча Муҳаммади Паррон баромада, аз он ҷо бо растаи ҷўбкаду ва тамокуфурӯшӣ аз пеши

саройҳои мавизу гулунг гузашта, ба растаи атторӣ рафта, аз он ҷо ба растаи чойфуруӯшӣ гузаштам [Ш. 4, 203– 204].

[С этой целью я прошел через ряд обувщиков, вышел к тоқи Хоҷа Муҳаммади Паррон, оттуда через ряды тыкв и табака, мимо караван– сараев с изюмом и гулунгом, направился к ряду аттаров, а затем перешел к чайному ряду].

В подобных случаях слово *Хоҷа* уже не выступает только как обращение в диалоге, но сохраняет почетную окраску в составе имени и городского названия. Это показывает, что этикетные элементы могут закрепляться не только в прямой речи, но и в лексике культурного пространства.

В жанре обращения необходимо учитывать речевую ситуацию. Обращение к знакомому человеку и обращение к незнакомцу строятся по-разному. При обращении к знакомому говорящий может опираться на личную близость, родство, общий опыт, эмоциональное отношение. При обращении к незнакомому человеку на первый план выходит осторожность: говорящий выбирает форму, которая не нарушает дистанцию и не звучит грубо. Поэтому в таджикском языке широко используются смягчающие формулы: *апаҷон, ако, амак, хола, духтарам, писарам, ҷиянам, бобо, биби*. Эти слова могут не обозначать реальное родство, но создают уважительный или ласковый тон общения. Художественная проза хорошо передает это свойство таджикской речи. Например,

– Апаҷон, мебахшед, ман аввал надониста мондам, шумо ба камина хеш барин менамояд, – оҳиста гуфт ӯ. – Ий, анаю, ин мардаки беҳаеро бинанд! Ман шумо барин хеш– пеш надорам! – қаҳр кард Лутфия, аммо дар овози ӯ тундӣ е раддия набуд, Иномҷон инро ҳис кард [Ш. 25, 159].

[Сестричка, простите, я сначала не понял; вы показались мне как будто родной], – тихо сказал он. «Ой, посмотрите на этого бесстыдника! Нет у меня таких родственников, как вы!» – рассердилась Лутфия, но в ее голосе не было резкости или настоящего отказа, и Иномҷон это почувствовал].

Чун тафтиш ва пурсуков карда дидам, ки шумо муллобачаи дуруст ва росткор будаед, ба шумо узр гуфтан хостам ва ҳоло шуморо дар ин ҷо дида ба ҳамин ният дар паҳлӯятон нишастам, хоҳишмандам, ки шумо он бадғумони маро бубахшед! – гуфт ӯ ҳақиқатан бо оҳанги узрхоҳона [II. 3, 206].

[Когда я расспросила и проверила вас и увидела, что вы честный и порядочный муллобача, я захотела попросить у вас прощения; теперь, увидев вас здесь, я с этим намерением села рядом. Прошу вас простить мое прежнее недоверие», – сказала она действительно извиняющимся тоном].

Здесь обращение апачон и формулы извинения соединяются с осторожным установлением доверия. Говорящий не переходит сразу к прямому объяснению, а сначала смягчает ситуацию: просит прощения, признает возможную ошибку, использует уважительное шумо. В таджикском речевом этикете такое сочетание обращения, извинения и уважительного местоимения помогает восстановить контакт после недоразумения.

К контактным формулам близки и краткие выражения поддержки, которые могут появляться в начале, середине или конце разговора. Они не всегда являются собственно обращением, но помогают удержать собеседника в диалоге: *гусса нахӯр, хавотир нашав, хайр, чӣ илоҷ*. Например, – *Хайр, гусса нахӯр, Амиркул... Чӣ илоҷ, кори дуне ҳамин хел будааст... – Маккора ба Амиркул наздик нишаста, дасташро ба китфи ӯ партофт [II. 25, 171].*

[Ну, не печалься, Амиркул... Что поделаешь, таков мир...» – Маккора под села ближе к Амиркулу и положила руку ему на плечо].

[Агар шаҳид шудам, ту аз тақдир бидону зиед гусса нахӯр. Ба Гулғизор ягон сагираро хонадомод бигир. Писарҳоямонро калон бикун, онҳо ба ту тақягоҳ мешаванд] [II. 25, 310].

[Если я стану шахидом, считай это судьбой и не слишком горюй. Возьми для Гулғизор какого-нибудь сироту в дом зятем. Вырасти наших сыновей, они станут тебе опорой].

Эти реплики показывают, что формулы речевого контакта работают шире, чем простое привлечение внимания. Они могут успокаивать, поддерживать, смягчать тяжелую мысль и удерживать разговор в пределах уважительного тона. Поэтому в данном подразделе обращение, приветствие и краткие контактные формулы рассматриваются вместе: все они служат установлению и поддержанию связи между говорящим и адресатом.

В таджикской культуре обращение часто сопровождается жестом. Подробный анализ невербальных средств дается в разделе 2.3, однако уже здесь необходимо отметить их тесную связь с контактными формулами. Поклон, легкий наклон головы, сложенные перед собой руки, жест приглашения, вставание при появлении старшего или уважаемого человека усиливают значение словесного обращения и помогают точнее передать отношение говорящего к адресату. В таких случаях вербальная формула и жест действуют вместе: слово обозначает уважение, а движение тела делает это уважение видимым. Поэтому обращение в таджикском речевом этикете нередко воспринимается не как отдельная реплика, а как целостный речевой и поведенческий акт. Для примера приводим следующий текст:

Мулозим ба қозикалон таъзим карду маҳзарро аз дасти ӯ гирифта: – Хӯш, тақсир! – гуфт ва муурофиачиенро ба хестан ишорат кард [II. 3, 251].

[Служитель поклонился қозикалону, взял у него протокол и сказал: «Хорошо, тақсир!» – затем жестом предложил участникам разбирательства встать].

Одина ба камоли адаб сар хам карда ва ба пушти пойи худ назар дӯхта гуфт: – Модаркалонам мегӯяд, ки... [II. 3, 29].

[Одина с полным почтением склонил голову, опустил взгляд к своим ногам и сказал: «Моя бабушка говорит, что...»].

Аз паси удайчиҳо марди саворе, ки аз гапи мардум номи вай шигавул будааст, ... ба росту чап таъзим карда «алайкумассалом! алайкумассалом!» гуфта меомад [II. 25, 143].

[Позади удайчи ехал всадник, которого люди называли шиғавулом; он кланялся направо и налево и повторял: «Алейкумассалом! Алейкумассалом!»].

В этих примерах слово и жест образуют единый этикетный комплекс. Формула *тақсир* звучит вместе с поклоном, ответ на приветствие сопровождается движением тела, а почтительная речь Одины поддерживается опущенным взглядом. Для таджикского речевого этикета такое единство вербального и невербального поведения имеет устойчивый характер.

Большая группа таджикских формул обращения связана с социальным положением человека. В старой речевой практике употреблялись обращения *чалолатмаоб* «его превосходительство», *эшон* «духовный наставник», *махдум* «господин», «религиозный учитель», *шариатпаноҳ* «защитник шариата» *тақсир* «господин», «уважаемый», *мулло* «мулла», *домулло* «уважаемый мулла», «богослов», *чаноб* – «господин». В начале XX века часть этих слов стала употребляться реже, но в художественной прозе они сохраняют важное значение, потому что показывают социальную структуру общества и язык уважительного или зависимого обращения. Особое место среди таких форм занимает *эшон*. Первоначально это слово связано с уважительным названием лица духовного статуса, но в художественной прозе оно может обозначать и социальную группу, и конкретного человека, и почтительную форму третьего лица. Например,

Муллоҳои шиноси Восеъ дар ҳаққи амиру амалдоронаш дар гайбашон ҳам «шумо» гуфта бо таъзиму такбир гап мезаданд. – Эшони Махдум кист? – нурсид ӯ [II. 25, 200].

[Знакомые Восеъ муллы даже в отсутствие эмира и его чиновников говорили о них на «шумо», с почтением и возвеличиванием. «Кто такой Эшони Махдум?» – спросил он].

Ба сифати имоми ин ҷамоат Абдулҳақхоҷа ном эшони ҳисорӣ, ки нияти ҳаҷ дошт, ба корвон ҳамроҳ карда шуд [II. 25, 469].

[В качестве имама этой общины к каравану был присоединен хиссарский эшон по имени Абдулҳақхоҷа, который намеревался совершить *хадж*].

Слово *эшон* в этих контекстах не равно обычному личному местоимению. Оно сохраняет почтительный оттенок и связано с религиозным авторитетом. Употребление *шумо* при разговоре о властных лицах даже в их отсутствие показывает, что уважительная форма могла выходить за пределы прямого диалога и закрепляться как норма речи о человеке высокого положения.

Одной из самых распространенных классических форм обращения является *чаноб*. В прозе советского периода оно также сохраняется, особенно в сочетаниях *чаноби мири ҳоким* «господин правитель», *чаноби бек* «господин бек», *чаноби ноиб* «господин наместник», *чаноби шариятпаноҳ* «господин защитник шариата», *чаноби хоҷаин* «господин хозяин», *чаноби қозикалон* «господин верховный судья», *чаноби қушибегӣ* «господин кушбеги». Эта модель обычно соединяет почтительное слово *чаноб* с должностью, титулом, профессией или социальной ролью адресата.

– *Боми самоворхонаро ҳамин сутунҳо мебардоранд, ба осмон сутун даркор нест. Пас, чаноби шумо чаро рост истодаед?* [II. 21, 67].

[Крышу самоварханы держат эти столбы, небу столбы не нужны. Так почему же вы, господин, стоите прямо?].

– *Чаноби шоир, аз болои шоҳи рус мепаред, ки табааи вай ҳастеду ӯ пуштибони шумост? – Не, тақсир, хато мекунед, – оромона ҷавоб медиҳад Асирӣ* [II. 21; II. 24, 67].

[Господин поэт, вы перепрыгиваете через русского царя, подданным которого являетесь и который считается вашим покровителем?] – «Нет, тақсир, вы ошибаетесь», – спокойно отвечает Асирӣ].

– *Не– е, – гуфт ноиб дар ҷавоби суоли охирини арбоб ва давом намуд, – дар байни ӯ ва чаноби Қорӣ ... созиши хомакӣ шудааст* [II. 3, 280].

[– Нет, – сказал ноиб в ответ на последний вопрос арбоба и продолжил: «Между ним и господином Қорӣ ... была предварительная договоренность»].

– *Чаноби ноиб! Як тӯб чит ҳаққи ҳалоли шумост, зайр аз ин, як ҷуфт кафшу як рӯймоли фарангӣ ҳам аз Одина гирифта ба шумо медиҳам, коре кунед, ки Одина аз дасти арбоб Камол раҳой ебад* [Ш. 3, 83].

[Господин ноиб! Один тюк ситца – ваше законное право; кроме того, я возьму у Одины пару туфель и фарангский платок и отдам вам. Сделайте что-нибудь, чтобы Одина освободился от арбоба Камола].

Формула *чаноб* в этих примерах не всегда звучит одинаково. В одних случаях она выражает прямое почтение, в других поддерживает официальный тон, а иногда может иметь оттенок иронии или скрытого давления. Это зависит от ситуации, интонации и отношений между участниками диалога. Именно поэтому формулы обращения требуют анализа не только по словарному значению, но и по речевому контексту.

Слово *домулло*, как и *мулло*, имеет давнюю историю. После распространения ислама оно стало одним из устойчивых обращений к людям религиозного знания и духовного авторитета. В устной речи и в художественной прозе оно употреблялось широко, но его семантика зависела от контекста. В советскую эпоху этим словом могли называть и ученого человека, и учителя, и просто грамотного собеседника. Позднее сфера его употребления сузилась, однако в художественных текстах оно сохраняет богатую стилистическую окраску.

Яке аз мӯйсафедон ба мулло Хокироҳ: – Биеед, монед, домулло, шумо ҳам як ҷанҷоли дигарро барпо накунед! – гуфту ба сари Одина омада насиҳат кард [Ш. 3, 30].

[Один из стариков сказал мулло Хокироху: «Ну, оставьте, домулло, и вы не начинайте еще одну ссору!» – затем подошел к Одине и стал его наставлять].

– *Домулло! Ин ганҳо ба ин ҷо дахл надорад, бие мон, ислоҳи корро бинем!* [Ш. 3, 32].

[Домулло! Эти слова здесь не к месту; давайте оставим это и посмотрим, как исправить дело!].

– Домулло, дар ҳаққи Одинаи ман дуо кунед ва дуои шумо дар ҳаққи вай, албатта, қабул аст, – гуфт [II. 3, 80].

[Домулло, помолитесь за моего Одина; ваша молитва за нее, конечно, будет принята», – сказал он].

- Домулло, шумо аз настназариатон ҳаргиз намондед, – гуфт арбоб, – Худо ба хурсандиҳо расонад, тӯена писанд нест, саломатиш якдигар ганимат аст [II. 3, 148].

[- Домулло, вы все никак не оставите свою низкую подозрительность, – сказал арбоб. – Да приведет Бог к радости; свадебные подарки не столь важны, главное – здоровье друг друга].

Ҳамин домуллоимоми мо хондаанд, мулло шудаанд, ҳатто ба Розмоз барин чой домуллоимом ҳам шудаанд, лекин ҳанӯз ҳам хатро дуруст хонда наметавонанд [II. 3, 244].

[Наш домулло-имам учился, стал муллою, даже стал домулло-имамом в таком месте, как Розмоз, но до сих пор не умеет как следует читать письмо].

Эти примеры показывают, что *домулло* может звучать по-разному: как уважительная просьба, как сдержанное замечание, как обращение с оттенком недовольства или даже как ироническое название. В устойчивой формуле домулло-имам значение усиливается: соединяются религиозное знание и должность в общине. Но если поведение носителя звания вызывает сомнение, обращение может терять уважительный смысл. Так внутри одной формы возникает несколько стилистических оттенков.

Слово *раис* также стало одним из заметных обращений XX века. Оно арабского происхождения и в основном означает руководителя, председателя, человека, стоящего во главе дела. В советской и постсоветской прозе раис употребляется часто, но не всегда одинаково. В одних случаях оно сохраняет значение уважения к должности, в других звучит с иронией, раздражением или просьбой. Например,

– Яқбора меҳрубон шудӣ, раис. Тинҷист? – луқма партофт яке [II. 13, 155].

[Что это вы вдруг стали таким добрым, раис? Все спокойно?» – бросил один из них].

– Э дили раиса хун кардӣ, бача! – Одама суханмарг мекунен. Намемонен, ки Дарвозабони дӯзах лаҳзаяке дар сафи одамон бошад [II. 1, 150].

[Эй, ты сердце раиса кровью облил, мальчик! Вы человека словами убиваете. Не даете Дарвозабони дӯзах ни минуты побыть среди людей].

Обрӯи маро ҳам ба хоки сиеҳ яксон намекунӣ. Раис маро хешат гуфта... Лозим шавад, ҳимоя мекунам [II. 32, 261].

[Ты ведь не сравниешь мою честь с черной землей. Раис назвал меня твоим родственником... Если понадобится, я защищу].

Раис, падарлағнат нагӯй! Падарамро нон надодай. Ман ба давлат хиенат ҳам накардаам, – сари шонаашро молида ва ҳанӯз ба худ наомада, ба тундӣ мегӯяд ӯ. – Аввал пурсиш, баъд кушиш [II. 32, 261].

[Раис, не называй меня проклятым! Ты моему отцу хлеба не давал. Я и государству не изменял», – резко говорит он, потирая плечо и еще не придя в себя. «Сначала спроси, потом действуй].

Хоки пот шавам, раис, умри Хизрро бубинӣ, ба мардакам раҳм кун. Кӯдакҳо ятим мемонанд, хонавайрон мешавем [II. 32, 263].

[Прахом у твоих ног стану, раис, пусть ты проживешь жизнь Хизра, пожалей моего мужа. Дети останутся сиротами, мы разоримся].

В этих контекстах *раис* не является нейтральным словом. Оно то обозначает должностное лицо, то становится средством просьбы, упрека, страха или иронии. Эволюция этого обращения связана с советской системой управления, с изменением общественного отношения к руководителю и с тем, как конкретный носитель должности воспринимался людьми. Поэтому раис показывает, как социальная оценка меняет стиль формулы обращения.

В советский период часть прежних религиозных обращений стала отступать, а в речевую практику активно вошли слова муаллим, усто, рафиқ. Слово муаллим связано с образовательной средой и постепенно стало

уважительным обращением к учителю, грамотному человеку, наставнику. В прозе середины XX века оно встречается особенно часто. Например,

– *Эй, муаллими камнамо, шумо ҳам ба ин маҳалла меомадед– дия! – гӯен Сабур бо ман вохӯрӣ кард ва ба духтарча ишоракунон илова намуд: – Ин набера мешавад, ба амакат даст деҳ, вохӯрӣ кун [II. 2, 55].*

[Эй, редко появляющийся учитель, вы тоже заходили в этот квартал!] – сказал Сабур, встретившись со мной, и, указывая на девочку, добавил: «Это внучка, дай руку дяде, познакомься».

Бегоҳӣ отун ҳамаи саргузашти Норбибӣ ва илтимоси ўро ба шавҳараи муаллим Каримзода расонд. Каримзода аз кори кардаи усто Мухтор ҳайрон монда гуфт: – Рӯйи усто сиеҳ, магар зани дуюмашон пешакӣ ваъда додааст, ки албатта, писар зоида медиҳад? [II. 28, 92].

[Вечером *отун* рассказала своему мужу, учителю Каримзоде, всю историю Норбибӣ и передала ее просьбу. Каримзода, удивившись поступку усто Мухтора, сказал: «Да будет лицо усто черным; разве его вторая жена заранее обещала, что непременно родит сына?»

– *Не, ин ҳамту, муаллим... Ҳеҷ зоба кор намекунад [II. 2, 413].*

[– Нет, это просто так, муаллим... Он нигде не работает].

– *Ресторан чӣ лозим, муаллим?! Ман серам... – гуфтам бо табассум, то ки даъвататонро паенай рад карданам боиси малоли хотир набошад [II. 8, 266].*

[– Зачем ресторан, муаллим?! Я сыт...» – сказал я с улыбкой, чтобы мой повторный отказ от вашего приглашения не вызвал досады].

Примеры демонстрируют, что *муаллим* в таджикской речевой практике не всегда ограничивается прямым значением профессии. В одних случаях это слово сохраняет значение «учитель», в других становится уважительной формой обращения или привычным социальным названием собеседника. В советский период такие обращения, связанные с образованием, профессией и должностью, заметно активизировались. В официальной речи рядом с ними закреплялись формы *полковник, доцент, доктор* и другие наименования,

вошедшие в обращение через административную, военную и образовательную систему.

Особое место в XX веке заняла формула *рафиқ*. До советского периода это слово было известно таджикско-персидской речи, но после Октябрьской революции оно стало одной из самых распространенных официальных форм обращения. Его активность объясняется идеологией равенства, которая стремилась заменить сословные и религиозные обращения единым словом товарищ. В таджикской речи рафиқ стало аналогом русского товарищ и широко употреблялось в административной, бытовой и литературной коммуникации.

Нависед... Забонхат... Ман, гражданка Зокирова Мунира, ба сардори шуъбаи милитсия рафиқ Сатторов Р. қавл медиҳам, ки бори дигар дар бозор нонфуруӯшӣ намекунам... Имзо гузored... 15 август, 1943 [II.19, 171].

[Пишите... расписка... Я, гражданка Зокирова Мунира, обещаю начальнику отделения милиции товарищу Сатторову Р., что больше не буду продавать хлеб на рынке... Поставьте подпись... 15 августа 1943 года].

– *Муносибати ин палидҳо ҳамин хел бошад, кафлесашонро ҳам фуру мебарам! – хаши молуд мегӯяд ӯ ва табибро таскин ҳам мебахшад. – Лекин, рафиқ духтур, шумо натарсед, ман ба осонӣ намерам [II. 23, 50].*

[Если эти мерзавцы так со мной обращаются, я и их половник проглочу!] – сердито говорит он и тут же успокаивает врача. «Но, товарищ доктор, вы не бойтесь, я так легко не умру».

Формула *рафиқ* делает обращение более светским и официально-советским. Она снимает старую сословную дистанцию, но создает новую административную норму. При этом в живой речи слово могло звучать и официально, и иронически. Уже к концу советского периода чрезмерное употребление товарищ и рафиқ стало предметом сатирического осмысления. Это показывает, что универсальная формула обращения со временем может терять естественность, если она вытесняет разнообразие живых речевых форм.

Таджикский речевой этикет особенно богат обращениями, связанными с возрастом и родственной моделью общения. Даже незнакомый человек может быть назван амак, хола, бобо, биби, духтарам, писарам, чиянам. Такие слова не обязательно указывают на реальное родство. Они создают уважительную дистанцию или, наоборот, мягкую близость, помогают начать разговор без резкости и подчеркивают воспитанность говорящего. Например, – *Дада, дада, ба мо шодиена тед, ба хонаамон боз якта укача омад. – Чизайлин укача, духтарам, номаиш чӣ? – пурсид усто бо изтироб ва барои пули шодиена ба кисааш даст бурд* [II. 28, 85].

[Дада, дада, дай нам шодиена, у нас дома еще один братик родился]. – «Что за братик, доченька, как его зовут?» – с тревогой спросил усто и полез в карман за деньгами для шодиена].

– *Хонаатон дар кучо, духтарам? – пурсид он мард аз Манзура. – Хӯ, дар он чо, – ҷавоб дод Манзура бо муштчааш оби дидаашро пок карда. – Биеетон, ман он сӯтар бурда монам, – гуфт мардак* [II. 28, 97].

[Где ваш дом, доченька?]» – спросил мужчина Манзуру. «Вон там», – ответила Манзура, вытирая слезы кулачком. «Идите, я вас провожу туда», – сказал мужчина].

Обращение *духтарам* в этих примерах передает не родство, а заботливое отношение взрослого к ребенку. Оно снижает напряжение ситуации и делает речь мягкой. В таджикской культуре такие формы особенно важны: они помогают незнакомым людям быстро установить уважительный и доброжелательный контакт.

Приветствие в таджикском речевом этикете открывает разговор и задает его этический тон. В последние десятилетия, на фоне интереса к национальной культуре, снова активнее употребляется слово *дуруд*. Наряду с ним сохраняются *салом*, *салому алейк*, *ассалому алайкум*, *ваалайкум ассалом*. Приветствие воспринимается как нравственная обязанность, особенно при встрече младшего со старшим, гостя с хозяином, знакомого с незнакомым человеком.

Хусейн Вайзи Кошифӣ, говоря об этикете речи, подчеркивал ценность правильного слова: «Бидон, шарафи одамӣ ба нутқ аст ва ҳар ки дар нутқ одоб риоят накунад, аз ин шараф бебаҳра бошад...» [II. 234, 26] [Знай, что достоинство человека в речи, и тот, кто не соблюдает в речи нормы приличия, лишен этого достоинства...]. В этом контексте именно приветствие становится не простой формальностью, а первым показателем речевой культуры человека. Для сравнения приводим следующие примеры:

– *Салом, бобо! – Саидбек овоз баровард. Мӯйсафед хараширо боздошт ва андаке тоб хӯрда, саломии ӯро алек гирифт* [II. 19, 20].

[Салом, бабушка! – окликнул Саидбек. Старик остановил осла, слегка повернулся и ответил на его приветствие].

– *Ассалому алайкум! Шодиенаро бароред, усто! – Ваалайкум ассалом, Султонбой. Ефтед? – Ефтам. Ана худии Хоҷа Камол ба дуқони Устоҳайдар ба пойии мубораки худ омаданд* [II. 21, 30].

[Ассалому алайкум! Готовьте шодиена, усто! – «Ваалайкум ассалом, Султонбой. Нашли?» – Нашел. Сам Хоҷа Камол своими благословенными ногами пришел в лавку Устоҳайдара].

Ман аз бисерии фикру хаелам ба он соя аҳаммият надода, ба тарафи ӯ нигоҳе ҳам накардам. Баъд аз он аз болои сарам бо талаффузи қоригӣ садои: – Ассалому алайкум! – гуфтани касе баромад [II. 4, 208].

[Погруженный в мысли, я не обратил внимания на эту тень и даже не посмотрел в ее сторону. Потом над моей головой, с қоригским произношением, раздался чей– то голос: «Ассалому алайкум!»].

– *Ваалайкум ассалом, қиянам, – ҷавоб дод эшон, – таомро худат овардӣ, каси дигар набуд?* [II. 28, 110].

[Ваалайкум ассалом, племянница», – ответил эшон. «Ты сама принесла еду, никого другого не было?»].

Эти примеры позволяют выделить несколько моделей приветствия. Формула *Салом, бобо* относится к простой разговорной речи, но при этом сохраняет уважительное отношение к старшему. Формулы *Ассалому алайкум*

и *ваалайкум ассалом* связаны с религиозно-нравственной традицией и употребляются как в повседневном, так и в более почтительном общении. Ответ на приветствие здесь не менее значим, чем само приветствие: он подтверждает принятие речевого контакта и готовность собеседника продолжить разговор. В художественной прозе встречаются и производные от *салом* слова, связанные с дворцовым или ритуальным общением: *саломхона* «место приветствия», «помещение для приема гостей», *саломпазмон* «соскучившийся по приветствию/общению», *саломмуштоқон* «жаждущие приветствия», «с нетерпением ожидающие встречи и приветствия». Они показывают, что приветствие может быть не только бытовой репликой, но и частью социальной церемонии.

Ва тантанаи қабули гаҳвораҳо аз Саломхона ба Ҳарам кӯчид... [II. 26, 67].

[И церемония приема колыбелей переместилась из Саломхона в гарем...]

Саломпазмонҳо меомаданд, интизор мешуданд ва пешкашҳои овардаашонро месупориданду мерафтанд... [II. 26, 66].

[Саломпазмонҳо приходили, ждали, сдавали принесенные ими подарки и уходили...]

...одамонаш либосу палос ва қанду қурсеро, ки саломмуштоқони дарбор ба расми тухфа овардаанду хазинабоб нест, дар ин бозор фурӯхта... [II. 26, 79].

[...его люди продавали на этом рынке одежду, паласы, сахар и другие вещи, которые саломмуштоқони дарбор приносили в дар и которые не годились для казны...]

Эти слова сохраняют следы церемониальной культуры приветствия. В них *салом* уже не ограничивается обычной встречей двух людей, а входит в придворный ритуал, где приветствие связано с ожиданием приема, подношением дара, социальным статусом и правом доступа к власти.

В таджикском языке приветствие выражается не только готовыми формулами, но и глагольными сочетаниями: *салом додан* «поздороваться», «приветствовать», *саломат фиристодан* «передавать привет», *салом расондан* «передать приветствие», «донести привет». Эти модели

показывают действие приветствия, его передачу через другого человека, а иногда и более широкий смысл – пожелание благополучия.

Марди зоҳид неши ӯ давид, саломаш дод ва нурсид: – Эй фалонӣ, ту дар аввал сахт мардумозор будӣ, баъд ба некиву хайру саховат камар бастӣ [II. 1, 106].

[Благочестивый человек подбежал к нему, поприветствовал его и спросил: «О такой– то, сначала ты сильно обижал людей, а потом обратился к добру и щедрости...»].

Е ба нули зог саломат фиристоданд? Шояд то ҳол хубтару беҳтарҳоро пайдо карда, кайҳо дар дил чанозаатро хондаанд [II. 1, 106].

[Или передали тебе благополучный привет через клюв ворона? Может быть, они уже нашли себе лучших и давно в душе прочитали по тебе погребальную молитву].

В первом примере выражение *саломаш додан* употребляется в своем прямом значении и обозначает обычный акт приветствия или установления речевого контакта между собеседниками. Во втором случае формула *саломат фиристодан*, первоначально связанная с передачей приветствия и благопожелания, приобретает иронический оттенок. Подобное переосмысление показывает, что этикетные формулы в художественном тексте могут изменять свое первоначальное значение в зависимости от интонации, ситуации общения, отношений между персонажами и авторского контекста. Таким образом, семантика формул речевого этикета не является полностью устойчивой: в живой речи и особенно в художественной прозе она способна расширяться, ослабляться или приобретать оценочные и эмоционально-экспрессивные оттенки.

В структуре контактных формул таджикского речевого этикета приветствие и прощание образуют единую коммуникативную рамку. Приветствие открывает речевой контакт, а прощание завершает его, сохраняя при этом уважительный тон общения. Поэтому краткие формулы завершения контакта уместно рассматривать в данном подразделе наряду с обращением и

приветствием. В таджикском языке к таким формулам относятся *хайр* «до свидания», *хуш бошед* «будьте счастливы», *то дидан* «до встречи», *то боздид* «до нового свидания», *саломат бошед* «будьте здоровы», *алвидоъ* «прощай», *видоъ* «прощание», *надруд* «до свидания» и другие выражения.

– *Хайр, мо рафтем.*

– *Бигӯ, ки саривақт бардорандаш.*

– *Мегем, бобӣ, мегем, – бачаҳо тарафи Саидбек қач– қач нигоҳ карда, бадар рафтанд [II. 19, 27].*

[– Ну, мы пошли.

– Скажи, чтобы вовремя забрали.

– Скажем, бобӣ, скажем», – дети, искоса поглядывая на Саидбека, вышли за дверь].

Хизмат ба ту, Мулло Абдурахим, ҳамин буд, – ба анҷоми гуфтугӯ ишора намуд мударрис. Қиматаширо диҳам? Не? Хайр, ба ту ҷавоб. Фақат шарт ҳамин, ки сурастро ба ягон шахс нишон надода меорӣ [II. 21, 19].

[Вот и вся моя услуга тебе, Мулло Абдурахим» – мударрис дал понять, что разговор подходит к концу. Дать тебе его цену? Нет? Ну, отвечу тебе. Только условие одно: принесешь картину, никому ее не показывая].

Ҳангоме ки сухани ноқилони китобҳо ба сари оҳу нола, ҳичрон ва васли ошиқон мерасид, ... надарам «хайр, ин хел ҷойҳояширо монун он тарафҳояширо хон» – мегуфт [II. 21, 37].

[Когда рассказчики книг доходили до вздохов, стенаний, разлуки и соединения влюбленных, отец говорил: «Ну, такие места оставь, читай дальше»].

– *Саломат бошед, – гуфт камзӯлпӯш ва рафтарафон табассум намуд. – Хайр ҳам даркор, чӣ гуфтед, ако? [II. 21, 75].*

[– Будьте здоровы, – сказал человек в камзоле и, уходя, улыбнулся. «Ну, и прощаться тоже надо, что скажете, ако?»].

Слово *хайр* не всегда означает только прощание. В зависимости от контекста оно может завершать разговор, переводить тему, смягчать отказ,

подводить итог или останавливать нежелательное продолжение речи. Благодаря этому хайр относится к наиболее гибким контактными формулам таджикского языка.

В более торжественных, трагических или книжных контекстах встречаются алвидоъ и видоъ. Эти слова обычно связаны не с обычным расставанием, а с долгой разлукой, уходом, смертью, историческим событием или сильным эмоциональным переживанием.

Для сравнения приводим следующие примеры:

Сарбозон бандиҳоро аз чор тараф печонда, аз байни издиҳоми халқ гузаронда мебаранд. Ҷо-ҷо аз байни издиҳом садоҳои: «Алвидоъ, Восеъ», «Алвидоъ баҳодурон!», «Еди ту бо мост, Восеъ», «Ту меравӣ, номи неки ту мемонад, Восеъ» баланд мешавад [II. 25, 464].

[Солдаты, окружив пленных со всех сторон, ведут их сквозь толпу. То тут, то там из толпы слышатся голоса: «Алвидоъ, Восеъ!», «Прощайте, храбрецы!», «Память о тебе с нами, Восеъ!», «Ты уходишь, но твое доброе имя останется, Восеъ!»]

– Духтарҷонам!.. Хоҳаракам! – аз ҷигар фаред кашид ӯ. – Алвидоъ! Ба модарат бигӯ, Гулғизор, ба додарақонат бигӯ, падари шумо ба золимон сар хам накард, ҷангид, шаҳид шуд [II. 25, 465].

[– Доченька моя!.. Сестренка! – крикнул он от всего сердца. Алвидоъ! Скажи своей матери, Гулғизор, скажи своим братьям: ваш отец не склонил головы перед угнетателями, он сражался и стал шахидом].

«Умед аз ту кандан даст аз ҷон шустан аст, ба зиндагӣ видоъ гуфтан аст», – ба дилаш гузаронд Восеъ [II. 25, 89].

[«Отказаться от надежды на тебя – все равно что отказаться от жизни, сказать жизни видоъ», – подумал Восеъ].

– Видоъ, эй модару падари ҷонсӯзам! Дилони шумо меравад. Бебозгаишт меравад. Ба ҷое меравад, ки на хат меояду на хабар [II. 2, 191].

[Прощайте, мои дорогие мать и отец! Ваше сердце уходит. Уходит безвозвратно. Уходит туда, откуда не приходит ни письмо, ни весть].

Слова *алвидоъ* и *видоъ* несут высокий эмоциональный заряд. Они передают не обычное завершение разговора, а переживание разлуки. Поэтому эти формулы чаще встречаются в художественном, историческом или драматическом контексте.

Для повседневного общения более характерны нейтральные формулы прощания: *хайр* «до свидания», *то дидан* «до встречи», *то пагоҳ* «до завтра». Эти выражения употребляются в обычных бытовых ситуациях и связаны не с окончательным расставанием, а с временным завершением контакта, предполагающим возможность последующей встречи. Подобные формулы отличаются краткостью, разговорной естественностью и отсутствием выраженной официальности, благодаря чему они широко функционируют в живой устной речи. Например,

– *Ростӣ ки... намедонам... Метарсам... Хайр, то пагоҳ ягон гап мешудагист.*

– *Аноргул қадамаширо тезонд [II. 25, 90].*

[– Честно... не знаю... боюсь... Ну, до завтра что-нибудь прояснится». – Аноргул ускорила шаг].

– *Хайр, Гулнора, то дидан, – дасти Гулнораро гирифт Мансурҷон ва боз чизе гуфтани буд, ки ... хомӯш монд [II. 28, 124].*

[– Ну, Гулнора, до встречи», – Мансурҷон взял Гулнору за руку и хотел сказать еще что-то, но, увидев слезы на ее длинных ресницах, замолчал].

В таджикской речевой традиции наряду с широко употребительными арабскими заимствованиями сохраняются и исконные таджикско-персидские формулы *дуруд* «приветствие», «доброе пожелание», «благой посыл» и *падруд* «прощание», «до свидания». Формула *дуруд* исторически связана с выражением уважения, доброго отношения и благопожелания по отношению к адресату, тогда как *падруд* употребляется как форма завершения общения и по своему значению близка к *видоъ* «прощание». Однако, в отличие от арабизированных формул, *дуруд* и *падруд* сохраняют более древний таджикско-персидский характер и связаны с традиционной литературной и культурной нормой. В период независимости Республики Таджикистан

подобные слова стали заметно активнее использоваться в письменной речи, средствах массовой информации, культурной и официальной коммуникации, что связано с процессом усиления национального языкового самосознания и стремлением к расширению употребления исконной таджикской лексики в системе речевого этикета.

*Ва мебинам, ки моҳи танҳо аз миени гарами абрҳо сӯям дуруд мегӯяд.
Сафеду пурра аст рӯяш, мисоли рӯйи ту ва ҳиҷоби абрҳо сарашро печонда
[II. 12, 214].*

[И я вижу, как одинокая луна из груди облаков говорит мне дуруд. Ее лицо белое и полное, как твое лицо, а облачная вуаль окутывает ее голову].

Саидбек медонист, ки падруд кардани бобо амри табиист [II. 29, 275].

[Саидбек знал, что прощание с дедом было естественным порядком вещей].

*Соли 1915– и милодӣ саид Ҳасанхон «дорулфано»– ро падруд гуфта, ба
«дорулбақо» реҳлат намуд [II. 29, 432– 433].*

[В 1915 году саид Ҳасанхон сказал падруд миру брэнному и переселился в мир вечный].

Формулы *дуруд* и *падруд* отличаются от обычных *салом* и *хайр* более высоким стилем. Они могут употребляться в поэтической, книжной, торжественной или философской речи. Их возвращение в современную коммуникацию показывает стремление сохранить национальный пласт речевого этикета.

Появление телефона изменило саму ситуацию речевого контакта: общение стало возможным на расстоянии, без непосредственного зрительного присутствия собеседников. При этом основные нормы таджикского речевого этикета сохранили свое значение. В телефонном разговоре, как и при личной встрече, учитываются возраст, социальный статус, степень близости, характер отношений и эмоциональное состояние участников общения. Вместе с тем телефонная коммуникация выработала собственные краткие речевые модели: *алло* «алло», *гап зан* «говори», *телефон кун* «позвони», *баъд занг мезанам* «потом позвоню», *хайр* «до

свидания», *ман рафтам* «я пошел». Эти формулы показывают, что речевой этикет не исчезает в новых условиях общения, а приспособляется к ним, сохраняя контактную, регулятивную и этикетную функции. Для примера приводим следующие моменты:

Ба хонаи калон гузаит, рақами телефони Гулбегимро гирифт. «Гул, туй?» «Ҳа, манам, ака». «Дуруст ҳастӣ?» «Мешавад, акаҷон, худат чӣ хелӣ? Аз Бойғозӣ омадӣ?» ... «Алло, Гул! Чаро хомӯш шудӣ? Гап зан! Хаел кардам алоқа канда шуд...» [II. 19, 47].

[Он прошел в большую комнату и набрал номер Гулбегим. «Гул, это ты?» – «Да, я, брат». – «Ты в порядке?» – «Нормально, акаҷон, а ты как? Из Бойғозӣ приехал?» ... «Алло, Гул! Почему замолчала? Говори! Я подумал, связь оборвалась...»].

Пагоҳ е рӯзи дигар аз хонаи ягон телефондори деҳа занг задан даркор ба Душанбе, гашта мегӯям ба худ, ҳатман... [II. 23, 68].

[Завтра или послезавтра нужно позвонить в Душанбе из дома кого-нибудь в деревне, у кого есть телефон, все повторяю себе: обязательно..].

Хайр, сафсатахониро монӯ ба гапи ман гӯш кун. Мақолаи ман гуфтагири навис. Ҳатман чоп мекунад. Агар чоп накунад, ба ман телефон кун... Хайр, ман рафтам [II. 36, 89].

[Ну, оставь пустую болтовню и слушай меня. Напиши статью так, как я говорю. Обязательно напечатают. Если не напечатают, позвони мне... Ну, я пошел].

Телефонный разговор сохраняет общую структуру речевого контакта: установление связи, узнавание собеседника, уточнение состояния, основная информация и завершение разговора. Новым является техническая зависимость общения: пауза, слабая слышимость, обрыв связи также становятся частью речевой ситуации и влияют на форму высказывания.

Формулы обращения, приветствия и речевого контакта образуют одну из самых устойчивых частей таджикского речевого этикета. Они показывают, как язык закрепляет уважение, возрастную и социальную дистанцию,

родственную близость, профессиональный статус, религиозный авторитет и официальный порядок общения.

Исторический материал показывает, что состав формул обращения постоянно менялся. В дореволюционной и ранней прозе заметны таксир, чаноб, домулло, эшон, шариатпанох; в советскую эпоху активизируются рафик, раис, муаллим, товарищ; в период независимости усиливается интерес к национальным, религиозным и традиционным формам. При этом старые формулы не исчезают полностью: часть из них сохраняется в художественной речи, часть возвращается в новое употребление, а часть приобретает иронические или сниженные оттенки.

Формулы приветствия и прощания также развиваются в разных стилевых слоях. Салом и ассалому алайкум остаются живыми формами повседневного общения; *дуруд* и *падруд* сохраняют высокий национально-культурный оттенок; *хайр*, *то дидан*, *алвидоъ*, *видоъ* и *паноҳат ба Худо* передают разные степени завершения контакта – от обычного расставания до трагической разлуки.

Таким образом, обращение и приветствие в таджикском языке нельзя свести к начальной реплике диалога. Это сложная система речевых формул, через которую говорящий входит в общение, поддерживает его, выражает уважение, смягчает напряжение и завершает контакт. Именно поэтому данный жанровый пласт имеет важное значение для описания семантики, структуры и тенденций развития формул речевого этикета в современном таджикском литературном языке.

2.2.2. Формулы комплимента, похвалы и ответной реакции

Жанр комплимента занимает особое место в системе таджикского речевого этикета, поскольку через него говорящий выражает положительную оценку адресата, поддерживает доброжелательный тон общения и укрепляет межличностную связь. Комплимент и похвала возникают в конкретной речевой ситуации: их форма зависит от отношений между собеседниками,

возраста, пола, социального положения, степени близости, эмоционального состояния и культурной нормы. Поэтому комплимент нельзя рассматривать только как украшение речи. В таджикской коммуникативной культуре он связан с уважением, мерой, сдержанностью и умением сказать доброе слово так, чтобы оно не перешло в открытую лесть.

В научной литературе комплимент обычно понимается как особая форма общения, в которой выражаются одобрение, восхищение, положительная оценка внешних или внутренних качеств человека, его поступков, ума, таланта, мастерства, имени, одежды, происхождения или положения. В отличие от лести, комплимент в норме опирается на реальные качества адресата и не предполагает сознательного искажения действительности. Его цель состоит не в том, чтобы искусственно возвысить человека, а в том, чтобы создать доверительную атмосферу, выразить уважение и поддержать доброжелательное общение.

Для таджикской культуры особенно важно различать искренний комплимент, похвалу и лесть. Личные комплименты в прямой форме не всегда воспринимаются однозначно: в традиционной среде чрезмерная похвала может показаться неуместной, навязчивой или близкой к лести. Поэтому таджикская речь часто выбирает более мягкие формы положительной оценки: пожелание, благопожелание, косвенную похвалу, оценочное описание или уважительное обращение. К таким формулам относятся выражения типа «вы образованный человек», «вы очень вежливы», «я рад вас видеть», «для меня честь быть вашим другом», «желаю вам здоровья», «пусть Бог благословит вас» и др.

Изучение жанра комплимента в русской лингвистике активно развивается с 1980–х годов. В. И. Карасик, опираясь на европейскую и американскую традицию, рассматривает комплимент как речевой акт, связанный с описанием и оценкой ситуации [Ш. 94, 120]. Важные наблюдения о комплименте, похвале и речевой вежливости содержатся в работах Н. И. Формановской, И. А. Стернина, Р. В. Серебряковой, В. В. Леонтьева, О. С.

Иссерс, И. С. Морозовой, И. В. Сальниковой и других исследователей. В таджикском языкознании отдельные стороны жанра комплимента рассматривались М. Джураевой и Т. Х. Мухиддиновой, в том числе на материале средств массовой информации и в сопоставлении с русским и английским языками.

Жанр комплимента требует особенно внимательного описания, поскольку его формулы нередко пересекаются с другими жанрами речевого этикета: поздравлением, благопожеланием, благодарностью, поддержкой, утешением. О. С. Иссерс отмечает, что похвала и лесть связаны с положительной оценкой, тогда как комплимент направлен на передачу приятных, добрых и благожелательных чувств собеседнику; при этом тематическое поле комплимента шире, чем поле похвалы [II. 106, 178– 179]. В таджикском материале это различие особенно важно: одна и та же формула может выражать уважение, восхищение, одобрение, желание поддержать человека или, наоборот, скрытую иронию.

В художественной прозе XX-XXI веков жанр комплимента представлен очень широко. Это связано с самой природой художественной речи: литература передает не только действия персонажей, но и оценки, эмоциональные реакции, впечатления, внутреннюю речь и социальные отношения. Комплимент в прозе может быть прямым высказыванием персонажа, авторским описанием, внутренней оценкой героя или частью диалога. Поэтому материал художественной прозы позволяет увидеть, как формулы комплимента и похвалы функционируют в живой таджикской речи, какие качества человека становятся предметом положительной оценки и как на эту оценку отвечает адресат.

При анализе материала целесообразно опираться на классификацию Р. В. Серебряковой, которая различает похвалу внешности человека, отдельных элементов внешности, умственных и интеллектуальных способностей, а также других внутренних качеств [II. 240, 30]. Таджикский материал подтверждает эту классификацию, но одновременно расширяет ее. В

таджикской прозе положительная оценка часто соединяет внешнее и внутреннее: красота лица, стройность, молодость, одежда или имя нередко описываются вместе с храбростью, умом, добротой, трудолюбием, мастерством и нравственной чистотой. Поэтому ниже формулы комплимента и похвалы рассматриваются по нескольким группам: общая похвала человека, комплимент внешним чертам, комплимент внутренним качествам, похвала имени, места, одежды, обращенность комплимента к разным адресатам, связь комплимента с глагольным временем, тональность и ответная реакция.

Общая похвала описывает человека целостно: одновременно учитываются его внешний облик, поведение, нравственные качества и впечатление, которое он производит на окружающих. Такой тип похвалы особенно характерен для таджикской художественной прозы, где положительная оценка часто дается не сухо, а через образ, деталь, внутреннюю речь или реакцию других персонажей. Например,

Восеъ ба андоми барно, тарҳи рӯйи зебо ва чашму абрӯи сиёҳи ҷавон нигоҳ мекарду ба дилаш меғуфт, ки: ҳар падару модар ҳам бо ин гуна фарзанд фахр карда метавонистанд. Боз ба болои ин вай далер, нотарс, чобук, оббоз ҳам ҳаст.

[Восеъ смотрел на стройный стан юноши, на его красивое лицо, черные глаза и брови и думал про себя: такими детьми могли бы гордиться любые родители. К тому же он был храбрым, бесстрашным, ловким и умел плавать] [Ш. 25, 66]

Ҷома аз сари Аноргул ба замин ва рӯймолаш ба гарданаш галтида, сару рӯяш бараҳна гардид. Дилҳо ҳама мафтунӣ рӯйи зебо гардиданд. Ин қадар нотарсӣ ва ҷасорате, ки аз ин духтараки барнову зебо ба ҳузур омад, дар назари мардум, воқеан, ҳайратангез буд.

[Чапан упал с головы Аноргул на землю, платок соскользнул ей на шею, и голова и лицо остались открытыми. Все были очарованы ее красивым лицом.

Такая бесстрашность и смелость, проявившиеся в этой стройной и красивой девушке, действительно поразили людей] [II. 25, 66]

В этих примерах похвала строится как соединение внешнего и внутреннего. В первом случае внимание обращено на стройность, красоту лица, глаза и брови юноши, но сразу после этого названы его храбрость, бесстрашие, ловкость и умение плавать. Во втором примере красота Аноргул не отделяется от ее смелости. Для таджикского речевого этикета такая связь существенна: положительная оценка человека редко ограничивается одной внешней чертой, она стремится показать достойный облик личности в целом.

Внешность человека является одним из наиболее частотных объектов комплимента в художественной прозе. Однако в таджикской культуре прямое восхищение внешностью требует осторожности. Поэтому такие описания часто передаются через авторскую речь, внутренний взгляд персонажа или поэтическую образность. В качестве объектов оценки выступают лицо, глаза, брови, губы, волосы, фигура, походка, одежда и общий облик человека. Приводим следующие примеры:

Ў як марди хушлибоси тақрибан аз чил гузаштаи хушрӯй ва хушгап ҳам буд.

[Он был хорошо одетым мужчиной лет сорока с небольшим, красивым и приятным в разговоре] [II. 21, 34]

Нурмухаммад ҷавони хушрӯй, ҳунарманд, хушодоб. Хайр, айбаи ҳамин, ки бесавод. Чаро ӯ шавҳари Хайрии шӯрбахт шуда натавонад?

[Нурмухаммад – красивый молодой человек, ремесленник, воспитанный. Ну, недостаток у него один: он неграмотен. Почему же он не может стать мужем несчастной Хайрй?] [II. 21, 42]

Падарам ҳам яқин мафтунӣ манзараи дилрабои табиат буд, ки оҳиста чӣ гуна таронаеро замзама менамуд; бо чеҳраи кушоду ҷашмони барқнош атрофро назар мекард.

[Отец, очевидно, тоже был очарован пленительным видом природы: он тихо напевал какую– то мелодию и смотрел вокруг с открытым лицом и сияющими глазами] [II. 21, 42]

Бобо аксаран беҳушу беед мехобид ва модаркалони сафедчеҳраи сафедмӯй ба даҳони ӯ бо чумчаяк гоҳ атолаи башир е ҳалилоба мерехт, гоҳе маҳлуле аз кадом як гиёҳи давоӣ.

[Дедушка чаще всего лежал без сознания, а белолицая седовласая бабушка маленькой ложкой влиwała ему в рот то лекарственный отвар, то настой какой– то травы] [II. 27, 250]

Нигор он вақт ҳабдаҳсола буд. Саидбек ҳар замон дуздида ба чеҳраи арғувонию духтарак, ба гесувони сиеҳи майдабофти ба сари сина афтодаи вай назар меафканд ва дар дилаш мегуфт, ки аҷаб, дар байни як сол андоми Нигор ин қадар базебу дилкаш шудааст.

[Нигор тогда было семнадцать лет. Саидбек время от времени украдкой смотрел на румяное лицо девушки, на ее черные мелко заплетенные косы, падавшие на грудь, и думал: удивительно, как за один год Нигор стала такой красивой и привлекательной] [II. 27, 248]

В приведенных фрагментах положительная оценка лица и общего облика выражается через слова *хушрӯй* «красивый», *хушган* «приятный в разговоре», *хушодоб* «воспитанный», *чеҳраи кушод* «открытое лицо», *чашимони барқнош* «сияющие глаза». Эти единицы показывают, что внешняя красота в таджикской прозе часто получает нравственное продолжение: красивый человек описывается также как воспитанный, приятный в общении, открытый или душевно светлый.

В таджикской прозе внимание часто переносится на отдельные детали внешности. Такая последовательность естественна для художественного описания: образ человека раскрывается не сразу, а через постепенное выделение тех черт, которые производят на говорящего или наблюдателя особое впечатление. Поэтому в формулах комплимента и похвального описания важную роль получают губы, глаза, волосы, фигура, походка и общий облик человека. Эти элементы не только создают внешний портрет, но и помогают передать эмоциональное отношение к персонажу. Например,

*Метиндоштӣ, ки аз олами париен ба шаҳр афтодааст: қадбаланд, бовиқор,
шаҳлочаим, камони абрӯвонаш дилкаш, мӯйҳои хурморангааш ҳамеша
ороставу пероста ва то камар ҳамоил; гулбарги рухсораҳои сурхосафедааш
тарутоза ва гунҷаи лабҳои моили шукуфтан, мудом ҳарфи ширине дар нӯги
забон дошт.*

[Можно было подумать, что она сошла в город из мира пери: высокая, величественная, с томными глазами, с привлекательной дугой бровей, ее каштановые волосы всегда были ухожены и спадали до пояса; лепестки румяно-белых щек были свежими, бутоны губ готовы были раскрыться, и на кончике языка у нее всегда было сладкое слово] [Ш. 1, 180]

*Аҷаб сурате дошт Парисо дар хобаи: обшори мӯйҳои хасу гилолуда,
чашимони шаҳлояш ба умқи хона чӯкида, ранги рухсори гулгуну лабҳои
майгунаш парида, ба ҷойи пирӯҳан кафан нӯшида.*

[Странный образ имела Парисо во сне: водопад ее волос был спутан и испачкан, томные глаза впали, румянец лица и винный цвет губ побледнели, а вместо платья на ней был саван] [Ш. 16, 475]

*Ман духтареро мечӯям, ки чашиҳои обиву мӯйҳои тиллоӣ дорад, зар
бофтани ҳайбод рафтаниро хуш дорад, вай зар мебофаду зар намеӯшад, ба
кӯҳаи садгес аргунҷак меовезаду бод мехӯрад... гулпаракҳо ӯро гул пиндошта,
гирди сараи давр мезананд, марду зан сари роҳаи камин мегиранд, то як
назараи бубинанд.*

[Я ищу девушку с голубыми глазами и золотыми волосами, которая любит ткать золото и качаться на ветру; она тклет золото, но не носит его, подвешивает качели на высокой горе и отдается ветру... бабочки принимают ее за цветок и кружатся вокруг ее головы, мужчины и женщины подстерегают ее на дороге, чтобы хотя бы раз увидеть] [Ш. 13, 443]

*Зани ҳамсоя, ки зани кушодарӯи хандончаими мавзунҷад ва босаводи пурдон
буда, дар боғчаи бачагон мураббия шуда кор мекард ва ҳамсояҳо ӯро отун
меномиданд, аз кирдори усто Мухтор ба газаб омада гуфт: – Ба саратон*

*ҳамин қадар қулфат афтодаасту чаро пештар омада нагуфтед, ҳамсоя?
Муаллим нагзакак адабаширо дода мемонданд.*

[Соседка, женщина с открытым лицом, улыбающимися глазами, стройная, грамотная и знающая, работавшая воспитательницей в детском саду, которую соседи называли *отун*, рассердилась на поступок усто Мухтора и сказала: – На вашу голову столько беды свалилось, почему вы раньше не пришли и не сказали, соседка? Учитель как следует проучил бы его] [Ш. 28, 91]

Ў дар он айем бонуи 24-25 солаи сабзинаандом, мавзунқомат ва ситорагарме буд.

[В те годы она была молодой женщиной двадцати четырех– двадцати пяти лет, смуглой, стройной и привлекательной] [Ш. 10, 259]

Ин хел паҳлавони хушхироми ходақади рӯдапой якта таваллуд шудагӣ. То имрӯз дастии ягон одам ба камари ӯ нарасидааст.

[Такой богатырь с красивой походкой, словно выточенный, с сильными ногами, рождается один на свете. До сегодняшнего дня ничья рука не касалась его пояса] [Ш. 18, 354]

Эти фрагменты показывают богатство образной похвалы внешности. В них используется не только нейтральное описание, но и художественное сравнение: девушка уподобляется пери, губы – бутону, щеки – лепесткам, волосы – водопаду, человек – богатырю. В речевом этикете такая образность важна потому, что она смягчает прямой комплимент и переводит его в эстетическую плоскость. При этом описание внешности часто сопровождается нравственной характеристикой: сладкое слово, открытое лицо, улыбающиеся глаза, знание, воспитанность. Комплимент становится не только оценкой внешности, но и способом показать гармонию облика и характера.

Не менее важное место занимают комплименты, обращенные к внутренним качествам человека: уму, таланту, мастерству, трудолюбию, смелости, доброте, благородству, грамотности, верности и способности

заботиться о других. В таджикской речи именно такой комплимент часто воспринимается как наиболее уместный, поскольку он не нарушает границ скромности и подчеркивает достоинство человека. Например,

*Агар ҳамин хел фикру хаел кардан гиред, ба ҷони худатон ҷабр мекунад,
акнун ба гузашта салавот, шукри бачаҳотонро кунад, ҳамин хел модар
шавед, ки кӯдакҳоятон бепадарии худро пай набурда калон шаванд, хонанд,
духтарони боақли дидадаро, доною бообруӣ шаванд, ана сонӣ шумо дар сояи
ғамхорию меҳрубонию онҳо дар болои ҳафт қабат кӯрпача нишаста, ҳузуру
ҳаловаташонро бинед, ҳамсоҷон!*

[Если вы будете так думать, то измучаете себя. Теперь оставьте прошлое, благодарите за своих детей, будьте такой матерью, чтобы дети выросли, не чувствуя сиротства, учились, стали умными, воспитанными, знающими и уважаемыми дочерьми, а потом вы под их заботой и добротой будете сидеть на семи слоях курпачи и радоваться им, соседushка!] [Ш. 28, 96]

*Ҳай– ҳай, чӣ ҳунаре, чӣ истеъдоде! Хоҷа Ҳофиз агар ин мисраъро мешунид,
дасти тӯраҷонро мебӯсид.*

[Ай– ай, какое мастерство, какой талант! Если бы Ходжа Хафиз услышал эту строку, он поцеловал бы руку тӯраҷона] [Ш. 25, 234]

*Ба ҳар кас табиат истеъдоде ато кардааст. Яке сар набардошта, ба обу
арақ гӯтида кор мекунад. Дигаре чунон ҳунаре дорад, ки тамоми умр
хиштеро аз ҷое гирифта, ба ҷое намонда бошад ҳам, ободии ҳамаи музофот,
савоби ҳамаи корҳо, хизматҳо ба номи ӯ хатм мешавад.*

[Природа каждому дала свой талант. Один работает, не поднимая головы, весь в воде и поту. У другого такое умение, что даже если за всю жизнь он не переложил ни одного кирпича, благоустройство всей области, заслуга всех трудов и служб записывается на его имя] [Ш. 28, 272]

Агар Худо надиҳад, одам бо хондан саводнок шудан намегирифтааст.

[Если Бог не даст, человек одной учебной грамотным не становится] [Ш. 4, 244]

Худи шумо ки, – гуфт хатиб, – хушсаводтар ва ед доданро хубтар медонистаед, писари худатонро худатон хононед, ба мактаб фиристода нони панҷшанбеғӣ ва ҳалвой додан чӣ ҳоҷат аст?

[Вы сами, – сказал хатиб, – человек более грамотный и лучше умеете обучать; учите своего сына сами, зачем отправлять его в школу и давать четверговой хлеб и халву?] [II. 4, 408]

Як марди деҳқоннамо пурсид: – Ту чӣ ҳунар дорӣ? – Ман як деҳқони хокпошам, додар. Чуфтронӣ, даравгарӣ, хирманкубӣ кори ман аст. Чувоз ҳам мекашам. Боркашӣ, гилкорӣ, аспбонӣ ҳам аз дастам меояд.

[Один мужчина, похожий на крестьянина, спросил: – Какое у тебя ремесло? – Я простой крестьянин, брат. Пахать, жать, молотить – моя работа. И маслобойню могу крутить. Умею и грузы носить, и глиной работать, и за лошадьми смотреть] [II. 4, 108]

Худам пештар дар Кармина музадузӣ мекардам. Дар ҳунармандӣ овоза доштам.

[Раньше я сам шил сапоги в Кармине. В ремесле у меня была слава мастера] [II. 30, 29]

Ягона зане, ки дар сохтмон бо меҳнату заҳмати ҳалол боло рафт, ўст, – иқрор кард Владимир ба Ато.

[Она единственная женщина, которая поднялась в строительстве честным трудом и старанием, – признался Владимир Ато] [II. 27, 19]

Ду писар дорам, бўзбала, баҳодур, бағайрат, аз гуфту фармони ман берун намеравад. Замин дорам, ба худам муносиб молу чорпо дорам.

[У меня два сына – крепкие, храбрые, энергичные, они не выходят из моего слова и приказа. Есть земля, есть имущество и скот, подходящие моему положению] [II. 30, 206]

Инро дида гайрат ва номусам ба ҷӯш омад.

[Увидев это, я закипел от рвения и чувства чести] [II. 30, 296]

В этих примерах внутренняя похвала охватывает разные стороны личности. В одних случаях положительно оцениваются ум, воспитанность и

будущая достойная жизнь детей; в других – талант, ремесло, грамотность, трудолюбие, смелость и чувство чести. Особенно важны слова *хунар* «ремесло, мастерство», *истеъдод* «талант», *боақл* «умный», *доно* «знающий», *бообрӯй* «уважаемый», *баходур* «храбрый». Они входят в оценочное поле таджикского речевого этикета и показывают, какие качества традиционно признаются достойными похвалы.

Комплимент в таджикской прозе не ограничивается личными качествами человека. Положительная оценка может относиться к месту жительства, родному краю, одежде, украшениям, имени, семье, происхождению и другим материальным или духовным ценностям. В таких случаях комплимент выходит за пределы индивидуальной характеристики и становится частью более широкой культурной оценки. Ср.:

Хайр, ҳоло шумо меҳмони ман... Шумо на фақат меҳмони азизи ман, балки зиедтар аз он... Рафтем, ба макони бобоенамон, ба кӯҳсорҳо.

[Ну, теперь вы мой гость... Вы не просто мой дорогой гость, а больше того... Пойдем к нашему дедовскому месту, в горы] [Ш. 36, 226]

Сад шуқр, ки Худо ба ин рӯзу ба ин макони гарм расонд. Обу ҳаво, офтобу мевааш ҳузури ҷон. Бояд тинчу осуда қору зиндагӣ кунему ватанро обод кунем.

[Сто раз благодарение Богу, что Он довел нас до этого дня и до этого теплого места. Воздух, солнце и плоды здесь – радость для души. Нужно спокойно жить, работать и обустраивать родину] [Ш. 1, 182]

Бинед, рафиқони колхозчиен, ин ҷанната дидед? Дар як рӯз сохта шуд, то ҳатто дар чанд соат!

[Посмотрите, товарищи колхозники, видели этот рай? Он был построен за один день, даже за несколько часов!] [Ш. 27, 280]

Ман бо ҳавас ба он либоси дар мо расмишуда ва камеб нигаристаму шумо фавран гуфтед: – Ку, як бор бипӯш. – Чӣ даркор? Барои янгаам? – Мебинам, барои кӣ мувофиқ аст... Ман он борониро пӯшидам, мувофиқи қадду басти ман, шинам ва зебанда буд.

[Я с желанием посмотрела на эту модную у нас и редкую одежду, а вы сразу сказали: – Ну– ка, надень один раз. – Зачем? Для невестки? – Посмотрю, кому она подходит... Я надела этот плащ: он подошел мне по росту и фигуре, сидел удобно и красиво] [Ш. 8, 235]

Ин гӯшвор, ҷони холеш, ба шумо ҷунон мезебад, ки ваҳ– ваҳ, шишта тамошо кунам, мегӯӣ.

[Эти серьги, душа тетушки, так вам идут, что хочется сидеть и любоваться] [Ш. 12, 306]

Ҳамшаҳрӣ, ассалом! – гуфта, овози ҷарангосии ӯ дар гӯшам нишаста монда буд. Латиф!.. дар ҳақиқат номи зебо. Муносиби соҳибаиш. Хандаи вай, шармидани вай латиф аст.

[– Земляк, здравствуй! – сказал он, и его звонкий голос остался у меня в ушах. Латиф!.. действительно красивое имя. Подходящее своему обладателю. Его смех, его застенчивость – тоже латиф, нежны] [Ш. 36, 162]

Рӯзе мо – ҳар ду оила месозем, – гуфта сар кард Латиф, – хонаи худамон мешавад, фарзандонамон ҳам мешаванд. Ман ҳатто барои онҳо номҳои хушрӯ интихоб карда мондаам... Орзуҳои ман ана ҳамин.

[Однажды мы оба создадим семью, – начал Латиф, – у нас будет свой дом, будут и дети. Я даже уже выбрал для них красивые имена... Вот такие мои мечты] [Ш. 36, 178]

В таких случаях положительная оценка распространяется не только на самого адресата, но и на связанный с ним жизненный круг: дом, родину, одежду, имя и представление о будущем семьи. Фразы *меҳмони азиз* «дорогой гость», *ҷаннат* «рай», *зебанда* «красивый, подходящий», *номи зебо* «красивое имя» показывают, что комплимент может укреплять связь человека с местом, вещью, родом, семьей и культурной памятью. Такая похвала не обязательно звучит как прямой комплимент, но выполняет ту же этикетную функцию: создает теплый тон общения и подтверждает ценность адресата или связанного с ним явления.

По направленности комплимент может быть обращен непосредственно к адресату, к самому говорящему, к близкому человеку или к незнакомцу. В каждом случае меняется не только лексика, но и тон: прямой комплимент чаще требует сдержанности, похвала близкому человеку допускает ласковую эмоциональность, а комплимент незнакомцу строится осторожнее и часто имеет описательный характер. Для примера сравните следующие предложения:

Ҳозир равост, ки он асбоби иморат, олоти ободкорӣ аслиҳаи интиқом бошад... Бархез, писар, ту паҳлавонӣ.

[Теперь пришло время, чтобы этот строительный инструмент, орудие созидания, стал оружием возмездия... Вставай, сынок, ты богатырь] [Ш. 27, 265]

Отун Гулнораро навозишкунон гуфт: – Оча, догамонро не, тӯямонро мебинед гӯй, духтари зебо!

[Отун, лаская Гулнору, сказала: – Мать моя, скажите: не горе наше увидите, а свадьбу нашу, красивая девушка!] [Ш. 28, 92]

Худоро шукр, ҳоло ман ризқи худамро ефта метавонам ва ба ошу нони шарикӣ муҳтоҷ нестам.

[Слава Богу, теперь я могу сам добывать свой хлеб и не нуждаюсь в общей еде] [Ш. 28, 82]

Ман бо тамоми ҳастиям садои онро ҳис мекунам, мешунавам. Ии дили хурдакаки ман бо садои заифи худ ҳар зарби ўро такрор мекунад, мехоҳад бо дили ў ҳамсадо бошад... Ман ўро сахт огуш мекунам.

[Я всем своим существом чувствую этот звук, слышу его. Мое маленькое сердце своим слабым голосом повторяет каждый его удар, хочет звучать в унисон с его сердцем... Я крепко обнимаю его] [Ш. 22, 383]

Бобочон, чӣ ин қадар ба фикр рафтед? Шохмолаю чигина гуфтеду хап шудед. Ман ҳам медонам: боз шабдарав, боз хирманкӯбӣ буд... – Эҳ, ҷони азизи бобо, охир бе аспу ароба, барзагову шохмола кӯҳистони мо файзу баракат надорад.

[Дедушка, о чем вы так задумались? Сказали про шохмола и чигина – и замолчали. Я ведь тоже знаю: снова ночная жатва, снова молотьба... – Эх, дорогая душа дедушки, без коня и арбы, без быка и шохмола наши горы не имеют благодати] [Ш. 30, 266]

Омадӣ? Садқаи қадамҳот мешавам, бачам. Шарифҷони мана ҳамроҳат наовардӣ?

[Ты пришел? Да буду я жертвой твоих шагов, дитя мое. Моего Шарифчона с собой не привел?] [Ш. 4, 304]

Сабаб чист, ки Мухтор, фарзанди ҳамин хел зани меҳрубон, муаллимаширо, Нусрат Даврони табиатан содаву дар муомила ба мардум ниҳоят мулоимро ранҷонд имрӯз?

[Почему Мухтор, сын такой доброй женщины, сегодня обидел своего учителя Нусрата Даврона, человека по природе простого и чрезвычайно мягкого в обращении с людьми?] [Ш. 23, 62]

Уфе, ҳайфи зани нозанин. Агар болои сар Худо бошад, – наузанбиллоҳ, шаккоқӣ кардам.

[Уф, жаль такую прекрасную женщину. Если над головой есть Бог, – да простит Он, я усомнился] [Ш. 1, 135]

Эти примеры показывают, что комплимент в таджикской прозе имеет разные способы выражения: он может быть прямым или косвенным, адресованным близкому собеседнику либо произнесенным о человеке в его отсутствие. В формуле *ту паҳлавонӣ* «ты богатырь» положительная оценка звучит как побуждение к действию. В обращении *духтари зебо* «красивая девушка» похвала смягчена ласковым тоном. Формулы *садқаи қадамҳот мешавам* «да буду я жертвой твоих шагов» и *ҷони азизи бобо* «дорогая душа дедушки» относятся к эмоционально насыщенным выражениям близости. Они показывают, что в таджикской речи комплимент часто не отделен от ласкового обращения и благопожелания.

Комплимент строится не только на именных частях речи. Глагол также играет важную роль, поскольку через него задается временная перспектива

оценки. Комплимент может обращаться к прошлому поступку, к устойчивому качеству человека или к его настоящему поведению. Поэтому в материале выделяются формулы с прошедшим и настоящим временем. К примеру,

Хайрӣ ба ҳама меҳрубон буд. Ҳеч касро ягон бор намеранҷонд. Меҳрубониш ӯ хоҳарона, ҳатто модарона буду гамхорӣ ва дилсӯзии ӯ ҳамаро водор менамуданд, ки иззату ҳурматаш кунанд.

[Хайрӣ была добра ко всем. Она никогда никого не обижала. Ее доброта была сестринской, даже материнской, а заботливость и сострадание заставляли всех уважать и почитать ее] [Ш. 21, 40]

Чавобат оқилона буд, – сукутро вайрон карда гуфт Гриша– амак.

[Твой ответ был разумным, – нарушив молчание, сказал дядя Гриша] [Ш. 2, 202]

– Ба ягон кас фурушед, – таклиф намудам содалавҳона. – Ту, масалан, агар фурушам, мехаридӣ? – лабханд намуд ӯ. – Не, – чавоби қатъӣ додам. – Боракалло! Одами баақл намехарад. Муфт диҳам ҳам, намегирад.

[– Продайте кому–нибудь, – простодушно предложил я. – А ты, например, если бы я продавал, купил бы? – улыбнулся он. – Нет, – твердо ответил я. – Боракалло! Умный человек не купит. Даже если дать бесплатно, не возьмет] [Ш. 21, 23]

Формулы с прошедшим временем фиксируют уже проявившееся качество или совершенный поступок: *меҳрубон буд* «была добра», *намеранҷонд* «не обижала», *чавобат оқилона буд* «твой ответ был разумным». Настоящее время чаще связано с непосредственной реакцией в диалоге: *одами баақл намехарад* «умный человек не купит». Глагольная форма помогает определить, относится ли комплимент к устойчивой характеристике личности, к прошлому опыту или к конкретному моменту общения.

Семантика комплимента определяется не только лексическим значением слов и грамматической формой, но и интонацией высказывания, характером

речевой ситуации и отношениями между собеседниками. Поэтому при анализе формул комплимента необходимо учитывать тон речи, который существенно влияет на восприятие оценки адресатом. Одни и те же оценочные слова могут звучать серьезно, ласково, иронически, резко или двусмысленно. В таджикской культуре предпочтительной считается мягкая и сдержанная тональность, однако художественная проза показывает разные варианты: серьезный комплимент, шуточный комплимент, резкий комплимент и комплимент, соединенный с антикомплиментом. В этом отношении можно опереться на классификацию А. И. Бирюлиной, где выделяются серьезный, юмористический, грубый и ответный комплимент [I. 33, 89– 90]. В таджикской речевой практике встречаются различные типы комплимента, среди которых можно выделить серьезный, юмористический и резкий комплимент, а также оценочные высказывания, сочетающие элементы комплимента и антикомплимента. Например,

Вай ба ман мисли аксари калонсолон ҳавобаландона, назарногирона не, балки ба тарзи ҷиддӣ, гӯе маро мисли худаш бофаҳму рамуз дониста гап мезад.

[Он разговаривал со мной не высокомерно и не пренебрежительно, как большинство взрослых, а серьезно, словно считал меня таким же понимающим и догадливым, как он сам] [II. 20, 337]

Серьезный комплимент не всегда оформлен как открытая похвала. В данном примере уважение выражается через сам способ разговора: взрослый не унижает ребенка, а говорит с ним как с равным по пониманию. Для речевого этикета такая форма оценки особенно значима, поскольку достоинство адресата подтверждается не только словами, но и манерой общения.

Кошки духтарча мешудед, ба гапи аз худ калон гӯи медодед! – гуфт хола Анбар нимҳазлу нимҷиддӣ. – Биеед, даҳшатро бо чаими худатон бинед! Лекин шарт ҳамин ки овоз намебароред, пешхезӣ намекунад, рӯятонро ба касе нишон намедихед! Фақат ба имою ишораи ман итоат карда қадам мемонед!

[Вот были бы вы девочкой – слушались бы старших! – сказала тетя Анбар полушутя– полусерьезно. – Пойдемте, увидите все своими глазами! Но условие такое: не издавать ни звука, не идти вперед, никому не показывать лица! Будете шагать только по моим знакам и жестам] [II. 30, 166]

Баъд дараки он занакро дод: аз фалон тиреза қад боло карда нигоҳ кунед, рангаи ин, либосаи ин, номаи Нина Сергеевна... Ин тавр, ки гуфт, иттифоқан, як рӯз рафта аз тирезаи он мардак гуфтагӣ нигоҳ кунам, ин кас дар пеши ҳамон занак, ким– чиҳо гуфта, хандида, шӯҳӣ карда истодаанд...!

[Потом он описал ту женщину: посмотрите из такого-то окна, такая внешность, такая одежда, зовут ее Нина Сергеевна... После этих слов однажды я случайно подошел и посмотрел из указанного окна: этот человек стоял перед той женщиной, что-то говорил, смеялся, шутил...] [II. 30, 36]

Юмористический комплимент строится на легком напряжении между похвалой и шутливой критикой. Он не разрушает уважительный тон, но делает речь живой и эмоциональной. В таких случаях многое зависит от интонации и отношений между участниками общения: без доверия шутка может быть воспринята как укол, а при близости она поддерживает непринужденность.

Ин одам гапа намефаҳмад... Ҷӣ, ман даҳ ҳазор доллар дода раис шудам. Пул бошад, соҳиби мулки бегона ҳам нафс дорад. Дӯстҳои қадима дорам дар Русия. Кушандаро ефтан лозим. – Ҳамон кушанда Худост. Ба чунин рӯз расонд; лозим донад аз зиндон ҳам озод мекунад. – Ин беақли таппа тайерку, муаллима? – Ин кас одами дурандеш, Ҳочӣ– раис. Мурад ҳамин пул...

[Этот человек не понимает... Эй, я дал десять тысяч долларов и стал председателем. Если есть деньги, то и владелец чужого имущества имеет желание. У меня есть старые друзья в России. Нужно найти убийцу. – Тот убийца – Бог. Он довел его до такого состояния; если сочтет нужным, и из тюрьмы освободит. – Этот совсем глупец, учительница? – Этот человек дальновидный, Ҳочӣ– раис. Ему нужны именно деньги...] [II. 24, 322]

Ин хел нагӯед, раис. Шумо мана ҳақорат мекунад. Ман андак– мандак не. Як феълам гирад, олама чапта мегардонам.

[Не говорите так, раис. Вы меня оскорбляете. Я не кто-нибудь. Если меня возьмет мой характер, я весь мир переверну] [II. 24, 298]

В этих фрагментах оценочная речь находится на границе комплимента, упрёка и самоутверждения. Формула *одами дурандеи* «дальновидный человек» внешне звучит положительно, но контекст делает ее напряженной: похвала употреблена в ситуации подозрения, расчета и конфликта. Это показывает, что комплимент в художественной речи не всегда сохраняет чисто доброжелательный характер. Он может использоваться как средство давления, защиты, иронии или скрытой оценки.

Дар як лаҳза Бақочон, ки аз таърифу боло бардоштани нозир якбора худро ҳақиқатан қаҳрамони далери беҳамто пиндошта, хеле руҳбаланд шуда буд, дар ҳаққи ӯ чизи бисереро фикр кард... Ана имрӯз бошад, Бақочонро ҳурмат ва тавозуъ мекунад, ӯро қаҳрамон, ӯро далер ва тавоно ва инқилобчи сурх меноманд. Худи нозири дохилия, дар хонаи хоси худ бо вай нишаста, суҳбат мекунад... Ин хел одам ба дарди ҳар кас даво ефта метавонад!

[В одно мгновение Бақочон, которого похвала и возвышение со стороны инспектора заставили почувствовать себя по-настоящему храбрым и неповторимым героем, сильно воодушевился и многое подумал о нем... Сегодня же Бақочона уважают и почитают, называют героем, храбрым, сильным, красным революционером. Сам инспектор внутренних дел сидит с ним в своем доме и беседует... Такой человек может найти лекарство от любой боли!] [II. 30, 92]

Ман шунида будам, ки дар ин ҷо арзи мардҳоро ҳам шунида, ба дардашон дармон медодаед ва аз дасти афтодагон медоштаед... Ман шунидам, ки шумо ба арзи дармондагон гӯи дода, роҳи наҷот нишон медодаед... барои ҳамин чуръат кардаму омадам...

[Я слышал, что здесь вы слушаете жалобы людей, находите лекарство от их боли и поддерживаете упавших... Я слышал, что вы выслушиваете

страдающих и показываете путь спасения... поэтому я осмелился прийти...]
[Ш. 30, 29]

Комплимент, соединенный с антикомплиментом или скрытым расчетом, показывает сложность речевой оценки. В первом случае похвала возвышает героя настолько, что он начинает иначе воспринимать самого себя. Во втором похвала адресата служит средством подготовки просьбы. Здесь особенно заметна прагматическая сторона жанра: комплимент может быть искренним, но может также выполнять функцию речевого хода, помогающего говорящему добиться расположения собеседника.

Комплимент как жанр речевого этикета не завершается самой похвалой. Он предполагает ответную реакцию адресата, и именно она показывает, принят ли комплимент, вызвал ли он радость, смущение, доверие, недоверие или внутреннее сопротивление. В таджикской культуре прямое принятие похвалы не всегда считается уместным: адресат может смущаться, переводить разговор, благодарить, отказываться от чрезмерной оценки или воспринимать похвалу как неискреннюю. Поэтому структура жанра включает два компонента: формулу комплимента и реакцию на нее, в частности позитивную реакцию и негативную или сомнительную реакцию. Для примера приводим следующие фрагменты таджикской прозы:

Аҷаб писаратон ҳаст, усто! Худо ба умраиш барака диҳад, – таъриф карда маро дар хиҷолат гузошт ӯ. – Аз миен базӯр ду моҳ гузашту ҳунарманди нағз шуд. Ана ин корҳои ӯро гирифта бинеду худатон баҳо диҳед. Даҳ дасти писаратон ҳунар, аммо як илтимос, хононед. Ӯ китоб мехонаду ман ҳузур мекунам.

[Какой у вас замечательный сын, усто! Да благословит Бог его жизнь, – похвалил он, смутив меня. – Прошло едва два месяца, а он стал хорошим мастером. Возьмите его работы, посмотрите и сами оцените. У вашего сына десять рук мастерства, но одна просьба: учите его. Он читает книгу, а я получаю удовольствие] [Ш. 21, 29]

В этом примере комплимент вызывает смущение, но не отторжение. Похвала построена на нескольких уровнях: сначала звучит общая оценка сына, затем религиозное благопожелание *Худо ба умраи барака диҳад* «да благословит Бог его жизнь», далее указывается конкретное основание похвалы – быстрое овладение ремеслом. Такая структура делает комплимент убедительным: он не выглядит пустым, потому что связан с реальным трудом и видимым результатом.

Ҳамин хел шуду усто Мухтор аз зану фарзандонаш тамоман рӯ гардонд. Ҳаммаҳалла ва ҳамкасабаҳои шиноси вай аз ин воқеаҳои ба сари ин оила омада хеле таассуф мекарданд, вале «пири дастгири усто» эшони Муродхон ва одамони ӯ бошанд, ин рафтори ҷоҳилонаи «муриди» худро рафтори марди бономуси ориятнок дониста, ӯро таърифу тавсиф менамуданд.

[Так случилось, что усто Мухтор полностью отвернулся от жены и детей. Его знакомые соседи и коллеги очень сожалели о бедах, постигших эту семью, но «духовный покровитель усто» эшони Муродхон и его люди считали это невежественное поведение своего «мюрида» поступком честного и гордого мужчины и восхваляли его] [II. 28, 120]

Данный фрагмент показывает отрицательную сторону похвалы. Положительная оценка здесь направлена на поступок, который в нравственном плане вызывает осуждение. Поэтому похвала не объединяет людей, а обнажает ценностный разрыв между разными группами. Для анализа речевого этикета это особенно важно: сама форма похвалы еще не гарантирует ее этической правильности. Комплимент и похвала получают значение только внутри конкретной нравственной и социальной ситуации.

Материал таджикской прозы XX– XXI веков показывает, что формулы комплимента, похвалы и ответной реакции образуют сложный и внутренне разнообразный пласт речевого этикета. Они могут быть прямыми и косвенными, серьезными и шутливыми, мягкими и резкими, искренними и прагматически мотивированными. Их объектом становятся внешность, ум,

талант, мастерство, смелость, доброта, имя, одежда, родной край, социальное положение и поступки человека.

В таджикской культуре комплимент тесно связан с нормой речевой меры. Доброе слово ценится высоко, но чрезмерная похвала может восприниматься как лесть. Поэтому в художественной прозе часто встречаются формы косвенной оценки, благопожелания, ласкового обращения, образного описания и похвалы через поступок. Такая форма позволяет выразить уважение, не нарушая границ скромности и культурной сдержанности.

Ответная реакция на комплимент имеет не меньшее значение, чем сама похвала. Она показывает, как адресат воспринимает сказанное: принимает его, смущается, сомневается, отвечает благодарностью, молчит или внутренне отвергает оценку. В этом отношении жанр комплимента является двусторонним речевым действием, где важны не только слова говорящего, но и состояние слушателя.

Развитие формул комплимента и похвалы связано с изменением таджикского литературного языка, социальной среды и художественной речи. Однако их основная функция остается устойчивой: они помогают установить доброжелательные отношения, поддержать уважение, смягчить общение, выразить признание достоинств человека и сохранить национальную культуру речевой вежливости. Именно поэтому формулы комплимента, похвалы и ответной реакции занимают важное место в жанровой классификации таджикского речевого этикета.

2.2.3. Формулы просьбы, поздравления, извинения и утешения

В речевом этикете жанр просьбы отличается своим содержанием и вызывает интерес как у говорящего, так и у слушающего. Изучением этого жанра занимались советские лингвисты, и до настоящего времени его лингвистические и экстралингвистические аспекты рассматривались на основе изученных материалов.

Просьба – это речевой акт, исполнение которого зависит от адресанта, то есть просьба не всегда может быть выполнена адресантом, который считается ее исполнителем и не обязан обязательно выполнить просьбу. Жанр просьбы украшен устойчивыми образцами, выражающими уважение и искренность, а также языковыми формами и фразами, которые являются лучшим средством для формулирования просьбы, обогащая композицию текстов просьб.

Анализ текстов таджикской литературы показывает, что образцы этикета, используемые в жанре просьбы, являются средством выражения вежливости. В качестве часто используемых слов и фраз в жанре просьбы можно привести следующие: *агар имкон бошад* – «если возможно, кабан сипосгузорам «заранее благодарен», мархамат «пожалуйста», «лутфан» «будьте добры», агар мушкил набошад «если это не проблема», бародарӣ кунед «будьте братом», захмат нашавад «не стоит беспокоиться» и тому подобное.

В жанре просьбы цель обращения заключается в проинформировании адресата о его личных целях и интересах в решении конкретных вопросов, а также побудить его к тому или иному действию. Поэтому, обращаясь с просьбой, предпринимается попытка угодить адресату и быть ему приемлемым, чтобы поднятый вопрос был решен позитивным образом. Цели просьбы в этом контексте следующие: достижение выполнения задачи (избежать отказа); «сохранение лица» адресата (стратегия самосознания); установление или поддержание хороших отношений посредством общения (стратегия сотрудничества).

В жанре просьбы средства выражения разнообразны, их примеры широко приставлены в произведениях искусства. Следует отметить, что моральный аспект в этом жанре является основной темой обсуждения, поскольку построение диалога в этом жанре связано с таджикской этикой и этикетом. Лексический состав таджикского языка богат красивыми словами и

фразами, которые могут быть использованы в жанре просьбы по мере необходимости. Например,

– *Халифаатон илтимос мекунад, ки як ба тӯйхона дароед.*

– *Супориши халифа бошад, ба ҷону дил, – гуфтам, – он касро хеле боз надидаам. Муборакбод ҳам кардан даркор.*

– *Албатта, албатта. Аз омадани шумо ҷудо хурсанд шуд, канӣ, марҳамат, – Нурмуҳаммад ба пеш гузашта, маро ба тӯйхона, яъне ба хонае, ки арӯс оварда мешавад, сар карда даровард / «»*

[– Ваш халиф просит вас войти в свадебный зал.

– Просьба халифа искренна, – сказал я, – я давно не видел этого человека. Также необходимо его поздравить.

– Конечно, конечно. Он был очень рад вас видеть, пожалуйста, – Нурмухаммад шагнул вперед и проводил меня в свадебный зал, то есть в дом, куда приводят невесту]/ «[Ш. 21, 56];

– *Хайр, Нигори бобо, намегӯям. Лекин аз ту ҳам якта хоҳиш дорам. Бигӯям?*

– *Марҳамат, бобочон, бигӯед.*

– *Аввал ин ки аҳл бошад. То охир. Хайр?*

– *Хуб, бобочон /*

[– До свидания, дедушкин Нигори, я ничего не скажу. Но у меня есть еще одна просьба к вам. Сказать вам?

– Пожалуйста, бабушка, скажите.

– Прежде всего, будь вежлив. До конца. До свидания?

– До свидания, бабушка] [Ш. 27, 235];

Султоналихон нафаси озодонае гирифта гуфт:

– *Хайр, як еру бародарӣ мекунетон– дия! Қаровулӣ– мӣ, фаррошӣ– мӣ – ҳар чӣ бошад, майлаш, ба ягон ҷо дароварда монетон! Мо ҳам, охир, ба самъи ҷанобашон арз кунам, ки қарздор шуда намемонем.*

[Султаналихан глубоко вздохнул и сказал: – Ладно, будьте братьями! Стражником ли, уборщиком ли – что бы ни было, куда–нибудь устройте!

Мы, наконец, тоже хотели бы заявить Вашему Превосходительству, что не останемся в долгу] [П. 20, 422]

Формулы обращения используются в зависимости от условий отношений и ситуации разговора; к ним относятся слова и фразы, широко используемые в таджикском языке при обращении с просьбами. Сравните следующие примеры, *хоҳиш мекунам* «я прошу», дархости ман ҳамин аст «это моя просьба», дастгирӣ кунед «поддержите», мусоидат кунед «содействуйте» и тому подобное. Некоторые формулы обращения в последние годы стали более распространены в разговорной речи, примеры которых редко встречаются в произведениях искусства, а иногда и вовсе отсутствуют. Группа слов и фраз в жанре просьбы отличается красочностью и изысканностью как по смыслу, так и по стилю. К примеру, *илтимосу зорӣ мекунам* «умоляю», *ба хотири Худо* «ради Бога», *раҳм кунед* «помилуйте», *имкониат диҳед* «дайте мне шанс» и т. д. Сравните следующие примеры:

–Асари олицаноб! Офарин! Ба ҳама маъқул мешавад. Истед, ки кай дӯхта тамом карда будед?

[– Замечательная работа! Отлично сделано! Всем понравится. Подожди, когда ты закончила шить?] [П. 21, 58]; *Дилам сахт– сахт мезад. Акнун ман аз ин ҷо сиҳат саломат намебароям. Худое, худовандо, ба дили инҳо раҳм андоз* [Сердце мое билось быстро. Теперь я не уйду отсюда целой и невредимой. О Боже, о Боже, помилуй сердца этих людей] [П. 20, 329];

– Аз рӯятон гардам, аввал як бор ба даст гирифта хонед, нафурӯшед, табъатон, – зорӣ мекунад Муллофахрӣ.

Вофурӯш қогазро гирифта, хондан замон пора– пора мекунад.

– Шумо вайро дарронда партоед ҳам, аз еди ман намеравад, – мегӯяд Муллофахрӣ. [– Простите, сначала возьмите это в руки и почитайте, не продавайте, глупцы, – умоляет Муллафахри. Продавец берет бумагу и, читая ее, рвет ее на куски. – Даже если вы выбросите ее, я не забуду ее», – говорит Муллафахри] [П. 21, 66]

В жанре просьбы, хотя просьба и высказывается, ее выполнение не является обязательным во всех случаях. Также нет ограничений на использование коммуникативных схем. Наряду с просьбой, может также присутствовать обещание и вручение подарков и вознаграждений. Например, просьба типа *илтимос* «я прошу», *хоҳед, пул медиҳам, е ягон хизмат мекунам* «если хочешь, я дам денег или окажу какую-то услугу» и т. д. Например,

– *Гуноҳи модарамро баҳи, Парвона, илтимос... хоҳиш мекунам.*

– *Хайрият, ки омадӣ, нағз шуд...*

– *Чӣ гуфтаниш ту? Маро азоб надех, гап зан.*

– *Илоҷи дигар надорам, ман ӯро намехоҳам.*

[– Прости грех моей матери, Парвона, пожалуйста... умоляю тебя.]»

– Хорошо, что ты пришла...

– Что ты говоришь? Не мучай меня, говори.

– У меня нет другого выбора, он мне не нужен]. «[Ш. 17, 466];

Салим, мешунавӣ, ин пирхар чӣ мегӯяд? Душмани ману ту қатиамон будаасту мо беҳабар. Вайро ҳоло худат як хору мол кун, пагоҳ он тарафаширо ман худам ҳал мекунам.

– *Ман безор, раис, аз ҳамин вазифаи ту додагӣ.* [– Салим, ты слышишь, что говорит этот старик? Он наш заклятый враг, а мы об этом не знаем. Уговори его сейчас, а завтра я сам разберусь с другой стороной.]»

– Я устал, председатель, от этой самой задачи, которую ты мне поручил] [Ш. 17, 478].

В жанре просьбы часто используются повествовательные предложения, в которых, наряду с именными частями речи, важную роль играют и глаголы. Вместе они образуют устойчивые формулы жанра просьбы. Например,

– *Хоҷа, ту биравӣ, аҳволи мо чӣ мешавад? – дам ба дам мепурсид Бебок. – / Моро ятим, хору зор накун, Хоҷа. Ба худо, ки ин ҷо бе ту зеб надорад. – / [Ходжа, ты уйдешь, что с нами будет? – время от времени спрашивал Бебок.*

– Не делай нас сиротами, жалкими, Ходжа. Клянусь Богом, это место опустеет без тебя] [Ш. 1, 110];

– *Фил, илтичо дорам, аз барои Худо, дигар гамам надихен.*

– *Бихез, пирхар, номардӣ накун! – бо ханда сиесат кард ӯро. – Озодат мекунад– ку.* [– Фил, умоляю, ради Бога, не мучайте меня больше. – Вставай, старик, не будь трусом! – ругал он его со смехом. – Тебя собираются освободить]. «[Ш. 1, 192].

В формулах жанра просьбы особенно активно употребляются глаголы, поскольку именно они передают побудительное значение высказывания и выражают стремление говорящего воздействовать на адресата. С помощью глагольных форм реализуются просьба, пожелание, совет, разрешение, убеждение или смягченное требование. В таджикском речевом этикете глаголы формируют смысловое ядро подобных конструкций и обеспечивают их коммуникативную направленность. Наиболее часто используются формы повелительного наклонения, вежливо-смягченные конструкции и глаголы со значением обращения к адресату: *кӯмак кунед* «помогите», *иҷозат диҳед* «разрешите», *марҳамат кунед* «будьте добры», *фаромӯш накунед* «не забудьте», *гӯш кунед* «послушайте». Благодаря таким глагольным формам просьба приобретает более корректный, уважительный и этикетно приемлемый характер. Например,

– *Шафоатҷон, зудтар, паҳлавони оча, ҳаво хунук, боз шамол нахӯрӣ... – пойҳои урени ӯро аз зону поен афшонда, бо меҳрубонӣ зорӣ мекунад модараш.*

[– Шафоатжон, поторопись, мамин богатырь, холодно, еще не простудишься... – ласково умоляет его мать, отряхивня его ноги ниже колен / – [Ш. 30, 301];

– *Ин хел нагӯед, амак. Ҳамааш айби ман, аз гуноҳам гузаред, – хичил шуда гуфт Ориф. – Чӣ хел шуд, ки.* [– Не говорите так, дядя. Это все моя вина, простите меня, – смущенно сказал Ориф. – Как так получилось, что...] [Ш. 30, 326].

Наряду со словами и фразами, для выражения просьб также используются вопросительные предложения, которые образуются с помощью местоимений *ту* «ты» *ва шумо* «вы». Сравните следующие примеры:

– *Рафтем, Хоҷа, имрӯз ба хаелам, партия ва ҳукумат аз ту беҳад миннатдор шуд.* [Пойдем, Ходжа, сегодня, я думаю, партия и правительство были тебе чрезвычайно благодарны] [Ш. 1, 192];

Сипас, ба Нусрат Даврон нигарист; сард буд нигоҳаш. – Ман аз шумо як илтимос дорам, – ҷиддӣ гуфт ӯ ба муаллим. – Канӣ, шунавем, – ба Мухтор назари суол дӯхт Нусрат Даврон. – Вақте ки ду кас гап мезананд, миени суханро нашиканед, – гуфт Мухтор, рафту ягонтааш – одами зинда– дия! – хато кунад ҳам, насиҳат нахонед. [Затем он посмотрел на Нусрата Даврона; его взгляд был холодным. – У меня к тебе просьба, – серьезно сказал он учителю. – Давай послушаем, – вопросительно посмотрел Нусрат Даврон на Мухтара. – Когда двое разговаривают, не перебивайте, – сказал Мухтар. – Вдруг даже один из них – пусть даже живой человек! – совершит ошибку, не давай ему советов] [Ш.23, 41];

– *Ҳукми аввалро бе гуноҳ ба гардани ман часпонданд. Ҳеч касро озор надода будам. Вале акнун чун инсон маро бифаҳмед: аз шумо хоҳиш дорам, ки талабамро рад накунад. Ба ман ҳукми қатл диҳед, ҳукми қатл! Агар тезтар бипаронедам, аз ҷониби шумо як шафқату инсондӯстии олий хоҳад шуд.* [Первый приговор был вынесен мне без всякой вины. Я никому не причинил вреда. Но теперь поймите меня как человека: я прошу вас не отказывать мне в моей просьбе. Вынесите мне смертный приговор, смертный приговор! Чем раньше застрелите меня быстрее, это будет великим актом милосердия и гуманности с вашей стороны] [Ш. 1, 161]

В жанре просьбы обращение строится на основе степени знакомства, и для незнакомца шаблоны формируются с использованием слов «Извините», «Прошу прощения» и тому подобное. Например,

– *Албатта, ин гумони маро ба дил сахт нигаред, агар галат мекунам, қаблан маъзарат мехоҳам, аммо лаҳзае ба ҷойи ман худро гузореда нигаред... Охир,*

умрам бино гаит, бори нахуст дасти маро марде дар кафи дастони худ гирифта мефишурд! Бори нахуст!.. Мо дар деҳа агар бо чинси мард даст дода вохӯрӣ кунем, фақат бо наздикону пайвандони худ... Кош, он рӯз ин маъниро мефаҳмидеду вазъи мани бечораро идрок мекардед! [– Конечно, не принимайте близко к сердцу мои мысли, если я ошибаю, заранее прошу прощения, но поставьте себя на минутку на мое место и посмотрите... Ведь моя жизнь изменилась, впервые мужчина взял меня за руку и сжал ее! Впервые!.. В деревне, если мыжимаем руку мужчине при встрече то только с своим родным и родственникам... Если бы, тогда знали это и поняли мое бедственное состояние!] [II.8,231].

В состав жанровых формул просьбы в литературных произведениях, изданных на таджикском языке, входят разные части речи, существительное, инфинитив, глагол, и каждая из этих частей речи играет важную роль в формировании речевых формул жанра просьбы. Например,

– Аз рӯятон гардам, Собир ако, – илтиҷо мекард косиб, ҳарчанд ки аз харбузафурӯш хеле калонсолтар менамуд – тилло магир, дуо гир, дуо магар тилло не? – гуфтаанд. Илоҳо, якатон даҳ шавад, ако, як хомакча– дия, ҳеҷ қисса не. Ҳалкоса карда, дар ҳаққатон дуо мекунем, – ӯ харбузаи майдари ба рӯи каф гирифта ба харбузафурӯш наздиктар мебурд. [– Умоляю Сабир, – просил земледелец, хотя выглядел он гораздо старше продавца дынь, – не бери золото, возьми молитвы, разве молитва не золото? – говорят. О боже, пусть умноживая десять раз, брат, одна маленькая девочка, никакой истории. «Мы молимся за вас», – сказал он, взяв в ладонь маленькую дыню и поднеся ее поближе к продавцу дыни] [II. 21, 74];

– Меҳмон, аз шумо як чизро пурсам, малол намебиеяд– мӣ? Барака ебед. Шумо чандсола? Ин хел бошад, медонед. Дар Хучанди шумо Саидҷӯлоқи нонвою Ашӯрбои каботи танӯрипаз, Тӯхтабои мастоваю Мири ошпаз буданд. Ҳамонҳа ҳоли ҳам саломат-мӣ. [– Гость, я хотел бы спросить вас об одном, вы не против? Будьте благословенны. Сколько вам лет? Тогда знаете. В Худжанде были пекарь Саидчулак, повара: Ашурбой – шашлычник,

Тухтабой– мастер мастава (рисовчй суп), Мир– мастер плова. Они все еще жива – здоровы? [Ш. 21, 12]; – Биеед, додо, хона дароем, – гуфт Икбол, ки маро аз оринчам гирифта, ба меҳмонхона ҳидоят мекард. [– Давай, папа, пойдём в дом, – сказал Икбал, взяв меня за локоть и поведя в гостинную] [Ш. 23, 45]; *Муш, ҳолаш бад, ба овози нурилтичову гиряомез пичиррос зад:*
– *Пирам, пеши пот мурам, масхара накун, бе ин ҳам дилам зардоб аст.* [Мышка в плохом настроении прошептала умоляющему и плачущему голосу: – Старик, пусть я умру у твоих ног(умаляю), не смейся надо мной, у меня и так сердце болит] [Ш. 117, 117].

Анализ и обзор жанра просьбы на примере произведений искусства таджикского языка показывает, что в словосочетаниях и предложениях, используемых для просьбы, глагол употребляется в форме настоящего времени второго лица единственного числа и множественного числа. Наряду с глаголами и другими именными частями речи в составе диалогических формул жанра просьбы широко используются и причастия. Например,
– *Ҳайрон нашавед, муаллим. Боз хоҳиш мекунам бо усули нав муодиларо ҳал намоед, – такрор кард Сафарали, бо ҳамон хунсардии пешина.*
[– Не удивляйтесь, учитель. Еще раз прошу вас решить уравнение новым методом, – повторил Сафарали с тем же хладнокровием, что и раньше] [Ш. 30, 245];

Сипас, ба Нусрат Даврон нигарист; сард буд нигоҳаш. – Ман аз шумо як илтимос дорам, – ҷиддӣ гуфт ӯ ба муаллим. – Канӣ, шунавем, – ба Мухтор назари суол дӯхт Нусрат Даврон. – Вақте ки ду кас гап мезананд, миени суханро нашиканед, – гуфт Мухтор, рафту ягонтааш – одами зинда– дия! – хато кунад ҳам, насиҳат нахонед. [Затем он посмотрел на Нусрата Даврона; его взгляд был холоден. – У меня к вам просьба, – серьезно сказал он учителю. – Давайте послушаем, – вопросительным взглядом обратился к Мухтару Нусрат Даврон. – Когда разговаривают два человека, не перебивайте их, – сказал Мухтар, все таки – живой человек! – даже если он ошибется, не давай советов] [Ш. 23, 41];

Гуфтам– ку: худам садкаи сар, аввал ғами бачаҳо ятро бин – онҳоро хӯрон калон– калон, нағз– нағз пӯшон. [Я же сказал: ладно я, прежде позаботься о своих детях – хорошо их кормит и хорошо одевай] [Ш. 22, 65]

Кроме того, в литературных произведениях, изданных на таджикском языке, встречается просьба в закрытой и скрытой форме, которая не употребляется в устной форме речи. Мы видим что любая просьба осуществляется с соблюдением морали и формирует ее суть. При несоблюдении этого собеседник чувствует дискомфорт, нарушаются нормы вежливости и теряется красноречие, что придает ей командный тон, не характерный для таджикской разговора. Например,

– *Ба ҳар гӯре меравен, ихтиератон, – панҷаҳо яширо ба ҳам совида девонаавзоъ гурид Ғулом ва пӯниса ҳам кард. – Тезтар дафъ шавед!* [«Идите куда хотите, это ваш выбор», – безумно рычал Гулам, скрещивая лапы и приносясь. – Убирайтесь побыстрее!] [Ш. 1, 146];

– *Раҳмон, Ширинбекову туро дар штаб пурсиданд. Ҳар дуятон равед, Меъроҷов интизор!*

– *Штаб дар кучост?*

– *Дар паҳлуи хонаи муаллимон. Меъроҷов таъкид кард, ки зудтар биеянд.*

– *Майлаш, меравем.*

[– Рахмона, Ширинбекова и тебя спрашивали в штабе. Идите оба, Мехроджев ждет!

– Где штаб?

– Рядом с домом учителя. Мехроджев подчеркнул, что они должны приехать как можно скорее.

– Поехал] [Ш. 12, 241];

– *Маро шарманда накун, хез аз ҷоят! – мегуфт модарам ба болои сарам истода. Аз зӯрии алам дилу ҷигарам месӯхт, аслан, ман дирӯз боз мехостам, ки фаред зада бигирям ва ҳоло барои ин баҳонаи хуб ефт шуда буд.* [– Не позорь меня, вставай! – сказала мама, стоя над моей головой. Сердце у меня

разрывалось от обиды и горя, более того, еще вчера мне хотелось кричать, и теперь я нашел для этого хороший повод] [Ш. 36, 187]

Следует отметить, что просьба может принять тон приказа лишь в отдельных случаях, не нарушающих его этики и требований в виде исключения. В том числе, в военной системе формул жанра просьбы имеют командный тон, который является профессиональной просьбой и не нарушает правил речевого этикета. Например,

– *Чӣ шиштӣ, Ширинбеков, зудтар хез! Туро дар штаб мепурсанд. Ин дафъа раҳму шафқат нест, ба нӯстат каҳ ҷой мекунад.* / «– Что ты делаешь, Ширинбеков, вставай быстрее! Тебя спрашивают в штабе. На этот раз пощады нет, с тебя сдерут кожу [Ш. 12, 245]; – *Ҳамаи хоки мусулмонро, ки гирифтаед, баргардонед. То Семипалатинск ва то Оренбург баргардонед, баъд шуморо озод мекунам* [– Верните все мусульманские земли, которые вы захватили. Верните до Семипалатинска и Оренбурга, тогда я вас освобожу] [Ш. 26, 90]

Жанр просьбы в таджикском языке, несмотря на наличие собственных семантических, стилистических и прагматических особенностей, относится к числу универсальных жанров речевого этикета. По своей коммуникативной функции и структурной организации он занимает важное место практически во всех языках мира, поскольку связан с одной из базовых потребностей речевого взаимодействия побуждением адресата к определенному действию при сохранении норм вежливого общения. Вместе с тем таджикская речевая традиция выработала специфические способы оформления просьбы, отражающие национальные представления об уважении, социальной дистанции, нравственном поведении и культуре общения.

Формулы просьбы в таджикском речевом этикете редко функционируют изолированно. В реальной коммуникации они тесно взаимодействуют с другими жанрами и нередко сочетаются с обращением, благодарностью, извинением, пожеланием или эмоциональной поддержкой. Поэтому отдельные элементы просьбы могут наблюдаться и в структуре

других жанров речевого этикета, где они выполняют функцию смягчения высказывания или поддержания уважительного контакта между собеседниками.

Материал современной таджикской речи показывает, что в последние десятилетия жанр просьбы претерпел заметные изменения. В разговорной и официальной коммуникации постепенно сократилось употребление сложных синтаксических конструкций и эмоционально развернутых формул, характерных для более ранних этапов развития литературного языка. Вместо них получили распространение более краткие и функционально конкретные модели, ориентированные на быструю передачу информации и деловой характер общения.

Если в традиционной разговорной речи широко употреблялись религиозно и эмоционально окрашенные выражения типа *Худо раҳм кунад* / «пусть Бог помилует», *раҳм кунед* / «смилуйтесь», *илтимос мекунам* / «прошу вас», то в современной официальной и административной коммуникации активнее используются нейтральные и конкретные формулы: *қатъӣ талаб мекунам* / «категорически требую», *лутфан ба ҳисоб гиред* / «пожалуйста, примите во внимание», *ба қайд гиред* / «зарегистрируйте», *ичозат диҳед* / «разрешите». Подобные изменения связаны с развитием официально-делового стиля, расширением институционального общения и общими процессами обновления современного таджикского литературного языка в период независимости.

Следовательно, жанр просьбы в таджикском речевом этикете представляет собой динамичную систему, которая постоянно развивается и обновляется в зависимости от социальных условий, коммуникативных потребностей и изменений языковой среды. При этом традиционные формулы не исчезают полностью: они продолжают активно функционировать в бытовой речи, художественной прозе и эмоционально окрашенных ситуациях общения, сохраняя связь современного речевого поведения с национально-культурной традицией.

В жанре поздравления манера разговора соблюдена на высоком уровне. Можно сказать, что приветствия состоят из речевых формул, выражающих уважение, искренность и любовь. Жанр поздравления, будь то в письменной форме или в устной форме, призван выразить уважение, внимание и улучшить душевное состояние собеседника. Как и в других языках, поздравление происходит от общепринятых этикетных формул поздравления. Классификация жанра поздравления была создана еще при жизни Аристотеля, его теоретические основы он разработал в своей книге «Риторика» и назвал эпидейческим (обрядовым) жанром. Его можно использовать в любом случае и в любой ситуации. Его текст может быть маленьким или большим в зависимости от поздравления. Простые формулы текста жанра поздравления включают благодарность, поздравление, похвалу, а стиль его выражения может быть формальным или простым. Г.И. Богин характеризует жанр «Поздравление» следующими характеристиками: 1. Имеет определенного автора, 2. Учитывается индивидуальность; 3. Предназначен для быстрого чтения и сохранения [Ш. 34, 49]. Исследование жанра поздравления в русском языкознании проведено широко, и не только определены его особенности, но и дана полная характеристика. Т. В. Шмелова так описывает жанр приветствия: 1. Жанр – этикетная беседа; 2. Образ автора: человек, имеющий определенный уровень образования, воспитания и способностей (пытающийся создать определенный текст жанра по образцу, любящий и уважающий говорящего); 3. Образ говорящего: в любом случае хороший автор может четко и доступно понять и принять то, о чем говорит говорящий; 4. Образ времени; 5. Тип динамики; 6. Отношение участников поздравления; 7. Воплощение языка [Ш. 308, 2–15].

Жанр поздравлений в таджикском языке стереотипен, и можно заметить, что в праздники и торжество они произносятся в заранее разработанных формах, с использованием красочных выражений и поэтических примеров. Таджики люди приятные и приятные в поздравлениях. Их лучшие образцы используются не только на публичных

торжествах и церемониях, но и на различных официальных и дипломатических встречах. Примеры жанра поздравления можно найти в произведениях искусства, созданных в советский период и период независимости Республики Таджикистан.

Этот жанр можно разделить на две группы в зависимости от этикета беседы. Эта классификация больше связана со структурой этих образцов речевого этикета. Первая группа – это базовые или классические формулы таджикского речевого этикета. В произведениях ораторов-классиков широко использовались устойчивые формулы «Благословенный Бог». В прошлом люди поздравляли друг друга с восшествием короля на престол, праздником Рамадан, праздником Курбан– байрам и праздником Навруз. Формулы второй группы возникли под влиянием русского языка и праздников, распространенных в советское время. Например, *Галаба муборак!* «С Днем Победы!», *Иди 1-уми Май – рӯзи якдилли меҳнаткашон муборак!* «Поздравляем с 1 мая – Днем солидарности трудящихся!». Такие праздники и торжества стали основой формирования новых формул таджикского речевого этикета.

Другие формулы, которые используются в жанре поздравлений: *аз самими қалб* «от всей души», *табрики маро қабул кунед* «прими мои поздравления», *миннатдорам* «благодарен», *сарбаланду муваффақ бошед* «будь гордым и успешным», *дар паноҳи Худо бошед* «будь под защитой Бога» и т. д.

Жанр поздравления имеет широкий спектр тематики и содержания и меняется в зависимости от социальных условий. Лингвистическая особенность этого жанра состоит в том, что он принадлежит к официальному стилю произведения, но иногда в его тексте можно наблюдать образность и использование поэзии и средств художественной образности. В жанре поздравления естественно использовать формулы *марҳамат* «пожалуйста», *ичозат диҳед* «разрешите», *дусти азиз* «дорогой друг», *бародари азиз* «дорогой брат», *бибиҷони меҳрубон* «добрая бабушка» и т.п. Подобные

формулы создают эмоционально положительный тон общения, усиливают выразительность поздравительной речи и способствуют установлению более тесного коммуникативного контакта между участниками общения. В таджикской речевой культуре поздравление обычно сопровождается пожеланиями счастья, здоровья, благополучия, семейного согласия и божественной защиты, благодаря чему данный жанр соединяет в себе элементы речевого этикета, национальной традиции и нравственных представлений общества. Например,

– *Эй офтоб, ассалом! – ҳар ду дастамро боло бардошта фаред кардам ман, – бие туро озӯи кунам! Бие, маро табрик намо! Ман ба хондан меравам, модарам ичозат доданд.* [– О солнце, здравствуй! – крикнул я, подняв обе руки, – дай мне тебя обнять! Иди поздравь меня! Я уезжаю учиться, мама разрешила] [Ш. 36, 155];

– *Шунидам, Ашӯрбой, бедонаат ҳамаи бедонаҳои Гиждувонро гурезондааст, муборак бошад* [Ш. 36, 155]; [– Я слышал, Ашурбай, твоя перепелка прогнала всех перепелок Гиждувана, да будет он благословен. [Ш. 24, 29];

Мардум гирди арӯсу домодро гирифта «Муборак бошад! Муборак бошад!» гӯен изҳори хушнудӣ менамуданд. [Люди собрались вокруг жениха и невесты и восклицая: «Поздравляем! Поздравляем!» они, казалось, выражали свое удовольствие] [Ш. 24, 101]

Жанр поздравления используется для выражения радости, добрых пожеланий, выражения уважения и искренности, посвященных какому– то знаменательному событию: дню рождения, трудовому достижению, семейному торжеству и тому подобное. Жанр таджикских поздравления имеет свои особенности, в которых, помимо пожеланий, используются молитвы, выраженные устойчивыми образами *Худо ниғаҳбон* «защиты Господь», барори кор «Удачи!».

Жанр извинения входит в группу традиционных жанров, и его целью является обеспечение общения и регулирование отношений между разными людьми в обществе. У адресата и адресанта между собой возникает

непонимание или даже конфликт по тому или иному вопросу, в результате чего между ними возникает ситуация, требующая необходимости извинения. Жанр извинения изучался с нескольких позиций в исследованиях российских лингвистов. Исследование жанра извинение с лексикографической точки зрения было сделано А. Г. Балакая [II. 24, 626–629] было сделано с культурно-сравнительной точки зрения М. М. Бахтиным [II.26, 159– 257], с коммуникативно-прагматической точки зрения – Т. В. Тарасенко [II. 258]. В таджикском языкознании нет отдельного исследования жанра извинения, лишь в исследовании М. Джураевой были представлены сведения об этом жанре речевого этикета. Жанр извинение осуществляется посредством вербального и невербального общения, формулы, которые используется в этом жанре разнообразны. Словарный состав таджикского языка обычно богаты, жанр извинения имеет различные формулы. В невербальном общении можно отмечать множество типов извинение. Например, таджики, совершив ошибку, жестикулируют руками и выражают свое извинение, а чтобы предупредить, что это их вина или недостаток, указывают руками на себя. Таких отношений много. В вербальном общении существует множество формул общения, созданных разными словами и фразами. Самые популярные из них: *бахииши* «прости», *маъзарат мехоҳам* «простите», *узри бисер* «очень прошу», «простите», *айби ман* «моя вина», *гуноҳи ман* «мой грех», *гуноҳи маро бубахшед* «прости мой грех», *нохост шуд* «это произошло нечаянно», *ман инро намехостам* «я этого не хотел», *ногаҳонӣ шуд* «это произошло случайно» и т.п., число которых неопределенное. Единственное, что следует отметить, это то, что в таджикском языке достаточно много устойчивых формул извинения.

В новом независимом таджикском обществе произошли социальные и политические изменения, а также получил развитие таджикский язык, что повлияло на жанр извенения. Коммуникативные закономерности жанра извинения вышли за рамки привычной сферы их употребления, изменился популярный ранее формулы таджикского языка для извинения. В их состав

введены новые слова и формлы, они также изменились по форме и способу выражения.

В жанре извинения речевые формулы имеют фатический характер, иногда не учитывается результат общения, в адрес собеседника направлены лишь односторонние высказывания. Р. Рейтмер классифицирует закономерности жанр извинения в зависимости от степен вины [П. 208, 15–22]. В таджикском языке образцы речевого этикета используются в жанре извинения в зависимости от того, как происходит общение и сколько имеется ошибок и недостатков. Например, слово извинение, являющееся существительным, выражает значение извинения только в устной речи, в письменной речи, особенно в прозаических произведениях, оно выражает смысл дарения, одаривания, примеры чего мы находим в произведениях С. Айни, С. Улугзаде и других писателей. Например,

Ин шӯру завго бар болои нонрезаҳое буд, ки мактабдор аз ҳалвои ман ба бачагон бахшиш карда буд. [Это был переполох из– за сухариков, когда владелец школы передал детям мою халву] [П. 6, 380];

Бибихалифа дастурхонро кушода, нон шикаст ва ба духтарбачагон ҳам аз ҳалвои ман нон бахшиш кард. [Бибихалифа раскрыл скатерть, поломила лепешку и дал девочками лепешку и моей халвы] [П. 6, 410];

Эшонҳои Кошонагӣ асрҳо боз аз ҳисоби назру бахшише, ки муридонашон аз мардуми Кошона ва деҳоти гирду атрофи он ҷамъ карда медоданд, зиндагӣ мекарданд. [Эшоны Кошоны на протяжении веков жили за счет подношений и пожертвований, которые их последователи собирали с жителей Кошоны и окрестных деревень] [П.36, 432]

Слова извинения происходят от глагола будущего времени: простишь или простите, и оно выражает значение извинения. Это слово используется как устойчивая формула жанра извинения в самооправдании, разъясняющая адресанту причину того, чтобы не обижаться, не принимать близко к сердцу, что данное действие или поступок были непреднамеренными, не умышленными, не совершенными специально. Например,

– *Хайр, хайр, мебахшӣ, бачам, мебахшӣ. Ман туро чӣ хел мебум? Умри бобит ҳам ба ҷое расида. Боз қарз ба қиемат намона?* – Ну, ну, прости, дитя мое, прости. Как мне найти тебя? Жизнь твоего деда также достигла определенной точки. Не должен же остаться долг перед судным днем?/ [Ш. 19, 29]; – *Хайр, мебахшед, ҳамшаҳрӣ... Гуноҳ аз ман гузашт, – Латиф шармида узр пурсид. Ду гӯши ӯ, рухсораҳои ӯ, ҳатто пешониаш суп– сурх алав гирифта рафтанд. [– Ну, прости, земляк... Вина с меня прошла, – стыдливо извинился Латиф. Оба его уха, щеки и даже лоб покраснели от пламени] [Ш. 36, 49];*

Гулоро маро сар дод ва ба сӯйи Латиф нигоҳ карда, – Мебахшед... – гуфт.

– *Ҳеч гап не, ҷойи айб нест, – гуфт Латиф хандида.* [– Гулоро отпустила меня и посмотрела на Латифа:

– Мне очень жаль... – сказала она.

– Ничего, нет места вине, – со смехом сказал Латиф] [Ш. 36, 185]

В таджикском языке в зависимости от ситуации и стиля таджикского выражения используются и другие популярные формулы извинения, каждая из которых полезна в своей позиции. В частности, формулы жанра извинения представляют собой ситуации, исходящие из культуры, обычаев, религии и вероисповедания таджиков. Особое место в простых и сложных формулах жанра извинения занимает употребление слова Бог и Аллах как в устной, так и в письменной речи. Таджики, с требованием самобытности и культуры жизни, в первую очередь просят прощения у Бога, Аллаха. В художественной прозе чаще употребляется фраза *Худо раҳмат кунад* «Боже помилуй», так как оно является синонимом фразы *Худо бахшад* «Бох простит». Например,

– *Худо раҳмат кунад, аҷаб одаме буд! Ана ҳамин одам саркардаи инқилоб. Ана ҳамин кас ба ману ту роҳи озодиро нишон дод, – гуфт ӯ.* [– Да помилует его Бог, он был замечательным человеком! Это человек – вождь революции. Это тот самый человек, который показал нам с вами путь к свободе, – сказал он] [Ш. 21, 15]

В жанре извинения употребляются и такие формулы, как *маъзур доред* «извините», *маъзарат мехоҳам* «извините», *узри маро қабул кунед* «примите мои извинения». Например,

– *Албатта, ин гумони маро ба дил сахт нигаред, агар галат мекунам, қаблан маъзарат мехоҳам, аммо лаҳзае ба ҷойи ман худро гузореда нигаред.* [– Конечно, не принимайте близко к сердцу, если я ошибаюсь, я заранее извиняюсь, но поставьте себя на минутку на мое место и посмотрите] [II. 8, 231]

Извинение также употребляется в повелительной форме или в прошедшем времени глагола. Сравните следующие примеры:

– *Аблаҳ, ҳозир, худи ҳозир аз раис узр пурс, тавба кардам гӯй, – Салими дароз аз гиребони ҷомаи амаки Нусратулло дошт.* [– Глупец, сейчас же, сейчас же извинись перед председателем, скажи, что раскаялся, – сказал Салими долго держа за воротник дядю Нусратулло] [II.17, 478].

Қоришшамба шӯридани тоқияфурушро дида ба узргӯй даромад. [Коришшамба увидел гнев продавца токи и стал извиняться] [II.4, 185]

В жанре извинения извиняться иногда является вынужденной ситуацией, но иногда адресант сожалеет об извинении, поскольку понимание его приходит после извинения, а говорящий выражает сожаление о своем поведении. Например, *Фардои он рӯз, ки ман ӯро дида сахтгирӣ мекунам, «дирӯз барои ош пул наефтам» е ин ки «худам дар ҷое ба меҳмонӣ будам» гӯен узрҳои нодуруст пеш меорад. Ва ҳол он ки дар олами муомилаи пулсарфшаванда ин гуна узрҳо ба як пули сиёҳ намеарзад. Дар соли гузашта ӯ бо ҳамин гуна узрҳо чор бор ош напухт.* [Послезавтра, когда я увижу его, я буду оправдываться, говоря: «Вчера у меня не было денег на еду» или «Я был где– то в гостях». И все же в мире траты денег такие оправдания не стоят и гроша. В прошлом году он четыре раза не готовил под подобными предложениями] [II. 4, 208]

Языковые возможности жанра извинения создают условия для особой ситуации общения, благодаря которой целевое действие осуществляется.

Общение в этом жанре происходит посредством нормативных формул. Деятельность коммуникатора ведется от первого лица настоящего времени, рассказчика, использованием формулами *мебахшед* «простите», *узр* «извините» и т.п. В таджикском языке существуют коммуникативные формулы, относящиеся к жанру извинения, требующие извинений. В том числе: *гуноҳи ман / моя вина айби ман / моя вина/, ман гунаҳкор / я виновен, гуноҳамро ба гардан мегирам / я сознаю свою вину и т.п.* Например, *Медонистам, ки тағоиям ба ман дӯзу даранг намекунад, ба сарам фаред намезанад, аммо, охир, ин дафъа гуноҳи ман аз шӯхию беодоби оди бачагона баче зиедтар, баче вазнинтар буд.* [Я знал, что мой дядя меня будет ругать, он не будет кричит на меня, но, на этот раз мой грех был гораздо серьезным, чем обычные детские шутки и непристойности] [Ш. 20, 340]; *Дӯст шавед. Аз душманӣ касе ба чое нарасидааст. Ин айби ман... айби ман ҳам не / Станьте друзьями враждой никто ничего не достиг. Я виноват... я и не виноват* [Ш.24, 289]

Жанр извинения развивается в зависимости от социальных и исторических условий, а использование в нем формул общения меняется за счет совершенствования структуры и смысла. Особенность жанра извинения состоит в том, что его текст содержит устойчивые закономерности, которые используются в зависимости от направления внимания респондентов. Сравните следующие примеры:

– *Маъзарат мехоҳам, хоҷаи мехрубон. Мо чиви Шумо, – таъзимкунон гуфт Бебок ва ҷафонокӣ, як навъ бо тарсу бим дур шуд. – Албатта... Ҳозир меорам, ҳозиракак меорам* [– Мне нужно оправдание, добрый хозяин. «Мы ваши», – сказал Бебок, поклонившись, и ушел с каким– то страхом. – Конечно... Я сейчас принесу, сейчас же] [Ш. 1, 96].

Исследуя жанр извинения Т. Г. Рабенко, подчеркивает, что говорящий использует ряд инструментов для убеждения собеседника в положительной стороне вопроса: ненамерение совершить грех, смягчение греховного состояния, разделение вины другого человека, дальнейшее исправление

греха, полное признание своего греха без оправдания, требование соответствия лучшим человеческим качествам, просьба о прощении и выражение бессилия по отношению к сложившейся ситуации [Ш. 207, 87–88]. Подобные ситуации встречаются и в таджикском речевом этикете, но таджикский менталитет порой не позволяет убедить собеседника с помощью такой тактики и методов, ведь таджики тверды в своих словах и поступках, и случаев, когда они прощают предательство и неверность, очень мало.

Извинение происходит в зависимости от совершенного греха и ошибки, причем говорящий пытается признать свою ошибку и склонить слушателя на сторону мира и праведности. Например,

– *Мебахшед, хӯҷаинҷон. Хато карда бошем, афв бикунанд, – ҳазл кард Марк.*

– *Ҳозир ба ванна медароему оббозӣ карда, баъд хӯрок хӯрда мехобем, – фаҳмонд командир.*

– *Барои ҳамин ту микроскоп ва пробиркаро гиру ҳамроҳи Ҷамол аввал таркиби обу хӯрокро таҳлил кун. Метарсам, ки он ба организми мо, ба саломатии мо мувофиқат накунад.*

– *Натарсед, рафиқ командир, мувофиқат мекунад, – гуфт Марк. – Бинед, ҳавои ин ҷо чи хел муаттар! Хӯрокашон ҳам маҳсули ҳамин обу ҳаво-дия. / [– Простите, госпожа. Если мы ошиблись, простите их, – пошутил Марк.]»*

– Сейчас мы идем в ванную, принимаем ванну, потом едим и спим, – объяснил командир. – Поэтому ты берешь микроскоп и пробирку и вместе с Джамалом анализируешь состав воды и еды. Боюсь, что это не подойдет нашему организму, нашему здоровью.

– Не бойтесь, товарищ командир, подойдет, – сказал Марк. – Посмотрите, какой здесь ароматный воздух! Их еда тоже продукт такой погоды] [Ш. 28, 128];

Таъкид мекунам, ки мулоҳизаи ман хато бошад, мебахшед. Лекин, охир, ҳама медонем, ки Сангинов аз корҳои институти ба номи Патон хуб огоҳ аст. [Прошу прощения, если мои рассуждения неверны. Но ведь всем нам

известно, что Сангинову хорошо известна работа Института имени Патона] [Ш. 27, 306]

Признание вины и грехов иногда осознается слушателем, без языковых средств и наблюдается знак согласия на извинение. Например,

– *Рафиқ, Ганибар, – гуфт Гриша– амак. – Мебахшед, мо чор моҳ боз дар Нодару...*

– *Медонам, – сухани ўро бурид Ганибар. – Ба ман ҳамаашро Занбӯр фаҳмонда буд. [– Товарищ Ганибар, – сказал дядя Гриша. – Простите, мы в Нодару уже четыре месяца... . – Я знаю, – оборвал его Ханибар. – Занбур мне все объяснил] [Ш. 2, 207].*

Признание вины и неполноценности дается путем остановки продолжения речи или выражения юмора с целью уменьшить напор и гнев говорящего. Сравните следующие примеры:

– *Мебахшед, – гуфт он мард, ҳарсос зада. – Мебахшед, дигар илоҷам набуд. Ба шумо гапи муҳим дорам [– Извините, – испуганно сказал мужчина. – Прости, у меня не было выбора. У меня есть для тебя кое– что важное [Ш. 2, 206];*

– *Мебахшед, хўчаинҷон. Хато карда бошем, афв бикунанд, – ҳазл кард Марк [– Простите, госпожа. Если мы ошиблись, пусть простят, – пошутил Марк] [Ш. 2, 167].*

В некоторых случаях извинения приносятся с полным признанием вины или реальным объяснением существующей ситуации. Признание реальности приводит к уменьшению гнева и созданию благоприятной атмосферы.

– *Мебахшед, Мансурҷон, ман имрӯз дар клиника навбатчӣ ҳастам, – узр хост Гул нора, – биеед, боз дар кабинет камтар нишинем, пагоҳ рӯзи истироҳати ман, тамоми рӯз дар ихтиери мо мешавад. [– Извини, Мансуржан, я сегодня дежурю в поликлинике, – извинилась Гульнара, – давай меньше сидеть в кабинете, завтра у меня выходной, весь день будет в нашем распоряжении] [Ш. 28, 127];*

Чун тафтиш ва пурсуков карда дидам, ки шумо муллобачаи дуруст ва росткор будаед, ба шумо узр гуфтан хостам ва ҳоло шуморо дар ин ҷо дида ба ҳамин ният дар паҳлӯятон нишастам, хоҳишмандам, ки шумо он бадғумони маро бубахшед! – гуфт ӯ ҳақиқатан бо оҳанги узрхоҳона. [Когда я проверил и поинтересовался, я увидел, что ты правильный и честный мулла, я хотел перед тобой извиниться, а теперь, увидев тебя здесь и сев рядом с тобой с тем же намерением, я хотел бы, чтобы ты простил мое предубеждение! – сказал он действительно извиняющимся тоном] [Ш. 4, 206]; Саидасрор мулзам шуда узр хост ва гуфт, ки ҳозир дар кисааш пул надорад, аз хона дода мефиристонанд. [Саидасрор извинился и сказал, что у него сейчас нет денег в кармане, он отправит их из дома] [Ш. 25, 279].

Общение происходит не только вербальными средствами, но и невербальными средствами. К средствам извинения можно отнести выражение глаз и лица, положение рук, покачивания головой, наклон головы, наклон головы набок, взгляд в землю, опущение на колени, падение к чьим-то ногам, помещение руки на грудь и так далее. Т. Г. Рабенко разделила средства выразительности на две группы: с жестами, с мимикой (мимикой) [Ш. 207, С.89– 90]. Классификация Т. Г. Рабенко производится в зависимости от способа оправдания, но в оправданиях иногда оба случая выполняются вместе и одинаково, т. е. как посредством жестов, так и посредством мимики.

Выражение извинения посредством жестов и мимики также распространено среди таджиков, и оно часто его используется. Его примеры можно найти в прозаических произведениях XX– XXI веков. Например, *Шасти Сангалӣ шикаста буд, вай дар як ҳолати тараҳҳумангез – бо сари хам истода аз замин чаши намеканд; аз рӯю гардани мисли чарми куҳна фарсудаву пурчинаш арақ мешорид* [У Сангали сломана рука, он в жалком состоянии – стоит опустив голову и не смотрит в землю; Пот капал с его лица и шеи, которая была изношена, как старая кожа] [Ш. 25, 349].

Онҳо ба рӯйи мардуми тамошогари дар кӯчаҳои Кангурт тӯбишуда маҷоли нигоҳ кардан надоштанд. Аз пеши он мардум бо сари хам мегузаштанд,

Алейкбахшбой ба ҳамроҳаш Ҳочӣ Яъқуби мударрис ҳасрат карда мегуфт: – Ҳоле, ки мо дорем, сағ надорад, домулло. [Они не успели рассмотреть лица зрителей, собравшихся на улицах Кангурта. Впереди него шли люди, Алейкбахшбой тосковал к своему спутнику, Хаджи Якубу, учителю, и говорил: «У того, кто у нас, нет собаки, домуллы»] [II.25, 405];

Маро аз ҳае арақ зер кард. Замин накафид, ки дароям. О, тамоми бадани маро ҳозир ин зан дида истода бошад, шармандагӣ– ку. Акнун дар назди ӯ минбаъд аз ҷо хестан даркор не, ки айб аст. [Я вспотел от стыда. Земля не треснула, когда я вошел. Ох, все мое тело сейчас видит эта женщина, это позор. Теперь нет нужды вставать перед ним, это вина] [II.1,.178].

Жанр извинения благодаря устойчивым коммуникативным формулам и сложившимся речевым моделям выполняет важную регулирующую функцию в процессе общения, способствуя устранению коммуникативного напряжения, предотвращению конфликтных ситуаций и восстановлению межличностного равновесия независимо от характера речевой ситуации. Формулы извинения создают условия для сохранения уважительного взаимодействия между собеседниками и поддержания норм речевого поведения. Богатый лексический состав таджикского языка обеспечивает широкие возможности для смыслового, стилистического и эмоционального разнообразия жанра извинения, что позволяет использовать различные формы выражения в зависимости от ситуации общения, степени вины, социального статуса участников диалога и характера межличностных отношений.

Если формулы извинения направлены на восстановление нарушенного коммуникативного равновесия, то формулы утешения связаны с другой, не менее важной стороной речевого этикета, т.е. поддержкой человека в состоянии душевного напряжения, тревоги, страдания или жизненного испытания. В таджикской речевой культуре утешение выполняет не только эмоциональную, но и нравственно-регулирующую функцию: оно помогает смягчить переживание, укрепить собеседника, напомнить ему о терпении,

надежде и временном характере трудностей. Поэтому переход от извинения к утешению закономерен: оба жанра служат сохранению человеческих отношений, но извинение восстанавливает нарушенную связь, а утешение поддерживает человека в момент внутренней уязвимости.

Жанр утешения имеет свое место в манере таджикской беседы, он отличается от простых и сложных закономерностей и человеческих чувств и психических состояний, усовершенствованным механизмом. История его появления тоже древняя, так же, как жизнь человека. По мнению Н. И. Формановской, существование и деятельность большой группы языковых единиц сочувствия и утешения в русском языке объясняется образом мышления, мировоззрением, культурой общения русского народа, а также позволяют жаловаться на жизнь и на самого себя, что в свою очередь предопределяет доверие к взаимопомощи и ожидание утешения [П. 276].

Жанр утешения занимает особое место в общении и, прежде всего, укоренен в религиозной культуре таджикского народа. Особенно когда в жизни человека возникает проблема, на всем религиозном полюсе нашего прошлого подчеркивается, что она временная и со временем пройдет. Успокаивающие выражения на таджикском языке: эти дни пройдут, не волнуйтесь, это не навсегда, Бог добр, все по воле Божьей, воля Божья такая и так далее.

Манеры таджикского диалога больше опираются на здоровое и уравновешенное общение, поэтому жанр утешения дает основу для обеспечения мирных и уравновешенных отношений. Основой этого жанра является его общение, содержание и содержание, то есть тема, о которой идет речь.

Таджики – древний народ, они видят мир, прежде всего, в комфорте и считают все неудобства и волнения временными. По мнению большинства из них, гнет и суматоха жизни не вечны и обязательно закончатся. По мнению верующих, человек должен заниматься в жизни хорошим трудом и добрыми делами, посвятить свою жизнь изучению науки. Таджики верят, что человек

видит именно то, что он делает, то есть ответ на зло – зло, добро-на добро. Применительно к этой идее можно сказать, что жанр утешения выступает в разных формах, может существовать в одном тексте и в то же время быть активным самостоятельно, а также выступать в интеграции с другими видами утешения.

Содержание этого жанра состоит из различных тем, связанных с комфортом, и может меняться в зависимости от ситуации. Одной из центральных проблем жанра утешения, берущих свое начало в религиозной культуре таджиков, является временный характер страданий и угнетения. В художественной литературе эта тема получила широкое распространение как в форме стихов, так и в прозе. Например,

Деҳотиен бо қиефаҳои андӯҳнок ба Восеъ: «Ғам нахӯр, додар, бар сари фарзанди одам ҳар чи ояд, бигзарад, иншоаллоҳ, ба зудӣ халос шуда мебарой» гуфта ӯро тасаллӣ доданӣ мешуданд, агарчи нағз медонистанд, ки бандии ба чанги мансабдорон афтода осон–осон халос нахоҳад шуд ва балки ҷон ба саломат нахоҳад бурд. [Жители села пытались утешить Восе грустными выражениями: «Не грусти, брат, что бы ни случилось с человеческим дитя, даст Бог, ты скоро освободишься», хотя они прекрасно знали, что пленника, попавшего в руки чиновников, нелегко освободить, но и жизнь его не спасти] [II.25, 292];

Бори дигар ба гардан мегирам, ки ман дар ҳаққи вай дар вақташ номардӣ кардам, ба занам, бачаҳоям ҷабр кардаму аммо омада– омада ана боз корам ба ҳаминҳо афтод.

[Я признаю, что поступил с ними не по-мужски, был груб, с детмы, женой, но пришло время, и я в них нуждаюсь] [II.28, 137].

В культуре таджикского народа основным источником утешения является поклонение и доверие Богу. Его суть – жить по правильному пути и со здоровым, гуманным мышлением. Коммуникационные формулы риска: все будет хорошо, нечего сказать, не бойся, все будет хорошо и т. д. широко

используются как в устной, так и в письменной речи и используются для успокоения. Для сравнения приводим следующие примеры:

– *Оқибаташ ба хайр мешавад, Марк. Албатта, ба Замин, ба назди оилаҳои худ бармегардем.* [Исход будет хороший, Марк. Конечно, мы вернемся на Землю, к своим семьям] [II.1, 157];

Таваккал! Таваккал нар бувад, андеша мода, мегӯянд дар урфият. Саидбек даст езонида, ба чангаки сохтааш тасмаи кӯлборро оҳиста ба поен кашид. [Риск! Риск – мужчина, мысль – женщина, говорят в народе. Саидбек поднял руку и медленно потянул веревку выилкой сделанную им] [II. 27, 316].

Утешение в жанре этикетной беседы достигается терпением и сильной волей. В прозе и устной речи часто употребляются коммуникативные фразы, такие как *сабр кун* «терпи», *бесабр набош* «не будь нетерпелив», *меваи сабр ширин аст* «плод терпения сладок». Таджики верят, что терпение – это основа устранения всякого дискомфорта, неприятностей, горя и преодоления проблем. Для обеспечения общения и установления отношений между членами общества, особенно полиэтнического, на первом месте стоит использование формул общения утешительного жанра. Например,

Вай аз ҳаяҷони қалбӣ рухсорааш шукуфта, ҳамон дам ба Балҷувон рафтани шуд, аммо хешони ӯ ба ин монев шуда гуфтанд, ки нохушу каммадор аст ва сафари савора дар пайраҳаҳои пасту баланд ӯро беҳол хоҳад кард, ӯ бояд сабр кунад ва он гоҳ шояд ки худи Восев баъди озод шуданааш ба зиерати дӯсти худ омада монад. [Щеки его покраснели от волнения, и он тотчас же захотел отправиться в Бальджуван, но родственники воспрепятствовали ему, сказав, что он слаб и расстроен, а путешествие верхом по низким и высоким тропам утомит его, ему следует запастись терпением, и тогда, может быть, Восе сам придет в гости к своему другу после освобождения] [II.25, 466];

– *Сабр кун, Соҳиб! Худо ҳозир, тӯҳмати рӯйирост... Агар кори носазое карда бошам, шири модарам ба ман ҳаром. Аввалаш пурсиш, баъд кӯшиш гуфтаанд.* – Будьте терпеливы, Сахиб! Бог, свидетель клевета... Если я

сделала что-то не так, то молоко матери мне харам. Говорят сначала спрос, потом – ответ] [Ш.18, 377];

Шаби адир хунукай, бачам. Сабр кун, ҳозир ҷомата биерум, баъд меравӣ. [– Сегодня холодная ночь, дитя мое. Потерпи, сейчас я принесу тебе халат, тогда ты пойдешь] [Ш. 12, 235].

В жанре утешения имеется специфическая лексика, сфера ее употребления специально связана с этим жанром: успокойся, утешься, потерпи, это преходяще, не постоянно, рискни, будет, не сложно и так далее. В лексике утешительного жанра слова, употребляющиеся в составе простых и сложных формул, вместе с другими словами таджикского языка образуют сложные схемы с словосочетаниями. Например, *сабр* «терпение», *сабр кунед* «потерпите», *шитоб накунед* «не торопитесь», *бояд сабр кард* «нужно потерпеть», *ман сабр мехоҳам* «я хочу терпения», *Худо ба шумо сабр диҳад* «да даст вам Бог терпения»; Со словом утешение: *тасаллӣ дод* «утешал», *тасаллӣ ефт* «утешился», *тасаллӣ меефт* «утешался», *тасаллӣ медиҳад* «утешает», *тасаллӣ гирифтаан* «получить утешение». Жанровые формулы комфорта имеют базовые слова, которые присутствуют во всех существующих моделях, а жанровые формулы комфорта развиваются по структуре и грамматическим категориям. Они предстают в новых формах и образах. Для сравнения приводим следующие примеры:

Мардум ба ӯ чун ба як ошуфтаву ақлбохта менигаристанд, дилсӯзи менамуданд, меҳмондорааш буданд, тасаллояш медоданд, «одам баумед, шайтон ноумед» мегуфтанд, бо дили пурғаму бо чаши пурнам гуселааш мекарданд, зеро дар чашмонаш нури хирадро, дар чеҳрааш фари яздониро, дар суханааш фасоҳати анбиеро медиданд. [Люди смотрели на него как на страдальца и потерявшего рассудок, сочувствовали ему, развлекали его, утешали, говорили: «человек надеется, дьявол безнадежен», отсылали его с печальным сердцем ислезами на глазах, потому что видели свет мудрости в его глазах, свет мудрости в его лице, красноречие пророков в его речи] [Ш. 13, 440];

Шаб дер гоҳ падарашро хоб набурд. Ҳарчанд модари Собирҷон ӯро садқаву банда шуда таскин меод, ҳеҷ ором намегирифт. Беқарор пушту паҳлу гашта, баръакс, оташинтар мешуд. Зуд– зуд ҷомаро ба сари шонаҳояш партофта, ба берун мебаромад. Як вақт Собирҷонро номаълум хоб бурдааст. [Иногда отец до поздно не спал ночью. Хотя мать Собиржана и утешала его, он не успакаивался. Он беспокойно вертелся, наоборот, сердился. Он часто набрасывал рубашку на плечи и выходил. Однажды Собирджана усыпил неизвестный] [II.30, 273].

Н. И. Формановская рассуждает о способах выражения комфорта в русском языке и отмечает, что наиболее распространенным способом является употребление «словосочетаний, они образуются при повелительной форме глагола и сохраняют соответствующее ситуации содержание» [II. 277]. В таджикском языке сложные глаголы с повелительным наклонением, такие как: *ором шав* «успокойся», *гам махӯр* «не грусти», *парво накун* «не беспокойся», *хавотир нашав* «не волнуйся», употребляются как в форме второго лица единственного числа, так и во множественном числе, широко употребляются для выражения утешения и используются как устойчивый шаблон общения в жанре утешения. Сравните следующие примеры:

– *Бибиҷон! Ҳеҷ гам нахӯр, агар ман зинда аз ин диер ба саломат биравам, дар андак муддат соҳиби молу кола шуда ба хизмати ту пас хоҳам омад* [– Бабушка! Не беспокойтесь, если я покину эту страну живым и здоровым, то вернусь к вам через короткое время с богатством и товарами] [II.4, 35];

– *Як бор беақлӣ кардааст, бубахшед, аз хурдон гуноҳ, аз калонон бахшидан аст; аз талаф шудани гӯсфанд гам нахӯред, илоҷи ин кор осон аст.* [– Он сделал однажды глупость, прости ему это грех – от малых, прощение – от старших; не беспокойтесь о потере овец, это легко решить] [II.4, 27];

Бачаҳо ба ташвиш афтоданд. Яке аз суроҳӣ об рехта меод, ки бигир, бинӯш, ором шав. Ҳеҷ воқеа нашудааст. Ана бирав, дигар касе аз пешони ту даҳон намекушояд. [Ребята волновались. В одно из отверстий лилась вода,

которую можно было набрать, попить, успокоиться. Ничего не произошло. Вот иди, никторот не откроет в твой сторону] [П.27, 243];

– *Ту худат дурустӣ? Ким– чӣ хел парешонӣ...». «Дурустам, дурустам, ака. Аз ман хавотир нашав. [Ты здоров? Почему ты смущен...». «Я здоров, брат. Не беспокойся обо мне]; [П.19, 48];*

Ба нозу неъматӣ одамони дунедор ҳасад набаред ва замгин нашавед, ки ин ҷаҳон зуд гузаранда аст. Давлати дуне ба дуне мемонад, шумо аз давлати ҷовиди охират умедвор бошед! [Не завидуйте благам мирских людей и не печальтесь, что этот мир скоротечен. Богатство этого мира останется в этом мире, вам следует надеяться на вечное состояние будущей жизни!] [П.4, 59]

Еще одним вопросом, который следует учитывать при использовании жанра утешения, является позиция говорящего, который говорит добровольно и свободно обсуждает решение вопросов. В жанре утешения естественно использовать шаблоны, составленные из слова *must*, повелительной формулы глагола и инфинитива. Чтобы вести здоровое общение и преодолевать препятствия во время общения, необходимо использовать шаблоны общения, созданные этими словами, в жанре утешения. Одной из важных задач утешительного жанра является установление устойчивых отношений между собеседниками. Необходимо устранить атмосферу конфликта, волнений, эмоций и волнений. Человек должен бороться с трудностями и временными препятствиями, не поддаваться эмоциям.

Прозаические произведения XX-XXI веков богаты образцами жанра утешения, а простые и сложные образцы этого жанра часто используются в композиции текстов прозаических произведений этого исторического периода таджикской литературы. Жанр утешения и пожелания считается особым жанром и помогает обеспечить общение в трудные минуты жизни. При использовании этого жанра следует учитывать психологические и моральные силы интервьюируемого. Таджикский язык имеет большой

материал для этого жанра речевого этикета, который нам необходимо эффективно использовать.

2.3. Вербальные и невербальные средства таджикского речевого этикета

В системе таджикского речевого этикета вербальные и невербальные средства образуют единую коммуникативную систему. Слово задает содержание высказывания, тогда как жест, мимика, взгляд, интонация, положение тела и дистанция между собеседниками уточняют его эмоциональную направленность, степень уважительности и социальную уместность. Поэтому невербальные средства нельзя рассматривать как внешнее дополнение к речи: в таджикской культуре они нередко становятся необходимым условием правильного понимания речевой формулы.

Для анализа материала художественной прозы XX-XXI веков важно учитывать, что невербальные элементы выполняют не только психологическую, но и этикетную функцию. Они участвуют в выражении приветствия, просьбы, благодарности, извинения, утешения, согласия, неодобрения, смущения, почтения и социальной дистанции. Именно это позволяет рассматривать их в рамках общей системы формул таджикского речевого этикета, а не как отдельный вспомогательный слой общения.

В лингвистической научной литературе по невербальному общению можно найти множество исследовательских работ, в которых трактовка невербального общения дается по-разному. По имеющимся сведениям, невербальное общение – это общение между разными людьми без использования языковых средств: слов, слов и предложений, устной и письменной речи. Невербальное общение передает информацию слушателю без использования этих средств, а сфера передачи информации широка. В невербальном общении важно знать функции частей тела человека при передаче информации, поскольку общение часто осуществляется с помощью жестов и других средств. В невербальном общении на первое место выходят роль мимики и жестов, тона речи, голоса, громкости и тона голоса,

интонации, позы, манеры ходьбы, почти незаметных движений и вообще поведения человека во время общения. Без учета этих ситуаций отношения между говорящим и слушающим не восстановятся. Все эти компоненты считаются невербальными средствами общения, иными словами, языком тела, с помощью которого мы бессознательно передаем собеседнику свои истинные чувства. Невербальное общение дополняет вербальную речь и позволяет лучше понять собеседника и лучше определить уровень его уверенности и отношение к предмету разговора. Невербальное общение создает условия для получения собеседником информации и установления отношений, а также дополняет слова, произнесенные посредством вербального общения, делает беседу более интересной и эффективной. В науке современного языкознания этим важным вопросом невербального общения занимается новая отрасль современного языкознания – паралингвистика.

В последние годы исследователи пришли к выводу, что невербальное общение также играет существенную роль в передаче информации разным людям и установлении взаимоотношений наряду с вербальным общением. По данным исследователей, значительная часть информации в межличностном общении передается именно невербальными средствами, что подтверждает необходимость их специального лингвистического анализа.

Исторический материал показывает, что способность передавать смысл без прямого словесного выражения была известна задолго до появления специальных лингвистических исследований. В этом отношении показателен эпизод, где смысл общения раскрывается через предметные знаки и символические действия, а не через обычный диалог.

Этикет общения имеет древнюю историю и на протяжении веков проявлялся не только в словесных формулах, но и в символических действиях, жестах, предметах и знаках. В письменных источниках встречаются сюжеты, где смысл передается не прямой речью, а через предметный знак или ответное действие. Так, в одном из преданий об

Искандаре рассказывается, что правитель Индии, признавая его силу, направил ему дары, среди которых был человек, отличавшийся тонким пониманием знаков и правил поведения. Искандар решил испытать его не словами, а символическими действиями: послал предметы, смысл которых требовал толкования. Ответы Надима также были даны через знаки и действия, после чего Искандар признал его мудрость и способность понимать скрытый смысл общения [II. 298, 262].

Данный пример важен не как историческое сообщение само по себе, а как свидетельство того, что невербальные формы коммуникации с древних времен воспринимались как особый способ передачи мысли, намерения и отношения к собеседнику. В подобных ситуациях жест, предмет, молчание или ответное действие выполняют ту же функцию, что и слово: они сообщают адресату определенный смысл, раскрывают уровень воспитанности, мудрости и коммуникативной компетентности человека. Поэтому при изучении таджикского речевого этикета невербальные средства необходимо рассматривать не как вспомогательное явление, а как важную часть общей культуры общения.

Для настоящего исследования важны не столько популярные психологические описания жестов, сколько их место в системе речевого этикета и их связь с национальными нормами общения. Изучение невербальной коммуникации начинается в конце XX века. Многие исследователи обращают внимание на эту часть языкознания. В центре внимания исследователей находится вопрос о том, каким образом человек передает смысл без прямого использования словесной речи. Похоже, за миллионнолетнюю эволюцию человечества, где существовало невербальное общение, никто не обращался к этой теме с точки зрения науки и исследований вплоть до шестидесятых годов прошлого века. После того, как Юлия Фаст опубликовала свою книгу о существовании невербального общения, люди узнали о существовании невербального общения и раскрылась его важность в повседневном общении между людьми.

Большинство исследователей мира считают, что основоположником невербального общения признан Чарли Чаплин, снимавшийся в немом кино. С течением времени и появлением звуковых фильмов невербальное общение перестало быть в центре внимания.

Ценные исследования в XX веке провел Чарльз Дарвин, опубликовавший в 1872 году книгу под названием «Выражение эмоций у человека и животных». Это исследование заставило многих исследователей обратить внимание на проблему языка жестов. «С тех пор ученые открыли и зафиксировали более миллиона невербальных знаков и сигналов» [П. 13, 16].

Возможность выразить мысли посредством невербального общения больше, с точки зрения скорости и непосредственности предпочтительнее невербальное общение. Между человеческим голосом и движением существует двусторонняя связь, которая не всегда соответствует нашей речи и тому, как мы двигаемся. В разговоре, если собеседники знают язык жестов, выясняется то, что человек хочет сказать, определить правду, или лож в его речи. Чувства человека способствуют выражению его мыслей, если у нас развиты чувства или имеется так называемое «шестое чувство», мы быстро понимаем, насколько правдиво и реалистично говорит наш собеседник. По мнению исследователей, женщины более чувствительны по сравнению с мужчинами и в невербальном общении раньше мужчин расшифровывают жесты собеседника. Поэтому женщин сложно обмануть, но они быстро читают внутренние тайны мужчины по его внешности и поведению.

Научные дебаты о том, является ли невербальное общение врожденным или приобретенным человеком, продолжаются до сих пор. Большинство людей считают жесты врожденными. При выборе и определении жестов для общения нам недостаточно одного жеста, чтобы понять его содержание и передать второму человеку полную информацию. Поэтому для передачи информации важно использовать множество жестов, и это можно использовать в зависимости от ситуации речи. Основным средством понимания и интерпретации жестов является изучение набора жестов. Еще

одним фактором, влияющим на язык жестов, является окружение и социальный уровень человека, чем комфортнее он живет, тем лучше язык жестов. Иногда можно дать ложную информацию посредством вербального общения, но посредством невербального общения она раскрывается. Изучением невербальных средств этикета общения занимались многие исследователи. Среди них Аллан Пиз и Барбара Пиз которые добились значительных научных достижений. По их мнению, язык невербального общения можно не только выучить, но и с его помощью можно понять и интерпретировать язык жестов. Они выделили три правила достоверной интерпретации представленных данных, к которым относятся:

- жесты следует интерпретировать в общем;
- необходимо искать и находить гармонию в общении жестами;
- жест следует интерпретировать через контекст [П. 13, 30– 34].

Правила, установленные Алланом Пизом и Барбарой Пиз, помогают интерпретировать и понимать информацию, сообщаемую говорящим.

Важным вопросом, который сегодня интересует таджикский диалог, является вопрос о том, как говорить на языке жестов и есть ли необходимость делать это. Для этого необходимо сначала рассмотреть несколько вопросов: 1. область и границы общения, 2. части тела, посредством которых совершаются жесты.

Особую значимость для таджикской культуры имеет пространственная организация общения. Дистанция между собеседниками здесь регулируется не только обстоятельствами беседы, но и представлениями о скромности, уважении, возрасте, поле и степени знакомства.

Для понимания невербальных средств таджикского речевого этикета важное значение имеет категория коммуникативной дистанции. В любом обществе существуют определенные пространственные границы общения, нарушение которых может восприниматься как неуважение, навязчивость или вторжение в личную сферу собеседника. В таджикской культуре эти границы особенно заметны в общении с малознакомыми людьми, старшими,

женщинами и представителями более высокого социального статуса. Соблюдение дистанции здесь связано не только с удобством общения, но и с нравственными нормами, представлениями о скромности, уважении и допустимости поведения в публичном пространстве.

Невербальное поведение таджиков строится с учетом степени знакомства, пола, возраста, социального положения и конкретной ситуации общения. В отношении незнакомых людей обычно сохраняется определенная сдержанность: чрезмерная близость, свободные жесты, прикосновения или фамильярные движения могут быть восприняты как нарушение этикета. Особенно строго подобные нормы проявляются в общении между незнакомыми мужчинами и женщинами. В таких случаях невербальный контакт ограничивается нейтральными и общепринятыми жестами, необходимыми для передачи информации, но не предполагающими личной близости.

От пространственной дистанции естественно перейти к тем частям тела, которые чаще всего участвуют в передаче этикетного значения. В таджикской речевой практике важную роль выполняют руки, ладони, пальцы, мимика, взгляд, улыбка и положение корпуса. Среди этих средств особое место занимает рука, поскольку именно через нее выражаются приветствие, уважение, приглашение, просьба, согласие, отказ, благословение или эмоциональное состояние говорящего.

Положение ладони в процессе общения может передавать разные смысловые оттенки. Открытая ладонь обычно воспринимается как знак искренности, доверия, просьбы или готовности к контакту. Ладонь, направленная вниз, может выражать сдержанность, спокойствие или стремление контролировать ситуацию. Указательный жест, в свою очередь, требует осторожного употребления, поскольку в зависимости от ситуации может восприниматься как указание, распоряжение или проявление превосходства. Поэтому в таджикском этикете жесты ладонью и пальцами

регулируются не только коммуникативной целью, но и нормами уважительного поведения.

Особое значение имеет рукопожатие, которое в таджикской культуре выступает как знак приветствия, признания и уважения. Однако его употребление также зависит от степени знакомства, возраста, пола и ситуации общения. Рукопожатие со знакомым человеком обычно воспринимается как естественная форма приветствия, тогда как в отношении незнакомых людей оно требует большей сдержанности. В общении с женщинами, особенно малознакомыми, рукопожатие традиционно ограничено и не всегда считается уместным. Это показывает, что невербальный знак в таджикской культуре не является нейтральным: его значение определяется культурной нормой и конкретной речевой ситуацией.

Рукопожатие может выражать разные отношения между собеседниками. Слишком сильное пожатие руки способно восприниматься как давление или попытка показать превосходство; вялое или формальное рукопожатие может указывать на холодность и вынужденность контакта; рукопожатие двумя руками чаще выражает особое уважение, искренность или близость, но обычно допустимо только между знакомыми людьми. Если при рукопожатии собеседник дополнительно касается запястья, предплечья или плеча, такое действие усиливает эмоциональность контакта, однако его уместность также зависит от степени близости и социального положения участников общения. Следовательно, рукопожатие в таджикском речевом этикете следует рассматривать не как простой жест приветствия, а как культурно значимый невербальный знак, отражающий характер отношений между собеседниками. Для сравнения приводим следующие примеры:

Тохта аз ҷой бархостаму баодобона дасти ӯро гирифта хоҳиш кардам, ки аз рӯи кӯрпачаи суфачаи дуқон гузашта нишинад. [Я встал, вежливо взял его за руку и попросил сесть на курпачу магазинной кушетки] [II.21, 34];

Ва Рӯзимурад, бо таъзим, когази бағалаширо бароварда, бо ду дасти адаб ба Амир дароз кард: «маро нури чашматон, тӯраи Абдумалик фиристониданд»;

ва Амир ҳеҷ мароқе надошт гӯе – чизе напурсид, хомӯш истод; ва Рӯзимурад дид, ки дасте, ки номаро гирифт мадоре надорад; ва Амир когазро рӯйи зонуяш гузошт ва бо дастӣ рост сари синаашро хеле молиш дод ва рангааш парид. [И Рузимурад, поклонившись, достал из подола бумагу и вежливо двумя руками протянул ее Амиру: «Меня послал свет твоих очей, тура Абдумалик»; а Амира как будто не интересовало – он ни о чем не спрашивал, молчал; и Рузимурад увидел, что рука, взявшая письмо, не бчлабессилйна; и Амир положил бумагу себе на колени и потер грудь правой рукой, и он побледнел] [Ш.26, 139];

Гулнора мутафаккирона чашмонаширо ба поен дӯхт.

– *Лекин ин хел доктори нағз шудан ҳам кори осон нест.*

– *Магар фаромӯш кардед, ки муаллими адабиетамон гуфта буд: «Кори осон*

– кори одами ноухдабаро аст».

– *Шумо бошед...*

Гулнора зуд давоми гапи Мансурҷонро гирифт:

– *Ноухдабаро ҳастам, – ва худаи ба Мансурҷон рӯ оварда хандаи ширине кард. Мансурҷон ҷавобан ба ин шӯҳӣ дастӣ ӯро ба сӯи худ сахттар кашида буд, ки тани Гулнора ба тарафи ӯ ҳам шуд ва сараш ба рӯи синаи ӯ расид*

[Гулнора задумчиво опустила глаза вниз.

– Но стать таким хорошим врачом – задача не из легких.

– Или забыл, что наша учительница литературы говорила: «Легкая работа – это работа безответственного человека».

– А ты... . Гульнара быстро проследила за словами Мансурджана:

– Безответственная, – он повернулась к Мансурджану и сладко рассмеялась.

В ответ на эту шутку Мансурджан притянула к себе ее, и тело Гульнары наклонилось к нему, а ее голова коснулась его груди] [Ш.31, 48, 123].

В невербальном общении у таджиков передача информации через руку осуществляется с разными значениями, один из них – показать тыльную сторону руки, если кого-то оскорбляют и совершают плохую молитву. Например,

– «Худое, Худовандо, кай ин балоро аз сари мо дур мекунӣ?!», ва пушти даст ба рӯ мекашид: «Илоҳо, рафтӣ, барнагардӣ!...». [– «Боже, Господи, когда же Ты устранишь от нас это бедствие?!», а он поднял ладони к лицу: «О боже, уйди и не возвращайся!...»] [Ш. 26, 95]

Невербальная передача этикетного значения не ограничивается рукопожатием. В ней участвуют положение ладоней, движение пальцев, выражение лица, взгляд, улыбка и общее поведение собеседника. Эти средства помогают понять эмоциональное состояние человека, степень его открытости, готовность к контакту, внутреннее напряжение или скрытое несогласие. В таджикской речевой культуре особенно важны те невербальные признаки, которые сопровождают уважительное общение: открытое лицо, сдержанная улыбка, спокойный взгляд, умеренность жестов и отсутствие резких движений. Поэтому рука и лицо выступают не отдельными элементами поведения, а частью единой системы речевого этикета, в которой невербальный знак дополняет слово и уточняет отношение говорящего к адресату.

В научной литературе улыбка рассматривается как один из наиболее выразительных элементов невербального общения. Ее изучение связано, в частности, с исследованиями французского ученого Гийома Дюшена де Булоня, который одним из первых обратил внимание на различие между искренней и внешне воспроизводимой улыбкой [Ш. 13, 80]. В коммуникативном процессе улыбка выполняет не только эмоциональную, но и этикетную функцию: она может выражать доброжелательность, открытость, согласие, смущение, скрытую иронию или дистанцированность. Поэтому при анализе речевого поведения важно учитывать не сам факт улыбки, а ее характер, ситуацию употребления и связь с другими невербальными признаками, такими как взгляд, мимика, положение тела и общая тональность общения. В художественной прозе улыбка часто становится средством раскрытия внутреннего состояния персонажа и

помогает показать то отношение, которое не всегда прямо выражается словами. Для сравнения приводим следующие примеры:

Ва Амир фармуд, ки банди Кравсовро кушоянд, ва раъшаи баданаширо пинҳон дошт – раъияи Императори Аъзам аст! – ва дастонаширо зери багал гирифт, то ки ларзиданаширо касе набинад; ва бо табассуми сохта таскин дод: – Мо гуноҳи дӯстонамонро нодида мегирем.

[А Амир решил приказал Кравцова, он прятал тело – он подданный Великого Императора! – и он сложил руки под мышки, чтобы никто не видел его тряски; с фальшивой улыбкой спокойно сказал: – Мы прощаем грехи наших друзей с закрытыми глазами] [П.26, 133];

Палончи Норбиби бошад, бо мамнунӣ табассум карду дигар ба доя эътиборе надода, бо ким–чи хел китфу гарданчунбониҳои ишвакоруна аз қафои усто Мухтор баромада рафт.

[Что касается палонджи Норбиби, то он счастливо улыбнулся, проигнорировал акушерку и, как– то кокетливо пожав плечами и шеей, вышел вслед за мастером Мухтарам] [П.26,120];

Чинифуруи чойи нимсардушудаи пиеларо ба зудӣ нӯшида, ба он пиела чой рехта, ба Қоришшамба дода бо табассуми истеҳзоомез нонхурӣ ва чойнӯшии ӯро тамошо карда истод. [Продавец фарфора быстро выпил из чашки полуостывший чай, налил чай в чашку, подал Кори– ишкамбе и с саркастической улыбкой наблюдал, как он ест хлеб и пьет чай] [П.26, 183]

В процессе общения существенное значение имеет характер улыбки собеседника, поскольку она относится к числу наиболее выразительных элементов невербального поведения. Исследователи невербальной коммуникации, в частности Аллан Пиз и Барбара Пиз, выделяют несколько наиболее распространенных типов улыбки, регулярно функционирующих в повседневном общении. Подобная классификация показывает, что улыбка не всегда имеет одинаковое коммуникативное значение и может передавать различные эмоциональные и психологические состояния.

Разные типы улыбки в невербальном общении передают неодинаковое коммуникативное значение. В зависимости от формы губ, характера взгляда, мимики и ситуации общения улыбка может выражать открытость, доброжелательность, стремление к контакту, а также иронию, сдержанность, скрытое несогласие или внутреннюю дистанцию. Поэтому при анализе невербального поведения важно учитывать не только внешнюю форму улыбки, но и общий коммуникативный контекст: отношения между собеседниками, эмоциональное состояние говорящего, возраст участников общения, ситуацию разговора и общую тональность речевого поведения. В художественной прозе подобные мимические детали нередко становятся важным средством психологической характеристики персонажа и помогают раскрыть скрытые оттенки его отношения к окружающим. Для сравнения приводим следующие примеры:

Дар лабонашон табассуми сохта ва сард, баробари якта-нимта ходимони арзандаи соҳаи санъат, е аз онҳо низ пештар дар раесати маҷлису машваратҳои хурду бузург нишаста, нутқу маърузаҳо мекунанд. [С искусственной и холодной улыбкой на губах они вместе с некоторыми заслуженными деятелями искусства, а иногда и раньше них, сидят в президиумах больших и малых собраний и выступают с речами и докладами] [Ш. 19, 19].

Низомиддин дарҳол ба сӯи ӯ тамоми баданаширо гардонид, чоплусона табассуми сунъӣ карду «лаббай» гуфт. – Шумо, – гуфт Окчурун, – бояд дар сари қабр нутқ кунед, дар бораи хушерӣ, дар бораи худмуҳофизаткунӣ гап занед! [Низамуддин тут же повернулся к нему всем телом, фальшиво улыбнулся и сказал «лаббай» (да, слушаю вас). – Вам, – сказал Окчурун, – следует выступат с речью на могиле, сказать о бдительности, о самообороне!] [Ш.31,11];

– Фаромӯш накун, – мегуфт табассуми фароҳе карда, еру ошнои бобоят, шуқр, бисер. [– Не забудь, – сказал с широкой улыбкой, друзей и знакомых у твоего дедушки, много, к счастью] [Ш.31,234]

Аскарӣ аспакӣ асти худро ба қафотар ронд, чашми Асо ба Мирак афтоду табассум кард. Мирак ҳам ба вай салом дод «Кавалерист отогнал лошадь дальше назад, взгляд Асы упал на Мирака, и он улыбнулся. Мирак также приветствовал его [II 31,179].

Улыбка как средство невербальной передачи информации не ограничивается отдельными классификациями, поскольку ее формы и коммуникативные оттенки изменяются в зависимости от ситуации общения, эмоционального состояния собеседников и культурной среды. В разных речевых условиях улыбка может приобретать новые смысловые функции и выступать как знак доброжелательности, уважения, скрытого напряжения, иронии или стремления поддержать контакт. В таджикской культуре улыбка и смех не воспринимаются как нейтральные проявления эмоций: их уместность определяется возрастом, статусом собеседника, характером ситуации и общими нравственными нормами общения.

В невербальном общении не только улыбка, но и смех играют роль в установлении взаимопонимания. Когда человек громко смеется, все обращают внимание на то, почему он смеется. Они ищут причину и стараются быстро ее понять. Смех важен в повседневном общении, если он возникает с целью уважения и подкрепления чьей-либо речи. Обычно таджики определяют место смеха и отсутствия смеха. В основном, когда мы счастливы, мы радуемся или смеемся над интересными вещами и счастливыми моментами. В то же время есть места и ситуации, где смех не является неуместным согласно частью таджикских нравов, например, в день траура или при посещении больного человека смеяться не разрешается, в таджикской культуре это считается невежливым. Если человек находится в состоянии гнева или беспокойства, смеяться над ним недопустимо. Например,

Ва Шоир ҳам пичиррос зад: – Тамалуқзаниҳои мову шумо бемағзро пурмағз нишон медиҳад. Ва мардуми омӣ бовар мекунанд. Ва онҳо беихтиер хандиданд, ва ин хандаи бемаврид ва берухсат, ба Амир хуш наомад:

– *Ҳа, боз чӣ дурӯз бофтад?*

– *Амирам, васфи шуморо кардем, – Шоир аз ҷой бархост ва дастҳо пеши бар гирифт.*

[И поэт тоже прошептал: – Наша с вами лезть придает пустому видимость значимости. И простой народ верит этому. Они невольно рассмеялись, и этот неуместный, несвоевременный смех пришелся Эмиру не по душе.

– Ну, и какую еще ложь вы сочинили?

– Повелитель, мы лишь восхваляли вас, – поэт поднялся с места и почтительно сложил руки перед собой] [П.31, 133].

Смех, как и улыбка, относится к значимым средствам невербального общения и выполняет важную контактную функцию. Он может выражать радость, согласие, расположение к собеседнику, внутреннюю близость и готовность поддержать разговор. Вместе с тем смех не всегда связан только с положительными эмоциями: в зависимости от ситуации он может передавать иронию, неловкость, недовольство, скрытую напряженность или саркастическое отношение. В таджикской культуре уместность смеха регулируется нравственными нормами: он должен соответствовать возрасту, статусу собеседника, месту общения и общему эмоциональному фону ситуации. Поэтому в художественной прозе улыбка и смех часто используются не просто как внешние проявления эмоций, а как средства раскрытия характера персонажа и его отношения к окружающим.

После рассмотрения мимических средств общения естественно перейти к жестам рук, поскольку именно руки в таджикском речевом этикете часто выступают средством приветствия, уважения, молитвы, просьбы, отказа, тревоги, недовольства или эмоционального напряжения.

В системе невербального общения особую роль выполняют руки, поскольку их положение, движение и степень напряженности способны передавать широкий круг коммуникативных значений. Жесты рук могут выражать согласие, отказ, недовольство, защитную реакцию, эмоциональное напряжение, просьбу или стремление воздействовать на собеседника.

Поэтому при анализе невербального поведения важно учитывать не отдельный жест сам по себе, а его связь с ситуацией общения, мимикой, интонацией и общим поведением говорящего.

Положение рук на груди, их скрещивание или прижатие к телу обычно связано с внутренней закрытостью, настороженностью, самозащитой или несогласием. В подобных случаях невербальное поведение может противоречить произнесенным словам: внешнее согласие не всегда совпадает с жестами, которые указывают на напряжение или скрытое неприятие. Напротив, открытое положение рук чаще воспринимается как признак готовности к контакту, спокойствия и доверия. В художественной прозе такие детали позволяют точнее раскрыть психологическое состояние персонажа и показать скрытый смысл общения.

В рамках данного исследования особое значение имеют жесты, непосредственно участвующие в выражении этикетного отношения. К ним относятся удар рукой по столу как знак резкого возражения или недовольства, поднятые руки как элемент молитвы и благословения, руки на груди как знак почтения, а также различные положения рук, передающие тревогу, стыд, растерянность или внутреннюю сосредоточенность. Эти жесты образуют важный слой невербальных средств таджикского речевого этикета и дополняют вербальные формулы общения. Например,

– *Аблаҳ, – Фил дастонаширо рӯи миз тиргак ниҳода нимхез шуд, – хӯроки шохона биер! Ошпазҳо медонанд, ки барои хоҷаи ту чӣ хӯрдание диҳанд* «– Глупец, – Фил ударил руками по столу и встал, – принеси царскую еду! Повара знают, что приготовить для вашего хозяина» [Ш.1,96].

Жесты рук в таджикской художественной прозе выполняют разные коммуникативные функции и помогают передать состояние персонажа без прямого словесного объяснения. Одни жесты связаны с принуждением, подавлением воли и физическим воздействием, другие выражают уверенность, стремление контролировать ситуацию, внутреннюю замкнутость, обиду, молитвенное обращение, благословение или состояние

глубокой задумчивости. В каждом случае значение жеста определяется не только самим движением руки, но и общей ситуацией общения, социальным положением участников, эмоциональным состоянием персонажа и культурной нормой поведения.

Скручивание рук или связывание запястий обычно передает ситуацию насилия, лишения свободы и подавления сопротивления. В художественном тексте такой жест не имеет этикетного значения в прямом смысле, однако важен для характеристики нарушения человеческого достоинства и разрушения нормального коммуникативного порядка. Для сравнения: *Чанд тан ҳадаҳа ба тиразан дарафтода, ўро паҳи карда, банди дастонаширо мурданивор фишурдаву тобиданд, то панҷаҳояш суст шаванд*. [Несколько человек набросились на старуху, прижали ее, с силой сжали и выкручивали ей запястья, пока ее пальцы не ослабли] [Ш. 1, 130].

Положение рук на поясе или по бокам чаще связано с демонстрацией уверенности, властности, самоконтроля или стремления подчеркнуть свое положение в разговоре. В зависимости от контекста такой жест может выражать и спокойную уверенность, и попытку воздействовать на собеседников. Например, – *Аз ман наноled, бачаҳо. Ҳамеша меҳрубон будам-ку, – ханда ба лаб гуфт ў ва дастонаширо ба миен ниҳода, бо савлат афзуд. – Нағз кор кардем. Байни дигар бригадаҳо ҳамеша пешқадам. Эҳа, ун қадар сандуқе шумо сохтед*. [Не жалуйтесь на меня, ребята. Я ведь всегда был добрым, – сказал он с улыбкой и, положив руки на пояс, уверенно добавил: – Мы хорошо работали. Среди других бригад всегда были передовыми. Эх, сколько сундуков вы сделали] [Ш. 1, 156].

Руки, спрятанные в карманы, могут указывать на внутреннюю закрытость, обиду, неловкость, отчуждение или нежелание продолжать контакт. Такой жест нередко сопровождает уход персонажа из ситуации общения и показывает его эмоциональное отстранение. Для сравнения: *Шамшиод ранҷида аз суфа фуромаду дастонаширо ба кисаҳои шим хаста, аз*

дарвоза баромад. [«Шамшод, обиженный, сошел с суфы, засунул руки в карманы брюк и вышел за ворота»] [II. 32, 283].

Поднятые вверх руки в таджикской культуре часто связаны с молитвой, благопожеланием и обращением к Богу. В таком случае жест усиливает словесную формулу и придает ей сакрально-этикетный характер. Например, – *Дар роҳ нон гирифта баромадан хосияти бисере дорад, бо шарофати нон раванда аз хатарҳо эмин мемонад, – гуфт ва ба қибла нигоҳ карда дастонаширо ба ҳаво бардошта, – Худо ба шумо роҳи сафед диҳад! – гӯен дуо кард ва дастонаширо бар рӯ кашид.* [«Взять хлеб в дорогу имеет большое значение: благодаря хлебу путник будет защищен от опасностей, – сказал он и, повернувшись к кибле, поднял руки вверх: – Да даст вам Бог счастливого пути! – произнес молитву и провел руками по лицу»] [II. 5, 233–234].

Жест поднятых рук может также сопровождать благословение, молитвенное пожелание и завершение обряда. В подобных случаях рука становится не просто телесным движением, а частью религиозно-нравственной культуры общения. Для сравнения: *Баъд аз он ки таъсири дуохонии худро ба деҳқон басанда дид, дастонаширо кушода фотиҳа хонда ба рӯяш молиш дод ва пас аз он ба саломи деҳқон ҷавоб гардонда: – Додар! Агар назру ниезе дошта бошед, бароред, аз ҷониби ҳазрати Хизр, ки дар панҷ вақт намоз дар ин масҷид ҳозир мешаванд, қабул мекунам, – гуфт.* [«Когда он счел свое чтение молитвы достаточным для воздействия на крестьянина, он раскрыл руки, прочитал фатиху, провел ими по лицу, а затем ответил на приветствие крестьянина: – Брат! Если у вас есть обет или подношение, принесите; я приму его от имени хазрата Хизра, который присутствует в этой мечети во время пяти ежедневных молитв, – сказал он»] [II. 5, 233–268].

Положение, при котором человек держит голову руками, обычно передает состояние задумчивости, тревоги, усталости, внутреннего напряжения или сосредоточенного размышления. Такой жест помогает показать психологическое состояние персонажа без прямого авторского объяснения. Например, *Усто ба лаби суфа нишаста, оринҷояширо ба ду*

зонуяш така дода, сараширо бо дастонаш дошта, ба хаел рафт. [«Мастер сел на край суфы, уперся локтями в колени, обхватил голову руками и погрузился в раздумье»] [II. 28, 120].

Исследование невербального общения занимает важное место в коммуникативной лингвистике, поскольку жесты, мимика и телесные движения нередко передают ту информацию, которая не выражается непосредственно словами. Среди невербальных средств особую активность проявляют руки: через их положение и движение собеседник может передавать согласие, ожидание, сомнение, уверенность, напряжение, отказ или стремление воздействовать на адресата. В разных культурах одни и те же жесты могут получать неодинаковую интерпретацию, поэтому их значение следует рассматривать с учетом конкретной речевой ситуации, социального положения участников общения и национально-культурной нормы.

В таджикском речевом этикете жесты рук также выполняют важную коммуникативную функцию. Потирание ладоней может указывать на ожидание желаемого результата или внутреннее возбуждение; сцепленные пальцы нередко передают напряжение, сдерживаемое недовольство или сосредоточенность; соединенные кончики пальцев могут выразить уверенность, самоконтроль и стремление подчеркнуть авторитет; руки за спиной обычно воспринимаются как знак сдержанности, уверенности или официальной дистанции. Однако значение каждого жеста не является постоянным: оно зависит от контекста, интонации, выражения лица и общего поведения собеседника.

Функции невербального общения особенно отчетливо проявляются тогда, когда жест или мимика не просто сопровождают слово, а уточняют, усиливают или частично заменяют вербальное высказывание. В таких случаях невербальный знак помогает быстрее передать эмоциональное состояние, отношение к собеседнику или скрытый смысл ситуации. В отличие от словесной речи, жесты и мимика часто менее контролируемы,

поэтому они могут раскрывать внутреннее состояние человека более непосредственно.

Следовательно, невербальные средства не противопоставляются вербальной речи, а дополняют ее и расширяют коммуникативные возможности говорящего. В таджикском речевом этикете они помогают передать уважение, согласие, тревогу, недовольство, благодарность, расположение или социальную дистанцию. Именно поэтому при анализе художественного текста важно учитывать не только произнесенные реплики, но и сопровождающие их жесты, движения рук, взгляд, мимику и положение тела персонажа.

В художественной прозе подобные функции невербального общения особенно заметны в тех случаях, когда жест фактически заменяет словесную реакцию персонажа. Кивок головы, пожимание плечами, подмигивание или взгляд вниз могут передавать согласие, незнание, скрытый намек, смущение или принятие решения без развернутой реплики. В таких эпизодах невербальное средство становится самостоятельным коммуникативным знаком и позволяет автору показать внутреннее состояние персонажа через внешнее движение. Для сравнения приводим следующие примеры:

Ноиб бо шунидани ин сухан сар чунбонда ба суоли арбоб чавоби эҷобӣ дод. Қоришшамба бошад, дар ҳузури ноиб инкор кардани хизматҳои ӯро муносиб надида соқит монд [Услышав это, наместник покачал головой и дал положительный ответ на вопрос старейшина. Коришшамба и наличие имени не схел уместным отрицать его серезити и промолчал] [II.6, 312];

Аз ҳар кадоми онҳо, ки «чӣ гап, чӣ шудааст?»– гуфта мепурсидам, бе он ки лаб во кунанд, китфашонро боло кашида ишорати «ман чӣ донам?»– ро медоданд [Я каждого из них спрашиваю: «Что случилось, что это?», а они не то что рта не открывали, а только и делали, что поднимали плечи и, как вы говоря : «Откуда мне знать?»] [II.4, 109];

Невербальное общение занимает важное место в таджикской коммуникативной культуре и имеет глубокие исторические корни. Оно не

только сопровождает устную речь, но и существенно расширяет возможности общения, позволяя передавать дополнительные смысловые, эмоциональные и оценочные оттенки. В процессе коммуникации невербальные средства помогают уточнить отношение говорящего к собеседнику, выразить внутреннее состояние, усилить эмоциональное воздействие речи и регулировать характер взаимодействия между участниками общения.

Дальнейший анализ показывает, что невербальные средства распределяются по разным зонам телесного выражения. Лицо, глаза, брови, губы, руки, плечи, положение головы и общее положение тела образуют единую коммуникативную систему, в которой каждый элемент способен приобретать этикетное значение. Через мимику, взгляд, жесты и движения тела могут передаваться уважение, согласие, недовольство, тревога, дружелюбие, настороженность или стремление сохранить дистанцию.

В таджикском речевом этикете невербальные средства выполняют несколько взаимосвязанных функций. Они могут дополнять словесное высказывание, усиливать его эмоциональное значение, повторять уже выраженную мысль или, напротив, вступать в противоречие с произнесенными словами. В ряде случаев жест, взгляд или выражение лица способны частично заменить словесную реакцию и самостоятельно передать необходимую информацию. Особенно заметно это в ситуациях, когда невербальное поведение помогает начать разговор, завершить его, изменить тему общения или поддержать эмоциональный контакт между собеседниками.

Таким образом, невербальные средства следует рассматривать как неотъемлемую часть таджикского речевого этикета. Они не существуют отдельно от вербальной речи, а функционируют совместно с ней, образуя единую систему коммуникативного поведения, отражающую нравственные нормы, культурные традиции и особенности национального мировосприятия.

Невербальное общение представляет собой важный способ выражения отношения человека к собеседнику, ситуации и окружающей среде. Коммуникация не ограничивается словом: тело, мимика, жесты, взгляд, интонация, тон голоса, внешний облик и даже пространственное поведение участвуют в передаче смысла. Эти средства позволяют дополнить речевое высказывание, раскрыть эмоциональное состояние говорящего, уточнить его намерение и показать те оттенки отношения, которые не всегда прямо выражаются словами.

В этом смысле невербальные средства образуют особую систему знаков, функционирующую рядом с вербальной речью. Они не заменяют язык полностью, но расширяют его коммуникативные возможности. Таджикский язык обладает богатым словарным составом и развитой системой речевого этикета, однако в живом общении важную роль играют также жесты, выражение лица, улыбка, подмигивание, положение рук, высота и тембр голоса, одежда и общая обстановка общения. Каждый из этих элементов может выполнять самостоятельную функцию и влиять на восприятие речи адресатом. В этом отношении важно положение А. П. Садохина, который рассматривает невербальное общение как совокупность неязыковых средств и знаков, участвующих в передаче значимой информации в процессе коммуникации [II. 226, 152].

Согласно научным представлениям, невербальные формы общения имеют более древнюю природу, чем развитая словесная речь. Они связаны как с биологическими реакциями человека, так и с социальным опытом, приобретаемым в процессе жизни. Часть невербальных проявлений носит естественный, почти произвольный характер: покраснение или побледнение лица, расширение глаз, дрожь, частое моргание, изменение голоса. Другие формы закрепляются культурой и зависят от норм поведения, принятых в обществе. Поэтому при анализе таджикского речевого этикета необходимо учитывать обе стороны невербального общения: естественную, связанную с психофизиологическим состоянием человека, и социально-

культурную, отражающую нормы уважения, скромности, дистанции и уместного поведения. Подобные особенности невербального поведения особенно наглядно проявляются в художественной прозе, где мимика, жесты, взгляд и движения персонажей помогают раскрыть их внутреннее состояние и дополняют словесную характеристику героев:

Духтар ба чӣ кор омадани ўро пай бурда худ ба худ сурх шуд, рӯяширо бо нӯги рӯмолаш нима пинҳон кард. [Девушка поняла, по какому делу он пришел и сама по себе покраснела, частично прикрыв лицо краем платка] [II.25 86];

Дили Гулизор тапид, чехрааш сурх шуд, қариб буд, ки дасту пояш аз дарахт канда шуда ба замин фуру галтад. [Сердце Гулизара заколотилось, лицо покраснело, она чуть не упала на землю, оторвились от дерева руками и ногами] [II.25, 268];

– *Даъвогар шуда омадед?! – чашмони Мирзоакрамбой аз хашму газаб сурх шуданд. – Гиред ин еғиҳои сарбадорро! – ба навкаронаш амр кард бек. Вай аз чӣ иборат будани даъвои шӯришгаронро доништан ҳам нахост. – Зада– зада бареду ба зиндон андозед!* [– Вы пришли как истцы?! – Глаза Мирзоакрамбая покраснели от гнева. – Возьмите этих безголовых грабителей! – приказал бек своим рекрутам. Он даже не хотел знать, в чем заключаются претензии повстанцев. – Избейте их и посадите в тюрьму!] [II.25, 376];

Меҳмон ба гӯши худ, ба каромати усто бовар намекард. Ў диққӣ аз ҷой бархоста ба сари вай омада, дурустиш ду сатри хондаширо дида, даме чашмонаширо калон кушода гоҳ ба китоб, гоҳ ба усто нигоҳ карда якбора баланд хандид. [Гость не поверил ни своим ушам, ни учителю. Он осторожно встал и подошел к нему, увидел правильность двух прочитанных им строк, широко раскрыл глаза, глядя то на книгу, то на учителя, и вдруг громко засмеялся] [II.25, 31];

Модарам ки дар як лабаки суфа бо сари хам, як нӯги рӯймолаширо газиди гарқи хаел шуда менишаст, ногоҳ маро дида, чашмонаширо калон кушоду дар ҷояш тахта шуда монд. [Моя мать, сидевшая на краю софы, опустив голову,

закусив один конец платка, задумавшись, вдруг увидела меня, широко раскрыла глаза и застыла на месте] [Ш. 20, 333].

Невербальное общение является подвижной и контекстно зависимой системой. Один и тот же жест, взгляд или выражение лица в разных ситуациях может получать неодинаковое значение. Так, улыбка в одном случае передает искренность, расположение и уважение, а в другом скрытое недовольство, иронию или внутреннюю дистанцию. Поэтому при анализе невербальных средств важно учитывать не только сам внешний знак, но и речевую ситуацию, отношения между собеседниками, эмоциональное состояние персонажа и культурную норму поведения.

В художественной прозе подобные значения раскрываются через конкретные детали мимики и телесного состояния персонажей. Улыбка, взгляд, дрожь рук, холодный пот или опущенные глаза помогают передать то, что не всегда выражается прямой речью: смущение, страх, волнение, облегчение, скрытое согласие или внутреннее напряжение. Например, *Духтар албатта табассум мекард, ки дурахшидани дандонхоёаш менамуд.* [Девушка, конечно, улыбалась, и был виден блеск ее зубов] [Ш. 21, 37]; *Норбибӣ ҳам ба ӯ наздиктар рафта, самимона саломалек кард ва ҳамон замон дар лабонаш табассум пайдо шуд.* [Норбиби тоже подошла к нему ближе, искренне поздоровалась, и в тот же миг на ее губах появилась улыбка] [Ш. 28, 94].

Наряду с этим необходимо учитывать, что часть невербальных проявлений имеет национально-культурный характер, а часть связана с естественными физиологическими реакциями человека. Культурно обусловленные жесты зависят от традиций общения, норм приветствия, уважения и допустимой дистанции между собеседниками. Физиологические проявления, такие как покраснение лица, дрожь рук, холодный пот, частое моргание, чаще всего передают внутреннее состояние человека и возникают непроизвольно. Например,

Чашмонаш ба замин, ба нуқтаи номаълуме дӯхта шуданд, дастонаш камтар меларзиданд. [Его глаза были устремлены в землю, в какую-то неопределенную точку, руки слегка дрожали] [II. 28, 135]; *Норбибӣ ки сар то пояшро арақи хунук зер карда буд, худро як қадар сабук ҳис карда, номаълум оҳе кашида монд.* [Норбиби, покрытая холодным потом с головы до ног, почувствовала некоторое облегчение и невольно тяжело вздохнула] [II. 28, 102].

Невербальные средства в художественном тексте могут отражать не только эмоциональное состояние персонажа, но и реальные обстоятельства общения: физическое воздействие, усталость, угрозу, принуждение, согласие, отказ или готовность завершить разговор. В таких случаях жест, движение или телесная реакция становятся информативным знаком, который помогает читателю понять ситуацию без дополнительного авторского объяснения. Например, *Нуки дастаи қамчин ба чаккаи Калтаи Мансур бархӯрд, болои чашмонаш хун нишеб шуд.* [Кончик рукояти плети ударил Калтаи Мансура по виску, и кровь потекла ему на глаза] [II. 2, 425].

В другом эпизоде невербальное поведение связано уже не с физическим действием, а с подтверждением словесной реакции: *Ман табассум кардаму ночор сар ҷунбондам. Вай гуфт: «Дар мактаб ба дасти муаллими «шеърдӯсте» гирифта будаед, вай ба шумо ҳифзи варақ-варақ шеърро супориш карда, шуморо аз шеър дилгир намудаст, ҳамин тавр не?» Ман боз ба тасдиқи суханони ӯ сар ҷунбондам.* [Я улыбнулся и невольно кивнул. Он сказал: «В школе вы, наверное, попали к учителю, который любил стихи; он задавал вам учить стихи страницами и отбил у вас охоту к поэзии, не так ли?» Я снова кивнул в подтверждение его слов] [II. 10, 263].

Таким образом, невербальное общение в таджикской художественной прозе выступает как важная часть речевого этикета и коммуникативного поведения персонажей. Оно помогает передавать информацию, усиливать словесное высказывание, заменять краткую реплику, выражать внутреннее состояние и обозначать отношение между участниками общения. В

дальнейшем эти средства целесообразно рассматривать не как разрозненные подразделы, а как взаимосвязанные компоненты единой системы вербального и невербального поведения в таджикском речевом этикете.

В таджикском речевом этикете невербальные средства общения используются в зависимости от конкретной речевой ситуации, социального статуса участников, степени знакомства, возраста, пола и культурной дистанции между собеседниками. В таджикском языкознании эта область пока не получила достаточно полного и системного описания, поэтому ее изучение представляет особый научный интерес. При обращении к классификациям, разработанным в мировой коммуникативной лингвистике, необходимо учитывать, что универсальные модели невербального поведения не всегда полностью совпадают с нормами таджикской культуры. Так, представления об интимной, личной, социальной и публичной дистанции должны рассматриваться с учетом национальных норм скромности, уважения, гендерного поведения и допустимых форм телесного контакта.

В системе невербального общения особую роль выполняют руки, поскольку именно жесты рук чаще всего сопровождают речевое взаимодействие и передают дополнительные оттенки смысла. Через положение рук, движение пальцев, ладоней, плеч, глаз, губ и всего корпуса выражаются согласие, отказ, уважение, тревога, смущение, уверенность или внутреннее напряжение. Даже поза человека и способ его стояния могут выполнять коммуникативную функцию. Поэтому невербальные средства в таджикском речевом этикете следует рассматривать не как случайные движения, а как культурно обусловленные знаки, значение которых раскрывается только в связи с речевой ситуацией, отношениями между собеседниками и нормами вежливого поведения.

В невербальном общении практически каждая часть тела способна приобретать коммуникативное значение и участвовать в передаче эмоциональной, оценочной или этикетной информации. Лицо, глаза, брови, губы, руки, плечи и пальцы образуют единую систему невербальных знаков,

через которую человек выражает отношение к собеседнику, внутреннее состояние, согласие, недовольство, тревогу, смущение, иронию или эмоциональное напряжение. В художественной прозе подобные детали особенно важны, поскольку позволяют раскрыть психологическое состояние персонажа без прямого авторского объяснения.

Выражение лица в таджикской речевой культуре нередко отражает внутреннюю реакцию человека на происходящее. Нахмуренное лицо, отведенный взгляд, сжатые губы или резкий поворот головы могут указывать на раздражение, недовольство, смущение или стремление прекратить разговор. Например,

– *Оббо... – безобита шуда аз Анвар рӯй тофт Соҳиб.* [– Оббо... – Соҳиб, раздраженный, отвернулся от Анвара] [II. 18, 407].

Особую роль в невербальном поведении играют глаза и взгляд. Через направление взгляда, подмигивание, избегание зрительного контакта или быстрые движения глаз персонаж может выражать согласие, скрытый намек, недоверие, тревогу или внутреннее колебание. Для сравнения:

Хубон чанд сония гоҳ ба мардум ва гоҳ ба роҳ чаши давонду баъд беихтиер аз байни гандумноя оҳиста-оҳиста поен рафтан гирифт. [Несколько секунд Хубон переводил взгляд то на людей, то на дорогу, а затем невольно начал медленно спускаться среди снопов пшеницы] [II. 18, 348].

Мимические движения бровей и губ также передают эмоциональное состояние персонажа и помогают показать скрытое отношение к ситуации. Нахмуренные брови могут выражать недовольство, сомнение или внутреннее напряжение, тогда как прикусывание губ нередко связано с волнением, неловкостью или попыткой скрыть переживание. Например,

Модари ту... – бобо лаб хоида нигоҳашро мегурезонад. [Твоя мать... – дедушка закусил губу и отвел взгляд] [II. 36, 267].

Важную функцию выполняют и жесты рук, плеч и пальцев. Они способны заменять краткую словесную реакцию, усиливать эмоциональный оттенок речи или указывать на отношение между собеседниками. Разведение

рук, пожимание плечами или указание пальцем в художественном тексте становятся самостоятельными коммуникативными знаками. Например, *Ман ки то ин дам сухани ўро бо диққат гӯш мекардам, чӣ ҷавоб доданро надониста, китф барҳам кашидам*. [Я, до этого внимательно слушавший его, не зная, что ответить, пожал плечами] [II. 23, 16]; *Фил бо ангушт ишора кард, ки бархезад*. [Фил указал пальцем, чтобы он встал] [II. 2, 150].

Рассмотренные материалы показывают, что невербальные средства в таджикском речевом этикете образуют сложную систему телесных знаков, тесно связанную с эмоциональной, культурной и коммуникативной стороной общения. Их значение раскрывается не само по себе, а в конкретной речевой ситуации, с учетом отношений между собеседниками, интонации, степени близости и общей тональности взаимодействия.

Для таджикской культуры общения особенно важны сдержанность, умеренность движений, уважительная дистанция, спокойная мимика и отсутствие агрессивной телесной выразительности. Жест не должен быть резким, чрезмерным или навязчивым, поскольку в таком случае он нарушает коммуникативное равновесие и может вызвать у собеседника чувство неловкости. Поэтому жестовое поведение в таджикском речевом этикете подчиняется нормам уважения, нравственной меры и социальной уместности.

По своей функции невербальные средства могут выражать одобрение или неодобрение, согласие или несогласие, тревогу, смущение, усталость, раздражение, внутреннее напряжение, приглашение, просьбу, остановку или стремление усилить сказанное. Однако подобное деление остается условным, поскольку один и тот же жест в разных ситуациях может получать разные значения. Положительное невербальное общение проявляется в спокойной позе, умеренной жестикуляции, открытом выражении лица, внимательном взгляде, кивке головы в знак согласия и мягком движении руки, не нарушающем личную дистанцию собеседника. Напротив, поворот спиной, резкое указание рукой, насмешливая мимика, жесткий взгляд, скрещенные на

груди руки или демонстративное безразличие могут восприниматься как признаки холодности, несогласия, скрытого недовольства или нарушения этикетной нормы.

Следовательно, невербальные средства в таджикском речевом этикете выступают важным регулятором общения. Они помогают не только передавать информацию, но и сохранять уважение, сдержанность и психологическое равновесие между участниками диалога. Именно поэтому анализ жестов, мимики, взгляда, позы и дистанции должен проводиться в тесной связи с вербальными формулами речевого этикета и общей культурой поведения.

Жесты и мимика в таджикском речевом этикете выполняют не только вспомогательную, но и смыслообразующую функцию. Они усиливают речь, уточняют отношение говорящего к адресату и помогают передать те оттенки мысли, которые не всегда выражаются словами. Однако жестовое поведение должно быть умеренным и соответствовать ситуации общения: чрезмерно резкие движения, пристальный взгляд, неуместное подмигивание, навязательная мимика или указание пальцем могут восприниматься как нарушение этикетной нормы. В таджикской культуре особенно значимы сдержанность, уважительная дистанция, доброжелательное выражение лица и мягкость жеста.

Указательные и риторические жесты помогают направить внимание собеседника, пояснить мысль, обозначить предмет или пространство. При этом в таджикском речевом этикете более уважительной формой считается открытая ладонь, а не резкое указание пальцем. Жест должен сопровождать речь, но не заменять уважительную форму общения и не создавать ощущения давления на адресата.

Мимика лица, движение бровей, взгляд и положение губ также участвуют в создании этикетного смысла. Через них выражаются страх, сомнение, смущение, согласие, тревога, недовольство или скрытая ирония. Например,

Султоналихон аз чӣ бошад, ки ба тарс афтода буд. Вай гардани борикаширо ба пеш езонда ва тез-тез мижа зада, гоҳ ба дар, гоҳ ба Абдулатиф менигарист. [Султоналихон почему-то был напуган. Он вытянул тонкую шею вперед, часто моргал и смотрел то на дверь, то на Абдулатифа] [II. 20, 422–423].

В другом случае мимика передает не страх, а внутреннюю оценку и скрытое эмоциональное состояние персонажа: *Одам касбаширо нағз бинад, ҳамин хел мешавад, – усто лаб газида як абруи камонвар качаширо болою дигарашро поен кашида чарм мебурид.* [Вот что бывает, когда человек любит свое ремесло, – мастер закусил губу, поднял одну изогнутую бровь, другую опустил и продолжал резать кожу] [II. 21, 27].

Особое место занимает зрительный контакт. В таджикской культуре прямой и продолжительный взгляд на малознакомого человека не всегда считается уместным, поскольку может вызвать неловкость, подозрение или ощущение вторжения в личное пространство. Напротив, доброжелательный взгляд, мягкая улыбка и умеренная мимика способствуют установлению доверительного общения. Поэтому взгляд, как и жест, должен соответствовать возрасту, полу, статусу и степени близости собеседников.

Вербальные и невербальные средства общения различаются по способу передачи информации, но в речевом этикете они действуют совместно. Слово обычно передает основное содержание высказывания, тогда как жест, взгляд, интонация, мимика и положение тела уточняют его эмоциональный смысл. Невербальные знаки могут дополнять речь, усиливать ее, заменять краткую реплику или, напротив, противоречить сказанному. Именно поэтому в художественной прозе жесты и мимика часто помогают раскрыть истинное состояние персонажа глубже, чем его слова.

Материал таджикской прозы XX-XXI веков показывает, что невербальные средства речевого этикета отражают не только индивидуальные особенности персонажей, но и историко-культурные изменения в обществе. В произведениях разных поколений писателей

встречаются устойчивые модели невербального поведения: кивок головы как знак согласия или отрицания, указательный жест, движение плеч, толчок, отведение взгляда, улыбка, смех, молитвенное поднятие рук. Одни из этих форм сохраняют традиционную этикетную окраску, другие получают новые значения в зависимости от социальной среды, художественного контекста и авторской манеры.

Например, кивок головы в художественной прозе может выражать как согласие, так и отрицание, сожаление или внутреннюю подавленность: *Одина ҳам бо шиорати сарҷунбонӣ гайр аз «оре» гуфтан чораи дигар надоишт.* [Одине ничего не оставалось, кроме как кивком головы сказать «да»] [II. 6, 28]. Жест может быть связан уже с физическим воздействием и принуждением: *Сарбозон онҳоро ба чуқурӣ ба болои бандиҳои дигар тела дода фиристоданд.* [Солдаты столкнули их в яму поверх других арестованных] [II. 25, 458].

Обобщение рассмотренного материала позволяет заключить, что вербальные и невербальные средства таджикского речевого этикета функционируют как взаимодополняющие компоненты одной коммуникативной системы. Словесная формула задает основное содержание общения, а невербальный знак определяет его тональность, степень искренности, эмоциональную напряженность и социальную уместность. Поэтому изучение таджикского речевого этикета без анализа жестов, мимики, взгляда, позы и дистанции между собеседниками было бы неполным. Национальная культура общения проявляется не только в устойчивых речевых формулах, но и в тех формах поведения, которые сопровождают слово, поддерживают его смысл и обеспечивают гармонию межличностных отношений.

Выводы по второй главе

Во второй главе диссертации были рассмотрены эволюция формул таджикского речевого этикета, их жанровая организация, основные типы

коммуникативных формул, а также соотношение вербальных и невербальных средств в системе таджикского этикетного общения. Проведенный анализ показал, что таджикский речевой этикет представляет собой исторически развивающуюся систему, в которой устойчивость традиционных форм сочетается с постоянным обновлением речевых моделей под влиянием социальных, культурных, политических и языковых факторов.

Жанровая система таджикского речевого этикета не является замкнутой и окончательно завершенной. Ее развитие связано с изменением общественных отношений, норм поведения, коммуникативных потребностей и языковой среды. Формулы обращения, приветствия, похвалы, комплимента, просьбы, поздравления, извинения, утешения и ответной реакции образуют взаимосвязанную систему, в которой каждый жанр выполняет собственную коммуникативную функцию, но в реальной речи нередко взаимодействует с другими жанрами. Так, просьба может сопровождаться обращением, извинением или благодарностью; поздравление может включать элементы похвалы и благопожелания; утешение часто соединяется с советом, молитвенной формулой и выражением сочувствия. Это подтверждает сложный и динамичный характер таджикского речевого этикета.

Анализ материала показал, что до начала XX века в таджикском речевом этикете активно функционировали формулы, связанные с религиозной, сословной и традиционной культурой общения: *иншоаллоҳ* «если пожелает Бог», *мошоаллоҳ* «как пожелал Бог», *боракаллоҳ* «да благословит Бог», *тақсир* «господин, уважаемый», *эшон* «духовное лицо, религиозный наставник», *домулло* «богослов, ученый-мулла», *шариатпаноҳ* «защитник шариата», *қозӣ* «судья», *муфтӣ* «религиозный правовед» и другие. Эти формы отражали социальную иерархию, религиозное мировосприятие и нормы уважительного обращения, характерные для прежних этапов развития общества. В дальнейшем часть таких формул сохранилась в художественной речи, бытовом общении и религиозно

окрашенных ситуациях, другая часть постепенно перешла в пассивный слой языка или изменила сферу употребления.

В советский период и особенно в условиях развития нового общественного строя в таджикский речевой этикет вошли новые обращения и формулы, связанные с административной, образовательной и профессиональной сферой. Распространение слов *дӯст* «друг», *муаллим* «учитель», а также обращений, связанных с должностью, профессией и общественным статусом, свидетельствует о перестройке коммуникативной системы и изменении представлений о социальном равенстве, официальности и вежливости. Эти процессы показывают, что эволюция речевого этикета происходит не только внутри языка, но и под воздействием исторических обстоятельств, идеологии, образования, перевода и литературной практики.

В период независимости наблюдается новое соотношение традиционных и современных формул речевого этикета. С одной стороны, сохраняются религиозно-нравственные и национально-культурные формы общения, с другой стороны, усиливаются краткие, функциональные и официально-деловые конструкции, отвечающие потребностям современной коммуникации. Это особенно заметно в формулах просьбы, обращения, поздравления и извинения, где наряду с традиционными выражениями используются более конкретные модели официальной и институциональной речи. Следовательно, развитие таджикского речевого этикета связано не с простым вытеснением старых форм новыми, а с перераспределением их функций в разных сферах общения.

Жанровый анализ показал, что формулы обращения и приветствия задают начальную рамку общения и определяют характер дальнейшего речевого контакта. Формулы комплимента, похвалы и ответной реакции выражают положительную оценку, социальное признание и эмоциональную близость, однако их употребление регулируется нормами искренности, меры и уместности. Формулы просьбы, поздравления, извинения и утешения

выполняют регулирующую функцию: они помогают побудить собеседника к действию, выразить радость, восстановить нарушенное коммуникативное равновесие или поддержать человека в трудной ситуации. Таким образом, каждый жанр таджикского речевого этикета связан не только с языковой формой, но и с культурной моделью поведения.

Особое значение во второй главе имел анализ вербальных и невербальных средств таджикского речевого этикета. Было установлено, что невербальные средства не являются второстепенным элементом общения. Жесты, мимика, взгляд, улыбка, смех, положение рук, движение плеч, поза и коммуникативная дистанция дополняют словесную формулу, уточняют ее эмоциональный смысл и помогают определить истинное отношение говорящего к адресату. В художественной прозе XX-XXI веков невербальные элементы часто раскрывают внутреннее состояние персонажа глубже, чем его прямая речь.

В таджикской культуре невербальное поведение подчиняется нормам сдержанности, уважения, скромности и социальной уместности. Чрезмерная жестикуляция, резкое указание рукой, пристальный взгляд, неуместное подмигивание, насмешливая мимика или демонстративное безразличие могут восприниматься как нарушение этикетной нормы. Напротив, спокойная поза, умеренный жест, мягкая улыбка, внимательный взгляд, кивок головы, уважительная дистанция и открытое выражение лица способствуют поддержанию доверительного и корректного общения. Это показывает, что национальная культура речевого этикета проявляется не только в словах, но и в телесном поведении говорящего.

Обобщение материала второй главы позволяет заключить, что таджикский речевой этикет представляет собой целостную коммуникативную систему, в которой вербальные и невербальные средства тесно взаимодействуют. Словесные формулы обеспечивают основное содержание общения, а невербальные знаки определяют его эмоциональную тональность, степень искренности, социальную дистанцию и культурную

уместность. Эволюция этой системы отражает изменения в истории таджикского общества, развитие литературного языка, трансформацию социальных отношений и сохранение национально-культурной специфики общения. Именно поэтому исследование формул таджикского речевого этикета требует одновременного учета семантики, структуры, жанровой функции, исторической динамики и невербального сопровождения речевого поведения.

ГЛАВА III. СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛ ТАДЖИКСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

3.1. Смысловые и стилистические особенности формул таджикского речевого этикета

Выражение мысли в речевом общении не ограничивается передачей информации. Оно предполагает выбор таких слов, словосочетаний и устойчивых речевых формул, которые соответствуют цели высказывания, статусу собеседника, ситуации общения и принятой в обществе норме речевого поведения. В этом отношении формулы таджикского речевого этикета представляют собой не только готовые языковые единицы, употребляемые в типичных коммуникативных ситуациях, но и особый пласт национальной речевой культуры, в котором соединяются смысловая точность, стилистическая уместность, эмоциональная выразительность и этическая направленность слова.

Таджикско-персидская языковая и литературная традиция имеет глубокие исторические корни. В ней сформировалось богатое представление о культуре слова, искусстве беседы, красноречии и нравственной ответственности говорящего перед адресатом. В научных трактатах, памятниках классической литературы и произведениях художественной прозы содержится значительный материал, связанный с речевым этикетом, нормами обращения, приветствия, благодарности, пожелания, извинения, благословения, почтительного отношения к старшим, гостям, наставникам и другим участникам общения. Не все эти источники в полной мере изучены с точки зрения современной лингвистики речевого этикета. Как указывается в исследовательской литературе, «число подобных работ очень велико, но не все из них дошли до нашего времени, а некоторые из них совершенно утеряны или еще не дошли до рук исследователей» [II. 101, 6].

Обращение к этим источникам важно не только для истории языка и литературы, но и для понимания смысловых и стилистических особенностей

современных формул таджикского речевого этикета. В них раскрываются устойчивые способы соотнесения слова с ситуацией, адресатом и коммуникативной целью. Для таджикской речевой культуры характерно представление о том, что слово должно быть не только правильным, но и уместным, мягким, воздействующим, соразмерным обстоятельствам общения. Именно поэтому в традиции особое значение придавалось умению выбирать тон, степень вежливости, меру торжественности или простоты высказывания. Эта мысль близка к пониманию зрелости речи как способности согласовывать слово с ситуацией: «Иными словами, зрелость – это наука, в основе которой рассматриваются способы соответствия слова ситуации, то есть воздействия на адресата; умение соотносить слово с ситуацией, выбор уместного тона. В одном месте нужна простота, а в другом месте некая завершенность. Есть потребность в простоте, есть потребность в музыкализации слова и игре словами» [II. 298, 261].

В речевом этикете эта закономерность проявляется особенно ясно. Одна и та же коммуникативная интенция может выражаться разными формулами в зависимости от социального положения собеседников, возраста, степени близости, эмоционального состояния, официальности или неофициальности ситуации. Например, приветствие, благодарность или пожелание в таджикской речи не всегда выполняют только номинативную или формально-этикетную функцию. Они могут выражать уважение, расположение, дистанцию, почтительность, участие, духовную близость или, напротив, подчеркнутую сдержанность. Поэтому семантика этикетной формулы не сводится к ее прямому значению. Она включает культурный подтекст, оценочный оттенок и стилистическую окраску.

Элементы красоты и выразительности речи обнаруживаются как в живом общении, так и в художественных произведениях, созданных на таджикском языке. Художественная литература особенно ценна для исследования речевого этикета, поскольку в ней формулы общения представлены не изолированно, а в системе персонажной речи, диалога,

конфликта, социального положения и психологического состояния героев. Через художественный текст можно проследить, как этикетная формула действует в конкретной ситуации: смягчает напряжение, выражает уважение, поддерживает иерархию, усиливает эмоциональное воздействие или раскрывает национальный характер общения.

Точность выбора языковой единицы имеет принципиальное значение для речевого этикета. Б. Камолиддинов справедливо подчеркивает: «Если слово или композиция точно выражают понятие о предмете, знаке, действии, ситуации и употребляется в своей позиции, то точно выражено намерение говорящего или наблюдателя» [П. 108, 14]. Эта мысль непосредственно связана с семантико-стилистической природой этикетных формул. В таджикском речевом этикете важно не только то, что говорит человек, но и каким словом, в какой форме, в какой интонации и в каком коммуникативном окружении он выражает свое отношение к собеседнику.

Воздействие речи нередко создается не всем текстом, а отдельным словом, формулой, обращением, пожеланием или фразой, которая становится смысловым и эмоциональным центром высказывания. В художественном произведении такой центр может быть выражен одной репликой персонажа, раскрывающей его воспитание, социальную принадлежность, внутреннее состояние или отношение к другому человеку. В устной коммуникации подобную роль выполняют этикетные формулы, которые воздействуют на сознание адресата, формируют тон общения и определяют дальнейшее развитие диалога. Поэтому культура речевого этикета предполагает умение говорить так, чтобы слово не только передавало мысль, но и сохраняло достоинство собеседника, поддерживало уважительную атмосферу и соответствовало национальным нормам общения.

Особую роль в сохранении и развитии таджикского речевого этикета сыграла художественная проза XX-XXI веков. В произведениях таджикских писателей представлены различные образцы речевого поведения: семейное общение, разговор старших и младших, беседа учителя и ученика, диалог

представителей разных социальных слоев, официальное обращение, народная форма приветствия, благопожелания и прощания. Эти примеры показывают, что речевой этикет является не внешним украшением речи, а важной частью художественного изображения человека и общества. Через этикетные формулы писатели передают не только индивидуальную манеру героя, но и культурную среду, историческое время, систему ценностей и изменения в общественных отношениях.

Таджикский речевой этикет развивался в тесной связи с богатой литературной традицией персоязычных народов. Эта традиция закрепила высокое отношение к слову, к искусству беседы и к нравственной ответственности говорящего. Однако выразительность этикетной речи определяется не только литературной обработанностью фразы. На нее влияют человеческий фактор, тема и содержание разговора, социальный статус участников коммуникации, степень официальности ситуации, эмоциональный фон, соразмерность языковых средств и внутренняя согласованность диалога. Если эти элементы нарушаются, формула речевого этикета теряет естественность и может восприниматься как искусственная, чрезмерная или неуместная.

Семантический анализ формул речевого этикета не должен ограничиваться только значением отдельных слов или построением предложения. В этикетной коммуникации значение формируется шире: через связь языковой единицы с ситуацией, адресатом, интонацией, невербальным поведением и культурной нормой. Психологическое состояние говорящего, порядок слов, выбор обращения, степень экспрессивности и даже пауза могут усиливать или ослаблять воздействие этикетной формулы. Поэтому вербальные и невербальные средства в таджикском речевом этикете следует рассматривать как единую коммуникативную систему, где слово, жест, мимика, тон и социальная дистанция взаимно дополняют друг друга.

Изучение речевого этикета показывает, что одним из важных путей выявления его смысловых и стилистических особенностей является

обращение к литературным произведениям классиков и писателей нового времени. Знаменитые произведения, созданные на персидско-таджикском языке, могут быть рассмотрены с точки зрения инвенции как раздела риторики, связанного со смысловой организацией речи. Такой подход позволяет увидеть, каким образом речевая формула строится не только грамматически, но и содержательно: какую мысль она несет, какое отношение выражает, какой эффект производит на адресата и каким образом включается в общую структуру диалога.

В этом отношении важно учитывать мысль Абдулкахира Джурджани о том, что «язык – это не набор слов, а набор отношений» [П. 299, 268]. Для анализа формул таджикского речевого этикета данное положение имеет особое значение. Этикетная формула существует не сама по себе, а в системе отношений между говорящим и слушающим, между словом и ситуацией, между нормой и индивидуальным употреблением, между традицией и современным коммуникативным опытом. Именно в этой системе раскрываются ее семантические оттенки, стилистическая функция и культурная значимость.

Таджикский речевой этикет реализуется через устойчивые формулы общения, в состав которых входят отдельные слова, словосочетания и краткие предложения. Эти единицы не являются случайным набором языковых средств: каждая из них обладает определенной семантической нагрузкой, стилистической окраской и коммуникативной функцией. В зависимости от ситуации они могут выражать приветствие, уважение, благодарность, пожелание, сочувствие, одобрение, приглашение к продолжению разговора или эмоциональную поддержку собеседника. Поэтому анализ формул речевого этикета требует внимания не только к их прямому значению, но и к тем образным, оценочным и культурным оттенкам, которые проявляются в живом речевом употреблении.

Семантические возможности таджикского языка позволяют передавать тонкие оттенки отношения между участниками общения. Выразительность

этикетной речи формируется не только за счет выбора нормативной формулы, но и посредством художественных средств, которые усиливают воздействие слова, придают ему эмоциональную насыщенность и помогают точнее выразить отношение говорящего к адресату. В таджикско-персидской традиции вопрос выразительности речи имеет глубокую теоретическую основу. Ему посвящены такие известные труды, как «Тарджуман-ул-балага» Мухаммада бин Умара Родиени XI века, «Хадаик-ус-сехр» Рашида Ватвата, «Аль-муджам» Шамси Кайса Рози XII века, «Иджаз Хосрави» Хосрава Дехлави XII века, «Бадае-ус-санае» Атоуллы Махмуда Хусайни XV века, «Хадаик-ул-хакаик» Шарафуддина бин Мухаммада Роми Табрези XVI века. В последующие столетия интерес к искусству слова не ослабевал, что подтверждает устойчивость представлений о выразительной и уместной речи как важной части культурной традиции.

Для данного исследования принципиально важно, что названные труды не ограничиваются поэтической или риторической сферой. Они позволяют глубже понять и речевой этикет, поскольку в этикетной коммуникации слово также должно соответствовать ситуации, адресату и ожидаемому эмоциональному результату. Выразительность здесь не означает украшение речи ради внешнего эффекта. Она связана с точностью выбора формулы, с ее уместностью, с мерой уважения и с тем воздействием, которое слово оказывает на собеседника.

Таджикский речевой этикет опирается на соединение смысла и стилистической формы. Без этого единства этикетная формула теряет свою коммуникативную силу: она может оставаться грамматически правильной, но не достигать нужного воздействия. Вежливое слово должно быть сказано в соответствующем тоне, в подходящей форме и в нужный момент. Поэтому смысловая сторона формулы неотделима от ее стилистического оформления. Именно это позволяет различать нейтральные, уважительные, торжественные, ласковые, доверительные или эмоционально усиленные формы речевого поведения.

Использование художественных средств в таджикском речевом этикете связано с богатым наследием таджикско-персидской литературы. Речь идет не о механическом перенесении поэтических приемов в повседневное общение, а о владении выразительными возможностями языка. Человек, говорящий красиво и уместно, не обязательно выступает как поэт или оратор; он прежде всего владеет мерой слова, чувствует ситуацию и умеет выбрать такую форму, которая делает общение уважительным, мягким и убедительным. В этом отношении показательны данные классических риторических источников. По сведениям «Тарджуман-ул-балага», в таджикско-персидской традиции выделялось 73 художественных средства. Т. Н. Зехни пишет: «В «Махосин-ул-каломе» не более 33 художественных средств, но Родиени увеличил их до 73» [Ш. 101, 9].

В речевой практике чаще всего используются такие средства выразительности, как сравнение, метафора, преувеличение, описание, противопоставление, вопросно-ответная форма, удивление, отсылка, ирония, похвала, благопожелание и другие способы эмоционального усиления речи. Однако в речевом этикете они подчиняются не столько эстетической задаче, сколько коммуникативной. Их функция состоит в том, чтобы выразить уважение, расположение, доброжелательность, почтение, утешение или одобрение. Поэтому образно-выразительные средства в этикетной речи следует рассматривать не как внешнее украшение, а как часть смысловой и стилистической организации общения.

Материалом для анализа в данном разделе являются прежде всего тексты таджикской прозы XX-XXI веков. Художественная проза позволяет увидеть, как формулы речевого этикета функционируют в диалоге, как они связаны с характером персонажа, его возрастом, социальным положением, семейной ролью и эмоциональным состоянием. При этом не все виды речевого искусства и не все образно-выразительные средства одинаково активно используются в прозаическом диалоге. Писатель выбирает только те

формы, которые соответствуют речевой ситуации и помогают раскрыть внутренний мир персонажей.

Показателен следующий пример: *Момоям ягона шахсе буд, ки ман аз гуфтани андешаҳоям истиҳола намекардам. Вай ҳам бо ман суҳбат кардан, ба қавли худаш, рӯзро кӯр карданро дӯст медошт. Ба чашмони фариштаат садқа, бачаякам! Гап зан, гап зан, бачаякам!* [Бабушка была единственным человеком, перед которым я не стеснялся высказывать свои мысли. Она тоже любила беседовать со мной, по ее словам, «коротать день». Жертвую собой ради твоих ангельских глаз, мой мальчик! Говори, говори, мой мальчик!].

В этом фрагменте этикетная формула *Ба чашмони фариштаат садқа, бачаякам!* «Жертвую собой ради твоих ангельских глаз, мой мальчик!» выражает не только ласковое обращение бабушки к ребенку, но и особую эмоциональную атмосферу семейного общения. Слово *бачаякам* «мой мальчик», «мой ребенок» усиливает оттенок нежности и душевной близости, а образное выражение *ба чашмони фариштаат садқа* «жертвую собой ради твоих ангельских глаз» придает реплике национально-культурную выразительность и эмоциональную теплоту. Повтор *Гап зан, гап зан* «говори, говори» выполняет не только побудительную функцию, но и поддерживает доверительность разговора, создает ощущение принятия и эмоциональной безопасности. В данном случае речевой этикет проявляется как единство слова, чувства и коммуникативного поведения: этикетная формула не только организует диалог, но и раскрывает нравственную основу отношений между старшим и младшим поколением.

В художественной прозе образность речи часто раскрывается не только в авторском описании, но и в диалогах, обращениях, благопожеланиях, словах сожаления и ласковых формулах, через которые проявляется речевой этикет персонажей. Поэтому при анализе смысловых и стилистических особенностей таджикского речевого этикета важно учитывать не только устойчивые формы приветствия, благодарности или обращения, но и те

образные средства, которые усиливают эмоциональное воздействие этикетной формулы.

Одним из таких средств является метафора. В литературоведении метафора обычно рассматривается как художественный прием, однако в речевом этикете она выполняет более широкую коммуникативную функцию. Метафорическое выражение помогает говорящему передать уважение, нежность, скорбь, восхищение или внутреннюю близость не прямым обозначением чувства, а через образ, понятный в данной национально-культурной среде. Поэтому метафора в этикетной речи связана не только с эстетикой слова, но и с культурой выражения отношения к собеседнику.

В таджикско-персидской риторической традиции метафора получила специальное теоретическое осмысление. В словарном и терминологическом понимании она связана с переносом значения: «...в термине состоит в употреблении слова в невещественном смысле ради *арият* и на основе связи его реального и метафорического значения» [П. 3, 103]. Для настоящего исследования важно то, что такой перенос значения в речевом этикете не является случайным. Он помогает сделать этикетную формулу более выразительной, а отношение говорящего более глубоким и эмоционально ощутимым.

В прозе XX-XXI веков подобные средства особенно часто проявляются в семейно-родственной коммуникации, где речь персонажей строится на ласковых обращениях, сожалении, благопожеланиях и эмоционально насыщенных формулах. В ранее приведенном примере обращение бабушки к ребенку: *Ба чаимони фариштаат садқа, бачаякам!* «Жертвую собой ради твоих ангельских глаз, мой мальчик!» показывает, что метафоричность в таджикском речевом этикете может быть связана с выражением нежности и защиты. Образ *чаимони фариштаат* «твои ангельские глаза» не просто украшает речь, а передает особую степень любви, умиления и духовной близости старшего к младшему.

Другой пример показывает, как метафора участвует в выражении скорби и почитания старшего родственника: *Гули сафеди сари сабадам будед, бобоҷонам! Барои чӣ мо, бачаҳои ба зафлатмондаи шумо, ягон ҳафта пештар наомадем, ки аз дидоратон сер шавем, бобоҷонам? Суханҳои ширини шумоя, насиҳатҳои қимати шумоя акнун ба мо кӣ мегӯяд, бобоҷонам?* [Вы были белым цветком моей корзины, мой дедушка! Почему мы, ваши беспечные дети, не пришли хотя бы на неделю раньше, чтобы насладиться встречей с вами, мой дедушка? Кто теперь скажет нам ваши сладкие слова, ваши драгоценные наставления, мой дедушка?] [II. 27, 299].

В этом фрагменте выражение *Гули сафеди сари сабадам* «белый цветок моей корзины» имеет ярко выраженную метафорическую природу. Оно передает не только любовь к деду, но и представление о нем как о самом дорогом, чистом и избранном человеке в семейном пространстве. Обращение *бобоҷонам* «мой дорогой дедушка» повторяется несколько раз и усиливает эмоциональную напряженность речи. Здесь повтор не является простым речевым дублированием: он передает боль утраты, чувство вины и невозможность смириться с разрывом живого общения.

Особую смысловую нагрузку несут также выражения *суханҳои ширини шумо* «ваши сладкие слова» и *насиҳатҳои қимати шумо* «ваши драгоценные наставления». В них соединяются метафоричность и этикетная оценка. Слово старшего воспринимается как нравственная ценность, как источник поддержки и жизненного опыта. Поэтому речевой этикет в данном случае раскрывает не только форму обращения к умершему родственнику, но и культурную модель отношения к старшему поколению, где уважение к слову старшего сохраняется даже после его ухода.

Не всякая образность в художественном тексте непосредственно относится к речевому этикету. Например, в описательном фрагменте *Аз ҷойи нишастаам ба қафо, ба кӯҳи Уштургардан чашим давондам: қурси офтоб то баландтарин қуллаи Уштургардан расида, гӯе беҳаракат меистод. Дар китфи кӯҳ ба мисли фатири равганин метофт вай* [С того места, где я

сидел, я посмотрел назад, на гору Уштургардан: солнечный диск достиг самой высокой вершины Уштургардана и словно застыл неподвижно. На плече горы он сиял, как масляная лепешка] [П. 23, 56] образность выполняет прежде всего изобразительную функцию. Такое сравнение важно для характеристики художественного стиля автора, однако оно не выражает отношения между участниками общения и потому не может рассматриваться как собственно этикетная формула.

Это разграничение имеет принципиальное значение для анализа. В рамках данного раздела художественные средства интересуют нас не сами по себе, а в той мере, в какой они участвуют в организации речевого поведения персонажей. Метафора, сравнение, повтор, ласкательные формы и эмоционально окрашенные обращения становятся частью речевого этикета тогда, когда они выражают социальную дистанцию, уважение, родственную близость, сочувствие, почтение или нравственную оценку собеседника.

Следовательно, метафора в таджикском речевом этикете выполняет двойную функцию. С одной стороны, она усиливает стилистическую выразительность речи, делает ее более образной и эмоционально насыщенной. С другой стороны, она раскрывает культурный смысл общения: отношение младшего к старшему, живого к ушедшему, близкого человека к члену семьи, говорящего к тому, чье слово сохраняет нравственный авторитет. Именно в этом единстве образности, чувства и социальной нормы проявляется семантико-стилистическая особенность формул таджикского речевого этикета.

Метафора в таджикско-персидской научной и литературной традиции рассматривалась как одно из важных средств воздействия на речь и усиления выразительности слова. Ее сущность связана с переносом значения на основе сходства между предметами, признаками или представлениями. В речевом этикете метафора приобретает особую функцию: она не только делает речь образной, но и помогает выразить отношение говорящего к собеседнику,

передать оценку, уважение, иронию, восхищение, ласковость или эмоциональную близость.

В художественной прозе метафорические выражения нередко включаются в диалог и становятся частью речевой характеристики персонажей. При этом они не всегда являются собственно этикетными формулами, но могут участвовать в создании этикетной ситуации, если выражают отношение одного участника общения к другому. Например, *Номат чӣ буд? Фил? Тавба, ба тухми ном қаҳтӣ расид, ки Фил номат кардаанд? Хайр, намедонам, ки филӣ е шер, лекин одамсуратӣ, бандаи Худоӣ* [Как тебя зовут? Фил? Неужели имен не хватило, что тебя называли Филом? Ну, не знаю, слон ты или лев, но облик у тебя человеческий, ты раб Божий] [Ш. 1, 104].

В этом примере слова *фил* «слон» и *шер* «лев» употреблены не в прямом зоологическом значении, а как переносные характеристики человека. Они создают полшутливую, оценочную интонацию и показывают своеобразную манеру общения персонажа. Однако такая образность находится на границе речевого этикета: она не выражает устойчивой вежливой формулы, но участвует в построении коммуникативного тона, в котором сочетаются удивление, фамильярность и попытка установить контакт.

Более отчетливо этикетная функция метафоры проявляется там, где образное выражение связано с оценкой адресата и с формой обращения. Ср.: *Хоча, ту биравӣ, аҳволи мо чӣ мешавад? – дам ба дам мепурсид Бебок. – Моро ятим, хору зор накун, Хоча. Ба Худо, ки ин ҷо бе ту зеб надорад... – Шайтон, рӯҳбомичоз... Аз пеши чашмат ки дур шудам, сад хочаи дигар меибӣ... – Не-е, он ки бо шеру паланг унс гирифт, магар бо шаголу рӯбоҳ муросо мекунад? Э хоча, хоча... [Ходжа, если ты уйдешь, что с нами будет? – то и дело спрашивал Бебок. – Не оставляй нас сиротами и униженными, Ходжа. Клянусь Богом, без тебя здесь не будет красоты... – Шайтан, хитрая душа... Стоит мне исчезнуть из твоих глаз, найдешь сотню других ходжей... –*

Нет, разве тот, кто привык ко льву и тигру, станет мириться с шакалом и лисой? Эй, Ходжа, Ходжа...] [Ш. 1, 109].

Здесь повтор обращения *Хоҷа* «Ходжа», «господин» задает уважительно-зависимый тон диалога. Выражение *морро ятим, хору зор накун* «не оставляй нас сиротами и униженными» усиливает эмоциональную просьбу и подчеркивает зависимость говорящего от адресата. Метафорическое сопоставление *шер* «лев», *паланг* «тигр», *шағол* «шакал» и *рӯбоҳ* «лиса» переводит отношение к человеку в образный план: Ходжа осмысливается как сильная, значительная фигура, тогда как возможные другие покровители снижены через образы слабости, хитрости или недостойности. В результате метафора становится не просто украшением речи, а средством выражения почтения, привязанности и социальной иерархии.

Иной характер имеет следующий фрагмент: *Эҳа, гуларӯсака бинед! Нозанинҳоро тамошо бикунед! – нишотангез нидо кард Бебок. – Мисли маъшуқаҳои айеми ҷавониҳои худам дилкашанде. Эҳа, ана моҳпарӣ... оҳо, ана сарви хиромон, ҳо дар қадамот ҷонуме! Хоҷа, аз ин неъматҳо бебаҳра намон, ҷашмата об бидеҳ охир! Найтар-найтар рафтаиша бинен...* [Эй, посмотрите на эту красавицу! Полюбуйтесь на прелестниц! – радостно воскликнул Бебок. – Они привлекательны, как возлюбленные моей молодости. Эх, вот луноликая красавица... о, вот стройный кипарис, душа моя к твоим ногам! Ходжа, не оставайся в стороне от этих благ, порадуяй глаза! Посмотри, как плавно она идет...] [Ш. 1, 195].

В данном случае выражения *моҳпарӣ* «луноликая красавица», *сарви хиромон* «плавно идущий кипарис», «стройная красавица», *дар қадамот ҷонуме* «душа моя к твоим ногам» обладают яркой метафорической и экспрессивной окраской. Они передают восхищение внешней красотой и создают эмоционально насыщенную речь персонажа. Вместе с тем эти выражения следует рассматривать с осторожностью: они не являются нейтральными формулами речевого этикета, а отражают конкретную речевую манеру героя, его эмоциональность, фамильярность и склонность к

образному преувеличению. Поэтому их значение для анализа состоит не в том, что они представляют нормативный этикет, а в том, что показывают стилистическое разнообразие речевого поведения в художественной прозе.

Использование метафоры в этикетной коммуникации требует уместности. Слушатель может понять прямой смысл высказывания и без образного переноса, однако именно метафора придает речи эмоциональную глубину и запоминаемость. Если образ выбран удачно, он усиливает уважение, ласку, просьбу или похвалу; если же он слишком далек от опыта адресата или нарушает меру общения, речь становится искусственной и теряет естественность. Поэтому метафора в речевом этикете должна быть связана с понятным культурным контекстом, с ситуацией общения и с характером отношений между собеседниками.

В художественных произведениях метафора воздействует не только на читателя, но и внутри изображенной коммуникации – на адресата речи. Она помогает раскрыть социальную дистанцию, эмоциональную зависимость, иерархию, симпатию, иронию или восхищение. В этом смысле метафорические выражения являются важным материалом для изучения смысловых и стилистических особенностей таджикского речевого этикета. Они показывают, что этикетная формула может быть одновременно коммуникативной, оценочной и образной, а ее сила зависит от соответствия слова ситуации, адресату и национальной речевой традиции.

Среди образно-выразительных средств, активно функционирующих в таджикском речевом этикете, особое место занимает преувеличение. В риторической и литературоведческой традиции оно рассматривается как способ усиления эмоционального воздействия речи и придания высказыванию большей выразительности. В научной литературе данное средство соотносится с понятием гиперболы. В таджикско-персидской риторике преувеличение определяется как намеренное усиление признака, свойства или действия: «...как термин – это увеличение многих качеств в дополнение чего-либо и выход за пределы умеренности» [II. 3, 111].

В речевом этикете преувеличение выполняет не только эстетическую, но и коммуникативную функцию. Оно помогает выразить сочувствие, восхищение, тревогу, ласку, жалобу, благодарность или эмоциональное отношение к собеседнику. Однако степень такого усиления имеет важное значение для культуры общения. В таджикской речевой традиции чрезмерное преувеличение, переходящее в очевидную неправдоподобность, может восприниматься как нарушение нормы общения и утрата естественности речи. Вместе с тем умеренная гиперболизация, связанная с эмоциональной выразительностью и национальной манерой общения, является характерной особенностью разговорного этикета и широко представлена в художественной прозе.

Показательно следующее высказывание: *Ҳамчунин намедонӣ, ки модарат зани ниҳоят хушмуомила буд, дилсафед буд модарат. Одам он тараф истад, ба гапи нағз дарандаву хазандаро ҳам ба роҳаи меандохт.* [Ты даже не знаешь, какой вежливой и добросердечной женщиной была твоя мать. Добрым словом она могла усмирить даже хищников и ползучих тварей] [Ш. 23, 81].

В данном примере выражение *дарандаву хазандаро ҳам ба роҳаи меандохт* «могла усмирить даже хищников и ползучих тварей» представляет собой гиперболическое преувеличение. Его задача состоит не в буквальной передаче действия, а в подчеркивании исключительной мягкости, мудрости и нравственного авторитета женщины. Через преувеличение говорящий выражает уважение и высокую оценку человеческих качеств адресата воспоминания. Таким образом, гипербола здесь становится частью эмоционально-этикетной характеристики.

Подобная функция наблюдается и в другом фрагменте: *Эҳа, пеш касе ҷониби занаи қач менигарист, илоҷ меефт, чашимонашонро кӯр мекард, аммо ҳоло гайри дарун-дарун сӯхтану сабри дандоншикан чорае надорад.* [Да, раньше, если кто-нибудь косо смотрел на его жену, он находил способ

ослепить им глаза, а теперь ему остается только внутренне сгорать и терпеть] [Ш. 1, 114].

Выражение *чашмонашонро кӯр мекард* «ослепил бы им глаза» не следует понимать буквально. Оно передает крайнюю степень ревности, эмоционального напряжения и мужского чувства достоинства. В данном случае преувеличение помогает усилить эмоциональную окраску высказывания и раскрывает особенности разговорной манеры персонажа.

В таджикской разговорной речи гипербола часто употребляется в повседневной коммуникации. Такие выражения, как «я повторял это тысячу раз» или «он убивает меня тысячу раз», не воспринимаются как фактическое описание действия. Их функция заключается в эмоциональном усилении мысли и в стремлении сделать речь более выразительной и запоминающейся. Ср.: *Ман он қадар пир нею лекин бетоби сахт, – шикоят намуд ӯ. – Тарбод ҳамеша, махсусан аз саршавии тирамоҳ то охири зимистон, маро ҳазор бор мекушад* [Я не такой уж старый, но очень болен, – жаловался он. – Ревматизм, особенно с начала осени до конца зимы, тысячу раз меня убивает] [Ш. 21, 299].

Гиперболическое выражение *ҳазор бор мекушад* «тысячу раз убивает» передает не реальное действие, а степень физического страдания говорящего. Благодаря этому речь приобретает эмоциональную убедительность и вызывает сочувствие собеседника.

Особенно выразительно преувеличение проявляется в социально-критических и эмоционально насыщенных речевых ситуациях. Например, *Алҳол мулк хароб, мардум сарсону саргардон, кӯча, чойхона ва бозор пури гадо...* [Теперь страна разорена, люди растеряны и скитаются, улицы, чайханы и рынки полны нищих...] [Ш. 26, 76].

Дальнейшее развитие высказывания строится на цепи гиперболических образов, через которые говорящий выражает возмущение общественным положением и усиливает эмоциональное воздействие речи. Особенно характерно выражение *нозу савлаташ ба ситора дакка мезанад – фил*

бардорад миенаш бишканад [его каприз и величие достигают звезд – подними он слона, сломал бы себе спину]. Здесь преувеличение приобретает сатирическую окраску и используется как средство отрицательной оценки.

В некоторых случаях гипербола становится устойчивой частью народно-разговорной этикетной речи. Ср.: *Ба қавле асояшон сӯзан, чоруқашон галбер шуда буд* [Как говорится, их посохи истерлись до иглы, а обувь стала словно решето] [II. 17, 478].

Данное выражение употребляется для передачи длительных и безрезультатных поисков. Его образность основана на намеренном преувеличении трудностей, пережитых людьми. При этом гипербола выполняет не только изобразительную функцию, но и усиливает эмоциональное сопереживание слушателя.

Анализ художественной прозы показывает, что преувеличение в таджикском речевом этикете тесно связано с эмоциональной культурой общения. Оно используется для усиления сочувствия, уважения, жалобы, восхищения, скорби или возмущения. Однако эффективность гиперболы определяется ее уместностью. Если преувеличение соответствует ситуации общения и национальной речевой традиции, оно делает речь более выразительной и эмоционально убедительной. В противном случае оно воспринимается как искусственное и нарушает естественность коммуникации.

Таким образом, гипербола в таджикском речевом этикете выступает не просто художественным украшением речи, а средством смыслового и эмоционального воздействия. Через нее раскрываются особенности коммуникативного поведения, эмоционального состояния говорящего и национальной культуры речевого общения.

В системе смысловых и стилистических средств таджикского речевого этикета особое место занимает ирония. В отличие от метафоры и гиперболы, которые чаще усиливают эмоциональность и образность речи, ирония строится на расхождении между внешним выражением и внутренним

смыслом высказывания. Говорящий произносит одно, но подразумевает другое, и подлинный смысл раскрывается через ситуацию общения, интонацию, мимику, социальный контекст и отношение собеседников друг к другу. Поэтому ирония особенно важна для анализа речевого этикета как единства вербальных и невербальных средств.

В таджикско-персидской риторической традиции близким к иронии является понятие *таҷоҳули ориф* «притворное незнание знающего». В научной литературе оно объясняется как прием, при котором автор или говорящий делает вид, что не знает того, что ему на самом деле известно: «Незнание ученого как термин в словаре есть притворство невеждой, невежеством, незнанием, а оно означает, что писатель в своих произведениях говорит о чем-то, что он знает, но делает вид, что не знает» [П. 3, 157]. Однако ирония шире данного приема: она может выражать насмешку, скрытую оценку, недовольство, моральную критику или социальное обличение.

В речевом этикете ирония требует особой осторожности. Она может смягчать прямое порицание, позволять говорящему выразить несогласие без открытого конфликта, показать дистанцию или, напротив, подчеркнуть близость между собеседниками, если ирония понятна обеим сторонам. Но при нарушении меры она превращается в грубую насмешку и разрушает этикетную норму общения. Поэтому ироническое высказывание в художественной прозе важно рассматривать не только как средство комического или сатирического эффекта, но и как показатель культуры речевого поведения персонажа.

Показателен следующий фрагмент: *Аморатпаноҳ дар беруни Арк як бозор сохта буд ва ҳар рӯзи ҷумъа одамонаш либосу палос ва қанду курсеро, ки саломмуштоқони дарбор ба расми тухфа овардаанду хазинабоб нест, дар ин бозор фурӯхта, пули нақд мекарданд; ва савдогарони ҳинду рус ҳам ба ин ҷо бор меоварданд ва шариятдонон, ки колои онҳоро ҳаром мегуфтанд, аз харидани борҳояшон ҳазар надоштанд ва худи Амир ҳам парҳез надошт*

[Аморатпаноҳ построил возле Арка базар, и каждую пятницу его люди продавали там одежду, паласы, сахар и сладости, которые придворные почитатели приносили в дар, но которые не подходили для казны, и получали наличные деньги; индийские и русские купцы тоже привозили сюда товары, а знатоки шариата, называвшие эти товары запретными, не избегали покупать их, да и сам Амир не воздерживался] [Ш. 17, 79].

В этом примере ирония связана с разоблачением противоречия между внешней религиозно-нравственной позицией и реальным поведением персонажей. Выражение *шариатдонон, ки колои онҳоро ҳаром мегуфтанд* «знатоки шариата, называвшие эти товары запретными» вступает в смысловой контраст с последующим сообщением о том, что они сами не избегали покупки этих товаров. Иронический эффект создается не отдельным словом, а всей структурой высказывания: автор не дает прямой оценки, но через сопоставление слов и поступков раскрывает лицемерие социальной среды.

Иной тип иронической оценки проявляется в бытовом диалоге: *Вай модарам бошад ҳам, гуфтан нагз не, – таъкид кард Лида, – пиразанҳо сергап мешаванд. Умуман, ҳамаи одамони пир худро доно тарошида, ҳама вақт кори дурустро вайрон карда мегарданд* [Хотя она и моя мать, нехорошо так говорить, – подчеркнула Лида, – старушки бывают многословными. Вообще все старые люди строят из себя умных и все время портят правильное дело] [Ш. 35, 169].

Здесь ирония направлена на речевое поведение самого персонажа. Формально Лида начинает с оговорки *гуфтан нагз не* «нехорошо так говорить», то есть как будто признает этикетное ограничение. Однако дальнейшая фраза нарушает эту же норму, поскольку содержит обобщенно-пренебрежительную оценку старших. В результате возникает внутреннее противоречие между заявленной вежливостью и фактической невежливостью высказывания. Для анализа речевого этикета этот пример важен тем, что

показывает: знание этикетной нормы еще не означает ее соблюдения. Персонаж осознает границу допустимого, но все равно переходит ее.

В следующем примере ирония соединяется с гиперболой и самопрезентацией персонажа: *Муӣсафед барқасди гапи мардум ҳар беғоҳ махсус ба чойхона меомаду бо овози баланд «ҳоли миенам боқувват, думи шера меканам» гуфта, даъвои гайратмандӣ мекард* [Старик, наперекор людским разговорам, каждый вечер специально приходил в чайхану и громко заявлял: «Поясница у меня еще крепкая, льву хвост оторву», – доказывая свою удаль] [П. 18, 393].

Выражение *думи шера меканам* «оторву льву хвост» имеет явно гиперболический характер, но в данном контексте оно приобретает и иронический оттенок. Речь старика направлена на защиту собственного достоинства и демонстрацию силы, однако чрезмерность высказывания делает его комически окрашенным. Здесь ирония возникает из несоответствия между возрастом персонажа, общественным мнением о нем и громкой формулой самоуверенности. В то же время подобная речь сохраняет связь с этикетной ситуацией, поскольку она произносится в пространстве чайханы – традиционного места общения, оценки, шутки и общественного мнения.

Ирония в таджикской прозе XX-XXI веков раскрывает сложные стороны речевого поведения. Она может быть способом скрытой критики, формой социального дистанцирования, средством самозащиты или проявлением разговорной игры. В отличие от прямой грубости, ирония часто действует косвенно: адресат должен уловить подлинный смысл через тон, контекст и культурные ожидания. Именно поэтому она находится на границе вербального и невербального поведения.

Для речевого этикета особенно важно различать иронию и сатиру. Сатира обычно направлена на более резкое обличение общественных пороков, тогда как ирония может сохранять более тонкую форму выражения оценки. В этикетной коммуникации ирония допустима тогда, когда она не

разрушает достоинство собеседника и не превращается в унижение. В художественном тексте это различие помогает понять, как персонажи соблюдают или нарушают нормы общения, как они выражают скрытое недовольство и каким образом национальная речевая культура регулирует пределы насмешки.

Таким образом, ирония в таджикском речевом этикете является не только художественным приемом, но и важным стилистическим показателем коммуникативного поведения. Она выявляет скрытые смыслы, социальные противоречия, отношение говорящего к адресату и степень соблюдения речевой нормы. В этом проявляется ее значение для анализа семантико-стилистических особенностей формул таджикского речевого этикета.

В речевом этикете прием притворного незнания используется для того, чтобы смягчить прямоту высказывания, скрыть осведомленность говорящего или перевести разговор в более управляемую форму. Внешне такая реплика строится как вопрос, однако ее задача не всегда состоит в получении новой информации. Чаще она помогает говорящему сохранить видимое спокойствие, проверить состояние собеседника, вызвать его на ответ или поддержать разговор без открытого давления.

Такой тип речевого поведения показан в следующем фрагменте: *Низомиддин дасту рӯ шуста шуд, нашуд ки Зухрабону аз дар нолишкунон, гирякунон даромада омад: – Хӯш, хӯш, чӣ гап, чӣ ҳодиса? – гуфт худро ба нодонӣ зада Низомиддин. – Ҳалима сиҳат-мӣ?* [Едва Низомиддин умылся, как в дверь с жалобами и плачем вошла Зухрабону. – Ну, ну, что случилось, что произошло? – сказал Низомиддин, притворяясь незнающим. – Халима здорова?] [Ш. 31, 125].

Здесь вопросы *чӣ гап, чӣ ҳодиса?* «что случилось, что произошло?» и *Ҳалима сиҳат-мӣ?* «Халима здорова?» выполняют не только информативную функцию. Указание автора *худро ба нодонӣ зада* «притворяясь незнающим» показывает, что говорящий сознательно выбирает такую форму речи, которая позволяет ему не раскрывать сразу свое знание ситуации. В этикетном

отношении эта форма важна тем, что помогает сохранить внешнюю мягкость диалога и не усиливать тревожное состояние собеседницы.

Близкий прием наблюдается и в другом эпизоде: *Дар ҳамин вақт аз даруни хона овози сурфаи отун баромад, Гулнора часта аз ҷояш хест ва худро ба нодонӣ зада, бо овози баланд пурсид: – Хайр, шумо маслиҳат медиҳед, ки доктор шавам? – Доктор шавед, агар мабодо мо ҳам дардманд шуда монем, барои даво ба назди шумо меоем, – ҷавоб дод Мансурҷон шӯҳӣ карда* [«В это время из дома послышался кашель отун, Гульнора вскочила с места и, притворяясь незнающей, громко спросила: – Ну что, вы советуете мне стать врачом? – Станьте врачом; если вдруг и мы заболеем, придем к вам лечиться, – шутливо ответил Мансурджон»] [II. 23, 123].

В этом примере притворное незнание соединяется с шутливой формой ответа. Вопрос Гульноры обращен не только к собеседнику, но и к ситуации в целом: он создает возможность продолжить разговор в более легком тоне. Ответ Мансурджона сохраняет доброжелательность и переводит реплику в область мягкой шутки. Тем самым прием притворного незнания выступает как средство регулирования общения: он помогает избежать прямолинейности, сохранить эмоциональное равновесие и поддержать этикетную форму диалога.

В системе семантико-стилистических средств таджикского речевого этикета особое место занимает литота, связанная со смягченным, сдержанным или намеренно уменьшенным выражением оценки. В таджикско-персидской речевой традиции с литотой соотносится понятие *тасгир* «уменьшение», которое в узком значении связано с употреблением уменьшительных форм. Как отмечается в научной литературе, «*тасгир* в словаре означает сокращение; как термин он связан с добавлением к имени в таджикско-персидском языке *кофи тасгир* – суффикса *-ак*» [II. 3, 71]. Однако в живой речевой практике функции литоты значительно шире. Она может передавать скромность, уважительную сдержанность, осторожность оценки,

стремление избежать чрезмерной категоричности или смягчить эмоциональное воздействие высказывания.

В таджикском речевом этикете литота нередко выступает как средство поддержания уважительной коммуникативной дистанции. С ее помощью говорящий избегает резкости, прямого осуждения или чрезмерной самоуверенности. Подобная манера речи соответствует традиционной культуре общения, в которой сдержанность и умеренность высказывания рассматриваются как проявление воспитанности и речевого такта.

Показателен следующий пример: *Ба назар чунин мерасид, ки ӯ ба фуруҳтани молҳояш он қадар шавқ надорад, вале рангҳои хушифатро бофандагону рангрезони шаҳр фақат аз ӯ меефтанд ва гоҳо мешуд, ки харидорон ба хонааш ҳам меомаданд* [Казалось, он не очень был заинтересован в продаже своих товаров, однако качественные краски ткачи и красильщики города находили только у него, а иногда покупатели приходили и к нему домой] [II. 21, 20].

Выражение *он қадар шавқ надорад* «не очень заинтересован» представляет собой смягченную форму характеристики. Автор избегает прямой оценки поведения персонажа и передает его отношение косвенно, через сдержанную речевую форму. Благодаря этому описание сохраняет естественность разговорной речи и одновременно подчеркивает уважительную дистанцию между повествователем и героем.

Литота может проявляться и в самохарактеристике говорящего. Ср.: *Ман як бесавод, лекин кори дунеро медонам. Аз дидаҳо хулоса мебарорам; кори дигаронро такрор намекунам; ба ҷойи нишастаи як кас намешинам* [Я человек неграмотный, но жизнь знаю. Делаю выводы из увиденного; чужих ошибок не повторяю; на чужое место не сажусь] [II. 24, 340].

В данном случае выражение *ман як бесавод* «я человек неграмотный» выполняет не столько информативную, сколько этикетную функцию. Говорящий намеренно снижает собственную значимость, однако дальнейшее развитие мысли раскрывает его жизненный опыт, самостоятельность

суждений и нравственную устойчивость. Подобная форма самопредставления характерна для таджикской традиции общения, где внешняя скромность нередко становится способом косвенного утверждения личного достоинства без открытой самопохвалы.

Следовательно, литота в таджикском речевом этикете служит средством смягчения высказывания, скромной самопрезентации, осторожной оценки и поддержания уважительного тона общения. В отличие от гиперболы, усиливающей значение, литота снижает внешнюю резкость речи, сохраняя при этом ее эмоциональную и смысловую насыщенность. Именно поэтому она занимает важное место в системе семантико-стилистических средств таджикского речевого этикета.

Наряду с литотой значительную роль в организации этикетного общения играет метафора. В художественной прозе ее функция не ограничивается созданием образности: метафорический перенос нередко становится средством выражения отношения говорящего к собеседнику, оценки его поступков, передачи эмоционального состояния и регулирования коммуникативного взаимодействия. Особый интерес для исследования речевого этикета представляют случаи, когда переносное значение участвует в выражении раскаяния, уважения, неодобрения, иронии или речевой агрессии.

В диалогической речи метафорические выражения часто связаны с внутренним состоянием персонажа. Ср.: *Дарди ман ҳамон солҳои саргардонии сар шуда буд. Эътибор надода-надода, охир қариб мурданӣ шуда будам, ки ана боз бо дасти духтари худам шифо ефтам. Бори дигар ба гардан мегирам, ки ман дар ҳаққи вай дар вақташ номардӣ кардам, ба занам, бачаҳоям чабр кардаму аммо омада-омада ана боз корам ба ҳаминҳо афтод* [«Моя болезнь началась еще в годы моих скитаний. Я все не обращал внимания и едва не умер, но вот снова исцелился руками собственной дочери. Еще раз признаю: в свое время я поступил с ней недостойно,

причинил боль жене и детям, а теперь снова оказался зависим от них»] [П. 28, 137].

Выражение *ба гардан мегирам* «признаю свою вину», «беру на себя ответственность» имеет переносное значение и выполняет важную этикетную функцию. Через него передаются раскаяние, нравственная ответственность и стремление восстановить нарушенные отношения. В данном случае метафора служит средством выражения внутреннего состояния говорящего и способствует сохранению этических норм общения.

Иную функцию выполняют метафорические наименования человека через образы животных. В художественной прозе они нередко используются для выражения отрицательной оценки и эмоционального напряжения, демонстрируя нарушение привычных норм речевого поведения. Например, *Падару модар ки хук шуд, мисли мо хукбача ба дуне меорад... Девона е гов нестам: медонам кадом падару модарро эҳтиром мекунанд* [«Если родители стали свиньями, они рожают таких же поросят, как мы... Я не безумец и не корова: знаю, каких родителей уважают»] [П. 2, 171].

Слова *хук* «свинья», *хукбача* «поросенок», *гов* «корова» обладают резко сниженной экспрессивностью и выражают крайнюю степень эмоционального напряжения. Через подобные метафоры передаются обида, гнев и внутренний конфликт героя, что свидетельствует о разрушении привычной уважительной модели общения.

Таким образом, метафора в таджикской художественной прозе выполняет не только изобразительно-выразительную функцию, но и участвует в формировании коммуникативного поведения персонажей. Она может способствовать выражению уважения, раскаяния и стремления к примирению либо, напротив, становится средством речевой агрессии и нарушения этикетных норм. Через метафорический перенос раскрываются не только особенности художественной речи, но и нравственно-коммуникативные установки участников общения.

В таджикском речевом этикете наряду с метафорой, гиперболой, литотой и иронией используются и другие средства смысловой и стилистической организации речи. Одним из них является метонимия, основанная на переносе наименования по смежности явлений, предметов, действий или признаков. В отличие от метафоры, где перенос строится на сходстве, метонимия возникает на основе внутренней связи между называемыми явлениями. В речевом этикете она может усиливать выразительность высказывания, передавать эмоциональное состояние говорящего и придавать речи большую образную сжатость.

Показателен следующий пример: *Ҳар қадаре ки ӯ боло мерафт, ҳамон қадар дили ман поен мелағжид, пеши чашми мардум ба хоки замин баробар мешудам, охир барои тоқӣ гиристам, барои як тоқии кӯҳна*. [Чем выше он поднимался, тем ниже опускалось мое сердце; перед глазами людей я словно сравнивался с землей, ведь я плакал из-за тубетейки, из-за одной старой тубетейки] [II. 22, 347].

В этом фрагменте выражение *дили ман поен мелағжид* «мое сердце опускалось вниз» передает внутреннее состояние героя через образное обозначение чувства. Хотя здесь присутствует и метафорический оттенок, важнее другое: состояние человека выражается через часть внутреннего мира – *дил* «сердце», которая в таджикской речевой культуре выступает носителем переживания, стыда, боли и волнения. Такая форма делает речь психологически насыщенной и помогает передать состояние унижения перед людьми.

В речевом этикете значительную роль играет также повтор. Он усиливает эмоциональность высказывания, подчеркивает искренность, настойчивость, радость встречи, сожаление или тревогу. В таджикско-персидской риторической традиции повтор рассматривается как одно из средств выразительности: «Повторение как термин – это повторение слов в литературных произведениях» [II. 3, 129]. Однако в этикетной речи повтор

важен не сам по себе, а как способ организации эмоционального контакта между собеседниками.

Особенно характерен повтор в формулах прощания, встречи и приглашения. Ср.: *Ба хаелаи, ки вай роҳравон ба ҳамаи долу дарахтони деҳа, сангу чӯб, обу хоки он ҳарф мезад, хайр, хайр мегуфт* [Ему казалось, что по дороге он разговаривал со всеми деревьями села, с камнями, деревом, водой и землей и говорил: прощай, прощай] [II. 17, 454].

Повтор *хайр, хайр* «прощай, прощай» усиливает эмоциональную окраску расставания. Здесь прощание обращено не только к людям, но и ко всему пространству родного места. Поэтому этикетная формула приобретает более широкий культурный смысл: она выражает привязанность человека к дому, земле, памяти и привычному миру.

В другом примере повтор связан с радостью встречи и гостеприимством: *Бие, бие, хуш омадӣ, додар, ба Худо, аз раҳной кӯки чашмонамон қариб канда шуд* [Иди, иди, добро пожаловать, брат, клянусь Богом, мы почти все глаза проглядели, ожидая тебя] [II. 18, 355].

Формула *Бие, бие* «иди, иди», «подходи, подходи» передает не только приглашение, но и эмоциональную открытость говорящего. Выражение *хуш омадӣ* «добро пожаловать» закрепляет этикетную ситуацию встречи, а гиперболическое *кӯки чашмонамон қариб канда шуд* «мы почти все глаза проглядели» усиливает чувство ожидания и радости. В этом случае повтор работает как часть гостеприимной речевой модели, характерной для таджикской культуры общения.

Таким образом, метонимия и повтор в таджикском речевом этикете выполняют разные, но взаимосвязанные функции. Метонимия помогает передать внутреннее состояние через образную замену, а повтор усиливает эмоциональный контакт и подчеркивает значимость этикетной ситуации. В художественной прозе XX-XXI веков эти средства раскрывают не только выразительность речи персонажей, но и особенности национального коммуникативного поведения.

В системе выразительных средств таджикского речевого этикета важное место занимает повтор, который может проявляться в разных структурных формах. Если анафора связана с повторением начальных элементов высказывания, то эпифора строится на повторе слов или выражений в конечной позиции. В речевом этикете такая форма имеет не только стилистическое, но и коммуникативное значение: она усиливает эмоциональное состояние говорящего, подчеркивает просьбу, извинение, сожаление, растерянность или внутреннее напряжение диалога.

Эпифора особенно заметна в тех ситуациях, где повторяемое слово становится смысловым центром общения. Ср.: *Дурӯғ нагу, бобӣ, ту маро ба кор монданӣ набудӣ, худум аз пасут кашола шудум. – Хайр, хайр, мебахшӣ, бачам, мебахшӣ. Ман туро чӣ хел меебум? Умри бобит ҳам ба чое расида. Боз қарз ба қиемат намона? – Меебамам, бобӣ. Ман як бар ҳазор розӣ. – Ҳа, номат чӣ буд? – Саидбек.* [Не лги, дедушка, ты не собирался брать меня на работу, я сам за тобой увязался. – Ладно, ладно, прости, сынок, прости. Как я тебя найду? Жизнь твоего деда уже подошла к своему пределу. Не хочу, чтобы долг остался до Судного дня. – Я найду тебя, дедушка. Я согласен один к тысяче. – Да, как тебя зовут? – Саидбек] [II. 19, 29].

В этом диалоге повтор *мебахшӣ, бачам, мебахшӣ* «прости, сынок, прости» выражает не только просьбу о прощении, но и внутреннюю неловкость говорящего. Повторение глагольной формы *мебахшӣ* «прости» в конечной позиции делает извинение более мягким и эмоционально убедительным. Обращение *бачам* «сынок» усиливает доверительность, снимает резкость ситуации и переводит разговор в этикетную плоскость примирения.

Эпифора может передавать и состояние тревожной неопределенности. Например, *Барзгар назди Чумъаи Почта рафта ба Сергей занг зад: «Аз Боязид хабар дорӣ?» «Кадом Боязид?» «Оҳ, бубахи! Ҳушам ба кучо рафт! Аз писарам!» «Хабар надорам! Ман дар сафар! Дар худи Челябинский!...» «Хабар надорам, гӯй...» «Хабар надорам»... «Хабар надорад».* [Барзгар пошел

к Джуме на почту и позвонил Сергею: «Ты что-нибудь знаешь о Боязиде?» «О каком Боязиде?» «Ох, прости! Где были мои мысли! О моем сыне!» «Не знаю! Я в дороге! В самом Челябинске!...» «Говоришь, не знаешь...» «Не знаю...» «Он не знает»] [Ш. 24, 344].

Повтор *хабар надорам* «не знаю», «вестей не имею» и его последующее изменение в форме *хабар надорад* «он не знает», «у него нет вестей» передают психологическое состояние персонажа. Формально это простое сообщение об отсутствии информации, но в диалогическом контексте оно превращается в знак растерянности, тревоги и внутреннего опустошения. Эпифора здесь усиливает не столько внешнюю выразительность речи, сколько драматизм самой ситуации общения.

Наряду с эпифорой в таджикской прозе встречается кольцевой повтор, при котором речевая ситуация как бы замыкается вокруг одной мысли или одного коммуникативного противоречия. В жанре просьбы такая форма особенно показательна, поскольку она помогает передать безвыходность разговора, невозможность убедить собеседника или столкновение разных нравственных позиций. Ср.: *Неее, ерї ба кори писаратон. – Ба писарам ҳам ерї карда намешавад. Ў дар мулки бегона... – Ин одам гапа намефаҳмад... Ўй, ман даҳ ҳазор доллар дода раис шудам... Кушандаро ефтан лозим. – Ҳамон кушанда Худост. Ба чунин рӯз расонд; лозим донад, аз зиндон ҳам озод мекунад. – Ин беақли таппа тайер-ку, муаллима? [Нет, нужно помочь делу вашего сына. – Моему сыну тоже нельзя помочь. Он в чужой стране... – Этот человек не понимает слов... Эй, я дал десять тысяч долларов, чтобы стать председателем... Нужно найти убийцу. – Тот убийца – Бог. Он довел его до такого дня; если сочтет нужным, и из тюрьмы освободит. – Ну разве не настоящий безумец, учительница?]* [Ш. 11, 322].

В этом фрагменте повторяющаяся смысловая линия связана с невозможностью помощи и с разным пониманием ответственности. Один участник разговора мыслит ситуацию в практической плоскости, другой переводит ее в религиозно-нравственный план. Поэтому повтор здесь не

столько украшает речь, сколько раскрывает конфликт коммуникативных позиций. В этикетном отношении это важно потому, что просьба не достигает согласия: речевые формулы взаимодействия сохраняются, но внутреннее взаимопонимание между собеседниками нарушено.

Следовательно, эпифора и кольцевой повтор в таджикском речевом этикете выполняют функцию эмоционального и смыслового усиления. Они помогают выразить извинение, тревогу, ожидание, просьбу, растерянность или невозможность согласия. В художественной прозе XX-XXI веков такие повторы раскрывают не только индивидуальную манеру речи персонажей, но и более глубокие особенности коммуникативного поведения: стремление смягчить конфликт, сохранить уважительный тон или, напротив, показать нарушение взаимопонимания.

В системе стилистических средств таджикского речевого этикета особое место занимает парцелляция. Она представляет собой такое членение высказывания, при котором единая по смыслу фраза распадается на отдельные интонационно и пунктуационно выделенные части. Благодаря этому отдельное слово, словосочетание или фрагмент предложения получает дополнительную смысловую и эмоциональную нагрузку. В художественном диалоге парцелляция помогает передать внутреннее напряжение персонажа, тревогу, растерянность, сочувствие, предостережение или попытку усилить воздействие речи на собеседника.

Для речевого этикета парцелляция важна потому, что она отражает не только структуру высказывания, но и состояние говорящего. Этикетная формула в таких случаях может прерываться, уточняться, усиливаться паузами, повтором или короткими фразами. Это особенно заметно в ситуациях наставления, утешения, предупреждения и эмоционального обращения к близкому человеку. Показателен следующий пример: *Суханҳои падар ба дили Рустам кора карданд. Дар ҷанг одамонро нишон мегиранд, мепаронанд, мекушанд... Дер не, зуд... – Бачам, то ту як чизро мефаҳмӣ, ки ҳоло хеле гап... Шукр гӯӣ, ки падарат дар болои сарат соқу саломатанд, хор*

намешавӣ... – Модар ҳам ӯро сарзаниш кард. [Слова отца задела сердце Рустама. На войне людей берут на прицел, стреляют, убивают... Не поздно, а скоро... – Сынок, пока ты поймешь одно, еще многое будет сказано... Благодарю Бога, что отец у тебя жив и здоров, не будешь унижен... – Мать тоже упрекнула его] [Ш. 17, 434].

В данном фрагменте парцелляция передает тревожную прерывистость речи. Краткие отрезки *мепаронанд, мекушанд... Дер не, зуд...* «стреляют, убивают... Не поздно, а скоро...» усиливают ощущение опасности и неизбежности. Обращение *бачам* «сынок» сохраняет этикетную мягкость материнской речи, но последующие паузы показывают внутреннее напряжение и воспитательно-назидательный характер высказывания. Здесь парцелляция помогает соединить эмоциональность, заботу и предупреждение.

Другой тип парцелляции наблюдается в описательном фрагменте: *Шаб е саҳар меҳмони нав ба дуне меоянд, ҷаҳонгир мешаванд, муносиби мақомашон, аз матои ҳар гӯшаи дуне як либос мепӯшанд – махмалаш аз Фаргона, шоҳияш аз Чину Мочин, кампалаш аз Кашмир.* [Ночью или утром на свет появляются новые гости, становятся покорителями мира, и соответственно своему положению надевают одежду из тканей разных краев света – бархат из Ферганы, шелк из Китая и Мочина, покрывало из Кашмира] [Ш. 26, 67–68].

Здесь парцеллированные элементы *махмалаш аз Фаргона, шоҳияш аз Чину Мочин, кампалаш аз Кашмир* «бархат из Ферганы, шелк из Китая и Мочина, покрывало из Кашмира» уточняют и усиливают образ высокого положения персонажей. Этот пример не является прямой этикетной формулой, однако он важен для понимания стилистической среды речевого этикета: социальный статус, внешний облик и представление о достоинстве человека создают тот культурный фон, в котором формируются формы обращения, почтения и уважительного поведения.

Следовательно, парцелляция в таджикской прозе XX-XXI веков выполняет не только изобразительную, но и коммуникативную функцию. В речевой этикете она помогает передать эмоциональное состояние говорящего, выделить значимые элементы высказывания и усилить воздействие обращения, просьбы, наставления или предостережения. Через такую структуру речи раскрываются психологическая напряженность диалога и особенности национальной культуры общения, где пауза, интонационное членение и краткая фраза могут быть не менее значимыми, чем сама этикетная формула.

В таджикской прозе XX-XXI веков среди средств смыслового и эмоционального усиления речевого этикета заметное место занимает градация. Она строится на последовательном нарастании значения, когда каждое следующее слово, словосочетание или предложение усиливает предыдущее. В диалогической речи градация помогает передать наставление, упрек, просьбу, тревогу или попытку остановить конфликт. Поэтому ее функция не сводится к украшению речи: она участвует в регулировании общения и показывает степень эмоционального напряжения между собеседниками.

Показателен следующий фрагмент: *Айб аст, дадаш, истед! Наход ба як кӯдак сар ба сар шавед, астагфируллоҳ гӯед, худатонро ба даст гиред...* [Стыдно, отец, остановитесь! Разве можно спорить с ребенком, скажите «астагфируллах», возьмите себя в руки...] [Ш. 17, 441].

В этой реплике последовательность *айб аст* «стыдно», *истед* «остановитесь», *астагфируллоҳ гӯед* «скажите «астагфируллах»», *худатонро ба даст гиред* «возьмите себя в руки» образует градационное усиление. Говорящая сначала обозначает нравственную недопустимость поведения, затем требует остановиться, далее переводит ситуацию в религиозно-нравственную плоскость и, наконец, призывает к самоконтролю. В этикетном отношении эта градация важна тем, что помогает смягчить конфликт и одновременно сохранить уважительный тон обращения.

Наряду с градацией в художественной прозе используется инверсия – нарушение обычного порядка слов с целью смыслового выделения определенного компонента высказывания. В речевом этикете инверсия особенно часто связана с эмоциональными репликами, вопросами, упреками и восклицаниями, где важна не только информация, но и сила воздействия на адресата.

Ср.: *Ва Амир раги гарданаширо хезонда дод зад: – Надоштаанд, набаровардаанд, наомадаанд, шумо маъмурон дар кучо будед? Чашилатон ба кучо буд?! [И Амир, вздув вены на шее, закричал: – Не имели, не вывели, не пришли, а вы, чиновники, где были? Куда смотрели ваши глаза?!] [II. 26, 98].*

В этом примере инверсия и повтор отрицательных форм *надоштаанд, набаровардаанд, наомадаанд* «не имели, не вывели, не пришли» усиливают резкость упрека. Вопрос *чашилатон ба кучо буд?!* «куда смотрели ваши глаза?!» выражает не буквальный запрос информации, а обвинение в невнимательности и бездействии. Здесь речевой этикет нарушается: властная речь строится на давлении, резкости и демонстрации превосходства.

Другой пример показывает более тонкую эмоциональную инверсию: *Мусофир ҳамин тур ки нишаста буд, нишаста монд. Духтарон аз сайру гашит боз омаданд, ин раҳ назди ӯ таваққуфе накарданд, нимнигоҳе ҳам сӯяш наафканданд?! [Мусофир как сидел, так и остался сидеть. Девушки вернулись с прогулки, но на этот раз не остановились возле него, даже мимолетного взгляда в его сторону не бросили?!] [II. 15, 445].*

Фраза *нимнигоҳе ҳам сӯяш наафканданд?!* «даже мимолетного взгляда в его сторону не бросили?!» передает удивление и скрытую обиду персонажа. Инверсионное выделение усиливает значение отсутствующего жеста. В данном случае важным становится не только слово, но и невербальный компонент общения: взгляд, остановка, внимание. Их отсутствие воспринимается как нарушение ожидаемой этикетной реакции.

Таким образом, градация и инверсия в таджикской прозе выполняют важную семантико-стилистическую функцию. Градация помогает передать

нарастание нравственного или эмоционального воздействия, а инверсия выделяет значимые элементы речи и усиливает реакцию персонажа. В рамках речевого этикета эти средства показывают, как через порядок слов, повтор, вопрос, паузу и интонацию раскрываются уважение, упрек, тревога, обида или нарушение коммуникативной нормы.

Одним из средств смысловой и стилистической организации речи в таджикском речевом этикете является перифраза. Она представляет собой описательное обозначение предмета, лица, качества или состояния, при котором прямое наименование заменяется более развернутой и выразительной формой. В этикетной коммуникации перифраза важна тем, что позволяет передать оценку, эмоциональное отношение, уважение, восхищение или душевную близость не прямым названием, а через образное описание. Благодаря этому речь становится мягче, выразительнее и психологически точнее.

Показателен следующий пример: *«Ҳамшаҳрӣ, ассалом!» - гуфта, овози ҷарангосии ӯ дар гӯшам нишаста монда буд. Латиф!.. дар ҳақиқат номи зебо. Муносиби соҳибаш. Хандаи вай, шармидани вай латиф аст* [«Земляк, здравствуй!» - сказал он, и его звонкий голос остался у меня в ушах. Латиф!.. действительно красивое имя. Подходящее своему обладателю. Его смех, его застенчивость - прекрасны] [II. 36, 162].

В данном фрагменте обращение *ҳамшаҳрӣ* «земляк» выполняет этикетную функцию установления близости между собеседниками. Оно обозначает не только территориальную общность, но и чувство принадлежности к одной среде. Дальнейшая характеристика имени *Латиф* и его соотнесение с личными качествами героя создают мягкую оценочную перифразу. Имя воспринимается не просто как номинация, а как знак внутренней гармонии человека, его приятной манеры поведения, улыбки и застенчивости. Таким образом, перифрастическое описание помогает раскрыть положительное отношение говорящего к персонажу.

Другой пример показывает, как перифраза соединяется с эмоциональной памятью и внутренним образом близкого человека: *Ман, ки аз ӯ панҷсола мондаам, сураташиро дар хотир надорам, вале яқин медонам: зебо ва қадбаланд аст вай, куртааш бодомии саросар шукуфтаро мемонад, табассумаши чун ҳамеша ба дилам равшанӣ мебахшад!* [Я, оставшись без него в пять лет, не помню его лица, но точно знаю: он красив и высок, его одежда напоминает сплошь цветущее миндальное дерево, а его улыбка, как всегда, озаряет мое сердце] [II. 23, 12].

Здесь выражения *куртааш бодомии саросар шукуфтаро мемонад* «его одежда напоминает сплошь цветущее миндальное дерево» и *табассумаши ба дилам равшанӣ мебахшад* «его улыбка озаряет мое сердце» являются не простыми описаниями внешности. Они передают эмоционально окрашенный образ человека, сохранившийся в памяти говорящего. Перифраза в данном случае выполняет не только изобразительную, но и этикетно-оценочную функцию: через нее выражаются любовь, уважение, светлая память и внутренняя привязанность.

Использование образных средств в таджикском речевом этикете должно рассматриваться не как внешнее украшение речи, а как важный способ смыслового и эмоционального выражения. Вместе с тем выразительность этикетной речи предполагает соблюдение языковой нормы, уместность выбора слова и соответствие речевой формы ситуации общения. Поэтому образность не может заменять правильность и ясность речи. Она становится значимой только тогда, когда помогает точнее выразить отношение говорящего к собеседнику и не нарушает этикетной меры.

В этом отношении важны наблюдения Б. Камолиддинова о культуре речи. Ученый подчеркивает, что первым условием зрелости речи является ее правильность, то есть отсутствие грамматических, лексических, интонационных и других языковых нарушений. Только после соблюдения этого условия возможно говорить о красноречии, беглости и выразительности речи. При этом зрелая речь не должна содержать путаницы

букв и слов, неуместного употребления выражений, нарушения связей между словами в предложении и неясного выражения смысла [П. 110, 27].

Данное положение имеет непосредственное значение для анализа формул речевого этикета. Этикетная речь должна быть не только образной, но и нормативной, уместной, понятной и соразмерной ситуации общения. Если художественное средство используется без учета адресата, социального положения собеседников, эмоционального состояния или коммуникативной цели, оно теряет свою ценность и может привести к нарушению речевой гармонии. Поэтому выразительность в речевом этикете всегда связана с мерой, точностью и культурой употребления.

Проведенный анализ показывает, что смысловые и стилистические особенности формул таджикского речевого этикета раскрываются через взаимодействие разных языковых средств. Метафора помогает выразить уважение, раскаяние, нежность или, напротив, речевую агрессию; гипербола усиливает эмоциональное воздействие; литота смягчает оценку и поддерживает уважительную дистанцию; ирония выявляет скрытое отношение говорящего; повтор, эпитифора, градация, инверсия и парцелляция усиливают эмоционально-смысловую организацию диалога; перифраза позволяет передать оценку и отношение через развернутое образное описание.

Следовательно, формулы таджикского речевого этикета обладают сложной семантико-стилистической природой. Их значение формируется не только прямым смыслом слов, но и интонацией, образностью, эмоциональной окраской, социальной ситуацией, отношениями между собеседниками и национально-культурными нормами общения. В художественной прозе XX-XXI веков эти формулы представлены как живые элементы речевого поведения, через которые раскрываются характер персонажей, их нравственные качества, социальные отношения и коммуникативная культура.

Таким образом, таджикский речевой этикет в художественной прозе выступает как целостная система смысловых, стилистических и коммуникативных средств. Его формулы не являются механически повторяемыми речевыми шаблонами. Они изменяются в зависимости от ситуации общения, сохраняют связь с традиционной культурой и одновременно отражают новые условия речевого поведения. Именно это позволяет рассматривать формулы таджикского речевого этикета как важный объект лингвистического анализа, раскрывающий особенности современного таджикского литературного языка, национальной культуры общения и художественной речи XX-XXI веков.

3.2. Структурные особенности формул таджикского речевого этикета

Формулы таджикского речевого этикета обладают не только семантическими и стилистическими особенностями, но и определенной структурной организацией. Они реализуются через разные языковые единицы: отдельные слова, словосочетания, простые и сложные предложения. Именно структурная форма во многом определяет способ выражения этикетного значения, степень развернутости высказывания, характер обращения к собеседнику и коммуникативную силу речевой формулы.

В таджикском речевом этикете структура формулы тесно связана с ее функцией. Однословные формы обычно используются в кратких ситуациях речевого контакта, приветствия, согласия, благодарности или эмоциональной реакции. Словосочетания позволяют точнее выразить уважение, ласку, почтение, пожелание или оценку. Предложения, особенно развернутые и сложные синтаксические конструкции, чаще употребляются в ситуациях просьбы, извинения, утешения, наставления, благопожелания и других коммуникативно значимых речевых действий.

Структурное изучение формул речевого этикета важно потому, что одна и та же этикетная функция может выражаться разными

грамматическими средствами. Например, обращение может быть представлено одним словом, сочетанием имени с уважительной формой, распространенным обращением или целым предложением, включающим оценку, пожелание либо эмоциональное отношение к адресату. Поэтому анализ структуры позволяет выявить не только внешнюю форму речевой единицы, но и ее коммуникативную нагрузку.

В художественной прозе XX-XXI веков структурные особенности формул речевого этикета особенно хорошо проявляются в диалогах персонажей. Через форму обращения, длину реплики, порядок слов, наличие повторов, обращений, частиц, междометий и придаточных конструкций раскрываются социальный статус говорящего, возраст, степень близости между собеседниками, эмоциональное состояние и характер речевой ситуации. Поэтому структурный анализ формул речевого этикета дает возможность точнее определить, как в языке художественного текста передаются нормы таджикской речевой культуры.

В процессе развития языка состав и структура этикетных формул не остаются неизменными. Одни формы сохраняют традиционный устойчивый характер, другие постепенно выходят из активного употребления, третьи получают новые смысловые и стилистические оттенки. Изменения в общественной жизни, культуре общения и речевой практике влияют не только на лексику, но и на способы построения формул речевого этикета.

Исходя из структурной организации, формулы таджикского речевого этикета в данном разделе рассматриваются в двух основных группах: простые формулы речевого этикета и сложные формулы речевого этикета. Такое деление позволяет последовательно определить их языковой состав, грамматическую форму, коммуникативные функции и особенности употребления в художественной прозе XX-XXI веков.

3.2.1. Простые формулы речевого этикета

Простые формулы речевого этикета представляют собой краткие языковые единицы, которые выражают этикетное значение без развернутой синтаксической структуры. К ним относятся отдельные слова, имена, формы обращения, краткие словосочетания и устойчивые реплики, используемые в ситуациях приветствия, обращения, просьбы, благодарности, извинения, согласия, одобрения или эмоциональной реакции. Их простота не означает смысловой бедности: напротив, в краткой форме такие единицы могут передавать уважение, близость, возрастную дистанцию, социальный статус и эмоциональное отношение говорящего к собеседнику.

Простые формулы речевого этикета образуют наиболее устойчивый и частотный слой коммуникативных средств таджикского языка. Их структурная особенность заключается в том, что они способны реализовывать самостоятельную коммуникативную функцию без развернутого синтаксического оформления. В большинстве случаев такие формулы представлены отдельным словом, именем собственным, обращением, кратким словосочетанием или устойчивой репликой, значение которой воспринимается носителями языка как завершенное и достаточное для выполнения определенной этикетной задачи.

Структурная компактность простых формул обусловлена самой природой речевого этикета. В ситуациях приветствия, прощания, благодарности, извинения, обращения или одобрения говорящий стремится передать необходимое содержание максимально кратко и понятно. В результате формируются устойчивые речевые модели, которые закрепляются в языковом сознании носителей языка и воспроизводятся в готовом виде. Такие единицы особенно важны для повседневного общения, поскольку позволяют быстро установить контакт, обозначить отношение к адресату и соблюсти нормы вежливости без дополнительных пояснений.

В отличие от свободных речевых построений простые формулы обладают высокой степенью стандартизованности. Их языковой состав

сравнительно устойчив, а коммуникативное значение легко распознается участниками общения независимо от конкретной ситуации. Вместе с тем их смысл не является полностью неподвижным. В зависимости от возраста, социального положения, степени близости собеседников и эмоционального состояния говорящего одна и та же формула может восприниматься как официальная, дружеская, почтительная, родственно-теплая или нейтральная. Поэтому структурный анализ простых формул должен учитывать не только их внешний состав, но и условия употребления.

В таджикском речевом этикете особое место среди простых формул занимают формы обращения. Они могут выражаться собственным именем, именем с уважительным компонентом, родственным наименованием, должностным или социальным обозначением. Например, официальное обращение *Самад Қодирович*, формы *Аҳмадҷон*, *Саодатбону*, *Кимиебону* различаются не только по составу, но и по характеру коммуникативных отношений. Официальная форма с отчеством указывает на социальную дистанцию и уважение, тогда как компоненты *-ҷон* и *бону* придают обращению оттенок близости, почтительности или мягкой вежливости.

Историческое развитие таджикских форм обращения связано с изменением социальной структуры общества, норм именования и культурных традиций. В более ранних текстах широкое распространение имели формы, связанные с родословной, местом происхождения, званием, религиозным статусом или литературным псевдонимом. Например, наименование Рудаки восходит к названию местности Рудак, а в письменной традиции нередко употреблялись формы с компонентами *ибн*, *тахаллус*, обозначающими происхождения или социального положения. Однако в рамках данного подраздела важен не сам исторический обзор именования, а то, как подобные единицы функционируют как простые формулы речевого этикета.

Показателен следующий пример: *Нусхаро дар асоси дастнависи худи Аҳмади Дониш адиби донишманд ва хаттоти чирадасти тоҷик Абдулвоҳид*

ибни Бурҳонбек, ки бо тахаллуси Мунзим маъруф аст, соли 1316 ҳиҷрӣ нухабардорӣ кардааст [Рукопись на основе автографа самого Ахмада Дониша переписал таджикский ученый-писатель и искусный каллиграф Абдулвоҳид ибни Бурҳонбек, известный под псевдонимом Мунзим, в 1316 году хиджры] [II. 7, 14].

В этом фрагменте именная формула *Абдулвоҳид ибни Бурҳонбек* «Абдулвоҳид, сын Бурҳонбека» отражает традиционный способ обозначения личности через родовую связь, а компонент *тахаллуси Мунзим* «псевдоним Мунзим» указывает на литературную и культурную идентификацию человека. Такие формы не являются обращением в узком смысле, но они показывают историческую основу формирования простых номинативных формул, связанных с уважительным представлением личности.

В художественной прозе простые формулы обращения особенно выразительно проявляются в диалогах. Ср.: *Тақсир, арз дорам, – гуфта арбоб Рузӣ ба ноиб наздик шуд. – Чӣ арз доред? – ноиб пурсид* [«Таксир, у меня есть просьба, – сказал арбоб Рузи и подошел к заместителю. – Какая у вас просьба? – спросил заместитель»] [II. 5, 291].

Обращение *тақсир* «господин», «почтенный» является краткой формулой уважительного обращения. В структуре реплики оно занимает начальную позицию и сразу задает социальную дистанцию между говорящим и адресатом. Простота формы здесь сочетается с высокой коммуникативной нагрузкой: одно слово выражает зависимое положение говорящего, официальность ситуации и уважительный характер просьбы.

Другой тип простой формулы представлен родственным обращением: *Писарам! Ҳарчи зудтар як-ду нафар ефта ин салмаро ба хонаи модаркалонаш кӯчон!* [Сын мой! Как можно скорее найди одного-двух человек и переведи этого мальчика в дом его бабушки!] [II. 3, 34].

Форма *писарам* «сын мой» выражает родственную близость и одновременно подчеркивает право старшего давать поручение младшему. В таджикском речевом этикете подобные обращения выполняют не только

номинативную, но и регулятивную функцию: они устанавливают тон общения, обозначают семейную иерархию и смягчают повелительный характер последующей реплики.

Проведенный анализ показывает, что обращения занимают центральное место среди простых формул речевого этикета. Через них реализуются важнейшие категории межличностного общения: уважение, социальная дистанция, возрастная иерархия, родственная близость и эмоциональное отношение к собеседнику. При этом структурная простота обращения не снижает его коммуникативной значимости. Напротив, в одном слове или краткой номинативной конструкции может содержаться значительный объем социальной и культурной информации.

Особенностью таджикского речевого этикета является активное использование родственных наименований в качестве универсальных форм обращения. Слова *ака*, *бобо*, *оча*, *хоҳар*, *писарам* нередко употребляются не только в семейном кругу, но и в более широком коммуникативном пространстве. В подобных случаях они частично выходят за пределы прямого родственного значения и приобретают этикетную функцию, выражая уважение, доброжелательность и стремление установить доверительный контакт. Такая практика отражает характерную для таджикской культуры модель общения, при которой социальная дистанция смягчается через родственно окрашенные формы.

Материалы художественной прозы показывают, что выбор формы обращения определяется не только социальным статусом участников общения, но и характером коммуникативной ситуации. Одни и те же формулы могут выражать как официальную дистанцию, так и эмоциональную близость, что свидетельствует о высокой функциональной гибкости простых этикетных конструкций. В художественном диалоге обращение часто предшествует основной реплике и заранее определяет ее тон: просьба звучит мягче, упрек становится менее резким, а наставление воспринимается как забота старшего.

Таким образом, простые формулы речевого этикета в таджикском языке обладают важной структурной и коммуникативной значимостью. Они могут состоять из одного слова, имени, краткого обращения или устойчивого словосочетания, но при этом выражать сложные отношения между участниками общения. Через такие формы передаются уважение, близость, социальная дистанция, возрастная и семейная иерархия, а также характер речевой ситуации. Именно поэтому простые формулы следует рассматривать как самостоятельный структурный тип таджикского речевого этикета.

В начале XX века в художественной прозе С. Айни широко представлены простые формулы именованья и обращения, отражающие живую речевую практику таджикского общества. В произведениях писателя встречаются такие формы, как *Раҳими Қанд*, *Қорӣ Исмат*, *Аҳмади Девбанд* и другие. Они важны не только как собственные имена или прозвища персонажей, но и как краткие структурные модели речевой идентификации человека. В подобных формулах имя сочетается с социальным, профессиональным, религиозным, территориальным или характерологическим компонентом, благодаря чему в сжатой форме передаются сведения о человеке и его месте в социальной среде.

Показателен следующий пример: *Вақте ки маҷлиси зиёфат ба поён расида аҳли маҷлис пароканда мешуданд, ташиқилкунандагони ин шабнишинӣ ба Раҳими Қанд ду танга барои музди хизматаш, якта нон ва як коса ош ҳам барои бурдан ба бачагонаш ба тарзи инъом доданд* [Когда угощение завершилось и участники собрания начали расходиться, организаторы вечера дали Рахиму Канду две танга за его службу, одну лепешку и миску плова, чтобы он отнес их детям в качестве дара] [II. 4, 193].

Форма *Раҳими Қанд* представляет собой простую номинативную формулу, в которой имя персонажа соединяется с прозвищем. Такая структура характерна для народной речевой традиции и позволяет выделить человека в социальной среде без развернутого описания. В художественном тексте подобные формулы выполняют не только назывную, но и

стилистическую функцию: они приближают речь к живому разговорному употреблению.

Другой тип простой формулы связан с религиозно-социальным компонентом: *Шумо дар ҳаққи Қорӣ Исмат чӣ кардаед?* [Что вы сделали в отношении Кори Исмата?] [Ш. 4, 204]. В форме *Қорӣ Исмат* компонент *қорӣ* указывает на религиозно-культурный статус человека и одновременно выполняет функцию уважительного обозначения. Подобные единицы показывают, что простые формулы речевого этикета могут включать в себя не только имя, но и социально значимый признак, важный для восприятия личности в традиционной среде.

С развитием общественных отношений и особенно в советский период в таджикской речевой практике активизировались новые модели именования, связанные с фамилией, отчеством и официальной формой представления человека. Эти изменения отразились и в художественной прозе. Ср.: *Маро Владимир Николаевич мегӯянд, фамилиям Богомолов, – гуфт марди айнакдор ба ман барои вохӯрӣ даст дода* [Меня зовут Владимир Николаевич, фамилия моя Богомолов, – сказал мужчина в очках, пожимая мне руку при встрече] [Ш. 36, 163].

В данном примере формула *Владимир Николаевич* и фамилия *Богомолов* передают официальную модель самопредставления, характерную для новой социальной и речевой среды. В отличие от традиционных форм типа *Раҳими Қанд* или *Қорӣ Исмат*, здесь личность обозначается через имя, отчество и фамилию, что усиливает официальность контакта и указывает на влияние русской административно-культурной традиции на таджикскую речевую практику XX века.

Таким образом, простые формулы именования и обращения в таджикской прозе XX века отражают важные изменения в структуре речевого этикета. Традиционные формы, связанные с прозвищем, религиозным статусом, местом происхождения или личностной характеристикой, постепенно сосуществуют с официальными моделями

имени, отчества и фамилии. Это показывает, что простые формулы речевого этикета являются не только краткими языковыми единицами, но и показателями исторического времени, социальной среды и коммуникативной нормы.

К числу простых формул речевого этикета относятся также краткие формулы приветствия и прощания. Они могут состоять из одного слова или устойчивого сочетания, однако в структуре диалога выполняют важную коммуникативную функцию: устанавливают речевой контакт, поддерживают уважительный тон общения или обозначают завершение беседы. Именно через такие формулы начинается и завершается большинство повседневных коммуникативных ситуаций.

В жанре прощания одной из наиболее распространенных простых формул является *хайр* «до свидания», «прощай». Ср.: *Ба янгаам, ба Гульизор салом бигӯ, Ҳасанҷону Давлатҷонро аз барои ман мучӣ кун. Ман меравам, дар хона ба он дилозор, ба кӯдакон авҷот доданам лозим. Хайр, ака* [Передай привет моей янге, Гульизор, поцелуй за меня Хасанджона и Давлатджона. Я уйду, дома мне нужно накормить этого обидчивого человека и детей. До свидания, брат] [Ш. 25, 64].

В данном фрагменте формула *хайр, ака* «до свидания, брат» завершает речевой контакт и одновременно сохраняет уважительно-родственную интонацию общения. Обращение *ака* «старший брат», «брат» усиливает мягкость прощания и показывает близость собеседников.

В жанре приветствия широко употребляется формула *салом* «здравствуй», «привет», а также ее развернутая форма *ассалому алайкум* «мир вам». Исторически слово *салом* связано с арабской традицией приветствия, однако в таджикском языке оно стало одной из наиболее устойчивых и употребительных форм речевого контакта. Ср.: *Ассалому алайкум, – гуфт касе аз қафо, аз болои сарамон. Ману Иқбол баргашта, Нусрат Давронро дидем* [Ассалому алайкум, – сказал кто-то сзади, над

нашими головами. Мы с Икболом обернулись и увидели Нусрата Даврона] [Ш. 23, 25].

Формула *ассалому алайкум* «мир вам» в данном случае выполняет функцию начала общения. Она не только сообщает о появлении нового участника разговора, но и задает уважительный тон дальнейшего контакта. Эта формула сохраняет традиционный характер и воспринимается как нормативная форма приветствия в разных социальных ситуациях.

Более краткая форма приветствия представлена в следующем примере: *Салом, бобо!* – *Саидбек овоз баровард. Мӯйсафед хараширо боздошт ва андаке тоб хӯрда, саломии ӯро алек гирифт* [Здравствуй, дедушка! – крикнул Саидбек. Старик остановил осла и, слегка повернувшись, ответил на его приветствие] [Ш. 19, 20].

Формула *Салом, бобо!* «Здравствуй, дедушка!» состоит из приветствия и родственного обращения. Простота структуры здесь сочетается с ясной этикетной функцией: говорящий устанавливает контакт со старшим и выражает уважение через обращение *бобо* «дедушка». Ответная реакция старика показывает, что приветствие воспринимается как обязательный элемент речевого поведения.

Наряду с формами *салом* и *ассалому алайкум* в таджикской речевой практике встречаются также *дуруд* «приветствие» и *надруд* «прощание». Эти слова имеют древнюю таджикско-персидскую основу и в разные периоды употреблялись с различной степенью активности. В современной речевой практике, особенно после периода независимости, они вновь стали восприниматься как средства национально окрашенного речевого этикета, хотя по частотности уступают формам *салом* и *хайр*.

Анализ материала показывает, что формулы приветствия и прощания относятся к числу наиболее устойчивых элементов таджикского речевого этикета. Их функционирование практически не зависит от темы разговора, поскольку они выполняют универсальную коммуникативную задачу – открывают или завершают речевой контакт между участниками общения.

Они создают рамку коммуникации, внутри которой дальнейшее содержание разговора получает соответствующий этикетный тон.

Для данных формул характерна высокая степень воспроизводимости. Они используются в готовом виде и редко подвергаются существенным структурным изменениям. Вместе с тем историческое развитие языка оказывает влияние на состав подобных единиц. Так, наряду с традиционными формулами арабского происхождения *салом*, *ассалому алайкум*, *рахмат* продолжают функционировать исконно таджикские формы *дуруд* и *надруд*, получившие более заметную активность в современный период развития языка.

Сохранение подобных единиц в художественной прозе свидетельствует об их устойчивом положении в системе национального речевого поведения. Через данные формулы проявляется преемственность культурной традиции и передаются нормы общения, сложившиеся в таджикском обществе на протяжении длительного исторического периода. Поэтому простые формулы приветствия и прощания следует рассматривать как базовые элементы речевого этикета, обеспечивающие начало и завершение коммуникативного контакта.

В составе простых формул речевого этикета особое место занимают единицы, связанные с прощанием, извинением и благодарностью. Они могут выражаться одним словом или краткой устойчивой формой, но в структуре общения выполняют важные коммуникативные функции: завершают контакт, смягчают возможное напряжение, восстанавливают нарушенную речевую гармонию или выражают признательность.

К числу формул прощания относится *надруд* «прощание», «прощай». В художественной прозе это слово может употребляться не только как обычная формула завершения общения, но и как средство выражения эмоционального расставания с человеком, временем или определенным этапом жизни. Ср.: *Ман ҳиссаи ҳаёти худро ба шумо аз айеми ошноам бо шумо то ба «имрӯз» мухтасар навишта, бо шумои азиз, бо ширинтарин*

айеми зиндагӣ, бо муҳаббатам, бо орзую армонҳои ҷавонӣ падруд мекунам [Я кратко рассказал Вам о своей жизни – от времени нашего знакомства до сегодняшнего дня – и прощаюсь с Вами, дорогая, с самыми счастливыми годами моей жизни, со своей любовью, с мечтами и надеждами молодости] [Ш. 8, 212].

В данном контексте формула *падруд мекунам* «прощаюсь» выходит за рамки обычного этикетного акта. Она выражает не только завершение общения, но и внутреннее переживание героя, связанное с расставанием с дорогими воспоминаниями, чувствами и значимым жизненным этапом. Простая по своей структуре формула приобретает глубокое эмоционально-смысловое содержание.

Другую группу простых формул составляют единицы извинения: *узр* «извинение», *маъзурам доред* «извините меня», *маъзарат мехоҳам* «прошу прощения». Они используются в ситуациях, когда говорящий стремится смягчить свою позицию, предупредить возможное недовольство собеседника или сохранить уважительный характер общения. Например, *Албатта, ин гумони маро ба дил сахт нигаред, агар галат мекунам, қаблан маъзарат мехоҳам* [Конечно, прошу серьезно отнестись к моему предположению; если я ошибаюсь, заранее прошу у Вас прощения] [Ш. 13, 231].

Формула *қаблан маъзарат мехоҳам* «заранее прошу прощения» демонстрирует речевую осторожность и уважительное отношение к адресату. Подобные конструкции широко используются в таджикской коммуникативной практике, поскольку позволяют выразить собственное мнение, не нарушая этических норм общения и не создавая конфликтной ситуации.

К числу наиболее устойчивых простых формул благодарности относится *раҳмат* «спасибо». Несмотря на арабское происхождение, данное слово давно вошло в активный фонд таджикского языка и является одной из наиболее употребительных форм выражения признательности. Ср.: *Хоҳар, шӯрбои соз пухтаӣ, раҳмат. Акнун ту ба ин бачаи ғариб боз як бор модарӣ*

кун, аз вай хабардор бош [Сестра, ты приготовила хороший суп, спасибо. Теперь еще раз прояви к этому сироте материнскую заботу и присматривай за ним] [Ш. 25, 114].

В приведенном примере формула *рахмат* «спасибо» выражает благодарность за проявленную заботу и одновременно поддерживает доброжелательный и доверительный характер общения. Обращение *хоҳар* «сестра» усиливает эмоциональную теплоту высказывания и подчеркивает уважительное отношение говорящего к собеседнице.

Простые формулы прощания, извинения и благодарности отличаются краткостью структуры, устойчивостью употребления и высокой коммуникативной значимостью. Несмотря на минимальный языковой объем, они способны передавать широкий спектр смыслов и отношений между участниками общения: уважение, признательность, сожаление, эмоциональную близость и стремление сохранить гармоничный характер речевого взаимодействия. Именно поэтому данные единицы занимают важное место в системе простых формул таджикского речевого этикета и выступают одним из наиболее устойчивых средств организации повседневного общения.

Простые формулы речевого этикета обладают высокой степенью устойчивости. Их воспроизведение осуществляется преимущественно в готовом виде, без создания новой конструкции в каждом конкретном акте общения. Именно поэтому подобные единицы могут рассматриваться как особый пласт языковых средств, находящийся на стыке лексики, фразеологии и речевой практики. Они не всегда равны отдельному слову в узком лексикологическом смысле, поскольку в коммуникативной ситуации выступают как завершенные этикетные знаки.

Устойчивость подобных формул обеспечивает сохранение культурной преемственности. Независимо от исторических изменений, общественного устройства и особенностей языкового развития многие из них продолжают функционировать на протяжении длительного времени. Вместе с тем их

семантика и сферы употребления могут изменяться в соответствии с требованиями новой коммуникативной среды. Например, одни формулы приобретают более официальный характер, другие переходят в сферу повседневной разговорной речи, третьи активизируются как национально маркированные единицы.

В произведениях писателей советского периода и периода независимости простые формулы благодарности и одобрения нередко получают усиленную форму. Это показывает, что краткая этикетная единица может сохранять свою основную структуру, но при этом расширяться за счет количественных компонентов, эмоционально-оценочных слов и обращений. Так, простая формула *рахмат* «спасибо» может выступать в форме *ҳазор раҳмат* «тысяча благодарностей», «большое спасибо», где числительное *ҳазор* «тысяча» усиливает степень признательности.

Показателен следующий пример: *Ҳазор раҳмат, оча. Дасти бозбонаш дарда набинад* [Большое спасибо, мама. Пусть руки его садовника не знают боли] [Ш. 18, 360].

В данном фрагменте формула *ҳазор раҳмат* «большое спасибо» выражает усиленную благодарность, а обращение *оча* «мама» придает реплике доверительный и эмоционально теплый характер. Следующее за ней благопожелание *Дасти бозбонаш дарда набинад* «Пусть руки его садовника не знают боли» расширяет благодарность и переводит ее в сферу доброго пожелания. Это показывает, что простая формула может становиться ядром более развернутой этикетной реплики.

К числу распространенных простых формул одобрения относится также *офарин* «молодец», «браво», употребляемая для выражения похвалы, поддержки и положительной оценки действия собеседника. В художественной прозе встречаются и усиленные формы этой единицы: *сад офарин* «сто раз молодец», «большая похвала», *ҳазор офарин* «тысяча похвал». Ср.: *Аспдӯст будай, маркабро дарег медоштай, офарин! – Восеъро*

таъриф карда монд калони даста [Ты, оказывается, любишь лошадей, пожалел животное, молодец! – похвалил Восе старший отряда] [II. 25, 184].

В этом примере формула *офарин* «молодец» выступает как краткая форма похвалы. Она завершает оценочное высказывание и фиксирует положительное отношение говорящего к поступку адресата. Простая по структуре формула выполняет важную этикетную функцию: поддерживает собеседника, одобряет его действие и укрепляет доброжелательный характер общения.

Таким образом, простые формулы благодарности и одобрения в таджикском речевом этикете обладают способностью к структурному расширению. Единицы типа *раҳмат* «спасибо» и *офарин* «молодец» могут употребляться самостоятельно, а могут усиливаться количественными компонентами *сад* «сто», *ҳазор* «тысяча», обращениями и благопожеланиями. Это свидетельствует о переходной зоне между простыми и сложными формулами речевого этикета. Простая формула сохраняет свою основную коммуникативную функцию, но в конкретной речевой ситуации приобретает более развернутый эмоциональный и стилистический характер.

Структурное расширение простых формул не отменяет их исходной природы. В подобных случаях ядром этикетной конструкции остается краткая формула, вокруг которой группируются дополнительные элементы. Именно это позволяет рассматривать такие единицы как переходные: они еще сохраняют связь с простыми формулами, но уже обнаруживают признаки более сложной синтаксической организации. Для анализа структуры таджикского речевого этикета это обстоятельство особенно важно, поскольку оно показывает постепенность перехода от кратких устойчивых единиц к развернутым речевым конструкциям.

Исследованный материал позволяет выделить несколько признаков простых формул речевого этикета. Во-первых, они обладают краткой структурой и высокой частотностью. Во-вторых, они воспроизводятся в речи как готовые единицы и не требуют специального грамматического

построения. В-третьих, они тесно связаны с коммуникативной ситуацией и получают свое полное значение только в контексте общения. В-четвертых, они способны сочетать структурную простоту с богатой семантикой, поскольку выражают не только речевое действие, но и социальное отношение.

Особое значение имеет то, что простые формулы активно участвуют в речевой характеристике персонажей художественного текста. Через выбор обращения, приветствия, благодарности или извинения писатель показывает возраст, воспитание, социальную принадлежность, эмоциональное состояние и нравственную позицию героя. Поэтому структурный анализ простых формул не ограничивается их грамматическим описанием. Он позволяет глубже раскрыть связь между языковой формой, художественным контекстом и национальной коммуникативной культурой.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что простые формулы речевого этикета образуют самостоятельный структурный уровень таджикского речевого этикета. Их основу составляют обращения, формы именования, приветствия, прощания, благодарности, извинения, похвала и другие краткие коммуникативные единицы, обладающие устойчивой структурой и закрепленным этикетным значением.

Исследованный материал художественной прозы XX-XXI веков показывает, что простые формулы выполняют не только собственно этикетную функцию. Через них передаются особенности национального мировосприятия, социальные отношения, культурные ценности и модели коммуникативного поведения. Они отражают систему возрастных и статусных отношений, степень эмоциональной близости собеседников, а также исторические изменения, происходившие в таджикском обществе.

Структурная простота подобных единиц не снижает их коммуникативной значимости. Напротив, именно краткость и устойчивость обеспечивают их широкое распространение и высокую функциональную активность. Простые формулы выступают базовым компонентом речевого

этикета и создают основу для формирования более сложных этикетных конструкций, рассматриваемых в следующем подразделе.

Проведенный анализ показывает, что простые формулы таджикского речевого этикета отличаются краткостью, устойчивостью и высокой коммуникативной значимостью. Они могут выражаться одним словом, именем, формой обращения, кратким словосочетанием или устойчивой репликой. Несмотря на внешнюю простоту, такие формулы передают уважение, благодарность, извинение, прощание, одобрение, родственную близость, социальную дистанцию и эмоциональное отношение говорящего к собеседнику. В художественной прозе XX-XXI веков они выступают важным средством речевой характеристики персонажей и отражают развитие таджикской коммуникативной культуры.

3.2.2. Сложные формулы речевого этикета

В системе таджикского речевого этикета наряду с простыми формулами широко функционируют сложные формулы, которые строятся на основе словосочетаний, простых предложений, сложных предложений и более развернутых диалогических реплик. Если простые формулы выражают этикетное значение в предельно краткой форме, то сложные формулы позволяют передать речевое намерение более развернуто, конкретно и эмоционально насыщено. Их употребление особенно характерно для тех ситуаций, где говорящему необходимо не только установить контакт, но и выразить уважение, благодарность, просьбу, пожелание, сочувствие, одобрение, прощание или нравственную оценку.

Сложная формула речевого этикета отличается от обычного свободного высказывания тем, что она воспроизводится в устойчивой или относительно устойчивой форме и связана с определенной коммуникативной ситуацией. В ее структуре могут соединяться обращение, оценочный компонент, глагольная форма, пожелательное значение, религиозно-культурный элемент, эмоциональная характеристика или поясняющая часть.

Поэтому при анализе таких формул важно учитывать не только их грамматическое строение, но и коммуникативную функцию, жанровую принадлежность и культурную обусловленность.

В таджикском речевом этикете сложные формулы отличаются значительным структурным разнообразием. Их построение обусловлено коммуникативными задачами говорящего, характером речевой ситуации, степенью официальности общения, возрастными и социальными отношениями участников коммуникации. Анализ материала художественной прозы XX-XXI веков показывает, что сложные формулы речевого этикета формируются на основе различных синтаксических моделей, однако при всем разнообразии их можно объединить в несколько основных структурно-семантических групп.

Первую группу составляют устойчивые словосочетательные формулы, функционирующие как готовые единицы общения: *субҳ ба хайр* «доброе утро», *шом ба хайр* «добрый вечер», *барори кор* «успехов в работе», *дар паноҳи Худо* «под защитой Бога» и др. Их особенность заключается в высокой степени устойчивости компонентов и регулярном использовании в стандартных коммуникативных ситуациях. Несмотря на относительно простое строение, такие конструкции обладают завершенным этикетным значением и выполняют функции приветствия, прощания, пожелания или напутствия.

Вторую группу образуют предикативные формулы-пожелания, в структуре которых центральное место занимает сказуемое, выражающее пожелательное значение: *шод бошед* «будьте счастливы», *саломат бошед* «будьте здоровы», *баракат ебед* «пусть будет вам благодать», *Худо ниғаҳбон* «пусть Бог хранит». Подобные формулы особенно характерны для таджикской речевой культуры, поскольку отражают традиционное стремление завершать общение добрым пожеланием. Их коммуникативная функция выходит за рамки простой вежливости и связана с выражением доброжелательности, уважения и искреннего расположения к собеседнику.

Третью группу составляют формулы просьбы и вежливого побуждения: *меҳрубонӣ кунед* «будьте добры», *марҳамат намоед* «пожалуйста», «прошу Вас» и др. В отличие от предыдущих групп, они ориентированы не столько на выражение отношения говорящего, сколько на регулирование поведения адресата. Их использование позволяет смягчить требование, просьбу или предложение и сохранить нормы уважительного общения. Подобные конструкции особенно распространены в официальной и полуофициальной коммуникации.

Четвертую группу образуют формулы благодарности и признательности: *як ҷаҳон ташаккур* «огромная благодарность», *як ҷаҳон сипос* «огромное спасибо», *ҳазор раҳмат* «тысяча благодарностей» и др. Для данных конструкций характерно наличие оценочного компонента, усиливающего степень признательности. В их структуре часто используются слова с количественной семантикой (*як ҷаҳон, ҳазор*), которые не имеют буквального значения, а служат средством эмоционального усиления благодарности.

Пятую группу составляют распространенные формулы обращения и эмоционально-оценочные конструкции: *ҳамсоҷаи азиз* «дорогой сосед», *рафиқони азиз* «дорогие товарищи»] *меҳмонони азиз* «дорогие гости», *модарҷони азизам* «моя дорогая мама», *дадаҷони меҳрубонам* «мой добрый отец» и др. В данных формулах важную роль играют оценочные и ласкательные компоненты, которые позволяют выразить степень близости, уважения или эмоциональной привязанности к адресату. Именно эта группа наиболее ярко отражает национально-культурные особенности таджикского речевого поведения, поскольку в ней проявляются традиционные представления о семейных ценностях, уважении к старшим и значимости межличностных отношений.

Следует отметить, что приведенная классификация является условной, поскольку в реальной речевой практике отдельные формулы могут совмещать признаки нескольких групп одновременно. Так, формулы типа

Худо ниғаҳбон «пусть Бог хранит» или *дар паноҳи Худо* «под защитой Бога» одновременно обладают признаками пожелания, прощания и благословения. Тем не менее такое структурно-семантическое разграничение позволяет более последовательно рассматривать сложные формулы речевого этикета и выявлять особенности их функционирования в художественной прозе XX-XXI веков.

Сложность этикетной формулы определяется не только количеством входящих в нее слов, но и характером связи между ее компонентами. В сложной формуле соединяются грамматическая структура, этикетное значение и коммуникативная задача. Так, *субҳ ба хайр* «доброе утро» представляет собой устойчивую словосочетательную формулу приветствия с компонентом благопожелания; *Худо ниғаҳбон* «пусть Бог хранит» совмещает пожелательное значение с религиозно-культурной семантикой; *модарҷони азизам* «моя дорогая мама» включает родственное обращение, ласкательную форму, притяжательность и оценочный компонент. В подобных конструкциях структурная сложность непосредственно связана с расширением этикетного смысла.

По происхождению сложные формулы таджикского речевого этикета неоднородны. Значительная их часть восходит к классической таджикско-персидской традиции и сохраняет связь с устойчивыми моделями благопожелания, защиты, здоровья и доброго исхода дела: *Худо ниғаҳбон* «пусть Бог хранит», *дар паноҳи Худо* «под защитой Бога», *кушоиши кор диҳад* «пусть даст успех в делах», *саломат бошед* «будьте здоровы», *баракат ебед* «пусть будет вам благодать». Эти формулы важны не только как грамматические конструкции, но и как носители традиционного мировоззрения, в котором пожелание добра связано с нравственным отношением к собеседнику.

Другая часть сложных формул сформировалась под влиянием межъязыковых контактов и переводных моделей. В XX веке, особенно в советский период, в речевой практике получили распространение формы

субҳ ба хайр «доброе утро», *рӯз ба хайр* «добрый день», *шом ба хайр* «добрый вечер». Постепенно они вошли в систему таджикского речевого этикета и стали восприниматься как нормативные формы приветствия. Их употребление показывает, что речевой этикет развивается не только за счет внутренних ресурсов языка, но и в результате культурного взаимодействия.

К современному пласту относятся формулы, активизировавшиеся в результате словообразовательных и фразеологических возможностей таджикского языка: *пазиро бошед* «добро пожаловать», *як ҷаҳон ташаккур* «огромная благодарность», *як ҷаҳон сипос* «огромное спасибо». Эти конструкции сохраняют традиционную этикетную направленность, но отражают новые коммуникативные потребности и более развернутые способы выражения уважения, благодарности и доброжелательности.

В художественной прозе XX-XXI веков сложные формулы раскрываются не как отвлеченные грамматические модели, а как элементы живого диалога. Ср.: *Агар миннатдор шавӣ ва ба ман хизматонаи дурусте ваъда намой, ба модарат хабар мерасонам, то ки туро омада бинад, – гуфт вай* [Если ты будешь благодарен и пообещаешь мне достойную услугу, я сообщу твоей матери, чтобы она пришла и увидела тебя], – сказал он] [Ш. 3, 143]. В этом фрагменте слово *миннатдор* «благодарный» включено в условную синтаксическую конструкцию. Благодарность здесь выступает не как завершенная этикетная реакция, а как часть речевой договоренности, связанной с ожиданием ответного действия. Такая формула показывает социальную зависимость говорящего и прагматический характер общения.

Иной семантико-структурный тип представляет формула *едат ба хайр* «пусть память о тебе будет доброй». Ср.: *Едат ба хайр, Аноргул! – нидо кард Восеъ. – Ман медонистам, ки ту духтари шердил ҳастӣ* [Светлая тебе память, Аноргул! – воскликнул Восеъ. – Я знал, что ты девушка с львиным сердцем] [Ш. 25, 91]. Эта формула выражает не обычное прощание, а уважительное воспоминание о человеке. В ее структуре соединяются память, сожаление, положительная оценка и обращение к адресату. Поэтому она

является сложной не только по составу, но и по коммуникативному содержанию: через нее передаются уважение, скорбь и нравственная оценка личности.

Сложные формулы речевого этикета могут строиться на сочетании разных частей речи. Так, формула *бисер хуб* «очень хорошо» образована сочетанием наречия степени и оценочного слова. В диалогической речи она выражает согласие, одобрение или положительную реакцию на ситуацию. Ср.: *Бисер хуб, Мансурҷон, – аз рафтани Мансурҷон ба шавқ омад Гулнора, – агар расида тавонед, ана дар ҳамон ҷо ба гуфти худатон амалиети романи «Оперативная хирургия»-ро тамошо хоҳед кард* [Очень хорошо, Мансурджон, – обрадовалась Гулнора уходу Мансурджона, – если успеете, там, как Вы сами сказали, увидите действие романа «Оперативная хирургия»] [Ш. 28, 128].

В данном примере *бисер хуб* «очень хорошо» выполняет функцию одобрения и одновременно поддерживает дальнейшее развитие диалога. Обращение *Мансурҷон* «Мансурджон» придает реплике доброжелательный характер. В результате оценочное сочетание становится частью более сложной этикетной конструкции, где согласие соединяется с обращением и последующим пояснением.

Особое место в системе сложных формул занимают обращения с оценочным компонентом. Они строятся по моделям «существительное + прилагательное», «родственное обращение + ласкательный компонент + оценка», «социальное обращение + эмоциональная характеристика». К ним относятся *ҳамсоҷи азиз* «дорогой сосед», *рафиқони азиз* «дорогие товарищи», *меҳмонони азиз* «дорогие гости», *модарҷони азизам* «моя дорогая мама», *дадаҷони меҳрубонам* «мой добрый отец». Эти формулы показывают, что обращение в таджикском речевом этикете редко бывает только названием адресата: оно одновременно передает степень близости, уважения, торжественности или эмоциональной привязанности.

Показателен пример: *Э, ҳамсоҷи азиз! Худатон аз ман хубтар медонед, ки илм ҳамин илми шӯроӣ аст, ҳар кас онро донад, ҳеҷ гоҳ дар ҳеҷ ҷо дарнамонад* [Эй, дорогой сосед! Вы сами лучше меня знаете, что настоящая наука – это советская наука, и тот, кто ее знает, никогда и нигде не пропадет] [II. 21, 21]. Формула *ҳамсоҷи азиз* «дорогой сосед» подготавливает адресата к восприятию последующей мысли. Компонент *азиз* [«дорогой»] смягчает высказывание и переводит разговор в уважительно-доверительную плоскость.

Иной характер имеет коллективное обращение: *Рафиқони азиз! – гуфт зан, – Бародарон, падарону фарзандони мо!* [Дорогие товарищи! – сказала женщина. – Братья, отцы и сыновья наши!] [II. 21, 71]. Формула *рафиқони азиз* «дорогие товарищи» отражает речевую практику советского периода, однако рядом с ней употребляются традиционные родственные обозначения *бародарон* «братья», *падарон* «отцы», *фарзандон* «дети», «сыновья». Такое сочетание показывает, как новая общественная лексика включается в национальную модель эмоционального обращения.

В ситуации гостеприимства сложная формула обращения приобретает особую культурную значимость: *Ин меҳмонони азиз, асали гули баҳор. Як бародарам аз колхози «Қизил юлдуз» овардааст* [Это, дорогие гости, весенний цветочный мед. Один мой брат привез его из колхоза «Кызыл Юлдуз»] [II. 21, 77]. Формула *меҳмонони азиз* «дорогие гости» выражает уважение к адресатам и одновременно отражает национальную норму гостеприимства. В таджикской культуре обращение к гостю связано не только с речевой вежливостью, но и с представлением о достоинстве хозяина и уважении к пришедшему человеку.

Особенно выразительны семейные сложные формулы: *Модарҷони азизам, дадаҷони меҳрубонам, – гуфт вай бо овози маҳини бачагона. – Умеди ман аз зиндагӣ ин набуд* [Моя дорогая мама, мой добрый отец, – сказала она мягким детским голосом. – Не этого я ждала от жизни] [II. 1, 190]. Формулы *модарҷони азизам* «моя дорогая мама» и *дадаҷони меҳрубонам* «мой добрый

отец» соединяют родственное обращение, ласкательную форму, притяжательность и оценочный признак. Такая многокомпонентная структура позволяет выразить не только обращение к родителям, но и боль, доверие, зависимость и внутреннюю близость говорящего.

Сложные формулы могут быть выражены и целым предложением. В таких случаях этикетная функция реализуется не отдельным словосочетанием, а всей репликой. Ср.: *Нашинохтед? – фуражкаширо аз сар гирифта, бо ханда пурсид чавон* [Не узнали? – спросил молодой человек со смехом, сняв фуражку] [II. 35, 125]. Формально это вопросительное предложение, однако в данной ситуации оно выполняет контактоустанавливающую функцию. Невербальные действия – снятие фуражки и улыбка – усиливают этикетный характер реплики и показывают, что сложная формула может включать не только словесную структуру, но и сопровождающее коммуникативное поведение.

Другой пример показывает, что сложная формула может использоваться для смягчения напряженной ситуации и предупреждения конфликта: *Дорӣ, азизам, дорӣ! – бо ҳазл неши чанчолро гирифтанӣ шуд Мерган. – Як шӯйи қоқи дарози бадқавоқ дорӣ. Аммо чӣ илоҷ? Райком иҷозат надод. Мумкин не* [Есть у тебя, дорогая, есть! – Мерган шуткой попытался предотвратить ссору. – Есть у тебя длинный, худой, хмурый муж. Но что поделаешь? Райком не разрешил. Нельзя] [II. 35, 467].

Формула *дорӣ, азизам, дорӣ* «есть у тебя, дорогая, есть» построена на повторе и обращении. Повтор усиливает эмоциональную выразительность реплики, а обращение *азизам* «дорогая» смягчает ее возможную резкость. В данном случае сложная формула выполняет не только назывную или оценочную функцию, но и регулирует ход общения: она переводит потенциальный конфликт в шутливую тональность и позволяет сохранить доверительный характер диалога.

Особую группу составляют неполные, эмоционально прерванные формулы, которые сохраняют сложную смысловую нагрузку даже при

формальной незавершенности. Ср.: *Бузурги ман... – тичиррос зад Саидбек ва нафас дар гулуяш печид. Нам гирифтани чашмонаширо ҳис кард, мижа таҳ намуд* [Мой великий... – прошептал Саидбек, и у него перехватило дыхание. Он почувствовал, что глаза увлажнились, и моргнул] [II. 27, 295].

Формула *бузурги ман* «мой великий» не имеет развернутого синтаксического продолжения, однако ее эмоциональная и этикетная значимость очевидна. Она выражает глубокое уважение, восхищение и внутреннее волнение говорящего. Пауза и незавершенность здесь не ослабляют смысл, а, напротив, усиливают его: недосказанность становится частью коммуникативного воздействия и передает психологическое состояние персонажа.

Сложные формулы речевого этикета могут выражаться не только словосочетанием или неполной репликой, но и более развернутой синтаксической конструкцией. В таких случаях этикетная функция реализуется через целый фрагмент речи, в котором соединяются обращение, оценка, воспоминание, эмоциональное состояние, пожелание или прощание. Подобные конструкции особенно характерны для ситуаций воспоминания, сожаления, утешения, прощания и выражения глубокого чувства.

Показателен следующий фрагмент: *Ҳоло он муҳаббат ва он рӯзгоронро бе изтироб ба ед оварда наметавонам, хотира ва тасвири он айем ҳар шабу рӯз чандин бор пеши назарам меояд. Бовар мекунед, маҳз ҳамин диду водид ва шуълаи хотираҳо имрӯз боиси шодмонию ман аст. Охир, ман дигар мардери ба ин тариқ дӯстдор набудам ва дигар дӯст нахоҳам дошт. Айеми муҳаббату хушбахтиҳои ман бо шумо гузаит* [Теперь я не могу без волнения вспоминать ту любовь и те дни; воспоминания и образы того времени каждый день и каждую ночь много раз встают перед моими глазами. Поверьте, именно эти встречи и свет воспоминаний сегодня являются причиной моей радости. Ведь я никогда больше не любила мужчину так и никогда больше не полюблю. Дни моей любви и счастья прошли с Вами] [II. 8, 233].

В данном случае перед нами не отдельная формула в узком смысле, а развернутое этикетное высказывание, близкое к речевому микротексту. Оно строится как последовательное соединение воспоминания, признания и прощания. Этикетная функция здесь выражается не одним устойчивым словосочетанием, а всей структурой высказывания: говорящий сохраняет уважение к адресату, подчеркивает значимость пережитого и эмоционально завершает важный этап личных отношений. Такая форма показывает, что сложные формулы речевого этикета могут выходить за пределы короткой реплики и превращаться в развернутую коммуникативную конструкцию.

Сложные формулы речевого этикета в таджикской прозе XX-XXI веков имеют разную структурную организацию. Они могут быть выражены словосочетанием, распространенным обращением, простым предложением, неполной эмоциональной репликой или развернутым синтаксическим фрагментом. Их объединяет то, что каждая из этих форм выполняет определенную этикетную функцию и связана с конкретной ситуацией общения.

В отличие от простых формул, сложные формулы позволяют включить в речевую структуру дополнительные смысловые компоненты: уважение, оценку, пожелание, объяснение, эмоциональное отношение, религиозно-культурный элемент или указание на социальную дистанцию. Поэтому они играют важную роль в раскрытии коммуникативного поведения персонажей и в передаче национально-культурной специфики таджикского речевого этикета.

Следовательно, сложные формулы речевого этикета являются самостоятельным структурным типом в системе таджикского речевого этикета. Они не только расширяют выразительные возможности языка, но и отражают исторические изменения, социальные отношения, традиции вежливости и особенности художественной речи. Их анализ показывает, что структура этикетной формулы тесно связана с ее смыслом, стилем и коммуникативной функцией.

В прозаических произведениях XX-XXI веков сложные формулы речевого этикета нередко реализуются в форме грамматически полных предложений и развернутых синтаксических фрагментов. В таких случаях этикетное значение выражается не отдельным словом или словосочетанием, а всей структурой высказывания. Подобные конструкции особенно важны для художественного диалога, поскольку через них передаются не только содержание речи, но и отношение говорящего к собеседнику, степень уверенности, эмоциональное напряжение и изменение коммуникативной позиции персонажа.

Показателен следующий пример: *Хоҳаронам ва модарам, ки аз ин пеш ҳеҷ гоҳ ба ин тарз часуруна гап задани маро надида буданд, бо ҳайрат менигаристанд. Ҳатто падарам лаҳзае аз ман чашиш нақанда истод. Аммо дар андом ва е либоспӯшии ман ягон тағйирот набуд: зоҳиран ман ҳанӯз ҳамон Мунира, ҳамон духтараки сиеҳаки лозарак будам ва дар тан низ як куртаи чити обшуста доштам* [Мои сестры и мать, которые никогда прежде не видели, чтобы я говорила так смело, смотрели на меня с изумлением. Даже отец ни на мгновение не отрывал от меня глаз. Но в моей фигуре или одежде не было никаких изменений: внешне я все еще была той же Мунирой, той же худенькой смуглой девочкой, и на мне было то же выцветшее ситцевое платье] [Ш. 35, 154].

В данном фрагменте внимание привлекает не отдельная этикетная формула, а речевая ситуация в целом. Реакция членов семьи свидетельствует о том, что изменение коммуникативного поведения героини воспринимается окружающими как выход за рамки привычной модели общения. Для традиционной таджикской речевой культуры существенное значение имеют не только содержание высказывания, но и способ его выражения, степень категоричности, уверенности и самостоятельности говорящего. Поэтому данный пример показывает, что структурно развернутые речевые конструкции способны выполнять этикетную функцию опосредованно, через

характеристику коммуникативного поведения персонажа и реакцию участников общения.

Развернутая синтаксическая конструкция может также создавать эмоциональный фон, на котором проявляется этикетное поведение персонажей. Ср.: *Ў дилбарона қадам мезаду бо қаҳ-қаҳаиш як ҳавлиро пур аз шодию сурур мекард* [Она шла очаровательно и своим звонким смехом наполняла весь двор радостью и весельем] [П. 18, 389].

В данном предложении нет самостоятельной этикетной формулы в узком смысле, однако оно важно для понимания речевой ситуации. Описание походки, смеха и эмоционального воздействия героини показывает, что коммуникативное поведение складывается не только из словесных формул, но и из общего эмоционального присутствия человека. Смех, манера движения и создаваемая атмосфера становятся частью невербально-речевого пространства, в котором затем воспринимаются обращения, приветствия, оценки и другие формулы общения.

Анализ художественной прозы XX-XXI веков показывает, что сложные формулы речевого этикета не ограничиваются устойчивыми словосочетаниями или краткими репликами. Во многих случаях они реализуются в форме развернутых синтаксических конструкций, включающих обращение, оценку, пожелание, объяснение, эмоциональный комментарий или элементы невербального поведения. Подобные структуры позволяют более полно передавать коммуникативные намерения говорящего и отражать особенности межличностных отношений между участниками общения.

Проведенный анализ показывает, что сложные формулы речевого этикета представляют собой самостоятельный структурный тип таджикского речевого этикета. Они формируются на основе словосочетаний, распространенных обращений, простых предложений, сложных предложений и развернутых диалогических конструкций. В отличие от простых формул, сложные формулы позволяют включать в структуру высказывания

дополнительные компоненты: обращение, оценку, пожелание, просьбу, благодарность, объяснение, эмоциональное отношение, религиозно-культурный элемент или указание на социальную дистанцию.

По своей функции сложные формулы значительно расширяют возможности речевого этикета. Они используются не только для установления и завершения контакта, но и для выражения более тонких отношений между собеседниками: уважения, почтения, сочувствия, благодарности, одобрения, внутренней близости, сожаления или нравственной оценки. Именно поэтому они особенно активно функционируют в тех жанрах речевого этикета, где требуется не краткая реакция, а более развернутое и эмоционально мотивированное высказывание.

Структурное разнообразие сложных формул связано с национально-культурной спецификой таджикского общения. Формулы с компонентом *Худо* «Бог», благопожелательные конструкции, семейно-родственные обращения, уважительные эпитеты и эмоционально окрашенные формы показывают, что таджикский речевой этикет опирается на традиционные представления о вежливости, гостеприимстве, уважении к старшим, семейной близости и нравственной ответственности говорящего перед собеседником.

В художественной прозе XX-XXI веков сложные формулы выполняют также характерологическую функцию. Через них раскрываются социальное положение персонажей, возраст, степень близости между собеседниками, эмоциональное состояние, воспитание, культурная среда и особенности речевого поведения. Поэтому сложные формулы являются не только единицами этикета, но и важным художественно-языковым средством раскрытия образа персонажа.

Следовательно, сложные формулы речевого этикета занимают важное место в структуре современного таджикского литературного языка. Они показывают, что речевой этикет представляет собой не набор готовых выражений, а гибкую коммуникативную систему, в которой грамматическая

форма, смысл, стиль и национально-культурная традиция находятся в тесной взаимосвязи. Анализ сложных формул позволяет глубже раскрыть структурные особенности таджикского речевого этикета и показать его развитие в художественной прозе XX-XXI веков.

3.3. Национально-культурная специфика формул таджикского речевого этикета

В современной лингвистике речевой этикет рассматривается не только как совокупность устойчивых языковых средств, обслуживающих процесс общения, но и как важная форма выражения национальной культуры, системы ценностей и коммуникативного поведения народа. Формулы речевого этикета отражают не только нормы вежливости, но и представления общества о возрасте, социальном положении, родственниках, уважении, достоинстве, религиозно-нравственных ценностях и допустимых формах речевого поведения.

Таджикский речевой этикет имеет глубокую историко-культурную основу и формировался в тесной связи с традициями таджикско-персидской речевой культуры, семейно-бытовыми нормами, религиозными представлениями, обычаями гостеприимства и социальными отношениями. Поэтому формулы обращения, приветствия, благодарности, благопожелания, извинения, утешения, соболезнования и прощания в таджикском языке нельзя рассматривать только как готовые речевые конструкции. Они являются носителями национально-культурного смысла и отражают устойчивые модели поведения, принятые в таджикском обществе.

Национально-культурная специфика формул таджикского речевого этикета проявляется в нескольких направлениях. Во-первых, в них сохраняются традиционные формы уважения к старшим, родителям, гостям, учителям, духовным и социально значимым лицам. Во-вторых, многие формулы связаны с религиозно-нравственными представлениями и содержат компоненты, выражающие пожелание добра, здоровья, благополучия,

защиты и благословения. В-третьих, речевой этикет отражает особенности семейных и общественных отношений, где большое значение имеют возраст, статус, степень близости и характер ситуации общения. Наконец, в современных условиях на формулы речевого этикета влияют процессы общественного развития, независимости, изменения социальной среды и обновления коммуникативной практики.

В художественной прозе XX-XXI веков национально-культурная природа формул речевого этикета раскрывается особенно наглядно. В диалогах персонажей эти формулы показывают не только содержание общения, но и культурную среду, социальную дистанцию, эмоциональные отношения, нравственные представления и исторические изменения в таджикском обществе. Поэтому анализ национально-культурной специфики формул речевого этикета позволяет глубже понять их роль в современном таджикском литературном языке и в художественном изображении речевого поведения.

Особенности таджикского речевого этикета формируются под влиянием ряда исторических, социальных и культурных факторов. К ним относятся традиционный уклад жизни, семейно-родственные отношения, нормы уважения к старшим, религиозно-нравственные представления, влияние ислама, а также языковые и культурные контакты, в том числе с русской культурой в XX веке. Все эти факторы отразились в системе формул речевого этикета и определили характер их употребления в разных сферах общения.

Национальный характер таджикского речевого этикета особенно заметен в формулах приветствия. В таджикской коммуникативной культуре приветствие воспринимается не как формальная речевая обязанность, а как необходимое проявление уважения к человеку. Поэтому при встрече важны не только сами слова приветствия, но и сопутствующее поведение: интонация, выражение лица, жест, рукопожатие, дистанция между собеседниками, возраст и социальное положение участников общения.

Для таджикского этикета характерно единство вербального и невербального приветствия. Словесная формула обычно сопровождается жестом, рукопожатием или иной формой уважительного поведения. Особенно в общении с пожилыми людьми рукопожатие двумя руками воспринимается как знак особого почтения и воспитанности. В этом случае невербальный компонент не заменяет речевую формулу, а дополняет ее и усиливает уважительный характер общения.

Различия между городским и сельским речевым поведением также отражают национально-культурную специфику этикета. В сельской среде приветствие чаще имеет более широкий и открытый характер: принято здороваться не только со знакомыми, но и с незнакомыми людьми, особенно если они встречаются в пределах одного села, махалли или дороги. В городской среде приветствие обычно более избирательно и чаще связано с личным знакомством, соседством, профессиональными или социальными отношениями. Однако в обоих случаях приветствие сохраняет значение важного показателя воспитанности, уважения и принадлежности к общей культуре общения.

Таким образом, формулы приветствия в таджикском речевом этикете раскрывают не только языковую форму общения, но и национальную модель поведения. Через них проявляются уважение к старшим, стремление к доброжелательному контакту, связь слова с жестом и зависимость речевой формы от социальной среды.

Национально-культурная специфика таджикского речевого этикета проявляется прежде всего в тех ситуациях, которые имеют особую ценность для семейной и общественной жизни. К таким ситуациям относятся рождение ребенка, свадьба, строительство или приобретение дома, покупка новой вещи, получение подарка, приезд гостя и другие события, связанные с радостью, обновлением и благополучием. В подобных случаях речевая формула не ограничивается выражением вежливости: она становится частью

обряда, знака участия и признания значимости события для человека и его семьи.

Рождение ребенка в таджикской семье традиционно воспринимается как радостное событие, связанное с продолжением рода, укреплением семьи и надеждой на будущее. Поэтому оно сопровождается не только бытовыми действиями, но и особыми формами речевого и неречевого поведения. Ср.: *Рӯзе ба ҳавлии усто сурнайчиену зочабозон ҳам омада, ба муносибати таваллуди тифли нав сурнаю карнайнавозӣ карданд. Ҳавлии беруни усто Мухтор аз бачаю кача, пиру ҷавони тамошобин пур шуда буд* [Однажды во двор мастера пришли музыканты и кукольники, и по случаю рождения младенца заиграли на сурнае и карнае. Внешний двор усто Мухтара был полон детей, стариков и молодых зрителей] [II. 28, 84].

В данном фрагменте национально-культурная специфика выражена не через отдельную формулу поздравления, а через описание всей коммуникативной ситуации. Рождение ребенка становится событием не только семейным, но и общественным: во двор приходят музыканты, собираются дети, старики и молодежь. Такое описание показывает, что речевой этикет в таджикской культуре тесно связан с обрядовым поведением, коллективным участием и публичным выражением радости.

Особое место занимают формулы поздравления и благопожелания при покупке новой вещи, получении подарка или появлении чего-либо нового в семье. В таких ситуациях часто употребляется формула *муборак шавад* «пусть будет благословенным», «поздравляю». Ср.: – *Оҳо, лентачаҳои нав-ку!* – *Ҳа-а.* – *Муборак шавад!* – *Раҳмат* [О, новые ленточки! – Да. – Поздравляю! – Спасибо] [II. 22, 358].

Формула *муборак шавад* «пусть будет благословенным», «поздравляю» в этом контексте выражает не только обычное поздравление. Она отражает традиционное представление о том, что новая вещь, подарок или радостное приобретение должны сопровождаться добрым словом. Ответная формула

раҳмат «спасибо» завершает этикетный обмен и подтверждает принятие доброжелательного отношения собеседника.

Та же формула используется и в более бытовой ситуации: *Ман мехостам боз аз ӯ гила кунам, ки ягон маротиба ҳам маро пурсида наомад, вале дидам, ки шарм мекунад, гапро ба дигар тараф гардонданӣ шуда, ба як ҷуфт потинкаи ямоқин, аммо ҳанӯз мазбут, ки дар поени пояш меистод, шиора карда гуфтам: – Муборак шавад, патинка гирифтед-ку?* [Я хотел снова упрекнуть его за то, что он ни разу не пришел проведать меня, но увидел, что он смущается, и, пытаясь перевести разговор на другое, указал на пару залатанных, но еще крепких ботинок у его ног и сказал: «Поздравляю, вы приобрели ботинки?»] [П. 20, 386].

Здесь формула *муборак шавад* «поздравляю», «пусть будет благословенным» выполняет еще одну важную функцию: она помогает говорящему смягчить неловкость и перевести разговор из возможного упрека в более мирное русло. Таким образом, этикетная формула становится средством регулирования общения. Она не только выражает поздравление, но и помогает сохранить уважительный тон диалога.

Таджикские формулы, связанные с радостными событиями, покупкой новой вещи, строительством дома, свадьбой или рождением ребенка, раскрывают глубокую связь речевого этикета с национальной культурой. Их содержание основано на представлениях о благословении, добром начале, семейном счастье, достатке и общественном участии. Поэтому такие формулы нельзя рассматривать как простые речевые клише. Они являются частью культурной памяти народа и отражают устойчивое стремление сопровождать значимые события добрым словом, пожеланием и знаком уважительного участия.

Одной из значимых сфер проявления национально-культурной специфики таджикского речевого этикета является свадебная обрядность. Свадьба в таджикской культуре воспринимается не только как семейное событие, но и как важный общественный ритуал, в котором соединяются

слово, жест, молитва, угощение, музыка и коллективное участие. Поэтому формулы благопожелания, приветствия, приглашения и благодарности в свадебном контексте приобретают особую смысловую насыщенность.

Показателен следующий пример: *Омин... – гӯен Хайринисо даст ба дуо бардошт – тӯй болои тӯй шаваду домоду келин донаҳои бобаракат шаванд. Хайринисо омин карда, аз ҷой бархост ва боз дастҳоро ба сандуқи дил гузошта хуш омадед гӯен таъзим намуд ва дастархон ба наздам кушода, аз ҷафои сӯзанӣ лаъли ба рӯяш тақсимчаҳои анвои ширинӣ чидашуда ва лаъли дигари нонро гирифт* [«Аминь... – сказав это, Хайринисо подняла руки в молитве: – Пусть свадьба следует за свадьбой, пусть жених и невеста будут благословенными. Хайринисо произнесла «аминь», встала, снова сложила руки на груди, поклонилась со словами «добро пожаловать», расстелила передо мной дастархан и из-за сюзане достала поднос с разными сладостями и другой поднос с лепешками»] [II. 21, 57].

В данном фрагменте этикетная формула не отделена от обрядового действия. Благопожелание *тӯй болои тӯй шавад* «пусть свадьба следует за свадьбой», молитвенное *омин* «аминь», приветствие *хуш омадед* «добро пожаловать», поклон, сложенные на груди руки и раскрытый дастархан образуют единую коммуникативную ситуацию. Здесь слово, жест и предметная среда дополняют друг друга. Именно в таком единстве раскрывается национально-культурная специфика таджикского речевого этикета: уважение выражается не только произнесенной формулой, но и всей системой сопровождающего поведения.

Рождение ребенка также относится к числу событий, в которых речевой этикет соединяется с семейной радостью, общественным участием и благопожеланием. В таджикской культуре появление ребенка воспринимается как продолжение рода, укрепление семьи и знак будущего благополучия. Поэтому оно сопровождается поздравлениями, угощением, приглашением родственников и соседей, а также добрыми словами в адрес ребенка и его семьи. В таких ситуациях формулы речевого этикета

выполняют не только коммуникативную, но и обрядово-культурную функцию.

Национально-культурная специфика речевого этикета проявляется и в том, что он не является замкнутой и неизменной системой. На протяжении XX-XXI веков таджикская речевая культура развивалась в условиях социальных перемен, межкультурных контактов, влияния русской культуры, средств массовой информации, кино, интернета и новых форм общественного общения. Эти процессы привели к появлению новых моделей приветствия, обращения, самопредставления и благодарности, а также к изменению сферы употребления отдельных традиционных формул.

Однако влияние других культур не всегда приводит к органичному обогащению речевого этикета. В современной речевой практике иногда наблюдается механическое заимствование обращений, жестов или коммуникативных моделей, которые не всегда соответствуют традиционным нормам таджикского общения. Например, чрезмерное подражание внешним формам приветствия, неоправданное употребление малоосвоенных обращений или смешение религиозных, политических и бытовых формул может нарушать естественность речевого поведения.

При этом межкультурное общение само по себе является важным и неизбежным явлением современной жизни. Вопрос заключается не в отказе от новых форм, а в их соотношении с национальными нормами вежливости, уважения и речевой уместности. Таджикский речевой этикет сохраняет свою устойчивость именно тогда, когда новые коммуникативные элементы включаются в него осознанно и не разрушают основную систему ценностей: почтение к старшим, уважение к гостю, тактичность, сдержанность, доброжелательность и ответственность за произнесенное слово.

Свадебные обряды, рождение ребенка, гостеприимство и современные формы межкультурного общения показывают, что формулы таджикского речевого этикета являются не только языковыми единицами, но и носителями культурной памяти. Они отражают представления о семье,

благословении, достоинстве, радости, уважении и общественной солидарности. Именно поэтому национально-культурная специфика таджикского речевого этикета должна рассматриваться в единстве словесной формулы, ситуации общения и сопровождающего поведения.

Национально-культурная специфика таджикского речевого этикета проявляется не только в устойчивых формулах приветствия, благопожелания или обращения, но и в выборе темы разговора. В традиционной таджикской коммуникативной культуре начало беседы часто связано с конкретной ситуацией: временем года, погодой, состоянием здоровья собеседника, дорогой, хозяйственными заботами или семейными обстоятельствами. Такой способ вступления в разговор помогает установить доверительный контакт и показать внимание к человеку.

Показателен следующий фрагмент: *Бузург, хунук нахӯрдаед? – Не, Бек, баданам гарм. Саидбек аз гиребони васеи бобо ба таки куртааш даст дароварда, боз гуфт: – О ях барин-ку, Бузург? – Аз дарун гарм, писарам. Аз дарун. – Фаҳмидам, Бузург. Лекин ҳаво бисер хунук. Ҳозир ҷомаатонро меорам, – ва Саидбек ба сӯйи хона биштофт* [«Бузург, Вы не замерзли? – Нет, Бек, тело мое теплое. Саидбек просунул руку за широкий ворот деда и снова сказал: – Да Вы же как лед, Бузург? – Изнутри тепло, сынок. Изнутри. – Понял, Бузург. Но погода очень холодная. Сейчас принесу Вам чапан, – и Саидбек поспешил домой»] [II. 27, 296].

В этом диалоге тема холода становится не случайной бытовой деталью, а средством выражения заботы и уважения к старшему. Формулы обращения *Бузург* «старший», «почтенный» и *писарам* «сынок» показывают взаимную теплоту отношений: младший проявляет заботу, а старший отвечает мягко и спокойно. Здесь речевой этикет реализуется через единство темы разговора, обращения и действия. Слово не отделяется от поведения: предложение принести *ҷома* «чапан» завершает этикетную ситуацию конкретным проявлением заботы.

Связь речевого поведения с временем года и состоянием природы проявляется и в образных ответах персонажей. Ср.: *Ва мешуд, ки касе аз деҳотиен дар роҳ қасдан е ба хотири доман задан ба оташи рашк модарро ба гап мекашид: – Гаюршоҳ наметобад? – Бӯйи баҳор гирифта рафтааст, – захрханд ба лаб ҷавоб меод модар* [Бывало, кто-нибудь из сельчан по дороге намеренно или желая разжечь ревность заводил с матерью разговор: – Гаюршаха не видно? – Его унесло запахом весны, – с ядовитой улыбкой отвечала мать] [II. 2, 141].

Формула *бӯйи баҳор гирифта рафтааст* «его унесло запахом весны» имеет переносный и культурно окрашенный характер. Весна в таджикской речевой картине связана с обновлением, движением, влечением и эмоциональным пробуждением. Поэтому ответ матери не является простой информацией об отсутствии человека. В нем содержатся ирония, оценка и скрытое отношение к ситуации. Такой пример показывает, что национально-культурная специфика речевого этикета проявляется не только в готовых формулах, но и в образной манере реагирования на реплику собеседника.

Существенные изменения в таджикском речевом этикете наблюдаются в период после 1990-х годов. Они связаны с общественными переменами, усилением национального самосознания, изменением языковой политики, расширением межкультурных контактов и обновлением речевой практики. Эти процессы особенно заметны в формулах приветствия и обращения, где традиционные, религиозно окрашенные, советские и новые национально ориентированные формы начинают сосуществовать в одной коммуникативной системе.

В художественных текстах более раннего периода часто встречается формула *ассалому алайкум* «мир вам», воспринимаемая как традиционная и уважительная форма приветствия. Ср.: *Баъд аз он аз болои сарам бо талаффузи қоригӣ садои: – Ассалому алайкум! – гуфтани касе баромад* [После этого сверху над моей головой раздался чей-то голос с произношением кори: – Ассалому алайкум!] [II. 4, 206].

В другом фрагменте противопоставлены краткая и развернутая формы приветствия: *Ҳамаи бачагон ба пеши мактабхона тӯда шуда истоданд. Халифа ба онҳо нигоҳ карда: – Салом! – гуфт. Ҳамаи бачагон бо як овоз: – Ассалому алайкум! – гӯен фаред кашиданд* [Все дети собрались перед школой. Халифа посмотрел на них и сказал: – Здравствуйте! Все дети в один голос закричали: – Ассалому алайкум!] [II., 389].

Здесь формула *салом* «здравствуйте» выступает как более краткая форма приветствия, тогда как *ассалому алайкум* «мир вам» сохраняет традиционную развернутость и уважительный оттенок. Их сосуществование показывает, что в таджикском речевом этикете разные формы приветствия не просто сменяют друг друга, а распределяются в зависимости от ситуации, возраста, социального контекста и речевой привычки участников общения.

Одним из заметных явлений современного периода стало обращение к исконным таджикско-персидским формам, в частности к слову *дуруд* «приветствие», «здравствуй». Ср.: *Ва мебинам, ки моҳи танҳо аз миени гарами абрҳо сӯям дуруд мегӯяд* [И я вижу, как одинокая луна из-за груды облаков посылает мне привет] [II. 1, 214].

В данном случае *дуруд* «приветствие» употреблено не как бытовая формула диалога, а как поэтизированная форма обращения к миру природы. Это показывает, что национально-культурное обновление речевого этикета связано не только с заменой одной формулы другой, но и с возвращением слов, обладающих исторической и эстетической ценностью. Поэтому формы *салом*, *ассалому алайкум* и *дуруд* следует рассматривать не как взаимоисключающие, а как элементы разных культурно-стилистических пластов таджикского речевого этикета.

Национально-культурная специфика таджикского речевого этикета проявляется и в формулах прощания. Наряду с традиционной формулой *хайр* «до свидания», «прощай», в таджикской литературе XX-XXI веков широко употребляется слово *надруд*, восходящее к классической таджикско-персидской языковой традиции. В отличие от нейтрального прощания,

данная формула нередко используется в ситуациях длительной разлуки, расставания с родным местом или завершения важного жизненного этапа. Ср.: *Пайки Бектош чил рӯз интизори посух нишаст, билохир фаҳмид, ки, агар чил сол ҳам бинишинад, ҳеч наеме е ҷавобе нахоҳад гирифт, бо дили пур аз васваса Сармаддараро надруд гуфт* [Посланник Бектоша сорок дней ожидал ответа и, наконец, поняв, что не получит его даже через сорок лет, с тяжелым сердцем простился с Сармаддарой] [II. 13, 432].

В данном случае формула *надруд гуфт* «простился» обозначает не обычное завершение разговора, а эмоционально значимое расставание. Поэтому она несет не только этикетную, но и культурно-психологическую нагрузку.

В разговорной речи функцию прощания или завершения общения может выполнять и формула *мебинем* «увидимся», «посмотрим». Ее значение определяется конкретной коммуникативной ситуацией. Например, – *Мебинем, додар, мебинем!* [Увидим, брат, увидим!] [II. 2, 237].

Формально данная реплика не содержит прямой формулы прощания, однако в живом общении она часто сигнализирует завершение разговора, откладывание решения вопроса или отказ от дальнейшего обсуждения. Подобные конструкции характерны для таджикской разговорной речи, где прямой отказ или категоричное завершение беседы нередко заменяются более мягкими и косвенными формулами.

Особое место в современной речевой практике занимают формулы предостережения и заботы о собеседнике. В последние десятилетия их употребление заметно активизировалось как в средствах массовой информации, так и в повседневном общении. Ср.:

– *Дадат рост мегӯянд, бачам, эҳтиет шав, ба вай кордор нашав, – мегуфт модараш ҳам.* [Отец прав, сынок, будь осторожен, не связывайся с ним, – говорила и мать] [II. 17, 443].

Формула *эҳтиет шав* «будь осторожен» выходит за рамки простого предупреждения. Она выражает заботу, участие и ответственность за

благополучие собеседника. Особенно часто подобные конструкции используются в семейном общении между родителями и детьми, старшими и младшими, что отражает характерные для таджикской культуры представления о взаимной поддержке и внимании к близким.

Приведенные примеры показывают, что национально-культурная специфика таджикского речевого этикета проявляется не только в формулах приветствия и обращения, но и в средствах прощания, напутствия и предостережения. Формулы *падруд*, *мебинем*, *эхтиет шав* связаны с различными коммуникативными ситуациями, однако все они отражают важные для таджикской культуры ценности: уважение к собеседнику, эмоциональную сдержанность, заботу о близких и стремление сохранять доброжелательный характер общения даже в ситуации расставания или предупреждения.

Речевой этикет изменяется вместе с социальными, экономическими и культурными условиями жизни общества. В последние десятилетия таджикская речевая практика развивается под влиянием внутренних процессов национального обновления, изменений в общественной жизни, расширения межкультурных контактов, средств массовой информации, интернета и миграционных процессов. Эти факторы затрагивают не только лексику современного таджикского языка, но и систему формул речевого этикета: одни формы сохраняют традиционную устойчивость, другие активизируются заново, третьи возникают под влиянием новых коммуникативных условий.

Подобные процессы характерны не только для таджикского языка. М. А. Кронгауз, рассматривая изменения в русском речевом этикете, отмечает: «Здесь наш этикет значительно изменился за короткое время. Мы стали еще больше похожи на европейцев и американцев» [Ш. 1, 39]. Это наблюдение важно и для анализа таджикского материала, поскольку показывает общий характер изменений, происходящих в речевом поведении современных обществ. Однако в таджикском речевом этикете подобные изменения имеют

собственную национально-культурную специфику: новые формулы не просто заменяют прежние, а вступают во взаимодействие с традиционными моделями приветствия, обращения, благопожелания, благодарности и прощания.

В современной таджикской речевой практике действительно встречаются слова и выражения, заимствованные из других языков. Чаще всего они активнее проявляются в устной речи, в средствах массовой информации, переводной коммуникации, деловом общении и молодежной речевой среде. В художественной прозе и поэзии такие формулы употребляются более избирательно, поскольку литературный текст обычно сохраняет более тесную связь с национальной речевой традицией и стилистической нормой. Это различие показывает, что устная речь быстрее реагирует на социальные изменения, тогда как художественная речь чаще фиксирует уже отобранные и культурно осмысленные формы общения.

В этом процессе особенно важно различать органичное развитие речевого этикета и механическое заимствование внешних форм. Новые обращения, приветствия и формулы прощания могут обогащать язык общения, если они соответствуют нормам таджикской речевой культуры и не нарушают принципов уважения, такта и коммуникативной уместности. Однако некритическое употребление случайных заимствований, молодежного жаргона или внешне привлекательных, но культурно неосвоенных форм может ослаблять связь речевого поведения с национальной традицией.

Проведенный анализ показывает, что национально-культурная специфика формул таджикского речевого этикета проявляется не в отдельных словах или изолированных выражениях, а в целостной системе общения. В нее входят формулы приветствия и прощания, обращения к старшим, благопожелания, приглашения к дастархану, свадебные и семейные формулы, религиозно-нравственные выражения, нормы мужского и женского

общения, а также формы речевого поведения, связанные с гостеприимством, уважением и социальной дистанцией.

Особенно важно, что формулы таджикского речевого этикета отражают не только языковую норму, но и нравственную сторону общения. Через них выражаются почтение к старшим, уважение к гостю, забота о младших, семейная близость, религиозно-нравственные представления, чувство меры и ответственность за произнесенное слово. Поэтому такие формулы нельзя рассматривать как простые речевые клише. Они являются частью культурной памяти народа и одним из способов сохранения национальной модели коммуникативного поведения.

В художественной прозе XX-XXI веков формулы речевого этикета выполняют не только коммуникативную, но и художественно-характерологическую функцию. Через приветствия, обращения, благопожелания, прощания, предостережения и обрядовые формулы раскрываются характер персонажей, их социальная среда, возраст, эмоциональное состояние, отношение к собеседнику и связь с традиционной культурой. Художественный текст сохраняет живые формы национального общения и одновременно показывает изменения, происходящие в речевой практике.

Следовательно, развитие таджикского речевого этикета следует рассматривать как естественный процесс взаимодействия традиции и обновления. Устойчивость национальных формул обеспечивает преемственность культуры, а появление новых моделей отражает изменение общества и расширение коммуникативного опыта. Научное значение анализа этих процессов состоит в том, что он позволяет увидеть в формулах речевого этикета не только языковые единицы, но и важный механизм сохранения национальной культуры, нравственных представлений и исторической памяти таджикского народа.

Выводы по третьей главе

В третьей главе диссертации рассмотрены семантико-стилистические, структурные и национально-культурные особенности формул таджикского речевого этикета на материале художественной прозы XX-XXI веков. Анализ показал, что формулы речевого этикета в современном таджикском литературном языке не являются механически воспроизводимыми речевыми клише. Они представляют собой сложные коммуникативные единицы, в которых взаимодействуют смысл, структура, стиль, национальная культура и конкретная ситуация общения.

Семантико-стилистический анализ показал, что формулы таджикского речевого этикета обладают богатой смысловой и эмоциональной природой. Их значение формируется не только прямым лексическим содержанием, но и интонацией, стилистической окраской, образностью, социальным положением собеседников, возрастом, степенью близости и характером речевой ситуации. В художественной прозе такие формулы выступают важным средством раскрытия коммуникативного поведения персонажей.

В формировании выразительности таджикского речевого этикета значительную роль играют художественные и стилистические средства. Метафора, гиперболы, литота, ирония, метонимия, перифраза, повтор, эпитеты, градация, инверсия и парцелляция используются не как внешние украшения речи, а как способы усиления этикетного смысла. Через них выражаются уважение, благодарность, ласка, раскаяние, сочувствие, неодобрение, речевая агрессия или стремление смягчить конфликтную ситуацию.

Исследование показало, что выразительность формул речевого этикета тесно связана с традициями таджикско-персидской речевой культуры. Образность, красота слова, сдержанность, уместность высказывания и способность воздействовать на собеседника являются важными признаками зрелой этикетной речи. В художественной прозе XX-XXI веков эти особенности проявляются особенно ярко, поскольку диалоги персонажей

сохраняют живые формы национального общения и одновременно раскрывают индивидуальную речевую манеру героев.

Структурный анализ позволил выделить две основные группы формул таджикского речевого этикета: простые и сложные. Простые формулы представлены отдельными словами, именами, обращениями, краткими словосочетаниями и устойчивыми репликами. К ним относятся формулы приветствия, прощания, благодарности, извинения, одобрения и краткие формы обращения. Несмотря на внешнюю простоту, они обладают высокой коммуникативной нагрузкой и способны выражать уважение, социальную дистанцию, родственную близость, эмоциональное отношение и культурную принадлежность говорящего.

Сложные формулы речевого этикета формируются на основе словосочетаний, распространенных обращений, простых предложений, сложных предложений и развернутых диалогических конструкций. Они позволяют включить в структуру высказывания дополнительные смысловые компоненты: обращение, оценку, пожелание, просьбу, благодарность, объяснение, эмоциональное отношение, религиозно-культурный элемент или указание на социальную дистанцию. Благодаря этому сложные формулы обеспечивают более полное и точное выражение коммуникативного намерения.

Материал художественной прозы XX-XXI веков показал, что простые и сложные формулы не противопоставлены друг другу механически. Между ними существует переходная зона: краткая формула может расширяться за счет обращения, эпитета, благопожелания, повторения или эмоционального комментария и переходить в более сложную конструкцию. Это свидетельствует о внутренней динамике таджикского речевого этикета и его способности к структурному развитию.

Национально-культурная специфика формул таджикского речевого этикета проявляется в системе обращений, приветствий, благопожеланий, благодарностей, прощаний, соболезнований, приглашений и обрядовых

формул. Эти единицы отражают традиционные представления таджикского общества о вежливости, уважении к старшим, гостеприимстве, семейной близости, нравственной ответственности и речевой уместности.

Особое значение имеет единство вербальных и невербальных средств общения. В таджикском речевом этикете словесная формула часто сопровождается жестом, рукопожатием, поклоном, положением рук, выражением лица, приглашением к дастархану или другим действием. Это показывает, что речевой этикет функционирует не только как система языковых формул, но и как целостная модель коммуникативного поведения.

Анализ национально-культурного материала показал, что формулы речевого этикета тесно связаны с важными жизненными ситуациями: встречей, прощанием, рождением ребенка, свадьбой, гостеприимством, покупкой новой вещи, заботой о старших и младших, утешением и предостережением. В этих ситуациях формула выступает не только средством общения, но и знаком участия, уважения, благословения и признания социальной значимости события.

Развитие таджикского речевого этикета в XX-XXI веках связано с взаимодействием традиции и обновления. В дореволюционный, советский и постсоветский периоды менялись формы обращения, приветствия, благодарности и прощания, однако основа этикетного общения сохраняла связь с национальной культурой. В период независимости активизировались процессы возвращения отдельных таджикско-персидских форм, появления новых речевых моделей и переосмысления заимствованных коммуникативных элементов.

Заимствованные и переводные формулы могут обогащать таджикский речевой этикет в тех случаях, когда они органично входят в систему языка и соответствуют нормам речевой уместности. Однако механическое подражание чужим моделям, не связанное с национальными представлениями о вежливости, может ослаблять естественность речевого

поведения. Поэтому развитие речевого этикета следует рассматривать как процесс отбора, адаптации и культурного освоения новых форм.

Проведенное исследование подтвердило, что формулы таджикского речевого этикета являются важным объектом лингвистического анализа, поскольку в них соединяются языковая структура, семантика, стилистика, национальная культура и коммуникативная практика. В художественной прозе XX-XXI веков они выполняют не только собственно этикетную, но и художественно-характерологическую функцию: через них раскрываются характер персонажей, их социальная среда, эмоциональное состояние, нравственные установки и принадлежность к определенной культурной традиции.

Таким образом, третья глава показала, что формулы таджикского речевого этикета в современном таджикском литературном языке представляют собой многоуровневую систему. Их семантико-стилистические особенности, структурная организация и национально-культурная специфика взаимосвязаны и в совокупности раскрывают богатство таджикской коммуникативной культуры, ее историческую преемственность и способность к обновлению в условиях современных социальных изменений.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Проведенное исследование посвящено комплексному изучению формул речевого этикета в современном таджикском литературном языке на материале художественной прозы XX-XXI веков. Анализ показал, что формулы речевого этикета представляют собой не только устойчивые речевые единицы, обслуживающие процесс общения, но и важный пласт национальной языковой культуры, в котором отражаются историческая память, нравственные представления, социальные отношения, коммуникативное поведение и тенденции развития таджикского общества.

Художественная проза XX-XXI веков является ценным источником для исследования таджикского речевого этикета, поскольку в ней представлены живые формы общения, характерные для разных исторических периодов, социальных групп, возрастных и культурных сред. Материал произведений С. Айни, С. Улугзоды, Дж. Икромии, Ф. Мухаммадиева, А. Самада, Бахманера, Сорбона, Б. Абдурахмона и других таджикских писателей позволил проследить семантику, структуру, жанровые особенности и национально-культурную специфику формул речевого этикета.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Таджикский речевой этикет имеет глубокие историко-культурные основания. Его формирование связано с развитием таджикско-персидского языка, классической литературной традиции, религиозно-нравственной мысли, семейно-бытовых норм и общественных представлений о вежливости, уважении и достойном поведении. Поэтому формулы речевого этикета в таджикском языке выступают не простыми речевыми клише, а устойчивыми носителями культурной памяти народа.
2. Теоретическое осмысление речевого этикета показало, что он представляет собой сложную коммуникативную систему, в которой взаимодействуют язык, культура, социальная среда, психология общения и национальные нормы поведения. При анализе таджикского материала

были учтены достижения отечественной, русской и европейской лингвистики, однако специфика таджикского речевого этикета определялась прежде всего на основе фактического языкового материала и особенностей национальной культуры общения.

3. Формулы речевого этикета выполняют важные коммуникативные функции: устанавливают, поддерживают и завершают контакт, регулируют отношения между собеседниками, выражают уважение, благодарность, просьбу, извинение, сочувствие, благопожелание, одобрение, предостережение и другие речевые намерения. Эти функции реализуются с учетом возраста, социального положения, пола, профессии, степени близости, эмоционального состояния и нравственных качеств участников общения.
4. Жанровая система таджикского речевого этикета включает приветствие, прощание, обращение, благодарность, извинение, просьбу, приглашение, поздравление, благопожелание, соболезнование, утешение, предостережение и другие формы речевого поведения. Каждый жанр имеет собственные формулы, структурные особенности и сферу употребления, однако все они объединены задачей поддержания уважительного и гармоничного общения.
5. Важным результатом исследования является выявление связи формул речевого этикета с категорией уважения. В таджикском языке уважение выражается через обращения, местоименные формы, имена, титулы, родственные наименования, профессиональные обозначения, благопожелания и специальные этикетные конструкции. Особое значение имеют формы *Шумо* и *ту*, выбор которых зависит от возраста, статуса, степени близости и коммуникативной ситуации.
6. Исследование подтвердило, что вербальные и невербальные средства в таджикском речевом этикете функционируют как единая коммуникативная система. Словесные формулы часто сопровождаются рукопожатием, поклоном, положением рук, выражением лица,

вставанием при появлении старшего, приглашением к дастархану и другими действиями. Поэтому речевой этикет следует рассматривать не только как систему языковых формул, но и как модель национального коммуникативного поведения.

7. Семантико-стилистический анализ показал, что формулы таджикского речевого этикета обладают богатой смысловой и эмоциональной структурой. Их значение формируется не только прямым лексическим содержанием, но и интонацией, образностью, контекстом, отношениями между собеседниками и культурной ситуацией общения. В художественной прозе эти формулы раскрывают характер персонажей, их эмоциональное состояние, социальную среду и нравственные установки.
8. В формировании выразительности таджикского речевого этикета важную роль играют художественные и стилистические средства: метафора, гиперболола, литота, ирония, метонимия, перифраза, повтор, эпифора, градация, инверсия и парцелляция. Они не являются внешним украшением речи, а участвуют в реализации этикетных функций: смягчают высказывание, усиливают благодарность, выражают уважение, раскаяние, заботу, неодобрение или эмоциональное напряжение.
9. Структурный анализ позволил выделить простые и сложные формулы речевого этикета. Простые формулы представлены отдельными словами, именами, краткими обращениями и устойчивыми репликами; сложные формулы строятся на основе словосочетаний, распространенных обращений, простых и сложных предложений, а также развернутых диалогических конструкций. Между ними существует переходная зона: краткая формула может расширяться за счет обращения, эпитета, повторения, благопожелания или эмоционального комментария и переходить в более сложную конструкцию.
10. Национально-культурная специфика формул таджикского речевого этикета проявляется в системе обращений, приветствий, прощаний, благопожеланий, благодарностей, соболезнований, приглашений и

обрядовых формул. Эти единицы отражают уважение к старшим, гостеприимство, семейную близость, религиозно-нравственные представления, чувство меры, тактичность и ответственность за произнесенное слово.

11. Формулы речевого этикета тесно связаны с важными жизненными ситуациями: встречей, расставанием, рождением ребенка, свадьбой, покупкой новой вещи, приходом гостя, семейным общением, утешением, предостережением и соболезнованием. В таких случаях формула выступает не только средством общения, но и знаком участия, уважения, благословения и признания социальной значимости события.
12. Развитие таджикского речевого этикета в XX-XXI веках связано с взаимодействием традиции и обновления. В дореволюционный, советский и постсоветский периоды менялись формы обращения, приветствия, благодарности и прощания. При этом основа этикетного общения сохраняла связь с национальной культурой, а новые и заимствованные формы постепенно включались в систему языка при условии их соответствия нормам речевой уместности.
13. Художественная проза XX-XXI веков является важным источником изучения формул таджикского речевого этикета. В ней сохраняются как традиционные, так и новые формы речевого поведения, отражаются социальные изменения, национальная культура, нравственные нормы и индивидуальная речевая манера персонажей.

На основании проведенного анализа в диссертации сформулирована концепция развития формул таджикского речевого этикета в XX-XXI веках. Сущность данной концепции состоит в том, что развитие формул речевого этикета рассматривается как непрерывный процесс взаимодействия традиции, социально-исторических изменений и внутреннего обновления литературного языка. Формулы речевого этикета не исчезают механически и не заменяются полностью новыми единицами, а проходят путь

семантического переосмысления, стилистической дифференциации, структурного расширения или сужения сферы употребления.

В рамках данной концепции установлено, что в XX-XXI веках формулы таджикского речевого этикета развивались по нескольким взаимосвязанным направлениям: сохранение традиционных национально-культурных моделей общения; частичный выход из активного употребления отдельных религиозно, сословно или исторически маркированных формул; появление новых обращений и речевых моделей под влиянием общественно-политических и культурных изменений; возрождение ряда традиционных формул в период независимости; расширение функциональных возможностей формул в художественной прозе и современном литературном языке.

Предлагаемая концепция показывает, что формулы таджикского речевого этикета являются не статичной совокупностью речевых клише, а динамической системой, в которой сохраняется национально-культурная основа и одновременно происходят обновление состава, изменение семантики, стилистической окраски, структуры и сфер употребления. Именно взаимодействие устойчивости и изменчивости определяет основные тенденции развития формул таджикского речевого этикета в современном таджикском литературном языке.

На основе полученных результатов можно предложить следующие рекомендации:

1. Материалы исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении таджикского речевого этикета, коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии, стилистики и прагматики таджикского языка.
2. Выявленные формулы речевого этикета целесообразно включать в учебные материалы по современному таджикскому литературному языку, культуре речи, стилистике и межкультурной коммуникации.
3. Перспективным направлением дальнейших исследований является создание словаря формул таджикского речевого этикета с указанием их

значения, жанровой принадлежности, структурного типа, стилистической окраски и сферы употребления.

4. Необходимо продолжить изучение невербальных средств таджикского речевого этикета, поскольку жесты, мимика, рукопожатие, поклон, положение рук и другие формы поведения играют важную роль в национальной коммуникативной культуре.
5. Особого внимания заслуживает исследование современных изменений речевого этикета в условиях глобализации, миграции, влияния средств массовой информации, интернета и межъязыковых контактов.
6. Практическое значение имеет изучение формул речевого этикета в системе образования, поскольку знание национальных норм общения способствует формированию культуры речи, уважительного поведения и коммуникативной компетенции учащихся и студентов.
7. В дальнейшем целесообразно исследовать формулы речевого этикета не только на материале художественной прозы, но и на основе живой устной речи, диалектного материала, средств массовой информации, официально-деловой коммуникации и интернет-общения.

Таким образом, формулы таджикского речевого этикета в современном таджикском литературном языке представляют собой многоуровневую и динамически развивающуюся систему, в которой соединяются семантика, структура, стиль, национальная культура и исторический опыт общества. Проведенное исследование позволило не только описать жанровые, семантико-стилистические и структурные особенности данных формул, но и определить концепцию их развития в XX-XXI веках как процесс взаимодействия традиции, обновления и коммуникативной адаптации к новым социальным условиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурауф Фитрати Бухорой. Қоидаҳои забони тоҷикӣ (сарфу наҳв). – Душанбе: Сино, 2009. – 128 с.
2. Абдулҳай Маҳмадаминов. Одоби исломӣ (Одоби зиндагӣ дар ислом). – Душанбе: Эҷод, 2009. – 52 с.
3. Абдунабӣ Сағторзода. Такмилаи бадеъи форсии тоҷикӣ. (дар заминаи навиштаҳои пешиниен ва имрӯзиен). Душанбе, «Адиб», 2011. – 311 с.
4. Абрамов Н. Искусство разговаривать // Русская речь. 1991. № 4. – С. 73–80.
5. Абрамова Т. В. Диалогическое единство «Просьба – реакция» (на материале русского и английского языка): дис. ... на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Воронеж, 2003. – 18 с.
6. Авасто. Китоби 1. – Душанбе: Бухоро, 2014.- 839 с
7. Агаркова О. А. Прагматические аспекты комплимента как формулы речевого этикета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. – 22 с.
8. Азимов А. Х. Марзи сухан / А. Х. Азимов – Душанбе: Дониш, 2008. – 78 с.
9. Айнӣ С. Таҳзиб – ус – сибен / С. Айнӣ – Душанбе: Маориф, 1996. – 45 с.
10. Акишина А. А. Речевой этикет русского телефонного разговора. М., 2000. – 128 с.
11. Акишина А. А. Русский речевой этикет. М.: Просвещение, 1987. – 181 с.
12. Акишина А. А. Этикет русского письма. М., 1981. – 199 с.
13. Аллан Пиз. Барбара Пиз. Язык телодвижения. Расширенная версия / Аллан Пиз, Барбара Пиз; [Пер с англ. Т. Новиковой]. – Москва: Эксмо, 2024. – 484 с.
14. Аминов И. И. Психология делового общения: учебное пособие / И. И. Аминов. – 4-е издание стер. – Москва: омега– Л, 2007. – 304 с.
15. Анварӣ С. Қойгоҳи сухан дар осори форсӣ-тоҷикӣ / С. Анварӣ. – Д., 2005. – 175 с.
16. Анварӣ С. «Шоҳнома ганҷинаи сухан / С. Анварӣ. – Душанбе, «Адиб», 2021. – 127 с.
17. Арова Э. В. Будьте добры. М., 1998. – 100 с.
18. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика). Лингвистика и поэтика. М.: Просвещение, 1979. 86 [1] с.
19. Арутюнова, Н. Д. Жанры общения / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52–56.

20. Архангельская М. Д. Бизнес этикет или игра по правилам. М., 2001. 86 [1] с.
21. Бабайцева В. В. Синтакси– С. Пунктуация. М., 1981. – 202 с.
22. Балакай А. Г. Доброе слово: Словарь – справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX века. В 2 – х т. Кемерово: КГПИ, 1999, т. 1. 312 – С., т. 2. 318 с.
23. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: дис... на соискание ученой степени доктора фил. наук. М., 2000. – 328 с.
24. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ, 2007. – С. 626–629.
25. Банга И. Типы и функции русского обращения как именованя адресата в разных видах словесности. Москва, 2004. – 180 с.
26. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–296.
27. Бахтин М. М. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. – С. 159–257.
28. Безменова Л. Э. Функционально семантические и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. – 20 с.
29. Безяева М. Г. Вариативный ряд конструкций русской просьбы // Науч. докл. филол. фак. МГУ. М., 1998. Выпуск 2. – С. 51–70.
30. Белокурова – С. П. электронная версия «Словаря литературоведческих терминов».
31. Бенедиктова В. И. О деловой этике и этикете. М., 1984. – 175 с.
32. Бердникова А. Г. Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. – 23 с.
33. Бирюлина А. И. Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы XIX– XXI веков). Тамбов, 2009. – С. 89–90.
34. Богин Г. И. Жанр как средство индивидуализации текста / Г. И. Богин // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 44–51.
35. Бодалев А. А. Психология общения: избранные психологические труды / А. А. Бодалев – Воронеж: Институт практической психологии, 1996. – 256 – С.
36. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других: Психология общения / В. В. Бойко-М.: Филинь, 1996. – 472 с.

37. Бобочонова Б. Ш. Категория вежливости в таджикском языке. Дис... на соискание ученой степени канд. фил. наук. / Б. Ш. Бободжонова. – Душанбе, 2001. – 150 с.
38. Бобочонова Б. Роҳҳои ифодаи эҳтиром дар забони тоҷикӣ / Б. Бобочонова. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 135 с.
39. Браун Л. Имидж – путь к успеху: Практическое пособие / Л. Браун. Перевод на русский язык Л. Царук. СПб.: «Питер», 2001. – 187 с.
40. Брызгунова Е. А. Императивные высказывания в русской речи // Императив в разноструктурных языках: тез. докл. на конф. «Функционально-типологическое направление в грамматике, повелительность». Л., 1988. – С. 24.
41. Бондалетов В. А. Социальная лингвистика: учебное пособие для студентов. М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
42. Будагов Р. А. Язык и речь в кругозоре человека. М.: Добросвет, 2000. – 304с.
43. Бузин Е. Н. история связей с общественностью: Учебное пособие. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА – М, 2011. – 192 с.
44. Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура: эволюц. и кросскультур, основы неверб, коммуникации человека. Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии. М.: Науч. мир, 2004. – 437 с.
45. Bhatia, V. K. Legal genres / V. K. Bhatia // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Amsterdam; London: Elsevier, 2006. – P. 1–7. 204]; [Gibbons, J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System / J. Gibbons. – Oxford: Blackwell, 2005. – 337 p.
46. Валгина Н. С. Синтаксис современного языка. М.: Высш. шк., 1986. 423 с.
47. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
48. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1975. – 137 с.
49. Вахобов Т. Функциональный аспект развития таджикского литературного языка. – Душанбе: Дониш, 1989. – 184 с.
50. Введенская Л. А. Культура и искусство речи: соврем, риторика. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. – 64 с.
51. Введенская Л. А. Культура речи. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 441 с.
52. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи. М.: Мысль, 2002. – 383 с.
53. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. – С. 402–421.

54. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. – С. 251–275.
55. Верещагин Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1990. – 260 с.
56. Веселовский Д. Н. Из истории эпитета: истор. поэтика. Л.: Наука, 1940. – 340 с.
57. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Наука, 1963. – 255 с.
58. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Ком Книга, 2005. – С. 108–109.
59. Выготский Л. – С. Избранные психологические исследования. М.: 1956, – 51 с.
60. Войводич Д. О лингвокультурном статусе обращений в русском языке в прошлом и настоящем // Коммуникативное поведение. Воронеж. 2004. Вып. 19: Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – С. 101–130.
61. Войцева Е. А. Особенности функционирования лексики церковнокнижного фонда в русском языке // Синхронический и диахронический анализ языковых единиц русского языка. Киев, 1998. – С. 17–30.
62. Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Издательство храма св. мучен. Татяны, 2001. – 480 с.
63. Гайда, Ст. Жанры разговорных высказываний / Ст. Гайда // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 103–111.
64. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале компьютерных конференций): дис... канд. филол. наук. Астрахань, 2001. – 187 с.
65. Гвоздев А. Н: Очерки по стилистике русского языка. М.: Высш. шк., 1955. – 407 с.
66. Gephart, R. Genres at «Journal of Management Inquiry» / R. Gephart, C. A. Frayne, D. Voje, J. White, M. Lawless // Journal of Management Inquiry. – 2000. – Vol. 9. – Issue 3. – P. 246–255.
67. Головин Б. Н. Основы культуры речи: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1980. – 335 с.
68. Голуб И. Б. Секреты хорошей речи. М., 1993. – 279 с.
69. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф, 2001. – 308 с.
70. Гольдин В. Е. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998. – С. 413–415.

71. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
72. Горбачевич К. С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. М., 2000. – 303 с.
73. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1978. – 240 с.
74. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Просвещение, 1979. – 567 с.
75. Гордон Д. Постулаты речевого общения // Новое в зарубеж. лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. – С. 276–302.
76. Гостеева С. А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Тр. Моск. ун-та» им. М. В. Ломоносова. 1997. Вып. 2: Журналистика и культура русской речи. – С. 87–93.
77. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ. 1. – Душанбе: Дониш, 1985. – 367 с.
78. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ. 2. – Душанбе: Дониш, 1986. – 371 с.
79. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1980. – 767 с.
80. Граудина Л. К. Мы сохраним тебя, русская речь. М., 1995. – 103 с.
81. Гребенщикова, Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне: монография. Гродно: ГрГУ, 2004. – 306 с.
82. Гулакян Б. С. Освоение культурно-исторического языкового наследия в современной речевой практике // Русский язык в школе. 1993. № 6. – С. 79–83.
83. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
84. Гаффоров Р. Нависанда ва забон. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 208 с.
85. Гаффоров Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил дар асоси романи «Одамони ҷовид». Душанбе, 1966. – 225 с.
86. Дементьев, В. В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность / В. В. Дементьев // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 157–177.
87. Дементьев, В. В. Фактические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В. В. Дементьев // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 34–44.
88. Джураева М. Р. Языковые способы и средства выражения значения уважительности и вежливости в таджикском языке XVI века: на

- материале «бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Восифи: дис... на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Душанбе, 1998. – 138 с.
89. Джураева М. Р. Коммуникативно-прагматический анализ устойчивых формул общения в современных таджикских СМИ / М. Р. Джураева. – Д., 2017. – 255 с.
  90. Добрович А. Общение: наука и искусство. М.: Знание, 1978. – 159 с.
  91. Дорофеева И. В. Английское обращение в системе языка и в дискурсе: автореф. канд. филол. наук. Тверь, 2005. – 22 с.
  92. Елисеев И. А. Словарь литературоведческих терминов. Ростов н/Д., 2002. 204 с.
  93. Емельянова Н. А. Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке: автореф. канд. филол. наук. Волгоград, 2004. – 18 с.
  94. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд– е 5-е, испр. доп. Назрань: Пилигрим, 2010. – С. 465.
  95. Забон ва чомеа (маҷмуи мақолаҳо) / мураттиб С. Фатхуллоев. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 167 с.
  96. Забони тоҷикӣ дар мабной мувоҳисаҳо (маҷмуи мақолаҳои солҳои 20 – ум). Тарибдиҳандагон: А. Набавӣ, Н. Одинаев, П. Олимова. – Душанбе: Ирфон, 2007. – 718 с.
  97. Забон ва худшиносии миллӣ (маҷмуи мақолаҳо). Китоби якум / баргардон, омодакунанда: П. Гулмуродзода. Душанбе, 2007. – 228с.
  98. Забон– рукни тоат // (маҷмуи мақолаҳо. Китоби чорум). Душанбе, 2008. – 264 с.
  99. Земская, Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи. – М: Наука, 1988. – С. 5–44.
  100. Зехнӣ Т. Аз таърихи лексикаи забони тоҷикӣ. – Душанбе: Дониш, 1987. – 234 – С.
  101. Зехнӣ Т. Санъати сухан. – Душанбе, 2007. – 402 с.
  102. Завьялова Е. В. Ментальный сегмент нации и способы его репрезентации (на примере русского концепта гражданин): дис. на соиск. уч. степ, кандидата фил. наук. Тамбов, 2007. – 156 с.
  103. Зарецкая Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. М.: Дело, 2001. – 480 с.
  104. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Русс – яз., 1988. – 528 с.
  105. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского языка. М.: Наука, 1982. – 367 с.

106. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
107. Кабиров Ш. Роҳҳои ифодаи эҳтирому фурӯтанӣ дар забони тоҷикӣ – С. 50–55 / Ш. Кабиров. Сухан аз арши барин омадааст // Маҷмуи мақолаҳо – Д.: 2014. – 263 с.
108. Камолиддинов Б. Сухан аз баҳри дигарон гӯянд. – Душанбе: Интерньюс Тоҷикистон, 2001. – 171 с.
109. Камолиддинов Б. Сухан гуфтию дурр суфтӣ е рӯ ба рӯ бо микрофон. – Душанбе: 2007. – 72 с.
110. Камолиддинов Б. Ҳусни баён. – Душанбе: Маориф, 1989. – 118 с.
111. Канарская Л. Г. Гигиенические и функциональные особенности субстантивного словосочетания: дис. на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Тамбов 1998. – 157 с.
112. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН: Волгогр. го-С. ин – т., 1992. – 330 с.
113. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
114. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 447 с.
115. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС 2003. – 264 с.
116. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1987. – 45 с.
117. Китайгородская, М. В. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1999. – 396 с.
118. Китайгородская, М. В. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 103–126.
119. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для ун-тов и вузов. М.: ПРИОР, 1998. – 224 с.
120. Коготкова Т. – С. Как обратиться к родителям: об автоматизме речи // Русская речь. 1981. № 1. – С. 83–87.
121. Кожевникова Н. А. Об обратимости тропов. Лингвистика и поэтика. М.: Просвещение, 1979. – 217 с.
122. Кожевникова, К. Об аспектах связности в тексте как целом / К. Кожевникова // Синтаксис текста: сб. ст. – М.: Наука, 1979. – С. 49–67.
123. Кожин А. Н. Функциональные типы русской речи. М.: Высш. шк., 1982. – 223 с.

124. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993. – 343 с.
125. Кожина М. Н. Стилистика русского языка.: учеб. для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и лит.» 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
126. Колесников Н. П. Культура речи. М., 2001. – 448 с.
127. Костомаров В. Г. Русский речевой этикет. Обращения, формулы приветствия, прощания, благодарности. РЯЗР, 1967, № I. – С. 56–62.
128. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над яз. соврем, масс–медиа. М., 1994. – 247 с.
129. Кощеева, О. В. Жанровое своеобразие речи детей дошкольного возраста / О. В. Кощеева // Предложение и слово: сб. науч. тр. – Саратов: Наука, 2010. – Кн. 1. – С. 173–180.
130. Красина Е. А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. – 310 с.
131. Краткий словарь основных понятий и терминов по риторике. Пермь, 1995. – 675 с.
132. Краткий справочник по современному русскому языку] / под ред. П. А. Леканта. М., 1991.
133. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Яз. славян, культуры, 2005. – 103 с.
134. Кронгауз М. А. Культура речи. Новое в речевом этикете // Рус. яз. 2001. № 3. – С. 24–30.
135. Крылова О. А. Русский речевой этикет приветствия // Рус. яз. 2001. № 7. – С. 29–34.
136. Крым И. А. Вербальные и невербальные формулы приветствия // Наука и образование: материалы V междунар. науч. конф. / Кемеров. Го-с. ун – т. Белово, 2004.
137. Крысин Л. П. Современная литературная норма и ее кодификация // Русский язык в школе. 2002. № 1. – 82 с.
138. Крысин Л. П. Язык в современном обществе / Л. П. Крысин. М., 1977. – С. 204–205.
139. Курочкина И. Н. Взаимодействие этикета, обычаев и традиций в русском обществе второй половины XVIII в.: (Историко – культурологический аспект): дис. на соискание ученой степени кандидата ист. наук. М. 1997. – 149 с.
140. Қосимова М. Н. Таърихи забони адабии тоҷик. – Қисми 1. Душанбе, 2005. – 135 с.

141. Қосимова М. Н. Сухан бояд ба дониш дарч кардан. – Душанбе, 2003. – 420 с.
142. Курбон Восеъ. Зубайдулло Зубайдов. Одоби муошират дар Искандарнома. (Қисми 2). Душанбе, 1998. – 50 с.
143. Куръони карим (асл ва матни тоҷикӣ).– Душанбе: Ирфон, 2007.-616с
144. Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Наука, 1974. – 285 с.
145. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах / Т. В. Ларина. М.: Рос. ун-та дружбы народов, 2003. – 315 с.
146. Ларина Т. Б. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций, М.: рукописные памятники древней Руси, (Язык, Семиотика. Культура). – 2009. – 512 с.
147. Лежнева И. И. Социолингвистическое развитие английского и русского речевого этикета на материале форм обращения, формул приветствия и прощания: дис...на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Воронеж, 2001. – 163 с.
148. Лемяскина Н. А. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника) / дис... докт. филол. наук. Воронеж 2004. – 406 с.
149. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии // Избр. психол. тр. М.: Моск. психол. – соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 284 с.
150. Леонтьев В. В. «Похвала», «Лесть», «Комплимент» в структуре английской языковой личности: дис. канд. филол. наук. Волгоград, 1999. – 206 с.
151. Ли Сечан. Русский речевой этикет в прагматическом и лингвострановедческом аспектах с точки зрения носителя китайского языка: дис. на соискание ученой степени кандидата фил. наук. М., 2001. – 174 с.
152. Лившиц В. А. Практическая стилистика русского языка. М.: Высш. шк., 1964. – 301 с.
153. Лингвистический энциклопедический словарь – М., Советская энциклопедия, 1982. – 628 с.
154. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

155. Луцева О. А. Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох конца XIX – первая четверть XX в.: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1999. – 19 с.
156. Львова С. И. Позвольте пригласить вас, или речевой этикет. М., 2004. – 202 с.
157. Львов М. Р. Основы теории речи: Учебное пособие для студентов. Высш. Пед. Завидений. – М.: Издательский центр «Академия». 2002. – 248 с.
158. Лю Цзин Видо – временные и модаль // но – глагольные формулы в выражениях речевого этикета: дис. на соискание ученой степени кандидата фил. наук. М., 2001. – 155 с.
159. Макеев И. К. Коммуникативные характеристики прагматических клише (на материале полемического дискурса): дис. на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Тамбов; 2004: 150 с.
160. Маслова А. Ю. Коммуникация как компонент процесса общения, (на материале эмотивных высказываний в русском и сербском языках) // Коммуникативное поведение. Воронеж, 2004. Вып. 19. – С. 53–70.
161. Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-30-и садаи ХХ // таҳияи Ваҳҳобов Т. Хучанд: «Ношир», 2010. – 136 с.
162. Масъалаҳои мубрами забони адабии тоҷик // мураттибон: Ҳ. Дӯстов, М. Ҳайдаров. (маҷмуи мақолаҳо). – Душанбе, 2017. – 364 с.
163. Маҳмадалишо Музофиршоев. Наввоҷаҳо ва усули тавлиди онҳо дар забони адабии муосири тоҷикӣ. – Душанбе: Эр– граф, 2013. – 172 – С.
164. Мачидов Ҳ. Сермаъноии луғавӣ // Маърифат, 1997, № 9–12, – С. 7–9.
165. Мачидов Ҳ. Омезиш ва вариантҳои калимаҳо // Маърифат, 1997, № 7-8, – С. 2–5.
166. Мачидов Ҳ. Сеҳри сухани форсии тоҷикӣ (мақолаҳои мунтахаб) / Ҳ. Мачидов. – Душанбе: Дақиқӣ, 2014. – 352 с.
167. Маъсумӣ Н. Асарҳои мунтахаб. Ҷ. 2. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 348 с.
168. Маликушшуаро Баҳор. Сабкшиносӣ. – Душанбе: Бухоро, 2012. – 569 с.
169. Мельников – Давыдов П. И. Лингвостилистический анализ художественного текста (учебное пособие). Борисоглебск, Издательство БГПИ, 2003. – 201 с.
170. Милехина, Т. В. Светская беседа / Т. В. Милехина // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд– во Саратов. ун– та, 2001. – С. 131–151.
171. Мирзоев А. Забони адабиети классикӣ ва муносибати он бо забони имрӯзай тоҷик // Шарқи Сурх, 1949, – С. 7–15.

172. Мирзоев С. Айнӣ ва тозагии забон // Устод Айнӣ ва асолати забон (маҷмуи мақолаҳо). – Душанбе: Деваштич, 2003. – С. 49–52.
173. Муҳаммадҷон Шакурии Бухорой. Инсонгароии омӯзиш ва забони миллӣ. – Душанбе: «Пайванд», 2002. – 148 с.
174. Муҳаммадҷон Шакурии Бухорой. Ҳар суҳан ҷоеву ҳар нуқта мақоме дорад. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 400 с.
175. Муҳаммадҷон Шакурии Бухорой. Хуросон аст ин ҷо. – Душанбе: «Дониш», 2009. – 416 с.
176. Муҳаммадҷон Шакурии Бухорой. Забони миллӣ ва ҷаҳонгарой (маҷмуи мақолаҳо) / М. Шакурии. – Душанбе: «Шуҷоён», 2010. – 220 с.
177. Муҳаммади Фурӯғӣ. Ойини суҳанварӣ. Техрон, 1387. – 534 с.
178. Муҳсин Абулқосимӣ. Панҷ гуфтор дар дастури таърихии забони форсӣ. – Душанбе: «Мулқвар», 2001. – 70 с.
179. Муҳиддинова Т. Ҳ. Одобӣ муошират дар забонҳои англисӣ ва муқоисаи он бо забони тоҷикӣ. Душанбе, 2014. – 156 с.
180. Нарзиқул Мисбоҳиддин. «Эъҷозӣ хусравӣ»– и Амир Хусрави Деҳлавӣ ва суннатҳои номанигорӣ дар таърихи адабиети форсии тоҷикӣ (асрҳои X–XIV). – Душанбе: «Сино», 2020. – 320 с.
181. Нарзиқул Мисбоҳиддин. Таърих ва назарияи номанигорӣ. (аз қадим то замони Амир Хусрави Деҳлавӣ). – Душанбе: «Сино», 2009. – 140 с.
182. Насриддини Тусӣ. Меъер-ул-ашъор. – Душанбе: Ориено, 1992. – 148 с.
183. Насриддинов А. Маърифат ва шарҳи адабиет. – Душанбе: Ирфон, 1991. – 192 с.
184. Неверов С. В. Позиция слушающего и говорящего в речевой деятельности японцев // Этнопсихоллингвистика. М., 1988. – С. 91–98.
185. Невербальные средства коммуникации в русском речевом этикете. Вестник РУДН. сер. Русский и иностранный языки и методика их преподавания, 2005–2006, № 1 – С. 59–65.
186. Новак Э. Русский речевой этикет с точки зрения коммуникативного поведения поляков. М., 1987. – 170 с.
187. Ниезӣ Е. Таҳқиқи аҳвол ва осори Ибни Сино. Душанбе, 2011.–167с
188. Николина, Н. А. Типы межжанрового взаимодействия / Н. А. Николина // Русский язык в его функционировании: тез. докл. Междунар. конф. «Третьи Шмелевские чтения» (22–24 февраля 1998 г.). – М.: Русские словари, 1998. – С. 83–84.
189. Ниезмамадов Б. Забоншиносии тоҷик. Асарҳои мунтахаб. – Душанбе: Дониш, 1970. – 386 с.

190. Одинаев Е. Қ. Одоби муоширати муосир. – Душанбе: Ирфон, 2013. – 320 с.
191. Ожегов – С. И. Словарь русского языка. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.
192. Оршанская Е. Г. Культура речи учителя иностранного языка. М.: Просвещение, 2004. – 797 с.
193. Оссовецкий И. А. Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50–60-х гг // Вопр. яз. соврем, рус. лит. М.: Наука, 1971. – С. 301–385.
194. Остроухова М. В. Содержание и методика преподавания речевого этикета в подготовке учителя русского языка для нерусских школ: дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. – 196 с.
195. Панфилов. В. З. Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака // Вопросы языкознания. 1975, № 3. – С. 35–41.
196. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб., 1999. – 493 с.
197. Петелина Е. С. Оценочный рефлексив как компонент социального общения // Языковые парадигмы и их функционирование: сб. науч. тр. ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1985. – С. 165–170.
198. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. М., 1959. – С. 55.
199. Пиз А. Язык телодвижений: как читать мысли других по жестам. Н. Новгород, 1992. – 159 с.
200. Плешакова В. В. Русские благопожелания (опыт типологии и истории): дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. – 19 с.
201. Пляскова Е. А. Из наблюдений над обращением в славянских языках // Коммуникативное поведение. Воронеж, 2004. Вып. 19: Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. – С. 130-134.
202. Повалеяева М. А. Невербальные средства общения. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 345 с.
203. Панчсад ҳадис / мураттиб Рустам Ваҳҳоб. – М.: СОМІЛ, 1991.- 94с
204. Почепцов Г. Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения // Языковое общение: единицы и регулятивы. Межвуз. Сборник науч. трудов. Калинин, КГУ, 1987. – С. 26–38.
205. Правила советской жизни и этикета: Хороший тон. СПб., 1889. 154 с.
206. Рабенко Т. Г. Извинение: речевые тактики жанра и средства их языковой реализации // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32) 2012. – С. 87–88.

207. Райтмар Р. Функциональные и культурно – сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. 1997. № 1. – С. 15–22.
208. Рамзошнои маънӣ (мачмуи мақолаҳо). Хучанд: «Ношир», 2011. – 599 с.
209. Расторгуева М. Б. Речевой жанр церковно – религиозной проповеди: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. – 171 с.
210. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка [Текст] / Д. Э. Розенталь. – М.: Высш. шк., 1968. – 416 с.
211. Розенталь Д. Э. Словарь – справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. – 400 с.
212. Розенталь Д. Э. Современный русский язык: учеб. пособие для студентов-филол. заоч. обучения. М.: Выш. шк., 1991. – 559 с.
213. Романова Е. Г. Функционально – семантические свойства перформативных единиц в ритуальной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997. – 20 с.
214. Раҳмонзода А. А., Зиеев Х. М., Содикова Н. Н., Е. Қ. Одинаев Е. Қ., Мирбобоев М. Қ., Ҳакимова З. А. Одобӣ муошират ва рӯзгордорӣ. Китоби тарбиявӣ барои синфҳои 8–9-ум. Душанбе, Маориф, 2017. – 208 с.
215. Руделев В. Г. Русский язык. Учение о предложении. Тамбов, 1992. – 202 с.
216. Руделев В. Г. Существительное в русском языке: учебное пособие. Тамбов, 1979. – 74 с.
217. Руделев В. Г. Тамбовская лингвистическая школа // Вестник Тамбовского университета: Научно-теоретический и прикладной журнал широкого профиля. Серия: Гуманитарные науки. 1996. № 5(31), – С. 41–44.
218. Руднев В. П. Прочь от реальности: исслед. по философии текста. М.: Аграф, 2000. – 432 с.
219. Русак В. История Российской церкви [Текст]: со времен основания до наших дней / В. Русак. США, 1993. – 580 с.
220. Русский речевой этикет: лингвист, и метод, аспекты. М., 1987. – 206 с.
221. Русский язык и культура речи / под ред. В. И. Максимова. М.: Гардарики, 2000. – 413 с.
222. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
223. Русский язык и культура речи: Учебник / Под ред. Проф. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2000. – 142 с.

224. Савельева Е. П. Лексико – семантические группы – номинация побудительных речевых интенций // РЯЗР. 1991. № 31 – С. 63–69.
225. Савчук Т. Н. Речевой этикет в русских и белорусских народных сказках: дис. ... канд. филол. наук Минск, 1995. – 21 с.
226. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Альфа– М; ИНФРА– М, 2004. – 288 с.
227. Сальникова И. В. Комплимент в британской и американской лингвокультурах: коммуникативные, лингвопрагматические и лингвокультурологические аспекты: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Воронеж, 2006. – 155 с.
228. Сайдризо Ализодаи Самарқандӣ. Сарфу нахви забони тоҷикӣ. Душанбе, 2006. – 70 с.
229. Саломииен М. Муассирии сухан // Адаб, 1–6, – С. 24–25.
230. Сайфиддин Назарзода. Забонро покиза нигоҳ дор // Номаи пажӯишгоҳ. (Маҷмуи мақолаҳо) Душанбе 2002, – С. 71–84.
231. Сайфиддин Назарзода. Забон ва бедории миллӣ. – Душанбе: «Андалеб–Р», 2015. – 84 с.
232. Саъднинисо Ҳақимова. Мирбобо Мирраҳим. Илми ахлоқ ва одоб. – Душанбе: Бухоро, 2017. – 361 с.
233. Сиротинина, О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О. Б. Сиротинина // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 26–31.
234. Сохтор ва корбасти воҳидҳои забони тоҷикӣ (маҷмуи мақолаҳо). – Душанбе: Диловар– ДДМТ, 1989. – 148 с.
235. Седов, К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд- во ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 40–52.
236. Серебрякова Р. В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Воронеж, 2002. – 22 с.
237. Серебрякова Р. В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. – 202 с.
238. Скворцов Л. И. Культура языка – достояние социалистической культуры. М., 1981. – 191 с.
239. Скобликова Е. С. Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение. 1976. – 223 с.

240. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979. – 306 с.
241. Словарь русского языка XI – XVII в. в. М.: Наука, 2006. – 276 с.
242. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1950–1965.
243. Смирнов Г. Н. Этика деловых отношений: учеб. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 184 с.
244. Соколова, Н. Л. Английский речевой этикет: монография. М.: Издво УВД, 1991. – 92 с.
245. Солганик Т. Я. Стилистика современного языка и культура речи. М.: Академия, 2002. – 251 с.
246. Соловьева А. А. Речевой жанр «совет» в различных типах дискурса (на материале современного английского языка): автореф. канд. филол. наук. Волгоград, 2007. – 22 с.
247. Сретенская Л. Коммуникативно – речевой портрет финнов // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: ВГТУ, 2000. – С. 21–24.
248. Стеблецова А. О. Национально – культурная специфика делового текста (на материале англ и русск деловых писем): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 213 с.
249. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: ИЛУ МОУВЭП, 2001. – 252 с.
250. Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: ВГТУ, 2000. Вып. 2: Язык и социальная среда. – С. 4–16.
251. Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения. Калинин, 1980. – 51 с.
252. Сухова Е. Ф. Лингво-культурологический анализ русского речевого этикета (Обращение) на фоне арабской речевой культуры: дис...на соискание ученой степени кандидата фил. наук. М., 2001. – 207 с.
253. Суханони бузургон // тахияи А. Абдуманон. Душанбе, 2007. – 378 с.
254. Талбакова Ҳ. Луғати антонимҳои забони адабии тоҷик. – Душанбе, 2000. – 101 с.
255. Тарасенко Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. дис... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. – 19 с.
256. Тимофеев К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. Новосибирск, 2001. – 88 – С.171.
257. Tiersma, P. Language of legal texts / P. Tiersma // Encyclopedia of Language and Linguistics. – London; Amsterdam: El-sevier, 2006. – P. 549–556.

258. Тоҳирова Қ. Лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1967. – 62 с.
259. Тоҷиев Д. Т. Осори мунтахаб. – Душанбе: Деваштич, 2005. – 484 с.
260. Троицкая О. Г. Гендерные особенности коммуникации // Проблемы межкультурной коммуникации. Иваново: ИГХТУ, 2000. – С. 374–386.
261. Туликова С. Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале русских и английских художественных текстов XIX – XX вв.): дис. канд. фил. наук. – Волгоград, 2003. – 179 с.
262. Усмонов И. К. Культура речи: монография / И. К. Усмонов. – Душанбе, 2004. – 120 с.
263. Усмонов И. Одоби сухан. – Душанбе: Сино, 2005. – 82 с.
264. Успенский Л. В. По дорогам и тропам языка. М., 1980. – 171 с.
265. Устод Айнӣ ва асолати забон (маҷмуи мақолаҳо). – Душанбе: Сино, 2004. – 95 с.
266. Fairclough, N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. – London; N. Y.: Routledge, 2004. – 270 p.
267. Филологический словарь русского языка / под ред. Л. Н. Комаровой. М. 1997. – 601 с.
268. Формановская Н. И. Вы сказали «Здравствуйте!»: речевой этикет в нашем общении. М., 1982. – 158 с.
269. Формановская Н. И. Вы сказали «Здравствуйте!»: речевой этикет в нашем общении. М.: Знание, 1987. – 185 с.
270. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет. М., 2002. – 234 с.
271. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно прагматический подход. М.: Русс, яз., 2002. – 216 с.
272. Формановская Н. И. Речевой этикет: цикл ст. // Русская речь. 1979. № 4. – С. 62–65; 1980. № 2. – С. 52–55; № 3. – С. 67–71; № 5. – С. 55–59; № 6. – С. 46–47.
273. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высш. шк., 1989. – 159 с. 183. Формановская Н. И. Речевой этикет: русско-немецкие соответствия. М.: Высш. шк., 1992. – 93 с.
274. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русс, яз., 1982. – 95 с.
275. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении: теория и практика: научное издание. М.: ВК, 2009. – 333 с.
276. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982. – 126 с.

277. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный и социокультурный контекст. М.: Рус. яз., 2002. – 160 с.
278. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М., 1982. – 193 с.
279. Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок. М.: Добросвет, 1997. – 219 с.
280. Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики Темпоральность. Модальность. Л., 1990. – С. 184–243.
281. Храковский В. С. Семантика и типология императива // Русский императив. Л., 1986. – 272 с.
282. Хаскашев Т. Н. Маҳорати забондонӣ ва пешаи забоншиносӣ // Лексикаи забони адабии тоҷик. – Душанбе. – 1977, – С. 3–6.
283. Хоҷаев Д. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миена. – Душанбе: Диловар– ДДМТ, 1998. – 152 с.
284. Хоҷаев Қ. Суханварӣ. Душанбе, 2013. – 255 с.
285. Ҳалимов С. Таърихи забони адабии тоҷик. Душанбе, 1979. – 95 с.
286. Ҳалимов С. Садриддин Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 135 с.
287. Ҳақназаров Абудназар. Авесто сарчашмаи маърифатии ҷаҳонфар ва саҳми он дар таҳкими ваҳдати миллӣ. – Душанбе: Матбаи ДДОТ ба номи с. Айнӣ, 2023. – 270 с.
288. Ҳикмати «Авесто». – Душанбе, «Адабиети бачагона», 2014. – 144 с. / Таҳия ва тадвини матн бо муқаддима ва луғоту тавзеҳот аз Алии Муҳаммади Хуросонӣ.
289. Ҳоҷиев С. Забони адабии тоҷик дар ибтидои асри Х. Х. – Душанбе: Дониш, 1987. – 167 с.
290. Nophiz Shamsiddin Muhammad. Devoni Nophiz / Sh. M. Nophiz. – Tehron: Varhamand, 1380. – 502 с.
291. Ҳусейнов Х. Забон ва услуби «Одина»– и устод Айнӣ. – Душанбе, 1973. – 255 с.
292. Цурикова Л. В. Проблема естественного дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2002. – 257 с.
293. Чуковский К. И. Живой как жизнь: рус. яз. М, 1966. – 303 с.
294. Шаповалов Т. А. Практическая стилистика: пособие для студентов заочников фак. рус. яз: и. – М.: Просвещение, 1966. – 113 с.
295. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х.: соврем. Россия в языке, отображении. М., 1998. – 274 – С.
296. Шарифова Ф. Таҳаввули ҷумлаи содаи забони тоҷикӣ. Қисми I. Душанбе, 2012. – 224 с.

297. Шарифов Х. Услуб ва камолоти сухан. – Душанбе. : Ирфон, 1985. – 172 – С.
298. Шарифов Х. Балоғат ва суханварӣ. Душанбе, 2002. – 278 с.
299. Шафеии Кадканӣ. Разтоҳези калимот. Дасргуфтаҳое дар бораи назарияи адабии суратгарони рус / Муаллиф Муҳаммадризо Шафеии Кадакнӣ: Баргардони матн ба алифбои кириллӣ, муқаддима, тасҳех, шарҳ, тавзеҳот ва замимаи Ш. Суфизода.- Душанбе: Нашри Файз, 2023.- 400с.
300. Шаҳобиддинов Нуриддин. Нитше ва Зардушти таърихӣ. (тархрезии бунедҳои фарҳанги навин). – Душанбе: «Дониш», 2021. – 364 с.
301. Шемарова В. А. Концептосфера «Встреча / приветствие – прощание / расставание» в русском языке: систем – структур, и функционал–когнитив. аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. – 230 с.
302. Шиликина К. М. Вежливость и коммуникация // Язык и национальное сознание: Сб. науч. тр. Воронеж: Истоки, 2004. Вып. 5. – С. 129–136.
303. Ширяев Е. Н. Что такое культура речи // Русская речь. 1991. № 4. – С. 9–10.
304. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Высш. шк., 1978. – 79 с.
305. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Изд–во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 88–98.
306. Шмелева Т. В. Повседневная речь как лингвистический объект / Т. В. Шмелева // Русистика сегодня. Функционирование языка: Лексика и грамматика. – М.: Наука, 1992. – С. 2–15.
307. Шукуров М. Забони мо – ҳастии мост. – Душанбе: Маориф, 1991. – 232 с.
308. Шукуров Г. Баррасии одоби муҳоварат дар таҳқиқоти лингвистӣ // Маводи конференсияи байналмилалӣ илмию амалии «Медиалингвистика ва усулҳои таҳқиқоти лингвистӣ: проблема ва дурнамо» ба муносибати 85 – солагии профессор Баҳриддин Камолитдинов (22–23 октябри соли 2020). – Душанбе: Матбаи ДМТ, 2020. – С. 112–115.
309. Шукуров Г. Х. Вазифаҳои одоби муҳоварат / Г. Х. Шукуров // гузориши Академияи илмҳои Тоҷикистон. Шӯбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – Душанбе, 2021. – № 3 – С. 210–216 (ISSN 0002 0000)
310. Шукуров Г. Х. Омилҳои ташаккули одоби муҳоварат / Г. Х. Шукуров // гузориши Академияи илмҳои Тоҷикистон. Шӯбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – Душанбе, 2021. – № 4 – С. 210–216 (ISSN 0002 0000)
311. Шукуров Г. Х. Унсурҳои ғайривербалии одоби муҳоварат / Г. Х. Шукуров // Аҳбори Академияи илмҳои Тоҷикистон. Шӯбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – Душанбе, 2021. – № 5 – С. 215–220.

312. Шукуров Г. Х. Таҳлили хусусиятҳои лингвистии одоби муҳовара дар забони адабии муосири тоҷик / Г. Х. Шукуров // гузориши Академияи илмҳои Тоҷикистон. Шӯъбаи илҳои ҷамъиятшиносӣ. – Душанбе, 2021. – № 3 – С. 220–234 (ISSN 0002 0000)
313. Шукуров Г. Таҳавваули забони адабии тоҷик дар даврони истиқлол. Душанбе, «Эр – гарф», 2009. – 156 с.
314. Щёболева И. Б. Изменение русского речевого этикета и коммуникативного поведения русских в эпоху глобализация, <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-russkogo-rechevogo-etiketa-i-kommunikativnogo-povedeniya-russkih-v-epohu-globalizatsii>. Санаи мурочиат: 17.04.2024.
315. Эмомалӣ Раҳмон. Забони миллат – ҳасти миллат. – Душанбе: Нашриети муосир, 2020. – 432 с.
316. Энциклопедия этикета. М.: Рипол Классик, 2001. – 640 с.
317. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Сочинения в 3 томах. М.: Советский писатель, 1961. кн. VI, ч. 6. – С. 27.
318. Юсупов Ҳ., Насриддинова С., Дастури методӣ оид ба одоби муошират барои донишҷӯён. ДИТ, Душанбе, 2007. – 48 с.
319. Язык – культура – этно-С. / под ред. С. А. Арутюнов, В. Н. Багдасарови др. М.: Наука, 1984. – 233 с.
320. Языкознание. Большой Энциклопедический словарь: Под редакцией В. Н. Ярцевой. М., 1999. – С. 340–341.
321. Янышев В. Е. Речь и этикет. М., 1993. – 208.
322. Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – 350 с.
323. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. / Р. О. Якобсон. – М.: 1972. – С. 95–113.
324. Ямшанова, В. А. Семантика конструкций с предлогом *durch* в ранненово-немецких текстах. <http://www.kcn.ru/tatru/science/news/lingv97/n15.htm>.
325. Ярцева, В. Н. Методы сопоставительного изучения языков. / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1988. – 93 с.
326. Ярцев, В. В. *Deutsch für Sie und* / В. В. Ярцев. – М.: Московский Лицей, 2000. – 148 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдулхамид Самад. Махбус (қисса). // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 88–195. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
2. Абдумалик Баҳорӣ. Аҷоиботи Нодар. // Ахтарони адаб. Ҷ. 48. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 140–221. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
3. Айнӣ. С. Одина. // Ахтарони адаб. Ҷ. 40. / Садриддин Айнӣ. Мунтахабот. – Душанбе, «Адиб», 2020. – С. 19–108 [Мутаттиб ва муаллифи сарсухан. Аъламхон Кучарзода].
4. Айнӣ. С. Марги судхӯр // Ахтарони адаб. Ҷ. 40. Садриддин Айнӣ. Мунтахабот. – Душанбе, «Адиб», 2020. – С. 169–347. [Мутаттиб ва муаллифи сарсухан. Аъламхон Кучарзода].
5. Айнӣ. С. Аҳмади девбанд. // Ахтарони адаб. Ҷ. 40. Садриддин Айнӣ. Мунтахабот. – Душанбе, «Адиб», 2020. – С. 347–377. [Мутаттиб ва муаллифи сарсухан. Аъламхон Кучарзода].
6. Айнӣ. С. Мактаби кӯҳна. // Ахтарони адаб. Ҷ. 40. Садриддин Айнӣ. Мунтахабот. – Душанбе, «Адиб», 2020. – С. 377–417 [Мутаттиб ва муаллифи сарсухан. Аъламхон Кучарзода].
7. Аҳмади Дониш. Наводир-ул-вақоеъ (мунтахаб). – Душанбе, «Адиб» 2020. – 480 с // Ахтарони адаб. Ҷ. 39. [Таҳия, тавзеҳот, луғатномаи Баҳриддин Мирзоев ва иззатулло Мирзоев].
8. Баҳром Фирӯз. (Ҳикояҳо). Пеш аз шаби арӯсӣ. // Ахтарони адаб. Ҷ. 49. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 212–241. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
9. Баҳром Фирӯз. (Ҳикояҳо). Ӯро накуштанд, вале ... // Ахтарони адаб. Ҷ. 49. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 242–256. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
10. Баҳром Фирӯз. (Ҳикояҳо). Палончи охирин. // Ахтарони адаб. Ҷ. 49. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 257–265. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
11. Баҳром Фирӯз. (Ҳикояҳо). Китобҳои кӯҳна. // Ахтарони адаб. Ҷ. 48. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 258–266 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
12. Бароти Абудрахмон. Шукуфаҳои бармаҳал. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 197–254. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].

13. Баҳманер. (Бобҳо аз роман). Гавазни чанбаршохи ман. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 399–411. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
14. Баҳманер. (Бобҳо аз роман). Чашмаи ният. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 412–417. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
15. Баҳманер. (Бобҳо аз роман). Зарринаи зарнигонр. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 418–455. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
16. Баҳманер. (Бобҳо аз роман). Дуди ҳасрат. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 456–78. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
17. Кароматулло Мирзо. Дарди ишқ. – С. 414–478 // Ахтарони адаб. Ҷ. 49. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – 480 – С. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ]
18. Меҳмон Бахтӣ. Хубон (қисса) // Ахтарони адаб. Ҷ. 49. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – 480 – С. 346–412 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
19. Муҳиддин Хочазод. Кӯҳ бе варта нест. – С. 6–63 // Ахтарони адаб. Ҷ. 49. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – 480 – С. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
20. Пӯлод Толи– С. Тобистон. – С. 325–427 // Ахтарони адаб. Ҷ. 48. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – 480 – С. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
21. Раҳим Ҷалил. Маъвои дил. – С. 5–79 // Ахтарони адаб. Ҷ. 48. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – 480 – С. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
22. Сайф Раҳимзоди Афардӣ. Ситораҳои сари танӯр (Қисса). – С. 329–397 // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – 480 – С. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
23. Саттор Турсун. Зиндагӣ дар домони талҳои сурх. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 6–86 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
24. Сорбон. Барзгар // Ахтарони адаб. Ҷ. 49. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 282–344 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
25. Улуғзода – С. Восеъ. (Роман). – Душанбе, «Адиб», 2020. – 480 с // Ахтарони адаб. Ҷ. 45. [– С. Улуғзода. Восеъ (Роман)].

26. Ёрун Кӯҳзод. Ҳайчо // Ахтарони адаб. Ҷ. 49. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 65–142 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
27. Фазлиддин Муҳаммадиев. Варта. // Ахтарони адаб. Ҷ. 48. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 222–324 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
28. Фотех Ниезӣ. Духтари ҳамсоя (қисса) // Ахтарони адаб. Ҷ. 48. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 80–139 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
29. Чумъа Одина. Гузашти айем. // Ахтарони адаб. Ҷ. 48. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 428–478 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
30. Юсуф Ақобиров. Мунира. // Ахтарони адаб. Ҷ. 49. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 144–210 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
31. Чалол Икромӣ. Тахти вожгун // Ахтарони адаб. Ҷ. 44. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2020. – 480 с. [Чалол Икромӣ. Тахти вожгун(Роман)].
32. Қонибеки Ақобир. (Ҳикояҳо). Пазмонӣ. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 256–267 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
33. Қонибеки Ақобир. (Ҳикояҳо). Чормағзи меросӣ. – С. 268–280 // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – 480 – С. [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ]
34. Қонибеки Ақобир. (Ҳикояҳо). Сағираи сур. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 281–300 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
35. Қонибеки Ақобир. (Ҳикояҳо). Бибӣ ва набера. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 301–308 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].
36. Қонибеки Ақобир. (Ҳикояҳо). Куҳистонӣ. // Ахтарони адаб. Ҷ. 50. / Баези мухтасари насри муосир. – Душанбе, «Адиб», 2021. – С. 209–327 [Мураттибон: Низом Қосим, Сирочиддин Икромӣ].